ЛУБЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ-2021

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ XXV НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ЛУБЯНКЕ»

МОСКВА, 26 НОЯБРЯ 2021 г.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Настоящий сборник подготовлен на основе материалов XXV научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». В сборник вошли тексты выступлений участников конференции, в которых освещаются актуальные проблемы становления, развития и деятельности органов государственной безопасности России в XIX–XX веках. Материалы конференции предназначены для специалистов, а также читателей, интересующихся историей России, отечественных органов и войск государственной безопасности.

- Лубянские чтения — 2021. Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности: сборник материалов XXV научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 26 ноября 2021 г
  - О кардинальном переосмыслении истории органов государственной безопасности царской России
  - Историческая ретроспектива как передовой фронт информационной войны
  - Преемственность боевых традиций пограничников: от Отдельного корпуса пограничной стражи до наших дней
  - Принципы и механизмы борьбы с политическим инакомыслием в Российской империи (1866–1917 гг.)
  - Реализация законодательства Российской империи по борьбе с контрабандой на путях международного сообщения на рубеже XIX–XX вв
  - Директор Департамента полиции А.А. Лопухин: материалы к биографии
  - Контрразведка накануне Великой войны
  - Борьба ВЧК с антибольшевистским подпольем в первые месяцы советской власти (на примере ликвидации организации В.М. Пуришкевича)
  - Организация Временным правительством и антибольшевистскими режимами порядка пересечения государственной границы в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1917–1922 гг
  - Военно-контрольные пункты на железнодорожном транспорте на территории Туркестана (1919–1920 гг.)
  - Становление кадровой политики в пограничных войсках: основные субъекты и законодательное

закрепление (1917–1918 гг.)
- Проблемы становления и развития местных органов ВЧК на Южном Урале в 1918–1919 гг. (на примере Челябинской губернии)
- О некоторых исторических и правовых аспектах образования ГПУ при НКВД РСФСР
- Украина в системе национально-государственного строительства СССР в 1922–1927 гг. (по документам ИНФО ОГПУ)
- Организационное строительство советских органов государственной безопасности в Крыму в 1921–1934 гг
- Участие органов ОГПУ Кабардино-Балкарии в борьбе с партийной оппозицией в 1920-е гг. (на примере материалов в отношении Н.А. Катханова)
- Вооруженная повстанческая деятельность и бандитизм на территории Северного Кавказа в начале 1920-х гг
- Борьба органов ВЧК — ОГПУ с басмачеством в документах Центрального архива ФСБ России
- Основные направления деятельности органов госбезопасности СССР на Дальнем Востоке накануне Великой Отечественной войны
- Деятельность органов военно-морской контрразведки Черноморского флота в начальный период и в ходе коренного перелома в Великой Отечественной войне
- Великая Отечественная война: новые источники о деятельности советской разведки
- Выпускники и преподаватели Высшей пограничной школы на фронтах Великой Отечественной войны
- Московский пограничный институт ФСБ России в годы Великой Отечественной войны
- Контрразведывательная работа Управления НКГБ СССР по Ленинградской области на освобожденных территориях в 1944–1945 гг
- Радиоразведка Пограничных войск НКВД на Дальнем Востоке в 1942–1945 гг
- К вопросу о применении наказания в отношении коллаборационистов в послевоенный период
- Роль советских и российских пограничников в урегулировании конфликтов на границе с Афганистаном (на примере Республики Таджикистан, 1979–2005 гг.)
- Исторический опыт совместного применения воинских контингентов стран — участников СНГ в рамках обеспечения пограничной безопасности Таджикистана

(1993–2000 гг.)
- «Крымская станица» Московского высшего пограничного командного училища КГБ СССР имени Моссовета в подготовке пограничников для зарубежных государств
- Подготовка сотрудников КГБ СССР для работы в Афганистане (1978–1991 гг.)
- Рубежи чекиста Селивановского
- Б.А. Рыбкин — достойный представитель когорты советских разведчиков
- Вклад Берии и отечественных органов государственной безопасности в формирование «ядерного паритета» между СССР и США в конце 1930-х — начале 1950-х гг
- Деятельность советских органов государственной безопасности по защите общественно-политического строя СССР в новейшей историографии (2010–2021 гг.)

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69

- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113

- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157

- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201

- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245

- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289

- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333

- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377

- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421

- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465

- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509

- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553

- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597

- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616

Лубянские чтения — 2021. Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности: сборник материалов XXV научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 26 ноября 2021 г Составитель Д.А. Евстигнеев

О кардинальном переосмыслении истории органов государственной безопасности царской России

А.М. Калганов
г. Москва

Несмотря на то, что со времени упразднения КПСС и официального отказа Российской Федерации от коммунистической по названию и большевистской по существу государственной идеологии минуло три десятилетия, концептуальные подходы к изучению истории отечественных органов безопасности, основанные на пропагандистских штампах революционного движения конца XIX — начала XX вв.[1], практически не претерпели изменений.

Так же, как и во времена «развитого социализма», точкой отсчета истории ведомства считается дата создания «карающего меча революции» — Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), а преданные анафеме органы безопасности царской России олицетворяют «проклятое прошлое», которого нужно стыдиться. Давно реабилитированы в общественном сознании монархи, чиновники и военачальники Российской империи, отменен обязательный «классовый подход» к оценке исторических событий, и только отношение к учреждениям, обеспечивавшим безопасность царского государства, остается предвзято негативным[2].

Фактически продолжает процветать дело революционной антиправительственной пропаганды, превратившей террористов в героев, а противостоявших им сотрудников правоохранительных органов — во врагов народа. При этом масштабы террористической деятельности революционеров отражают следующие цифры из полицейской статистики: только за период с октября 1905 по октябрь 1906 г. в России было убито и ранено 3611 государственных чиновников; всего в течение 1905–1907 гг. в результате совершенных террористических актов было убито или искалечено около 4500 государственных служащих, кроме того, пострадали гражданские лица: 2180 из которых погибли, а 2530 получили увечья.

С начала января 1908 г. по середину мая 1910 г. было совершено 19957 терактов или вооруженных грабежей, в результате которых лишились жизни 732 чиновника и 3051 не

имеющих никакого отношения к государству обывателей, получили ранения 1022 государственных служащих и 2829 частных лиц[3].

Таким образом, в конце XIX — начала XX вв. под лозунгом борьбы с самодержавием на территории Российской империи была развязана полномасштабная террористическая война против государства[4], частью которой была постоянная массированная пропаганда, позволившая представить в глазах общества прикрывавшихся идеями социальной справедливости убийц и грабителей народными героями, создать вокруг них ореол мучеников и на их примере увлечь молодежь экстремистскими идеями[5].

Кровавые преступления оправдывались «великой целью освобождения порабощенного народа». При этом главной целью террористов стали сотрудники правоохранительных органов:

«…Нужно ли говорить, что члены III Отделения и полиция, вообще отличающиеся особенной деятельностью и способностями ищеек, должны быть казнены самым мучительным образом и в числе первых»[6].

Революционная печать воспевала террористическую деятельность:

«Во весь период русской революции террор идет впереди как показатель накопленной народом революционной энергии, готовой прорваться наружу.

Итак, террор не есть средство, кем-нибудь выдуманное, кем-нибудь созданное для своих целей. Террористические нападения — это авангардные стычки народной армии, это ее боевой клич: прочь с дороги, революция идет!»[7];

«Пусть бомба, брошенная смелой рукой товарища анархиста-коммуниста в охранителей буржуазных порядков — полицейских чинов, пусть пули и кинжалы, вонзенные в их тела смелыми борцами, — громким эхом отзовутся в ваших сердцах! Пусть это послужит могучим призывом к открытой революционной борьбе со всем существующим строем!»[8];

«6 октября в полицейский участок города Белостока явился товарищ, коммунист-анархист, и бросил там бомбу. Взорвавшаяся бомба тяжело ранила всех бывших там членов полиции и слегка — двух посторонних. Сам автор покушения убит на месте…

Это мощный клич анархизма к вам, к рабочим, он говорит вам: «Действуйте!» Отдельные акты насилия отдельных героев рабочей революции важны и необходимы. Золотыми буквами они будут записаны на скрижалях истории. Но сила не в отдельном, а в массовом действии, в массовом насилии…

Самодержавие, как и демократия, радикалы, как и

консерваторы, — враги, с которыми возможен только один язык — насилие. И только систематически и одновременно поражая своих врагов, вы можете создать царство свободы и труда — коммунистическую анархию!»[9].

Одной из основных мишеней антиправительственной агитации стали органы безопасности, мешавшие подрыву и разрушению Российской империи. Революционным пропагандистам, умело применявшим приемы целенаправленного информационно-психологического воздействия, удалось настолько дискредитировать деятельность по обеспечению безопасности государства, что более чем на сто лет (вплоть до настоящего времени!) сами понятия «охранка», «жандармы», «политический сыск» приобрели не просто негативный, а ругательный смысл. Не случайно эти термины были взяты в конце 1980-х — начале 1990-х гг. на вооружение организаторами кампании по очернению советских органов госбезопасности[10] и продолжают активно использоваться в информационных атаках на органы федеральной службы безопасности[11].

По поводу заклейменного позором вида деятельности, называвшейся со второй половины XIX в. «политическим сыском» (реже — «политическим розыском»), бывший начальник Кишиневского, Донского, Варшавского и Московского охранных отделений П.П. Заварзин писал в своих воспоминаниях в 1930 г.: «Под понятием «политический розыск» подразумеваются действия, направленные к выяснению существования революционных и оппозиционных правительству партий и групп, а также готовящихся различных выступлений, как то: убийств, грабежей, называемых революционерами «экспроприациями», пропаганды, шпионажа в пользу иностранных государств и организации всевозможных выступлений, нарушающих порядок и экономическую жизнь страны.

Розыск по политическим преступлениям одно, а возмездие по ним совершенно другое, почему никаких карательных функций у политического розыска не было, а осуществлялись они судебными или административными инстанциями»[12].

В целях дискредитации агентурной работы внутри тайных антиправительственных организаций, воспользовавшись разоблачением завербованного Департаментом полиции Е.Ф. Азефа, одного из руководителей боевого крыла партии эсеров, революционные агитаторы и разделяющие их взгляды журналисты и общественные деятели стали называть всех без исключения агентов органов безопасности «провокаторами»[13], формируя у обывателей убежденность в том, что именно внедренные в революционную среду секретные сотрудники

«охранки» подстрекают борцов с самодержавием к совершению ужасных преступлений.

Наряду с демонизацией органов безопасности оппозиционной печатью был создан привлекательный образ революционера — юного идеалиста, вынужденно вступившего на путь борьбы с самодержавным государством из-за произвола капиталистов и чиновников, глухих к нуждам народа, готового отдать жизнь за свои убеждения.

Способствовал тому и провал устроенного в 1877 г. открытого процесса по «делу о революционной пропаганде в империи», во время которого судебные заседания стали трибуной для ярких, эмоциональных выступлений подсудимых, обличавших несправедливость царизма, основанного на бесправии и угнетении русского крестьянства[14]. По приговору суда 90 из 193 проходивших по делу агитаторов — народовольцев были оправданы, среди них А.И. Желябов и С.Л. Перовская, организовавшие впоследствии террористическую группу, совершившую убийство «царя — освободителя» Александра II[15].

Огромный резонанс в обществе получило оправдание судом присяжных В.И. Засулич, покушавшейся 24 января 1878 г. на жизнь Санкт-Петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Захваченная на месте преступления с оружием в руках террористка стала символом борьбы за справедливость, вынесенный ей оправдательный приговор[16] был встречен собравшейся в суде публикой бурными аплодисментами и криками «Браво! Ура!», по воспоминаниям очевидца: «Дамы махали платками, многие плакали, вообще восторг был выше всякого выражения». Когда Засулич вышла на улицу, собравшаяся толпа устроила ей овацию и, оттеснив полицию, сопроводила до кареты, позволив благополучно скрыться и затем тайно уехать в Швейцарию и влиться в ряды революционных пропагандистов[17].

Идеологи революционного движения, комфортно проживавшие во Франции, Англии, Швейцарии и Германии[18], беспрепятственно занимались изданием антиправительственной литературы на русском языке, для распространения которой на территории Российской империи организовали за рубежом курсы подготовки агитаторов из числа студентов, приехавших из России для обучения в европейских университетах[19].

В этой связи 21 мая 1873 г. в «Правительственном вестнике» было опубликовано специальное правительственное сообщение, предостерегавшее российских подданных от направления их детей, в особенности девушек, на учебу в университет Цюриха, поскольку: «коноводы русской эмиграции избрали этот город центром революционной пропаганды и обратили все усилия на

привлечение в свои ряды учащейся молодежи…

В русской библиотеке… читаются лекции, имеющие исключительно революционный характер: «Пугачевский бунт», «Французская революция 1870 года», — вот обычные темы лекторов. Посещение сходок рабочих сделалось обычным занятием девушек, даже таких, которые не понимают по-немецки и довольствуются изустными переводами своих подруг. Политическая агитация увлекает молодые, неопытные головы и дает им фальшивое направление…

Вовлеченные в политику девушки подпадают под влияние вожаков эмиграции и становятся в их руках послушными орудиями. Иные по два, по три раза в год ездят из Цюриха в Россию и обратно, перевозят письма, поручения, прокламации и принимают живое участие в преступной пропаганде. Другие увлекаются коммунистическими теориями свободной любви и, под покровом фиктивного брака, доводят забвение основных начал нравственности и женского целомудрия до крайних пределов. Недостойное поведение русских женщин возбудило против них негодование местных жителей, и даже квартирные хозяйки неохотно принимают их к себе.

Такое нравственное падение не может не обратить на себя серьезного внимания правительства… Нельзя не остановиться на страшном вопросе: какое поколение могут взрастить такие женщины?»[20].

Напрашивается параллель с современностью — активно продвигаемое сегодня в массовое сознание и адресованное, прежде всего, молодежной аудитории отрицание традиционных ценностей и норм морали еще в конце XIX в. являлось элементом психологического воздействия, результатом которого должно было стать воспитание революционера-фанатика, утратившего всякие связи с обществом, безжалостного к себе и окружающим.

То, что эти психологические установки внедрялись целенаправленно, подтверждает изданная в 1869 г. организатором тайного общества «Народная расправа» С.Г. Нечаевым и активно распространявшаяся среди молодежи «Программа революционных действий», в которой, в частности, говорилось:

«Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией.

Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями,

общепринятыми условиями и нравственностью этого мира. Он для него — враг беспощадный и если б он продолжал жить в нем, то для того только, чтобы его вернее разрушить»[21].

Еще одна напрашивающаяся аналогия исторического прошлого с событиями современной России прослеживается в активной поддержке революционного (в современной версии — протестного) движения представителями либеральной общественности[22], наивно полагавшими, что грядущие «великие потрясения» лично их не коснутся. Трагические события в истории нашей страны свидетельствует об обратном[23].

Осенью 1917 г. к власти в стране пришли люди, имевшие в Российской империи статус государственных преступников, для которых было обычным делом физическое уничтожение политических оппонентов, оправдывавшие великой целью любые беззакония, совершенные во имя торжества революционной идеи. Как вспоминал П.П. Заварзин: «Мало кто вдумывался в то, что разыскной государственный аппарат боролся с очень сильным, организованным и опытным противником, который притом имел то преимущество, что, не стесняясь никакими законоположениями, поставил своего врага вне закона, тогда как охранительный аппарат власти должен был действовать в строгих рамках, предусмотренных законами, хотя эти законы и не могли, конечно, предвидеть всех особенностей такой борьбы…»[24].

Приведенная цитата свидетельствует о большей преемственности федеральной службы безопасности, осуществляющей свою деятельность на основе строгого соблюдения законов, к органам безопасности царской России, чем к советским органам госбезопасности, для которых главным был принцип партийности, а законность принималась с установленными правившей большевистской партией ограничительными оговорками: вначале «революционная»[25], затем — «социалистическая».

Необходимо отметить, что органам безопасности царской России противостоял не только многократно превосходивший их по численности, но и способный конкурировать с лучшими секретными службами противник: все революционные партии использовали методы конспирации: постоянно сменяемые псевдонимы, явочные и конспиративные квартиры, шифрование, сложные системы транспортировки литературы и оружия; также они активно вербовали тайных сторонников (фактически — агентов) в различных слоях общества и государственных организациях.

Во время революции 1905–1907 гг. антиправительственные силы оперативно создали незаконные вооруженные

формирования со штабами и карательными подразделениями[26]. В августе 1906 г. В.И. Ленин писал: «Мы можем и должны воспользоваться усовершенствованием техники, научить особые отряды готовить массами бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами и автоматическими ружьями»[27].

После подрыва террористами дачи П.А. Столыпина, в результате чего погибли 27 и были ранены 32 человека, включая сына и дочь российского премьер-министра, к борьбе с боевыми отрядами революционеров привлекли части действующей армии, а для незамедлительного вынесения приговоров задержанным на месте преступления боевикам и террористам были введены военно-полевые суды. Эти чрезвычайные меры позволили, по выражению большевиков, «задушить революцию», но их применение было использовано революционными пропагандистами в качестве доказательства «бесчеловечной жестокости» царского режима[28].

2 марта 1917 г. Николай II отрекся от престола, а уже 4 марта самопровозглашенное Временное правительство России решило упразднить «охранные отделения и Отдельный корпус жандармов, включая и железнодорожную полицию»[29]. 10 марта 1917 г. аналогичное решение было принято в отношении Департамента полиции (ДП) Министерства внутренних дел[30].

П.П. Заварзин вспоминал о событиях того времени: «Департамент полиции и охранные отделения сделались как бы центром внимания и Временного правительства и Совета рабочих депутатов. На ловлю жандармских офицеров, секретных сотрудников и лиц, соприкасавшихся с ними, затрачивались колоссальные средства, силы и энергия. Пресса целые столбцы и даже издания посвящала отдельным лицам и эпизодам, по существу совершенно бледным и ничтожным для данного момента.

Ораторы в подавляющем большинстве только и делали, что громили «охранников» и полицию, так что составлялось впечатление, что революция была необходима только для того, чтобы свести счеты с ненавистным политическим розыском. И, действительно, счеты были сведены и попутно разрушен аппарат военной разведки арестом очень серьезных разведчиков, которые работали во вражеском лагере и освещали революционно-шпионскую организацию Ленина.

Не было тюрем в империи, где не находилось бы в заточении жандармов, полиции, администрации и разного рода агентов власти»[31].

В Советской России преследование правоохранительных

органов Российской империи было обличено в нормы уголовного права: статья 67 УК РСФСР 1922 г. «Активные действия и активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных должностях при царском строе», предусматривала санкцию в виде «высшей меры наказания с конфискацией всего имущества с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества».

В соответствии с принятой в 1927 г. новой редакцией главы «Контрреволюционные преступления» УК РСФСР 1926 г. уголовной ответственности подлежали не только сотрудники, но и агенты органов безопасности царской России[32].

Поставленные большевистской властью вне закона люди, честно и самоотверженно служившие государству, могли бы принести пользу и Советской России, поскольку в основе их мировоззрения лежали не политические пристрастия, а дело защиты Родины от реальных внешних и внутренних угроз.

Так, первая попытка создать в ВЧК подразделение контршпионажа была предпринята в январе 1918 г. в связи с обращением к Ф.Э. Дзержинскому ценного агента царской разведки и контрразведки К.А. Шевары (Войцицкого), предложившего использовать имевшиеся у него опыт и знания в интересах Советской Республики. Уже 12 января 1918 г. под руководством Шевары было образовано контрразведывательное бюро, которому в качестве силовой поддержки был придан отряд балтийских матросов во главе с А.Я. Поляковым. Деятельность бюро завершилась, не успев начаться: 15 марта 1918 г. Шевару расстреляли на основе беспочвенных подозрений со стороны «революционного моряка» Полякова[33].

С точки зрения советского государства, как наследника и продолжателя дела Октябрьской революции, события конца 1980-х гг., приведшие к развалу СССР, носили явный контрреволюционный характер — лидеры протестного движения требовали отказа от официальной коммунистической идеологии, упразднения КПСС и уничтожения Комитета государственной безопасности (КГБ). По логике вещей, враги большевистского режима должны были, в первую очередь, озаботиться восстановлением справедливости в отношении противостоявших ему представителей государственных учреждений Российской империи, но этого не произошло.

Принятый в 1991 г. Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» начинается словами: «За годы советской власти миллионы людей стали

жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам».

Есть все основания для того, чтобы отнести к «иным признакам» работу в органах безопасности царской России или сотрудничество с ними, но, в отличие от статей 58.10 (антисоветская агитация) и 58.11 (участие в контрреволюционной организации), статья 58.13 (активная борьба против революционного движения) декриминализирована не была.

Возможно ли говорить о восстановлении социальной справедливости, когда из числа лиц, подлежащих реабилитации, заведомо исключены сотрудники правоохранительных органов царской России, осужденные не за фальсификацию уголовных дел или пытки заключенных, а за добросовестное выполнение своего профессионального долга.

Этот факт свидетельствует о том, что главной целью протестного движения является борьба не за правду, а против государства, вне зависимости от того, какой политический режим существует в нем в настоящее время. Перманентные революционеры одинаково враждебно относятся к органам безопасности царской, советской и современной России.

Пришло время отказаться от навязанных большевиками трактовок истории и восстановить доброе имя людей, посвятивших себя борьбе с революционным терроризмом, разработавших остающиеся актуальными формы и методы оперативно-розыскной деятельности.

Историческая ретроспектива как передовой фронт информационной войны

А.И. Пожаров
г. Москва

Задача противодействия международным информационным кампаниям, направленным на героизацию пособников гитлеровской Германии и реабилитации совершенных ими преступлений, является частью масштабного информационного противостояния между коалицией западных государств — с одной стороны и Россией — с другой.

Политические лидеры США и их союзники в Европе продолжают активно эксплуатировать исторические знания в целях дискредитации российской власти, пытаясь разрушить идеологические основы государственности и духовные ценности России. Мифотворчество и фальсификация отечественной истории не ограничиваются периодом Великой Отечественной войны, а охватывает более значительные временные рамки и, прежде всего, всю советскую эпоху. Поэтому вскрыть гносеологию угрозообразующих факторов западной политики в контексте обострения информационного противоборства и извращения исторических фактов можно лишь с использованием системного подхода в методологии, с учетом хронологических границ советской эпохи.

История, как важнейшая гуманитарная наука, всегда находилась и будет находиться на передовых рубежах идеологической и политической борьбы. Однако её место и роль в современных международных отношениях приобретает гипертрофированный характер, превращая конкретную совокупность знаний в политический инструмент, тем самым усиливая актуальность в изучении такого феномена.

На современном этапе все чаще государственные деятели западных стран и представители средств массовой информации на самом высоком уровне используют академическую науку в корыстных политических целях, подтасовывая факты, передергивая события, извращая историю. Подобные тенденции особенно усилились после возвращения Крыма в Россию и, особенно, в преддверии 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Так, например, министр

иностранных дел Польши Г. Схетына в своем интервью польскому радио озвучил мысль о том, что концентрационный лагерь в Освенциме освобождал 1-й Украинский фронт, следовательно, освободители заключенных узников, по его мнению, — это украинцы и, таким образом, не Россия, а нынешнее государство Украина, с её пробандеровским руководством и являются правопреемниками и наследниками победителей, освободившими Польшу от фашистов[34]. Логика невероятная! И если ей следовать, то можно пойти еще дальше в дебри подобных инсинуаций польского чиновника: то есть, рассматривать вопрос о национальности и государственной принадлежности солдат и офицеров Прибалтийского или Карельского фронтов.

И таких примеров в печатных СМИ и в интернет-пространстве можно найти десятки и сотни. По сути, на извращении исторических событий базируется массированная информационная агрессия политических кругов Запада и их восточноевропейских сателлитов против России.

Эпохальную страницу в методологии исторических исследований зарубежных учёных открыла резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 г. № 2019/2819 (RSP) о «виновности» СССР в развязывании Второй мировой войны, которая поставила «жирную точку» в многолетнем стремлении недругов России пересмотреть ведущую роль Советского Союза в победе над фашисткой Германией[35]. Если раньше в англо-саксонской и восточно-европейской историографии наблюдался научный разброс и плюрализм мнений в оценках событий в СССР, то теперь фальсификаторское сообщество Запада заметно консолидировалось и приобрело доктринальную антироссийскую основу с законодательным оформлением. Большинство членов Европарламента (всего 27 европейских государств), несмотря на возражения некоторых депутатов, поставило Советский Союз и фашистскую Германию на один уровень ответственности перед человечеством за возникновение масштабной мировой катастрофы, приведшей к невероятным страданиям миллионов людей и невосполнимым человеческим жертвам. Отныне упоминание о заслугах СССР в годы минувшей войны в западной историографии означает выражение антиправительственной точки зрения, отличной от общепринятой в европейском сообществе!

Создавшееся положение заставляет российских ученых ещё больше сплотиться в своем стремлении аргументированно противостоять извращению истории, общим фронтом выступить против натиска фальсификаторов, не допустить разрушения исторической памяти народа.

И с этой точки зрения, часть общей истории России — история государственных органов, обеспечивающих безопасность страны внутри, во вне и в пограничном пространстве — является наиболее уязвимым сегментом общеисторической российской науки.

Причина уязвимости и, следовательно, широкого мифотворчества кроется в ограниченной доступности источниковой базы по истории ВЧК — КГБ для широкого круга исследователей, а также в отсутствии у многих из них необходимых внеисточниковых знаний для компетентного анализа специфической деятельности. Необходимо подчеркнуть, что в рамках общей тенденции западных политических кругов по пересмотру российской истории именно история советских органов безопасности и специальных служб подвергается особому натиску. В русскоязычных аудиториях повсеместно насаждается «кровожадный» образ ВЧК — КГБ с ярко выраженными карательными функциями. На финансовые гранты различных западных фондов политики США и их союзники широко привлекают наработки российских историков, которые в своих исследованиях, по сути, демонизируют деятельность советского государства по обеспечению безопасности и охране границ.

В контексте нового витка информационной борьбы история отечественных органов безопасности постоянно подвергается критическому, а порой, и некритическому анализу, а по сути — нападкам со стороны не только зарубежных, но российских историков.

Так, например, историки А.Г. Тепляков и Н.В. Петров, по сути, стали «виднейшими специалистами» в области истории отечественных спецслужб и на различных научных форумах тенденциозно ее освещают[36]. Последний из них был удостоен польским правительством высшей награды для иностранных граждан — Креста Рыцаря Ордена Заслуг перед Республикой Польша — «за выдающиеся заслуги» в деле освещения репрессий НКВД — НКГБ СССР в отношении поляков во время Второй мировой войны[37].

Публикации, написанные далекими от отечественных спецслужб авторами, которые продолжают по-дилетантски освещать исторический ход развития ВЧК — КГБ, оказывают отрицательное влияние на эффективность борьбы с извращениями российской истории. Тенденциозные подходы, характерные для значительной части подобных работ, не отражают действительной картины развития отечественной разведки, контрразведки и пограничных органов, ведут к фальсификации и формированию необъективности в

историографии, способствуя тем самым усилению политического негатива в отношении отечественных спецслужб на ниве информационного противоборства[38].

Всплеск античекистской истерии в общественных кругах наблюдался совсем недавно, когда директор ФСБ России А.В. Бортников накануне 100-летнего юбилея ведомства дал интервью «Российской газете»[39].

В сообществе ведомственных историков, в этой связи, появляются дополнительные факторы для повышения ответственности за качество своей научной продукции. Ситуация в информационном пространстве ставит на повестку дня задачу формирования контраргументов для развенчания мифов и введения в научный оборот рассекреченных источников с компетентным анализом и комментариями. В противоборстве с фальсификаторами требуется не только фактологический материал, но и выверенная научная мысль.

К сожалению, в борьбе за сохранение исторической памяти и разоблачении мифов богатый научный потенциал ученых, разведчиков, контрразведчиков и пограничников задействован пока не в полном объеме. Ценнейшие наработки в исторической отрасли знаний в академиях, институтах, научных центрах ФСБ России иногда неоправданно остаются засекреченными и редко используются в борьбе с извращениями отечественной истории вне ведомства. Например, в соответствии с инструкциями по использованию архивных документов диссертации по истории ВЧК (в хронологических рамках столетней давности) защищаются в специальных диссертационных советах с грифом «совершенно секретно». Такой подход не всегда способствует эффективности работы ведомственных ученых по противодействию фальсификации истории и распространению научно обоснованных знаний в различных целевых аудиториях. В аналогичном контексте с присвоением грифа секретности разрабатываются научные темы по предвоенному и военному периодам советской эпохи.

Ведомственные историки фактически лишены возможности участвовать в разоблачении мифотворчества на всероссийских дискуссионных площадках конференций, «круглых столов», семинаров, следовательно, сведен до минимума обмен мнениями с «гражданскими» учёными. Процедура публикаций в «открытых» научных журналах также содержит множество бюрократических препон и не мотивируется внутри ведомства.

Компетентные точки зрения профессионалов, которые могли бы внести весомую лепту в дело защиты исторической памяти народа, зачастую не доходят до открытых аудиторий и широких

масс общественности. Их место как правило занимают «эксперты» далекие от науки, сомнительные специалисты из журналистских кругов, которые имеют слабое представление о содержании разведывательной, контрразведывательной и пограничной деятельности. Преимущество «гражданских» ученых заключается в отсутствии ограничений в пропаганде и публикации своих достижений, их не сдерживает факт разглашения принадлежности к какой-либо силовой структуре. Ведомственные историки, наоборот, имеют такие обязательства и поэтому вынуждены обсуждать проблемы в исторической науке только в узких кругах своих единомышленников-коллег. Такой сверхзасекреченный формат ведомственной научной мысли не позволяет вузам и центрам ФСБ России в полном объеме реализовать свой потенциал в борьбе с фальсификацией исторических знаний. По сути, у ведомственных историков отсутствует «открытая трибуна» для разоблачения лжи. У них остается актуальной потребность не только совершенствовать работу в сфере образовательного процесса и развития научных отраслей знаний внутри системы, но и в открытом формате, вне стен военных учебных заведений и научных центров, прилагать конкретные усилия в информационном противостоянии.

У фактических и потенциальных противников российского государства по-прежнему остается широкое пропагандистское поле для передергивания фактов, фальсификации истории и пропагандистских атак с целью нанести максимальный политический ущерб с целью лишить народ России духовного единства!

С адекватным и аргументированным ответом патриотически настроенная общественность и ученое сообщество России запаздывают. Нападки на российскую историю не всегда встречают должный и своевременный отпор.

Представляется, что в информационной борьбе важно иметь надежную научную основу для того, чтобы защитить отечественную историю (включая историю отечественных спецслужб) от нападок и извращений. Научный потенциал ученых ФСБ России, на наш взгляд, вполне пригоден для решения подобных задач.

Революционные события 1991–1993 гг. не только сломали советскую систему, но вместе с ней уничтожили идейный базис государства в лице марксистко-ленинского учения. Как следствие — в исторической науке появилось многообразие методологических подходов и научных школ. До сих пор скудная разработка методологических вопросов в конкретных работах по истории создают большие трудности на пути организации

исследований и формирования на их базе объективного научного знания.

Преодолеть проблемы, связанные с методологическим разнообразием в истории, возможно лишь совместными усилиями ученых-гуманитариев различных направлений. Только сообща в исторических исследованиях в сфере отечественных органов безопасности и специальных служб, опираясь на предшествующий научный багаж теоретиков и методологов, мы можем получить многомерное объемное представление как о событийной истории, так и происходящих на этом фоне крупных структурных изменениях в системе обеспечения государственной безопасности. Только так историческая наука предоставит нам возможность понять логику происходящих процессов в прошлом и будет способствовать оптимальному противодействию потоку откровенной лжи в последующем.

Представляется важной задачей на сегодняшний день для профессиональных историков — проведение исследований по истории ВЧК — КГБ в объективном, научном формате, с чётким теоретико-методологическим обоснованием выдвинутых положений и выводных оценок деятельности отечественных спецслужб. Необходимо на открытых дискуссионных научных площадках пресекать провокационные выпады заангажированных исследователей в адрес российской истории, решительно давать отпор и обоснованно критиковать работы, в которых не отражается действительная картина развития отечественных органов безопасности. В тоже время, важно находить как можно больше точек соприкосновения между ведомственными и «гражданскими» историками и использовать их общие методологические ориентиры в консолидированной борьбе за сохранение исторической памяти российского народа.

Задача компетентных подразделений ведомства, курирующих деятельность образовательных организаций и научных центров, способствовать творческому развитию мысли всех ученых, исследующих такую специфическую материю в сфере становления и развития разведки, контрразведки, пограничных органов, поставить разрозненные изыскания на серьезную научную базу. Предварительные наработки и некоторый опыт в деле развития контактов между ведомственными учеными и представителями «общегражданской» истории России уже имеется. Так, например, с 1997 г. в целях объединения усилий в противостоянии на ниве информационной войны, а также в научных и историко-просветительских целях в органах федеральной службы безопасности в открытом формате и на регулярной основе проводятся всероссийские научно-

теоретические конференции по истории отечественных спецслужб: «Исторические чтения на Лубянке» (место проведения — г. Москва; организаторы: ЦОС ФСБ России и Академия ФСБ России). С начала 2000-х гг. проходят ежегодные «Исторические чтения на ул. Гороховая, 2» (место проведения — г. Санкт-Петербург; организаторы: Институт ФСБ России (г. Санкт-Петербург) и Санкт-Петербургский Государственный музей политической истории России) и периодически (один раз в три года) проходят «Исторические чтения на ул. Андропова, 5» (место проведения — г. Петрозаводск; организаторы: Управление ФСБ России по Республике Карелия, Петрозаводский государственный университет, региональное отделение Российского военно-исторического общества). Ведомственные учёные-историки принимают участие в этих мероприятиях в соответствии с приглашениями, которые рассылаются по их месту службы (работы) организаторами конференций с соблюдением правил конспирации и обеспечением зашифровки принадлежности к органам федеральной службы безопасности. Научные доклады сотрудников готовятся от лица учреждений образовательного и научного профиля, где ученые замещают должности по совместительству. Представляется, что подобную практику нужно поощрять и поддерживать, а площадки подобных научных мероприятий необходимо шире использовать в разоблачении фальсификаторов отечественной истории и истории ведомства.

Отрадно, что шаги в этом направлении сделаны в Пограничной академии ФСБ России. В мае 2021 г. создано «Общество изучения пограничной истории», объединяющем в своих рядах не только ведомственных, но и «гражданских» ученых[40]. Хотелось бы надеяться, что научные планы созданного коллектива не будут ограничиваться только пограничным пространством, а будут ориентироваться на более широкий предмет исследований всех без исключения отечественных спецслужб и, прежде всего, на открытый формат деятельности. Позитивная перспектива научных форумов под эгидой ученых-профессионалов просматривается в положительном эффекте многомерного, объемного представления истории, способствующего осмыслению не только исторических фактов, но и происходящих современных событий и логики крупных структурных изменений в системе обеспечения государственной безопасности России на всех уровнях: концептуальном, правовом, институциональном. Немаловажный аспект консолидированного сотрудничества единомышленников из силовых структур и представителей «общегражданской» научной мысли заключается в дальнейшем развитии теоретических и методологических основ

истории государственных органов и спецслужб.

И здесь обращение к указанным научным проблемам является насущной необходимостью, поскольку только основательно разработанная научная база исследований позволит приблизить ученого к адекватной оценке событий, придаст уверенность в борьбе с извращениями и мифологией.

Несомненно, что теоретические и методологические вопросы должны занять отдельное место в числе приоритетных исследовательских тем.

Задача ученых, изучающих спецслужбы с научных позиций — бескомпромиссно противостоять фальсификации истории и её политическому извращению. В обязательном порядке необходимо использовать комплексный подход в разработке многогранной и неоднозначной истории ВЧК — КГБ, учитывая при этом единый по своей гносеологической природе механизм тайной борьбы.

В ходе своего научного труда серьезный исследователь должен внести свой посильный вклад в разработку методологических проблем по истории разведки, контрразведки, пограничных органов, а также развивать и генерировать идеи обеспечения безопасности в сфере противостояния спецслужб. Важно, чтобы ученый-историк уловил суть изучаемого феномена — как политического противоборства на конспиративной основе во всём его многообразии.

По-видимому, здесь и находится ключ к пониманию разведки, контрразведки, деятельности пограничников как сложных, противоречивых, многофакторных и в тоже время целостных общественных явлений, имеющих разнообразные связи и отношения с другими процессами окружающей действительности.

Какие выводы нужно сделать всем, кто отстаивает объективную историческую ретроспективу нашего государства и на ниве публицистики и в научных кругах?

1. Использовать научный потенциал ведомства и имеющейся опыт для сосредоточения всех сил на противодействии фальсификации истории, в том числе, в контексте международных информационных кампаний, направленных на героизацию преступников. С этой целью налаживать взаимосвязь с учеными из всех силовых структур, научных обществ (Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество), музеев, вузов, издательств и т. д. в целях координации работы. Для всех здравомыслящих историков, стоящих на научных позициях — это является архиважной задачей в деле обеспечения государственной безопасности.

2. В информационном противостоянии меры органов безопасности профилактического, информационно-

пропагандистского характера имеют в своей основе не только оперативную составляющую, которая объективно доминирует в работе спецслужб, но важно другое — эти меры должны быть обеспечены выверенными знаниями по истории, иметь прочный научный фундамент. Учитывать это нужно и в ходе конкретных мероприятий органов ФСБ России в историко-просветительском направлении.

3. Учитывать скорость реакции оппозиционных сил для существующей власти с учетом современных телекоммуникационных возможностей. Масштабы реакции свидетельствуют о постоянной готовности к провокациям со стороны этих сил и их «кукловодов», поэтому нужно постоянно держать, что называется «порох сухим» для нейтрализации выпадов.

4. Прогнозировать последствия, которые наступают в следствии информационного сопровождения и целевого влияния на аудитории в ходе обсуждения противоречивых исторических дат и неоднозначных юбилейных событий. Важно, в этой связи всегда иметь аргументы для противодействия.

5. Важно досконально изучать каждую фразу и исторический факт, который вводится в оборот в форме научной статьи, интервью или какой-либо информации в СМИ, максимально избегать каких-либо двойственных формулировок и ошибочных утверждений. В обязательном порядке искать обоснование в уже имеющихся научных наработках по той или иной проблеме. В случае отсутствия таковых — поручать ведомственным образовательным учреждениям и научным центрам проводить научно-исследовательские или научно-квалификационные работы.

Только историки-профессионалы, вооруженные научной теорией и методологией, имеют все возможности обоснованно опровергнуть ложь. Кроме того, они обязаны дать ответы на противоречивые вопросы исторической ретроспективы и заполнить лакуны в знаниях по истории своего государства и тех органов, которые стояли на страже его безопасности. Важно помнить — задача истории не только ответить на вопрос «что» и «где», но и главное объяснить «почему»? Именно поэтому история учит человека мыслить, сопоставляя факты, события, делать необходимые выводы, вырабатывать тенденции.

Преемственность боевых традиций пограничников: от Отдельного корпуса пограничной стражи до наших дней

В.Е. Морихин
г. Москва

В жизни любого народа огромное значение имеют традиции — исторически сложившиеся устойчивые обычаи и нормы поведения. Их особой разновидностью являются воинские традиции, которые определены спецификой воинской деятельности, своеобразием функционирования воинских коллективов.

Воинские традиции России своими истоками уходят к временам княжеских дружин Древнерусского государства. За тысячелетия сложились традиции в самых различных сферах воинской деятельности: боевой, учебной, бытовой и других. Имели свои особые традиции и категории военнослужащих: офицеры, младшие командиры, солдаты.

Особое место среди всех воинских традиций занимают боевые традиции, сила которых полнее всего проявляется в годы военных испытаний и при защите границ государства. Боевые действия не только знаменуют традиции, но закаляют и приумножают их. История распорядилась таким образом, что русскому народу часто приходилось с оружием в руках отстаивать свою независимость. В первую очередь встречали врага воины-пограничники. Именно они являются носителями боевых традиций, постоянно преумножая их, развивая и укрепляя.

Тема традиций всегда актуальна. Но ее актуальность многократно усиливается в переломные моменты истории, которые переживала наша армия и флот, пограничная охрана в периоды радикальных реформ, приводивших к смене государственного устройства.

Только сейчас, найдя выход из тисков очередного экономического, политического и духовного кризисов, терзавших и разобщавших нашу державу, мы стали чаще обращаться к истории страны, находя в ее анналах и возвращая к жизни традиции, которые всегда вызывали трепет и открывали душу народа — обязанность защищать свое Отечество. Очень метко

заметил русский поэт и офицер Ф. Глинка: «Опиши героев бывших, и тогда история твоя родит героев времен будущих»[41].

Лучшие качества русского воина, такие, как храбрость, стойкость, решительность и другие, были заложены природой людей, проживавших на обширных территориях Руси, с ее суровым климатом, разнообразными природными условиями, агрессивно настроенными соседями. Героизм — одна из сформировавшихся за столетия черт русского характера. И проявлялся он, прежде всего, в ратных делах. Важнейшим доказательством этого является тот факт, что героические боевые традиции русского народа были закреплены и преумножены на протяжении всей военной истории государства: в борьбе за освобождение от татаро-монгольского ига, изгнания польских захватчиков в начале XVII в., Отечественной войны 1812 г., войны с Турцией 1877–1878 гг., войны с Японией в 1904–1905 гг. Преемственность боевых традиций с новой силой проявилась в период суровых испытаний в ходе кровопролитнейших войн XX в. — Первой мировой и Великой Отечественной войн.

После 1945 г. боевые традиции проявились в ситуациях, требовавших особого мужества и стойкости. Появилась целая плеяда новых героев. Стали достоянием общественности и многие подвиги пограничников, проявивших высокие образцы мужества и героизма на советско-китайской границе на острове Даманском и озере Жаланашколь в 1969 г., при выполнении воинского долга на территории Афганистана в 1980–1989 гг.

К сожалению, не обходит стороной нашу страну события, которые требуют вмешательство со стороны Вооруженных сил, Пограничной службы ФСБ России и в настоящее время. Уже у нынешнего поколения граждан страны на слуху подвиги и воинские доблести, проявленные воинами в зеленых фуражках в Таджикистане, на Северном Кавказе, в Сирии, при проведении антитеррористических операций внутри страны.

Среди боевых традиций особенно выделяются традиции патриотизма, героизма, стойкости и мужества, самоотверженности и самопожертвования, личного примера командира, взаимной выручки, боевого братства и войскового товарищества при выполнении служебно-боевых задач по охране и защите государственной границы страны и участия в войнах и вооруженных конфликтах.

Чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу о преемственности боевых традиций пограничников, о живой связи времен и предшествующих поколений, достаточно проследить историю пограничной охраны нашей страны за относительно небольшой исторический период.

Вот лишь некоторые факты.

По итогам боевых действий в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. многие пограничники отмечены государственными наградами, а трое офицеров Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) — П.Д. Бутусов, В.А. Виторский, А.М. Иващенко — стали кавалерами ордена Святого Георгия 4-й степени. У пограничников появились первые коллективные награды: за смелую атаку в бою под Вафангоу 1-й пограничный Заамурский конный полк получил Георгиевский штандарт, две конно-горные батареи отмечены Георгиевскими серебряными трубами «За бой 18-го июля 1904 г. на Янзелинском перевале», три пограничные роты награждены Георгиевскими серебряными сигнальными рожками «За Ляоян 17–19 августа 1904 г.», «За Порт-Артур 13 мая-22 декабря 1904 г.». Кроме того, 11 рот, 24 сотни и конно-горная батарея были удостоены знаков на головные уборы с надписью «За отличие в войну с Японией в 1904 и 1905 гг.»[42]

Необыкновенное мужество и стойкость проявили защитники Порт-Артура в 1904 г. В бою 20 июня на Зеленых годах поручик Заамурского округа ОКПС А.М. Иващенко со взводом стрелков вызвался выбить японцев, засевших с пулеметом на соседней скалистой горе, откуда они вели прицельный огонь по резерву полка. Иващенко с солдатами обошел гору с тыла и, взобравшись на нее, ударом в штыки обратил противника в бегство. Из захваченного пулемета он уничтожил японцев, прикрыв атаку своего батальона, который занял главную позицию врага.

Не менее доблестно сражались защитники Порт-Артурских фортов под командованием подполковника Заамурского округа ОКПС П.Д. Бутусова. На Зеленых горах 13-15 июля 1904 г. Бутусов был серьезно ранен осколками гранаты в бок и руку, но остался в строю до конца боя. Во время штурмов Порт-Артура многие говорили о его бесстрашных подвигах. Он и погиб как герой в бою на Высокой горе 2 ноября. Журнал «Досуги Заамурца» в 1905 г. писал: «Если генерал Роман Исидорович Кондратенко был поистине душой обороны Порт-Артура, то покойный наш Петр Дмитриевич Бутусов, любимец всей крепости, может считаться душой горсти заамурцев, вдохновлявший их на высокие подвиги за Родину»[43].

В 1917 г. сменился государственный строй в нашей стране: на смену императорской России пришла Советская власть. Кардинальные изменения коснулись буквально всех сторон жизнедеятельности государства, и лишь одно осталось незыблемым — традиция мужества и героизма при защите и охране его государственных границ.

18 марта 1926 г. вступил в неравный бой с вооруженной

бандой в двадцать человек, пытавшейся переправиться через реку Аракс на советскую территорию, красноармеец Нахичеванского пограничного отряда А.М. Бабушкин. Возглавляемый им пограничный наряд уничтожил несколько нарушителей границы. В ходе боя Бабушкин получил ранение, но продолжал выполнять поставленную задачу. Наряд не допустил переправы нарушителей на советский берег. В бою пограничник погиб. Приказом Закавказской ЧК от 9 апреля 1926 г. имя А.М. Бабушкина присвоено пограничной заставе, на которой он служил. Она стала первой именной заставой на советской границе[44].

Не успели затихнуть отголоски Гражданской войны и вооруженных схваток на границе в 1930-е гг., боев на острове Хасан и советско-финляндской войны, как снова пограничники приняли на себя первый удар врага — началась Великая Отечественная война. Преемственность боевым традициям, особенно в начальный ее период, пограничники полностью подтвердили.

За один только бой 22 июня 1941 г. лейтенанту А.В. Рыжикову было присвоено звание Героя Советского Союза[45].

В ту ночь лейтенант Рыжиков дежурил по штабу Бужорской погранкомендатуры 2-го Каларашского погранотряда Молдавского пограничного округа. С застав поступали донесения о нарушениях государственной границы и начавшихся боях. Лейтенант едва успевал их записывать. Прибывший комендант участка капитан Г.А. Матюшин приказал срочно выдвинуться на границу в район 12-й заставы, где большая группа противника переправилась на левый берег и вела наступление.

Застава лейтенанта П.П. Левиненко вела ожесточенный неравный бой с наседающими фашистами. Несмотря на численное превосходство, врагу не удалось с ходу захватить заставу. Тогда гитлеровцы открыли по пограничникам сильный фланговый огонь из установленных на бугре трех станковых пулеметов.

Взяв несколько гранат, Рыжиков пополз навстречу врагу. Ему удалось скрытно приблизиться к первой огневой точке. Приподнявшись на колено, лейтенант точным и сильным движением одну за другой метнул две гранаты. Первый пулемет был уничтожен. Через несколько минут было покончено и со вторым пулеметом, но фашисты заметили отважного пограничника и забросали его гранатами. Но герой не погиб. Очнувшись, он снова пополз вперед, к третьему станковому пулемету. Рыжиков метнул последние две гранаты в пулеметную точку врага. Третий пулемет был уничтожен, и лейтенант пополз обратно. Треск кустов за спиной заставил его мгновенно вскочить

на ноги и оглянуться. Здоровенный фашист со штыком наперевес бежал прямо на Рыжикова. Пограничник опередил его и, схватив руками карабин, ударил в живот ногой. В стремительном, нечеловеческом по напряжению поединке, пограничник одолел озверевшего врага, а затем штыком его же карабина в рукопашной схватке заколол еще троих фашистов.

В августе 1941 г. о подвиге А.В. Рыжикова рассказала газета «Правда»[46]. Вскоре раненого лейтенанта отправили в госпиталь, в Куйбышев. После излечения вызвали для получения высоких наград и здесь сообщили об откомандировании Рыжикова на восток, в глубокий тыл, учить военному делу молодое пополнение. Получая из рук М.И. Калинина орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», лейтенант с большой горечью рассказал ему об этом. Но тот в ответ на просьбу Рыжикова послать его снова на фронт сказал: «Война предстоит тяжелая и опыт таких боевых командиров, как вы, следует передавать молодежи»[47].

Война действительно была долгой, и пограничники еще много раз проявляли мужество и героизм в борьбе с врагом. За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с врагом в годы Великой Отечественной войны, свыше 100 тыс. пограничников награждены орденами и медалями, 137 из них удостоены звания Героя Советского Союза[48].

Эхо этих подвигов отразилось в нашей стране достаточно скоро. В 1969 г. произошел кровавый вооруженный конфликт на далеком дальневосточном острове, где пограничники вступили в бой с китайцами, посягнувшими на нашу территориальную целостность.

Морозным утром 2 марта 1969 г. начальник заставы старший лейтенант И.И. Стрельников[49] принял донесение с поста наблюдения о появлении вооруженных китайцев на берегу реки Уссури. Пограничники во главе с начальником заставы стремительно выдвинулись к месту провокации. Через несколько минут бронетранспортер спустился к реке и по льду достиг южной оконечности острова Даманский. Шестерых самых крепких солдат отобрал начальник заставы и вместе с оперуполномоченным особого отдела отряда старшим лейтенантом Н.М. Буйневичем повел навстречу нарушителям.

В пяти метрах от плотно сомкнувшегося строя нарушителей старший лейтенант остановился и четко произнес: «Вы нарушили государственную границу СССР. Вам предлагается немедленно покинуть советскую территорию…». Последние слова начальника заставы потонули в треске автоматных очередей. Нарушители стреляли в упор. Стрельников и все семеро отважных пограничников были мгновенно сражены.

Потеряв командира и боевых товарищей, оставшиеся на острове пограничники заставы «Нижне-Михайловка» не дрогнули, не растерялись и приняли бой. Двадцатилетний младший сержант Ю.В. Бабанский, возглавлявший одну из групп численностью в 12 человек, взял командование на себя. Несколько раз под его руководством группа переходила в атаку. Юрий лично уничтожил в бою свыше десятка нападавших. Когда кончились боеприпасы, Бабанский собрал патроны у убитых и раненных товарищей и продолжал бой. Из всей заставы в живых осталось только 5 человек. Но эти пятеро продолжали стоять насмерть, проявляя смелость, мужество и отвагу. А затем вместе с подошедшим подкреплением с соседней заставы «Кулебякина сопка» во главе с начальником заставы старшим лейтенантом В.Д. Бубениным пограничники решительными действиями изгнали нарушителей с советской территории. Тогда, воспользовавшись временным затишьем, Юрий спустился с холма, вышел на лед Уссури, поднял на руки безжизненное тело Стрельникова и перенес его в безопасное место[50].

За героизм и отвагу, проявленные при защите государственной границы, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1969 г. начальнику заставы «Нижне-Михайловка» 57-го Уссурийского ордена Трудового Красного Знамени пограничного отряда Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа старшему лейтенанту И.И. Стрельникову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза[51].

За 10 лет войны в Афганистане в 1979–1989 гг. через суровые боевые будни прошло более 62 тыс. пограничников. 22 тыс. воинов границы награждены орденами и медалями, 7 — удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В их числе подполковники В.И. Ухабов (посмертно) и Ф.С. Шагалеев, майоры А.П. Богданов (посмертно) и И.П. Барсуков, капитаны Н.Н. Лукашов и В.Ф. Попков, прапорщик В.Д. Капшук[52].

Новый пожар войны полыхнул на афгано-таджикской границе в 80-е гг. XX в., где воинам в зеленых фуражках предстояло оказать помощь дружественному народу в защите своего суверенитета и еще раз подтвердить преемственность традиции Подвига.

На рассвете 13 июля 1993 г. 14 групп боевиков общей численностью до 250 человек с афганской и таджикской территории одновременно напали на 12-ю заставу Московского погранотряда.

Противник готовился к акции весьма основательно. За заставой велось непрерывное наблюдение. Моджахеды заминировали подступы к заставе, предусмотрительно вывели из

строя электричество и радиостанцию. На рассвете, около четырех утра, открыли ураганный огонь с господствующих высот. Огонь вели минометы, переносные реактивные комплексы, безоткатные орудия.

Сорок пять пограничников и трое мотострелков приняли неравный бой. Через несколько минут после начала боя был тяжело ранен и вскоре погиб начальник заставы старший лейтенант М.В. Майборода. Лейтенант А. В. Мерзликин принял командование на себя. Боевики непрерывно атаковали заставу. Положение пограничников усугубляла нехватка боеприпасов. Бойцы вели бой боеприпасами убитых товарищей и собранными с трупов уничтоженных боевиков. Через несколько часов боя большинство бойцов погибло, все остальные были ранены и контужены. Мерзликин был ранен и дважды контужен. Шансов выжить практически не оставалось. Тогда он собрал всех оставшихся в живых бойцов и организовал прорыв из окружения. Из небольшого гарнизона заставы вырвались из боя всего 18 человек, все были или ранены, или контужены.

В том бою погибли 22 пограничника и 3 военнослужащих-контрактников 201-й мотострелковой дивизии. Боевики потеряли убитыми до 70 человек.

Пограничники выполнили свой долг, прикрыли от бандитов таджикский кишлак Саригор и сделали все возможное, чтобы над его жителями не была учинена кровавая расправа. За этот подвиг все пограничники заставы стали кавалерами боевых наград, 6 человек, в том числе выпускник Высшего пограничного ордена Октябрьской Революции Краснознаменного училища 1992 г. лейтенант А.В. Мерзликин[53], удостоены высокого звания Героя Российской Федерации.

Смерть плену предпочел майор С.В. Ромашин. Мастер спорта, специалист по рукопашному бою высочайшего класса, отличный стрелок. Был переведен в отряд специального назначения «Вымпел». В составе отряда летал в командировки, спасал заложников, участвовал в дерзких операциях по захвату преступников.

Утром 6 августа 1996 г. в Грозный вошли несколько сотен чеченских боевиков, захвативших важнейшие магистрали и опорные центры столицы республики. Ромашин возглавлял группу, которая размещалась в общежитии республиканского управления ФСБ, и попала в окружение боевиков. На предложение сдаться спецназовцы ответили категорическим отказом. Тогда им предложили просто уйти к своим. Они также отказались — в здании находились ценные документы. Начался ожесточенный бой. Майор С.В. Ромашин во главе своей группы

вел огонь с крыши и верхних этажей здания, лично уничтожил несколько снайперов и гранатометчиков врага. Получил пулевое ранение в первые часы боя, но остался в строю. После гибели руководившего обороной подполковника А.И. Алексеева, принял на себя руководство боем.

Трое суток сотрудники ФСБ вели неравный бой. Приняли решение идти на прорыв. Разделились на три группы. Группа, которую возглавлял Ромашин, попала в засаду. Сам он получил несколько ранений, но нашел в себе силы открыть ответный огонь, прикрывая отход группы. Ромашин сумел пробиться к подвалу одного из домов, откуда вел огонь из автомата и пистолета, бросал гранаты, уничтожив еще несколько боевиков. А потом сухо треснул последний выстрел… Майор Сергей Ромашин не сдался врагу, предпочтя смерть плену[54].

Подобных примеров в истории великое множество. Такое их количество, несомненно, подтверждает неизменность боевых традиций пограничной службы, основу которых составляют патриотизм, стойкость в бою, героизм и мужество.

Особенностью службы пограничников, да и вообще военных, а уж тем более офицеров, заключается в том, что, являясь патентованными защитниками своей страны, они, не раздумывая, выполняют те боевые задачи, которые им ставят. При этом значение, где их выполнять, не играет практически никакой роли. Воинам в зеленых фуражках пришлось не раз доказывать свои боевые навыки, проявляя при этом свойственные им мужество, а порой и героизм. Так уж устроен наш пограничник, так велит ему традиция Подвига!

У известного русского советского писателя Б.Л. Горбатова есть знаковые слова: «Традиции! Невесомое, незримое, но какое грозное оружие!»[55].

Боевые традиции Героев, снискавших славу пограничным войскам, не умирают, а живут в ратных делах тех, кто сегодня носит зеленые фуражки.

Традиции только тогда становятся традициями, когда они пронизывают целые поколения и передаются последующим не ради музейного экспоната или литературного памятника, а как эстафета благородных дел и поступков, свершаемых на поприще беззаветного служения народу, самоотверженного выполнения своего долга, бесстрашия и отваги, ратного Подвига.

Знание прошлого своей страны, в том числе истории ее пограничной охраны, — основа развития чувства любви к Родине, воспитания в каждом из нас веры в мощь свое страны. Эта же любовь и вера — один из могущественных стимулов для совершения подвигов, которыми в периоды тяжких испытаний

всегда славилась Земля Русская.

И совершать их нынешнему поколению пограничников. Покой нам противопоказан. На границе никогда не бывает спокойно. Вновь, как и прежде, то там, то здесь зажигаются «вечные огни» в честь русских воинов, свято следующих воинским традициям своих предшественников, появляются Золотые Звезды Героев России на груди тех, кто доказывает их неукоснительную преемственность и жизнестойкость.

Принципы и механизмы борьбы с политическим инакомыслием в Российской империи (1866–1917 гг.)

А.И. Логинов
г. Липецк

Как показывает многовековой исторический опыт, вопрос борьбы с политическим инакомыслием присущ для функционирования любого государственного механизма любой суверенной страны. Это было, есть и будет.

Определимся, что под политическим инакомыслием мы будем понимать суждение в области морали или общественной жизни, отличающееся от принятого в обществе или насаждаемого государством.

Вопрос борьбы с политическим инакомыслием не теряет актуальности в современном мире. Рассмотрение этой проблемы позволяет в новом ракурсе интерпретировать уже давно известные исторические факты в вопросах охраны государственной и национальной безопасности, обогащая копилку опыта деятельности спецслужб. Именно поэтому в фокусе внимания настоящей публикации принципы и механизмы борьбы с политическим инакомыслием в Российской империи в поздний период её существования — в 1866–1917 гг.

В силу обширности исторического периода и достаточной изученности отдельных вопросов, мы остановимся на наиболее принципиальных и важных моментах.

Покушение Д.В. Каракозова на императора Александра II 4 апреля 1866 г. в Летнем саду Санкт-Петербурга открыло новую эпоху в истории России. Отразившись на всех сферах общественной жизни, это не вдруг случившееся преступление, ставшее быстро известным не только в российском обществе, но и во всём мире, в первую очередь затронуло органы государственной безопасности. Именно поэтому, на наш взгляд, следует рассматривать их историю с этой даты, а не только с 1880 г., как традиционно делается историками спецслужб.

Расследование обстоятельств, связанных с покушением Каракозова, положили начало новому этапу ужесточения карательной политики самодержавия. Только в Петербурге в апреле 1866 г. было проведено около 450 обысков и арестовано до 200 человек. Массовые обыски и аресты прошли в Москве, где

была вскрыта целая организация, вынашивавшая планы цареубийства[56]. В 1866 г. цензурой были закрыты журналы «Русское слово» и «Современник».

Но главная и невидимая работа совершалась не публично — это была работа следствия, аналитиков и организаторов политического сыска, агентурная работа. При этом напоминало о себе и недавнее польское восстание 1863–1864 гг. В условиях общегосударственных реформ, последовавших за 1861 г., был дан старт реформе структур, отвечавших за обеспечение комплексной безопасности государственного устройства и царского трона.

В «Записках о причинах происхождения подпольного революционного движения в России» неизвестного аналитика Департамента полиции, написанных не ранее 1887 и не позднее 1898 гг., отмечалось, что «…начальные мотивы, послужившие к образованию противозаконного явления, окажутся потерявшимися в отдаленности прошлого… Для исполнения этой и теперь уже весьма сложной задачи, необходимо, прежде всего, установить истинное значение настоящего явления. В этом отношении можно безошибочно сказать, что в агитации выражается стремление к свободе мысли и слова, простираемое до фанатического отрицания самого принципа государственной власти и с целью провести основанное на этом лжеучении понятие в жизнь непросвещённых масс и осуществить его на делах. Следовательно, в основании лежит идея о свободе и притом — безграничной…»[57].

Автором «Записки» был предложен комплекс мер по исправлению ситуации, в основе которого лежала идея ослабления всяческого давления на русское крестьянство, т. е. и в части борьбы с инакомыслием. Он писал: «Бесспорно, что осуществление указанных мер встретит немало затруднений, но легкость есть свойство полумер, ограничиваться которыми не позволяют важность явлений и размер, принимаемый агитацией. В этом убеждает Одесский случай 31 января, в котором появление у агитаторов кинжалов и револьверов и взятие квартиры их войсками приступом, придают этому явлению отчасти уже революционный характер, что служит подтверждением сказанного выше, о возможности перехода агитаций в столь хроническую и застарелую, что отыскание причин и происхождения явлений, равно и пресечение его, сделаются скоро невозможными»[58].

Таким образом, в своих опасениях аналитик выделял мотивационную составляющую политического инакомыслия в целом и революционного терроризма в частности. Любопытно, что такие важные направления как тактика и стратегия

террористических организаций, организация и управление террористическими группами, их материально-техническое обеспечение, информационно-конспиративная и разведывательная деятельность для него были производными и сугубо техническими, т. е. практически решаемыми. Уделяя особое внимание идеологии, он принимал в расчёт и модернизационные факторы экстремизма.

В 1880 г. в составе МВД был создан Департамент государственной полиции, куда вошел и Департамент полиции исполнительной. Спустя два года в него же был включен судебный отдел (надзор за политическими дознаниями). С 1883 г. он стал именоваться Департаментом полиции. Позже в него вошел и аппарат Отдельного корпуса жандармов. В результате получилось мощное и достаточное гибкое государственное учреждение, принявшее на себя все полицейские функции по охране Российской империи.

Департамент полиции занимался активной профилактикой и пресечением преступлений, охранял общественную безопасность и порядок. Ему были подведомственны охранные отделения, губернские, городские и уездные полицейские структуры, речная и фабричная полиции, сыскные части, адресные столы, пожарные команды. Объектами полицейско-жандармского «обслуживания» становились не только уголовная преступность, политические общества и партии, но и культурно-просветительные учреждения, деятельность русских подданных за границей и иностранных подданных в России.

Убийство императора Александра II 1 марта 1881 г. послужило поводом для дальнейшего усиления полномочий Департамента полиции. 14 августа 1881 г. было принято «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», ставшее законодательным основанием положений чрезвычайной и усиленной охраны. После убийства Александра II оно называлось временным, но так и продолжало действовать вплоть до крушения императорской России в 1917 г.

С введением положения об «усиленной охране» в губерниях уже с 1880-х гг. стали создаваться секретно-розыскные «отделения по охране общественной безопасности и порядка» («охранные отделения», «охранки»). Охранные отделения были совместной жандармско-полицейской структурой, координировавшей деятельность полицейских и жандармских учреждений в сфере политического сыска при объявлении в губернии чрезвычайного режима. В деятельности «охранок» широко и успешно использовался весь широкий спектр методов и

приемов полицейской работы, отправной точкой для которых были фиксация и разработка фактов инакомыслия.

Отметим тот факт, что по мере роста преступности и революционного движения в начале XX в. и совершенствования сыскной работы в Департаменте полиции стало возрастать значение информационно-аналитической работы, особенно по линии политического сыска. Специальные жандармские чины составляли специальные аналитические записки, обзоры, на высоком уровне вели анализ деятельности политических партий и общественных настроений. Практически всегда фундаментом для дальнейшей работы являлось выяснение образа мыслей, вариантов поведения и политической благонадежности объекта разработки.

Наряду с развитием агентурной сети оперативно-розыскная деятельность по установке лиц, представляющих опасность для государства, и превентивно-следственная работа стали основными направлениями в политическом сыске[59].

В борьбе с инакомыслием (в широком значении этого понятия) применялись самые разнообразные, часто беспринципные, для дачи конкретного кратковременного результата, методы.

В качестве примера из числа публично не афишируемых методов борьбы с инакомыслием полиция широко использовала проституток. Например, в Тамбове в 1904–1908 гг. работало 7 домов терпимости. Все проститутки регистрировались в 1-м отделении полиции, куда сдавали свои паспорта и получали взамен специального свидетельства для передвижения и бесплатного медицинского обследования. В среднем ежемесячно по городу работало от 119 до 145 проституток, каждая из которых была обязана сотрудничать с полицейскими и жандармами[60]. При этом специальным указанием проститутки освобождались от участия в дознаниях и выступлении в качестве понятых и свидетелей[61].

Под контролем полиции в Тамбове и уезде находились все постоялые дворы, меблированные комнаты, трактиры, буфеты, питейные и бильярдные заведения, разрешение на деятельность которых выдавала полиция. Все они использовались в целях сбора информации. Не удивительно, что 8 июля 1907 г. у крестьянина с. Красная Слобода Моршанского уезда на постоялом дворе был изъят револьвер, а сам хозяин «Смит и Весона» арестован[62].

В начале 1890-х гг. особой заботой жандармов стали борьба с активизацией революционного движения, борьба со спецслужбами иностранных государств на территории России и с религиозно-политическим сепаратизмом. На наш взгляд,

сравнительно слабо была поставлена работа по обеспечению экономической безопасности, в которой органы полиции занимали наблюдательно-аналитическую позицию.

Уже в 1890-е гг. негласный надзор стал приобретать повсеместные массовые формы. Сбор сведений о нравственных и деловых качествах объектов наблюдения и кандидатов на работу и службу, о политической благонадежности был обычным явлением в работе сотрудников Департамента полиции. При этом в некоторых случаях поручительства на кандидатов давали гражданские чиновники высшего уровня.

Например, в январе 1904 г. отделением полиции Тамбова на имя губернатора было представлено определение о поступлении на службу в Тамбовское земство агронома Б.К. Эккена под ответственность председателя земства А.А. Филатова. При этом сотрудник полиции сделал пометку: «Ныне до меня доходят слухи, что Эккен не только не оставил своих антиправительственных взглядов, но занимается социал-революционной деятельностью»[63]. Агроном работы не получил.

В феврале 1905 г. издатель и редактор газеты «Тамбовский голос» коллежский секретарь А.Д. Коротнев ходатайствовал об утверждении вторым редактором А.Я. Тимофеева, а начальник тамбовской тюрьмы выступал с ходатайством об определении на работу в тюрьму врачом Н.И. Финка. В обоих случаях была организована длительная проверка над «означенными»[64].

О пропорциях гласного и негласного надзора можно судить по следующему примеру. В декабре 1904 г. под особым надзором полиции Тамбова находилось 17 человек, подозреваемых и обвиняемых в государственных преступлениях; 9 человек находились под гласным надзором; под негласным надзором находилось не менее 47 человек. При этом в том же году в губернский центр прибыло 43 политически неблагонадежных ссыльных[65]. Очевидно, что в этой статистике нет тех, кто находился под агентурным наблюдением.

Рост общественного протеста был таков, что 11 января 1905 г., после Кровавого воскресенья, тамбовский губернатор и начальник полиции получили секретный имперский циркуляр МВД, которым предписывалось «обратить особое внимание на настроения рабочих в заведуемой вами местности и принять, в случае недовольства, решительные меры по предупреждению беспорядков». Также предписывалось организовать негласный надзор «всеми возможными средствами» за подозрительными личностями[66].

Но никакие жесткие полицейские меры не могли остановить вал революционного движения. Начало XX в. в России

характеризуется беспрецедентной в истории чередой террористических актов. Так, в течение 1905 г., начиная с октября, в Российской империи было убито и ранено 3611 государственных чиновников. К концу 1907 г. это число увеличилось почти до 4500 человек. По официальной статистике, с января 1908 г. по середину мая 1910 г. произошло ещё 19957 террористических актов и экспроприаций, в результате которых было убито 732 госчиновника и 3051 частное лицо, при этом 1022 госчиновника и 2829 частных лиц были ранены[67].

Частных примеров фактической борьбы чинов Департамента полиции с протестными настроениями в обществе — десятки тысяч. Но если в канун революции 1905 г. они могли быть трагическими для инакомыслящего, привести его в ссылку и даже в тюрьму или на каторгу, то по мере роста общественного протеста многочисленные факты проявления оппозиционности очевидно говорили о кризисе всей политической системы.

Приведем всего лишь несколько примеров из полицейского архива провинциальной Тамбовской губернии. В годы Первой русской революции 1905–1907 гг. борьба с инакомыслием часто приобретала и карикатурные, и горькие черты.

25 марта 1905 г. на Студенецкой улице Тамбова близ Екатериновского института «за буйство, пение песен и вообще нарушение общественной тишины» в ночное время было задержано 17 человек, которые все были взрослые. Спустя несколько дней, 31 марта, ночной караульный П.А. Сокольский увидел на Козловской улице толпу около 100 человек, двигавшихся в сторону Никольской церкви и громко певших песни «о свободе». Караульный не рискнул препятствовать их движению[68].

8 июля и 31 августа в Тамбове при несении службы были оскорблены и избиты городовые Денисов и Мазуров[69].

19 августа мещанин Е.Т. Тарасов на Большой улице Тамбова открыто пел «Марсельезу». Рядовой Куликов намеревался задержать его, но получил от певшего удар в нос. Лишь другие подоспевшие полицейские смогли задержать Тарасова и утихомирить собравшихся вокруг людей. Мещанин получил месяц ареста[70].

По всему городу повсеместно фиксировался негатив к городовым. В ходе обысков в городах и селах губернии было обнаружено несколько револьверов и несколько тростей с потайными клинками в них. В ночь на 4 июня 1907 г. было одновременно проведено несколько обысков у 18 тамбовских мещан различного звания, включая чиновников. В квартире мещан А.Н. и Е.Н. Криволуцких чинам полиции было оказано

вооруженное сопротивление. В результате был убит младший городовой Замотаев и тяжело ранен в грудь младший городовой Чистяков. Убийцей назвался скрывшийся с места преступления мещанин И.Т. Романов «из граждан террористов»[71].

16 февраля 1907 г. на железнодорожной станции Тамбов в 17.00 собралась «громадная толпа воспитанников и воспитанниц средних учебных заведений» для демонстративных проводов членов Государственной Думы социал-демократов Киселева и В.М. Баташева. Депутатам был преподнесён букет цветов с красными лентами с надписями: «Дорогому товарищу» и «Свободная школа — в свободном государстве». Полиция призвала учащихся разойтись, но семинарист 4-го класса Т. Щеглов, гимназистка 7-го класса М. Каверина и ещё двое учащихся стали дерзко отвечать полицейским. Благодаря противодействию собравшихся полицейским удалось задержать только Щеглова и Каверину, которые получили трое суток ареста[72].

11 апреля 1907 г. у воспитанника 1-го класса Тамбовской духовной семинарии И. Соловьева был найден подписной лист № 10 «в пользу семинариста, стрелявшего в ректора семинарии» с красной печатью революционной организации и с карандашными пометками о пожертвованиях в его пользу (по 10 копеек). При дальнейших обысках у целого ряда воспитанников 3-го класса были найдены революционные прокламации и листовки, а также два экземпляра «Устава революционной организации Тамбовских семинаристов»[73].

17 сентября 11 девочек и 5 мальчиков из числа воспитанников Тамбовской фельдшерской школы «явились скопом» в здание Тамбовского окружного суда, куда были доставлены 45 политических заключенных «с целью выразить им сочувствие и учинить демократическую защиту». Две воспитанницы арестованы на месяц, остальные получили по две недели ареста[74].

Секретный циркуляр директора Департамента полиции М.И. Трусевича от 14 января 1907 г. губернаторам и градоначальникам выражал обеспокоенность о неэффективности мер профилактической борьбы с инакомыслием: «Из полученных Департаментом полиции сведений усматривается, что нередко лица, высланные из данной местности в порядке п. 4 ст. 16 «Положения об охране» по причине их неблагонадежности, по приезде на новое место жительства вступают тотчас же в сношение с местными неблагонадежными лицами и оказывают им содействие в деле противоправительственной агитации. Между тем, местные власти, не имея сведений о приезде

высланного, лишены возможности установить за ними своевременно должное наблюдение и тем предотвратить результаты его преступной агитации»[75]. На основании этого циркуляра органы полиции стали уведомлять гражданские власти о подобных лицах. Но всем было очевидно, что общественный протест был массовым и повсеместным.

Оценивая деятельность правоохранительных органов Российской империи в период с 1866 по 1917 гг., необходимо констатировать, что именно в этот период сложился действующий и сегодня алгоритм: террористический акт ведёт к ужесточению политических репрессий и обоснованию их, в том числе и необоснованных; эти же репрессии, в свою очередь, ведут к новым террористическим акциям, создают благодатную почву для них и меняют отношение общества к действиям власти. Важнейшее влияние на совершение террористических актов влияет отношение к этому общества. Именно поэтому борьба с политическим инакомыслием имеет не только превентивную функцию, но и активную.

Опыт Российской империи в последней трети XIX и первые годы XX вв. показал, что борьбу с инакомыслием можно ввести в деятельность всех сфер государства. Также было продемонстрировано, что механизм борьбы с инакомыслием своевременно подвержен корректировке и способен отлаживаться в сравнительно короткие исторические сроки (5-10 лет).

Вместе с тем, именно тотальная борьба органов государственной безопасности с инакомыслием привела к возникновению либеральной оппозиции, принципиальному росту протестных настроений в обществе и даже поддержке террористических актов против представителей царской семьи, самодержавной власти и даже рядовых сотрудников политической полиции низшего звена. Закономерным следствием стала революция 1905–1907 гг. и последовавший за тем резкий откат в борьбе с инакомыслием. По мере того, чем более тотальными и массовыми становились меры Департамента полиции в борьбе с инакомыслием, тем более расширялось протестное движение в стране.

Принципиально заметить, что процесс видоизменения борьбы с инакомыслием самым непосредственным образом отразился и на деятельности Департамента полиции. Представители органов безопасности не только получили массированный удар по своей репутации в результате разоблачения Е.Ф. Азефа и своей практической работы в последние революционные годы. Процесс над бывшим директором Департамента полиции в 1902–1905 гг. А.А. Лопухиным больно ударил по внутренней сплоченности и

мобилизованности сотрудников политической полиции.

Он закончился осуждением Лопухина 1 мая 1909 г. к пяти годам каторжных работ с лишением всех прав состояния и отставкой ряда руководящих полицейских чиновников. После этого, вплоть до развала империи в 1917 г., деятельность сотрудников Департамента полиции и секретной агентуры стала более осторожной и осмотрительной, даже при выявлении очевидных фактов антигосударственной деятельности полицейские и жандармские чиновники на местах предпочитали отыгрывать «в стол»[76]. При этом, в защиту А.А. Лопухина следует отметить, что наравне с борьбой с революционным движением, он в равной мере видел опасность в экономическом развитии страны и пытался активно бороться с религиозно-политическим сепаратизмом, адекватно и комплексно оценивая угрозы национальным интересам России[77].

На наш взгляд, именно процесс над Лопухиным привёл к росту политического инакомыслия в структуре, единственно юридически и организационно призванной к борьбе с ним. И это резко повлияло на позиции самодержавия — всего за несколько лет прочно стоявший ещё к началу XX в. престол развалился.

Простого ответа на то, отвечала ли деятельность политической полиции национальным интересам страны или она преследовала только интересы правящей элиты, быть не может. Да, Департамент полиции успешно защищал интересы страны во многих сферах. Но именно борьба с инакомыслием в угоду сохранения действующего строя и неспособность государственной элиты этого строя к национально ориентированным реформам свела все его усилия «на нет». И в этом смысле деятельность Департамента полиции нельзя признать национально ориентированной.

Нет никаких сомнений в том, что изучение опыта борьбы с инакомыслием в Российской империи позднего периода имеет практическую ценность в работе современных органов госбезопасности.

Реализация законодательства Российской империи по борьбе с контрабандой на путях международного сообщения на рубеже XIX–XX вв

Т.В. Иванова
г. Москва

Как свидетельствуют исторические источники, контрабанда явление давнее. Истоки зарождения и развития контрабанды, вероятно, следует искать в древние века, когда впервые была введена пошлина на ввозимые и вывозимые товары. О контрабанде в Древней Руси знали еще в X в. В древнерусском своде законов «Русская правда» уже были закреплены правила торговли, уплаты пошлин, штрафы за провоз или попытку провоза товара ухищренным способом.

На рубеже XIX–XX вв. контрабанда приобретает массовый характер. Развитие промышленности, бурное развитие железнодорожного и морского транспорта, способствовали не только значительному увеличению внешнеторгового оборота России, но в том числе создавали предпосылки увеличения объемов контрабанды через государственную границу на путях международного сообщения. Еще одной предпосылкой роста контрабанды в обозначенный период являлась жесткая протекционистская политика, а именно таможенного тарифа 1822 и 1903 гг.

Важным фактором успешного противодействия контрабанде стало совершенствование законодательства Российской империи по борьбе с контрабандой, которое реализовывалось в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), таможенных уставах и других документах. Однако жестких репрессивных мер, исключительно законодательного принуждения, было недостаточно. Борьба с контрабандой осуществлялась и другими способами.

Комплекс мер экономического, политического, военного, организационного характера, проводимый на границе, соответствовавший международным нормам и стандартам того времени, финансовым возможностям страны, был призван обеспечить необходимый уровень противодействия угрозам

безопасности Российской империи. На рубеже XIX–XX вв. фактически была сформирована система пропуска лиц, транспортных средств, товаров через границу Российской империи.

Законодательством при пропуске через границу лиц, транспортных средств, товаров закреплялось обязательное осуществление таможенного и пограничного надзора, а при необходимости проведение также иных видов контроля — ветеринарного, карантинного, филоксерного и других. Основным содержанием пограничного и таможенного надзора являлись экономическая и политическая функции, реализуемые пограничниками, таможенниками и жандармами в виде контрольно-разрешительных, запретительных действий. На практике, в зависимости от вида международного сообщения (морские, речные, железнодорожные пути, шоссейные и грунтовые дороги), отрабатывалась и корректировалась определенная технология пропуска через границу лиц, транспортных средств, товаров, отдельные элементы которой применяются и по настоящее время.

Таможенные учреждения были основой системы пропуска на путях международного сообщения, перед которыми стояли важнейшие задачи взимание таможенных сборов и контроль за провозом в страну «предметов, представляющих опасность с точки зрения существующего государственного и общественного строя»[78], пограничная стража выступала в качестве вспомогательного элемента. С привлечением жандармских органов к пропуску через границу лиц, транспортных средств, товаров полицейские (политические) функции постепенно закрепились за жандармами, хотя повсеместное распространение такая организация политического контроля в указанный период не получила. И только при советской власти аналогичные структуры как органы, призванные защищать идеологические интересы государства, были воссозданы в новой форме, в форме пограничного контроля.

Незаконное перемещение товаров и грузов через государственную границу Российской империи на путях международного сообщения приобретало массовый характер — крупные партии контрабанды переправлялись на транспортных средствах. Контрабандными считались товары, привозившиеся незаконным путем: не указанные в таможенных документах, сокрытые от таможенного контроля, запрещенные законодательством к ввозу или вывозу, а также провозимые или проносимые мимо таможни. Так, правилами о пассажирских вещах устанавливалось следующее. Прежде чем таможенник

приступал к досмотру вещей пассажира, он обязан был спросить пассажира о наличии у него товаров, облагаемых пошлиной. Если пассажир заявлял об отсутствии таковых, а при досмотре они обнаруживались, то на пассажира налагалось взыскание в размере двух третей причитающейся за эти товары пошлины. Товары, запрещенные к ввозу и необъявленные пассажиром, а также скрытые в тайниках или при себе под одеждой, в обуви и т. д., конфисковались.

Предусматривались различные санкции за перемещение через границу контрабанды, причем мера наказания определялась исходя из размера ущерба, причиненного экономическим интересам государства, то есть, разрешались эти товары к ввозу или не разрешались в соответствии с таможенным законодательством. Разрешенные к провозу в страну товары подразделялись на пошлинные и беспошлинные. Контрабанда беспошлинных наказывалась денежным взысканием 10 % от стоимости товара без конфискации; при вывозе за границу пошлинных товаров — 5-кратной пошлиной, без его изъятия, а при ввозе — взысканием в том же размере и его конфискацией. За контрабанду запрещенных товаров — его двойная стоимость, а товар изымался.

Согласно Таможенному уставу 1904 г. в случае, если «провозитель» «доказывал» хозяина товара, то наказанию подвергался хозяин, а «провозитель» платил штраф в размере 30–60 рублей[79]. Если контрабандист оказывался несостоятельным, он подлежал аресту и тюремному заключению. Меры наказания предусматривали также выселение из пограничного района, конфискацию частных средств передвижения (скот, упряжь, повозки) или возвращение казенных после оплаты их оценочной стоимости, ссылку на каторжные работы, длительные сроки тюремного заключения к тем лицам, кто занимался квалифицированной контрабандой, в составе группы, в том числе и вооруженной, оказывал сопротивление при задержании. Очевидно, что были причины и для следующей правовой нормы: «Никто из таможенных чиновников, равно офицеров и низших чинов пограничной стражи, не вправе наказывать телесно контрабандистов и кого бы то ни было из лиц, не принадлежащих к таможенному ведомству»[80].

Устав 1904 г. давал право пограничной страже и таможенному надзору в целях предотвращения незаконного перемещения грузов и товаров в страну (из страны) производить в пограничной полосе шириной в 875 саженей от границы обыски и выемки в домах и других жилых помещениях пограничных губерний Царства Польского, где контрабандный промысел

процветал. Наделял их теми же правами, какие были установлены для полицейских чинов, заменявших судебных следователей в производстве следственных действий.

Таможенный устав 1910 г. уточнил некоторые вопросы борьбы с контрабандой, предоставив органам таможенного надзора самостоятельно проявлять инициативу в производстве обысков и выемок контрабандных товаров в пределах 100-верстной полосы от линии сухопутной границы и морских берегов, с участием полиции, а за ее пределами — с помощью мировых судей, судебных следователей и полиции.

Увеличение преступлений, связанных с контрабандой, в конце XIX — начале XX в. было вызвано и тем, что сопредельные государства в своем экономическом развитии достигли более высокого уровня по сравнению с Россией. Так, бывший пакгаузный надзиратель Кретингенской таможни С.Р. Минцлов по этому поводу заметил: «Никакие грозные приказы и усилия штатов и окладов пограничной стражи и таможенной охраны не прекратят потока контрабанды, льющегося из Пруссии; и что есть только одно единственное, но совсем другое средство прекратить ее — надо стать в один уровень культуры с Германией. Контрабанда — точный показатель степени перевеса культурности одной страны над другой… В Австрию и Галицию контрабанда велась даже из России, а это вернейшее указание на совсем плохие дела у соседа»[81].

Значительное внимание правительство уделяло вопросам расширения сил и средств, привлекаемых для борьбы с контрабандой, и выработке комплекса мер по ее предотвращению, в том числе и улучшению оперативной работы. Так, 13 мая 1906 г. было принято решение об установлении взаимного обмена между таможенным ведомством и пограничной стражей агентурными сведениями о предполагаемой контрабанде. Списки контрабандистов издавались типографским способом, регулярно обновлялись и рассылались в таможенные учреждения, структурные подразделения ОКПС. Вместе с тем, эффективность от реализуемых мер не всегда оправдывала немалых государственных затрат — «зачастую ввоз контрабанды лишь только ослаблялся. Задерживали контрабанду случайно, и гораздо большее значение имели задержания по доносам».

Очевидно, что характер контрабандных товаров определяли, в том числе, социально-экономические и политические условия, сложившиеся в России в начале XX в.

В связи с революционными событиями 1905 г. в стране огромный поток контрабанды, оружия, антиправительственной литературы, нерегулируемая массовая эмиграция захлестнули

границу. И наиболее широко для нелегального проникновения использовались пути международного сообщения.

Незаконное перемещение из-за границы оружия приобретало угрожающие масштабы. Особенно усложнилась обстановка на границе с Финляндией. Финские таможенники достаточно лояльно относились к революционерам и потворствовали их деятельности. Такое положение было вызвано политикой, проводимой царским правительством по ликвидации финской автономии. В 1905 г. высочайше повелевалось о воспрещении ввоза оружия из-за границы и из Великого княжества Финляндского. В связи с этим, появился циркуляр Министерства внутренних дел о взыскании за хранение запрещенного к ввозу оружия. Затем последовали распоряжения от Министерства финансов таможенным учреждениям о том, что они немедленно должны докладывать о лицах, задержанных с оружием, местным полицейским властям, независимо от привлечения этих лиц к ответственности.

Усиление контроля за провозом через границу печатных материалов, оружия, взрывчатых веществ, боеприпасов было мерой, адекватной той реальной опасности, которая возникла для существовавшего политического строя империи. Согласно законодательству Российской империи, контроль за провозом оружия и боеприпасов возлагался на таможенный надзор, вне пределов таможни — на чинов ОКПС, но самое деятельное участие в этом принимали жандармы. По своей сути функции жандармов были направлены на защиту политических интересов государственной власти и в конце XIX — начале XX вв. стали приобретать приоритетное положение.

Полицейские функции осуществляли и пограничники, и таможенники. Уже в указании Департамента таможенных сборов от 12 марта 1881 г. содержалось требование к таможням наблюдать за ввозом взрывчатых веществ «не только в форме ручных бомб, но и в других видах, как-то: детских игрушек, букетов искусственных цветов и проч.»[82]. В таможенном циркуляре от 19 декабря 1895 г. сообщалось, что «тайно водворяемые из-за границы революционные издания заделываются, между прочим, в дешевые гипсовые и гончарные изделия, пересылаемые затем легальным путем через расположенные вдоль нашей границы таможенные учреждения»[83].

В условиях все более усложнявшейся политической обстановки для стабилизации положения предпринимались меры, направленные на усиление пограничного режима и режима государственной границы.

Министерство внутренних дел силами жандармов и полиции проводило целостный комплекс мер по охране границы, в том числе и по борьбе с нелегальной деятельностью через границу, розыску лиц, обеспечению общего порядка. Но жесткий контроль, осуществляемый ведомствами, не уменьшал потока нелегальной литературы, а проникновение в Россию революционных материалов, оружия, боеприпасов продолжалось накануне и во время Первой мировой войны. Для обсуждения мер против незаконного ввоза оружия и политической контрабанды было созвано Особое совещание под председательством министра внутренних дел действительного статского советника Н.А. Макарова и при участии представителей Департамента полиции Министерства внутренних дел, Департамента таможенных сборов Министерства финансов, Отдельного корпуса пограничной стражи.

По распоряжению П.А. Столыпина была образована Особая комиссия. В журнальном постановлении Особой комиссии (заседала 10, 17 и 24 февраля 1907 г.) одним из важнейших мероприятий по борьбе с водворением оружия в Россию назывался обмен получаемых сведений о контрабанде между местным начальством пограничной стражи и таможенным ведомством. Мероприятие это приобретало особое значение при получении заявлений о предполагаемом водворении из-за границы оружия, когда солидарность в действиях ведомств, на которых законом были возложены специальные обязанности вести борьбу с контрабандой, становилось еще более необходимой[84]. Комиссия также признала необходимым командировать в районы, через которые усиленно водворялось оружие, политическая контрабанда, межведомственные комиссии, в составе которых присутствовали представители Департамента таможенных сборов, Департамента полиции, ОКПС и чины от соответствующих таможенных округов и бригад пограничной стражи. Комиссия отмечала, что «таким путем необходимо объединить негласное наблюдение, которое ведется ныне совершенно обособленно всеми тремя ведомствами, то есть таможенниками, пограничной стражей и органами Департамента полиции»[85].

Межведомственная комиссия сделала выводы о необходимости поощрения участвующих в поимке оружия доносителей и лиц, его задержавших, выдачи немедленно особого вознаграждения по числу задержанных предметов. Необходимо было принять непосредственные меры против тайного ввоза оружия: соединить телеграфной сетью кордоны пограничной стражи, таможенных учреждений, рогаток, помещений

пограничных жандармских властей, возобновить действие железнодорожных отрядов пограничной стражи, чтобы пограничники несли службу во взаимодействии с чинами Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ), упорядочить движение по легитимационным билетам.

Кстати, возвращаясь к выяснению наиболее опасных мест проникновения оружия через западную сухопутную границу, представители ОКПС заявляли, что «такими местами представляются те таможенные учреждения на черте границы, рогатки, через которые производится особо оживленное пешеходное сношение местного приграничного населения в больших размерах»[86].

Комиссия признавала необходимым установление особой тайной агентуры при местных начальствах пограничной стражи, по примеру жандармских управлений. Что же касалось создания подобной агентуры при таможенных учреждениях, то управляющие таможен считали такую задачу невыполнимой.

Один из главных выводов, сделанных комиссией, заключался в необходимости достижения единства действий этих ведомств в деле борьбы с тайным ввозом оружия. Для этого требовалось установить четкий порядок обмена сведений по передвижению или хранению в России оружия.

Комиссия рекомендовала, чтобы пограничники, таможенники и жандармы «в периоды времени, обусловленные на местах, собирались вместе для обсуждения вообще мер, кои по местным условиям могут быть приняты для борьбы с контрабандой, а равно для выработки наиболее целесообразных в данной местности практических приемов по розыску провозимого оружия»[87].

Необходимость установления тесных контактов между ведомствами была очевидна, чему способствовала общность задач, выполняемых ими по обеспечению экономической и политической безопасности государства.

В июне 1908 г. межведомственная комиссия, которая была учреждена из представителей Департамента таможенных сборов, Отдельного корпуса пограничной стражи и Департамента полиции подготовила предложения для выработки инструкции о единстве действий чинов названных ведомств для борьбы с тайным провозом оружия и контрабандных товаров. В результате взаимоотношения ОКПС с ОКЖ определялись в рамках проведения совместного розыска лиц и согласования вопросов по ведению оперативной деятельности «при руководстве поимкой лиц, занимавшихся контрабандой оружия и товаров».

Ведомства создали систему немедленного информирования

друг друга, предопределили отдельные направления взаимодействия: взаимное представление информации, согласование действий по пропуску, издание совместных распорядительных документов и др. Межведомственные комиссии и различные совещания корректировали деятельность по вопросам организации пропуска через государственную границу.

Усложнение задач по предотвращению угроз национальной безопасности Российской империи требовали объединения усилий пограничной стражи, таможенников и жандармов в пунктах пропуска на путях международного сообщения, о чем и были сделаны выводы Особой комиссией, а затем подкреплены результатами работы межведомственных комиссий. В целом уже на рубеже веков завершилось формирование основополагающих начал охраны государственной границы.

Практическому воплощению решений межведомственной комиссии помешала Первая мировая война. Но и сегодня выработанные рекомендации звучат не менее актуально. На всех исторических этапах становления и развития России борьба с контрабандой на границе являлась государственным делом. Определенные исторические аналогии деятельности по установлению законности пересечения границы лицами и транспортными средствам, перемещения грузов и товаров достаточно четко просматриваются между нынешними реалиями и Российской империи рубежа XIX–XX вв. Именно под этим углом зрения можно говорить о принципиальной сопоставимости этих периодов, при всех естественных скидках на огромные изменения, происшедшие за этот временной отрезок.

Директор Департамента полиции А.А. Лопухин: материалы к биографии

С.В. Медведев
г. Москва

Обстоятельства раскрытия секретного сотрудника Е.Ф. Азефа бывшим директором Департамента полиции А.А. Лопухиным хорошо известны. О встрече Лопухина с издателем журнала «Былое» В.Л. Бурцевым и ее последствиях пишут и современники[88] и историки[89]. Исследователи изучили подробности ареста А.А. Лопухина[90], его пребывание в Минусинской ссылке[91], показания Чрезвычайной следственной комиссии, данные бывшим директором Департамента полиции в ноябре 1917 г.[92] Вместе с тем, не все периоды биографии Алексея Александровича одинаково хорошо отражены в историографии.

Будущий директор Департамента полиции родился в 1864 г. в Орле. В середине 1880-х гг. Лопухин закончил юридический факультет Московского университета, что позволило ему последовательно занимать должности товарища прокурора Рязанского окружного суда, затем Московского окружного суда. Начиная с 1896 г., Лопухин занимает должность прокурора: Тверского окружного суда (1896), Московского (1899) и Петербургского (1900) судов, Харьковской судебной палаты (1902). Как сообщается в документах 2-го департамента Министерства юстиции, в должности прокурора Харьковской судебной палаты Лопухин получал 3000 рублей в год, «а за удержанием 2 % на пенсии и 4 % в эмеритуру судебного ведомства — 2820 рублей, столовые — 1000 рублей, за удержанием 1 % на пенсии, 1 % на инвалидов и 4 % в эмеритуру — 940 рублей; квартирные — 1000 рублей, за удержанием 4 % в эмеритуру — 960 рублей»[93].

С 1902 по 1905 г. Лопухин занимал должность директора Департамента полиции. Судя по формулярному списку о службе исполняющего должность директора Департамента полиции от 24 мая 1902 г., 38-летний статский советник Лопухин получал в год 10 000 рублей[94]. В 1902 г. он был обладателем орденов св. Анны 2-й и 3-й степени, св. Станислава 3-й степени (в 1903 г. за этот орден, пожалованный в 1899 г., за Лопухиным числилась

недоимка в размере 30 рублей. Эта ситуация почему-то не решалась и Капитул российских императорских и царских орденов был вынужден обращаться в Министерство юстиции, отделение личного состава[95]); в 1903 г. — награжден болгарским орденом «За гражданские заслуги» 1-й степени и большим офицерским крестом ордена короны Италии; в 1904 г. — сербским орденом св. Саввы[96]. В 1903 г. Лопухин был принят в члены правления Шлиссельбургского крепостного округа Императорского Российского общества спасания на водах, а также в почетные члены Московского совета детских приютов (оба ведомства находились под покровительством императрицы Марии Федоровны)[97].

С 4 марта по ноябрь 1905 г. Алексей Александрович исполнял обязанности эстляндского губернатора.

Вероятно, в период работы Лопухина в должности прокурора Московского окружного суда состоялось его знакомство с начальником Московского охранного отделения С.В. Зубатовым. Однако, вопреки расхожему в исторической литературе убеждению, в 1899–1900 гг. их отношения были далеки от идеальных. Исследовательница Л.В. Ульянова в своей недавно изданной монографии приводит интересное высказывание С.В. Зубатова о работе московских прокуроров в 1899 г.: «Прокуроры без всякого стеснения заявляют, что с моей стороны является совершенно непростительным, раз я их не осведомляю накануне арестов об означенных следственных действиях, так как им необходимо немедленно давать (по телеграфу) об этом знать министру юстиции…, я, конечно, отругнулся и впредь этого делать не намерен»[98].

В 1902 г. А.А. Лопухин был назначен исполняющим обязанности директора Департамента полиции. Интересно, что уже через несколько месяцев после назначения Лопухина на пост, начался процесс организации охранных отделений в крупнейших городах Российской империи[99]. Как пишет Л.В. Ульянова, «жандармы-ученики С.В. Зубатова при А.А. Лопухине стали руководителями вновь созданных и уже существовавших охранных отделений. Так, Я.Г. Сазонов стал начальником Санкт-Петербургского охранного отделения (1903–1905), В.В. Ратко — Московского (1902–1905), А.И. Спиридович — Таврического, а впоследствии Киевского (1903–1906). Б.А. Герарди был назначен помощником начальника Сибирского охранного отделения (1903–1905)»[100]. Очевидно, отношения С.В. Зубатова и А.А. Лопухина изменились в лучшую сторону — в октябре 1902 г. Сергей Васильевич был назначен заведующим Особого отдела Департамента полиции, а общества взаимопомощи рабочих,

подконтрольные Московского охранному отделению, переживали настоящий расцвет. Как писал в 1916 г. С.В. Зубатов А.И. Спиридовичу, в 1903 г. его взаимоотношения с А.А. Лопухиным снова были далеки от идеальных. На этот раз они разошлись во мнениях относительно самого высокооплачиваемого агента Департамента полиции Е.Ф. Азефа: «Дело прошлое, но все же любопытно, как мог Азеф проагентурить до 1908 года, когда мы с ним разругались еще в 1903 году, перед уходом моим из Департамента? Что же могло усыпить у Департамента мое открытое выражение А.А. Лопухину сомнений в допустимости его тактики? Ведь я нарочно арестовывал его кружки без совета с ним, а уходя, помню, слышал, что на него за провалы косятся»[101].

В истории с увольнением Зубатова с поста главы Особого отдела Департамента полиции роль А.А. Лопухина представляется не очень ясной. В момент увольнения Зубатова Лопухин находился в отпуске в Париже: «В сентябре, в Париже, до меня дошли два сенсационные известия (так в тексте — С.М.). Первое сообщало об отставке Витте, точнее, о назначении его председателем Комитета министров, создавшем ему положение, которое он в своих «Воспоминаниях» дважды называет «бездеятельным», и равнявшемся отставке своей безвластностью. Изо второго я узнал об аресте и ссылке Зубатова»[102]. Можно одинаково поставить под сомнение и то, что для директора Департамента полиции отставка заведующего Особым отделом стала сенсацией и версию отставки, которую Лопухин приводит в своих воспоминаниях: «Зубатов составил письмо, как бы написанное одним верноподданным к другому и как бы попавшее к Зубатову путем перлюстрации. В нем в горячих выражениях осуждалась политика Плеве, говорилось, что Плеве обманывает царя и подрывает в народе веру в него, говорилось также о том, что только Витте по своему таланту и преданности лично Николаю II способен повести политику, которая оградила бы его от бед и придала бы блеск его царствованию. Это письмо Мещерский должен был передать лично Николаю II, как голос народа, и убедить его последовать пути, этим голосом указываемому. Но этому плану не было суждено осуществиться. Зубатов допустил крупную оплошность — он посвятил в него своего друга, а ранее секретного агента, Гуровича, прежнего революционера, известного по кружку «Начала». Гурович же тотчас отправился к Плеве…»[103]. Во-первых, вероятность отставки Зубатова уже в июле 1903 г. существенно возросла. Именно тогда началась знаменитая стачка рабочих Юга России, в которой приняли участие некоторые рабочие, сотрудничавшие с

агентами Зубатова[104]. Во-вторых, представляется маловероятной ситуация, при которой Зубатов сделал ставку на стремительно теряющего кредит доверия Николая II С.Ю. Витте, организовав странную интригу с подложным письмом. Каким образом анонимное письмо могло убедить царя в разрушительном для страны действии политики В.К. Плеве — непонятно. В-третьих, из довольно запутанных свидетельств Лопухина об обстоятельствах увольнения Зубатова можно сделать только один вывод: заступаться, ходатайствовать за опального Сергея Васильевича Алексей Александрович не собирался. Версия Ф.М. Лурье о том, что, увольняя Зубатова, министр внутренних дел В.К. Плеве пытался «лишить Лопухина главной его опоры, союзника, единомышленника, блистательного исполнителя»[105], не находит подтверждения в архивных документах.

Отношение А.А. Лопухина к еврейскому вопросу было неоднозначным. Исследователи обоснованно отмечают интерес директора Департамента полиции к сионизму, еврейским религиозным организациям и обществам взаимопомощи. Как пишет А.И. Логинов, «…в 1903 году в печати появилась записка за подписью его директора (Департамента полиции — С.М.) А.А. Лопухина «Сионизм». Структура, отвечающая за безопасность государства, и ее аналитики справедливо увидели в этих идеях угрозу для государственного устройства Российской империи. Требовалось не только усиление агентурной работы, но и использование новых методов»[106].

В то же время, в 1906 г., уже после увольнения с должностей директора Департамента полиции (март 1905 г.) и эстляндского губернатора (ноябрь 1905 г.), находясь в Мюнхене, Лопухин направил на имя министра внутренних дел П.А. Столыпина письмо, содержащее обвинение местных властей в организации еврейских погромов: «Письмом от 13 минувшего мая я счел долгом довести до сведения вашего превосходительства о том, что копия рапорта заведующего Особым отделом Департамента полиции Макарова министру внутренних дел об организации избиения евреев в городе Александровске, Екатеринославской губернии, и об участии в этом чинов Департамента полиции была передана редакции газеты «Речь» мною в виду глубокого моего убеждения, что только осведомленная прессой Государственная Дума в силах навсегда прекратить грозящее государству величайшей опасностью систематическое подготовление властями еврейских и иных погромов»[107]. Как отмечает сам А.А. Лопухин, реакция П.А. Столыпина на письмо была негативной: «Впоследствии мне стало известно, что за оглашение этого письма Столыпин поднимал вопрос о предании меня суду, но

даже щегловитовская юстиция не смогла найти в данном случае состава преступления»[108].

Интересно, что в это время на имя П.А. Столыпина начали приходить письма, обвиняющие А.А. Лопухина в различных должностных преступлениях. Так, потомственная дворянка А.В. Карпова писала 14 октября 1906 г.: «Ваше Высокопревосходительство, глубокоуважаемый Петр Аркадьевич! Будьте осторожны и не поддайтесь на удочку А.А. Лопухина; это очень опасный человек, конечно, не сам по себе, так как известно всем, что он очень недалек, но опасны те люди, по наущению коих он действует. Лопухин, будучи директором Департамента полиции, очень много прикарманил денег, а когда его прогнали из губернаторов, видя, что его песенка спета, он отдался жидам, которые за солидный куш выпустили сперва князя Урусова (Лопухин женат на сестре Урусова), а теперь выпускают Лопухина; жидам необходимо добиться оправдания Носаря, так как они возлагают на него большие надежды; сделать его героем и поставить во главе рабочего движения. Лопухин берет с жидов и совсем у них в руках, как человек падкий на золото, а сам полнейшая бездарность и вышел в люди, благодаря протекции министра Муравьева, который друг его отца»[109].

В 1909 г., когда А.А. Лопухин был обвинен в государственной измене, газета «Московские ведомости» вышла с ретроспективным обзором его противоправительственной деятельности в 1906 г.: «В первой Государственной Думе бывший товарищ министра внутренних дел князь В.С. Урусов в открытом заседании описывал, как в Департаменте полиции под наблюдением жандармского офицера Комиссарова печатались будто бы воззвания, призывающие к еврейским погромам. Правда это или нет — мы не знаем, но несомненно князь Урусов разглашал тайны, которые могли быть ему известны только по службе. Тогда же, в мае 1906 года, уволенный со службы директор Департамента полиции А.А. Лопухин, шурин князя Урусова, написал министру внутренних дел П.А. Столыпину письмо, в котором дополняя и выясняя разоблачения, сделанные своим зятем, сообщает, будто бы некоторые противореволюционные прокламации создавались в Департаменте полиции и им же распространялись, а осенью того же года эти сообщения передаются Лопухиным присяжному поверенному Грузенбергу для оглашения его по делу о совете рабочих депутатов и одновременно появляется в немецких, французских и английских газетах»[110].

22 августа 1909 г. газета «Вечерний Петербург» сообщала о том, что «Лопухину местом ссылки назначена деревня

Самодурова, Минусинского уезда, расположенная в семи верстах от города Минусинска»[111]. Так как ссылка бывшего директора Департамента полиции вызвала большой общественный резонанс, некоторые газеты попытались увеличить свой тираж путем публикации фантастических слухов. Так, уже 10 сентября 1909 г. «Смоленский вестник» живописал о кипучей деятельности Лопухина в Сибири: «Лопухин… ведет переговоры с анонимным французским товариществом о передаче приисков по реке Енисею в руки русских горных промышленников. Прииски дают золота на 3 миллиона рублей в год и платины на ту же сумму. Кроме того, Лопухин занят организацией второго Сибирского банка. Цель его — объединение сибирских капиталистов на почве дружного эксплуатирования сибирских богатств русскими. Сообщают, что енисейский губернатор отдал визит Лопухину и сказал, что он отдал распоряжение не стеснять его различными правилами, обычно применяемыми к ссыльным. Последнее сообщение от Лопухина гласит: «Выписана партия рабочих безработных с Урала в числе 500 человек. Дело разовьется. Пользуюсь относительной свободой. Богатство Сибири — край непочатый»[112].

Газетные слухи настолько обеспокоили Департамент полиции, что Лопухин 4 октября 1909 г. был вынужден опубликовать опровержение в «Биржевых ведомостях»: «Местом моего водворения является Мало-Минусинская волость, расположенная в 5 верстах от Минусинска. Жить же мне разрешено временно в Минусинске для лечения. У меня, как вы знаете, сахарная болезнь и артрит, кроме того, за время содержания под стражей, у меня появилось сильное притупление слуха»[113].

Енисейский губернатор Я.Д. Бологовский сообщал в Департамент полиции о том, что никаких встреч с представителями губернской администрации у Лопухина не бывает, живет ссыльнопоселенец скромно, не привлекая лишнего внимания: «Из представляемых мне минусинским исправником каждые две недели донесений о поведении и образе жизни Лопухина видно, что он живет тихо и в настоящее время, с моего разрешения, занят приведением в порядок библиотеки Минусинского уезда»[114].

Через 1,5 года положение Лопухина и его семьи не улучшилось. 20 апреля 1910 г. Алексей Александрович писал в письме князю Е.Н. Трубецкому: «С проведением железной дороги дороговизна стала здесь ужасная… И не мало страдаем мы от холода в нашей квартире. Можно и здесь найти два, три дома с некоторыми удобствами и теплые, но за это надо платить такие деньги, которые мы не можем тратить; можно и мясо купить не

хорошее, а сносное, но за него надо заплатить 40 копеек за фунт, а я и так, прожив столько лет своим трудом, поставлен в такое положение, что приходится жить на чужие деньги: если бы не брат Юша и Сережа Урусов, нам не на что было бы жить»[115]. 30 апреля 1910 г. Лопухин был принят на частную службу в Сибирский торговый банк с окладом 500 рублей в год. Занимался он гражданскими делами, связанными с банком — их оперативно доставляли ему на квартиру. Как пишет исследовательница Н.Н. Медведева, «по императорскому указу от 4 декабря 1912 года А.А. Лопухин был помилован и восстановлен в правах. В том же году Алексею Александровичу было разрешено вернуться в Москву, где он стал вице-директором Сибирского торгового банка»[116]. После Октябрьской революции А.А. Лопухин эмигрировал во Францию, где и умер 1 марта 1928 г.

В удивительной судьбе А.А. Лопухина можно найти много противоречий. Несмотря на то, что многие современники считали его либералом, Лопухин возглавлял одну из самых консервативных структур Российской империи — Департамент полиции — в сложнейший период его существования. Поддерживая руководителя Особого отдела С.В. Зубатова в его экспериментах, соглашаясь с его кадровой политикой, он все же не пришел на помощь своему подчиненному, когда у него начались проблемы. Будучи последовательным защитником евреев от притеснений и погромов после увольнения с занимаемых постов, Лопухин не придерживался этой линии, находясь во властных структурах. К примеру, в 1903 г. он участвовал в Особом совещании, посвященном «пересмотру существующих законов о евреях» под председательством шталмейстера Высочайшего двора генерал-лейтенанта И.М. Оболенского[117]. В реальности это совещание, будучи одним из многих, не изменило положение евреев в России, а архивные документы 1903–1904 гг. не сохранили свидетельств недовольства Лопухина бесплодными межведомственными дискуссиями.

Контрразведка накануне Великой войны

В.И. Лазарев
г. Москва

Начало XX в. стало годами бурного развития экономики ведущих европейских государств, включая Российскую империю. Строились гигантские заводы и фабрики, стремительно развивался железнодорожный и морской транспорт, совершались новые открытия в науке. Однако в сфере международных отношений уже в первое десятилетие нового века обозначились серьезные проблемы, которые в конечном итоге вскоре привели к военному конфликту невиданных ранее масштабов — Первой мировой войне. Два военно-политических блока крупнейших европейских государств — Тройственный союз и Антанта — спешно совершенствовали в этот период свои вооруженные силы, делали все необходимые приготовления к будущей войне.

Приближение военного конфликта особенно четко ощущалось в сфере деятельности спецслужб. Созданная незадолго до Первой мировой войны российская контрразведка в 1911–1914 гг. постоянно сталкивалась с попытками разведывательных служб вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии вести сбор информации об армии и флоте Российской империи, транспортных сообщениях, будущем театре военных действий.

Между тем, в российском обществе и даже в военной среде в эти последние предвоенные годы практически полностью отсутствовало понимание необходимости того, что в советский период истории нашей страны называли бдительностью. Прибывавшие в Российскую империю официально, либо под прикрытием сотрудники иностранных спецслужб и агенты чувствовали себя в стране достаточно вольготно.

Организацией противодействия иностранным разведкам и защитой секретов занимались в этот период контрразведывательные отделения (КРО) штабов военных округов, а также Петербургское городское КРО. К числу наиболее активно работавших в этом направлении подразделений следует отнести и Отчетное литера «Б» отделение штаба Московского военного округа (МВО). Контрразведывательное подразделение с таким условным наименованием возглавлял в предвоенные годы подполковник Отдельного корпуса жандармов князь В.Г. Туркестанов, в прошлом опытный оперативник, пришедший в

контрразведку с должности помощника начальника Московского охранного отделения.

Оперативная обстановка в Москве накануне войны по линии контрразведки была непростой. В городе проживало немалое количество иностранных подданных, среди которых находились и лица, которые, по данным контрразведки, могли принадлежать к кадровому составу или агентуре иностранных спецслужб. Кроме того, как отмечал в одном из документов, подготовленных в декабре 1913 г., подполковник В.Г. Туркестанов, ежегодно в городе находилось около 40–50 иностранных офицеров, прибывших для изучения русского языка, в том числе из Англии — до 15 человек, Швеции — до 10, Австро-Венгрии — до 7, Германии — до 5, Франции и Болгарии — от 1 до 3.

Контрразведчики достаточно быстро научились выявлять истинную цель приезда тех или иных офицеров. Иностранные офицеры, которые действительно приехали учить язык, как правило безвыездно проживали в Москве и регулярно посещали занятия. Вторая категория — офицеры-разведчики, использовавшие предлог изучения русского языка для приезда в Россию, постоянно путешествовали по стране, периодически выезжали за границу. Но особенно беспокойный образ жизни вели офицеры, приезжавшие «для усовершенствования в русском языке». Они разъезжали по всей стране, а в Москве вели праздный образ жизни.

Больше всего хлопот московским контрразведчикам доставляли австрийские офицеры. Как отмечал в своей записке В.Г. Туркестанов, «Я могу совершенно определенно утверждать, что каждый австрийский офицер, появляющийся в России, за самым малым исключением, приезжает сюда с единственной целью — военной разведки… Каждый офицер австрийского генерального штаба стремиться получить командировку для изучения русского языка, при этом для начала его будущей разведочной службы ему дается какая-либо задача. Если по возвращении из командировки он представит хорошие результаты ее, он получает вторую командировку уже «для усовершенствования в русском языке» и задачи более серьезные».

Совершенно не занимались разведкой шведские офицеры. Они же были наиболее прилежными учениками и наиболее стесненными в денежных средствах.

Каких-либо правил, которые бы регламентировали порядок пребывания в России иностранных офицеров, приехавших для изучения русского языка, не существовало. Если иностранный офицер прибывал в Россию в рамках официальной командировки, то он был обязан явиться в штаб военного округа. Все остальные

только заполняли листок адресного стола в полицейском участке. Причем, если не было указано воинское звание, то офицеры вообще не выделялись среди других прибывших в Москву. Лишь после настоятельных обращений контрразведчиков полиция стала сообщать в Отчетное литера «Б» отделение о прибывающих иностранных офицерах.

Организовав плотный контроль за иностранными офицерами, находившимися в столице, контрразведчики с удивлением обнаружили, что некоторые из них проживают на квартирах российских военнослужащих. Начальник отделения подполковник В.Г. Туркестанов вынужден был 9 января 1914 г. доложить окружному генерал-квартирмейстеру о том, что в городе отмечаются случаи проживания иностранных офицеров в квартирах русских офицеров. Подобное положение, по его мнению, являлось опасным с точки зрения контрразведки. Иностранный офицер, занимавший комнату в семье русского офицера, мог использовать свое общение с членами семьи для получения нужных ему закрытых сведений, в том числе получить доступ к секретной переписке по вопросам мобилизации, перевозок войск и т. п., которая могла оказаться на квартире русского офицера.

В своем докладе В.Г. Туркестанов приводил конкретные примеры. При этом он полагал «учреждение негласного наблюдения за внутренней обстановкой жизни офицерской семьи делом настолько щекотливым, что может быть вызвано лишь особо серьезными к тому данными».

Доводы контрразведки, по-видимому, не сразу стали восприняты военным командованием. Однако 7 мая 1914 г. начальник штаба МВО генерал-майор Е.К. Миллер направил командирам гренадерского, 5-го, 13-го, 17-го, 25-го армейских корпусов, а также некоторых других воинских частей и учреждений, секретное указание. В нем сообщалось, что в последние годы отмечается наплыв в пределы Московского военного округа, в особенности в Москву, иностранных офицеров, приезжающих, якобы, с целью изучения русского языка. Причем многие из этих офицеров занимают комнаты в семьях русских офицеров. Далее в указании говорилось, что в связи с тем, что данное обстоятельство может быть легко использовано в целях военной разведки, «командующий войсками округа находит проживание иностранных офицеров в квартирах русских офицеров неудобным и просит поставить об этом в известность всех офицеров…».

Следует особо отметить, что российский Генеральный штаб также практиковал направление своих офицеров для ведения

разведки с легальных позиций в страны Тройственного союза. Но отношение к ним в этих государствах было очень настороженное, причем не только со стороны официальных властей, но и в офицерской среде, и в целом в обществе.

В первые месяцы 1914 г. от негласных источников Отчетного литера «Б» отделения штаба МВО из окружения германского и австро-венгерского консульств в Москве стали поступать первые тревожные сообщения, которые свидетельствовали о приближении войны. Так, 20 февраля 1914 г. отделение получило агентурные данные о том, что в австро-венгерском генеральном консульстве в Москве на случай мобилизации вследствие осложнения отношений с Сербией ведутся усиленные работы по проверке и изготовлению призывных списков запасных воинских чинов, проживающих в районе консульства.

В начале января 1914 г. Отчетное литера «Б» отделение представило окружному генерал-квартирмейстеру три документа — списки лиц, в отношении который в особый период и военное время планировалось проведение временного задержания, либо применение административных мер. В преддверии войны 1 июля 1914 г. врио начальника КРО штаба Московского военного округа ротмистр Берманн утвердил у окружного генерал-квартирмейстера новый переработанный вариант этих документов. В список лиц, которые «в предмобилизационный период и в последующее за сим время подлежат особому наблюдению со стороны административных властей», вошли 19 австрийских подданных, 13 германских, 1 греческий, 38 российских, 1 румын, 4 шведа, 1 швейцарец и 3 японца.

Список лиц, подлежащих временному «арестованию» в предмобилизационный период содержал всего три фамилии: одного австрийца и двух японцев. В свою очередь список лиц, в отношении которых предполагалось принятие административных мер, включал 5 германских, 5 японских и 3 китайских подданных.

Как показали последующие события, составленные списки вскоре пригодились контрразведчикам. После обострения конфликта между Сербией и Австро-Венгрией на Балканах 13 июля 1914 г. Николай II утвердил «Положение о подготовительном к войне периоде». А 16 июля 1914 г. последовало указание начальника штаба Московского военного округа генерал-майора Е.К. Миллера начальнику Отчетного литера «Б» отделения провести обыск у нескольких проживавших в Москве австро-венгерских подданных.

Контрразведчики в эти тревожные дни внимательно отслеживали обстановку в генеральных консульствах Германии и Австро-Венгрии, а также среди проживавших в Москве подданных

этих стран, которые могли быть мобилизованы на случай войны. В ряде случаев счет шел на часы.

Так, 15 июля 1914 г. утром Берманн докладывал окружному генерал-квартирмейстеру о том, что, по агентурным сведениям, проживающие в Москве австрийские и германские запасные офицерские и нижние чины до настоящего времени вызова на родину не получали. Среди проживающих в городе чехов замечено большое волнение. Многие запасные воинские чины решили в случае получения повесток все же остаться в России. Среди проживающих в Москве германских колонистов царит уныние и сочувствия к Австрии-Венгрии и Германии не наблюдается.

Но уже во второй половине этого же дня последовал новый доклад Берманна, в котором говорилось, что по агентурным секретным сведениям сегодня австро-венгерским консульством получено извещение о том, чтобы все находящиеся в Москве австрийские запасные чины явились в консульство. О полученных сведениях начальник штаба МВО немедленно проинформировал телеграммой отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (ГУГШ): «Сегодня около часу дня проживающие в Москве австрийские запасные получили спешное приглашение явиться в генеральное консульство. Последующем донесу дополнительно. Миллер».

На следующий день, 16 июля 1914 г., временно исполнявший обязанности начальника контрразведывательного отделения ротмистр Берманн докладывал окружному генерал-квартирмейстеру уточненные данные. По его информации, проживавшие в Москве австрийские офицеры запаса получили от своего консульства предписания выехать на родину, в назначенные им части, в 24-часовой срок. Нижним чинам было объявлено быть в полной готовности к немедленному выезду после получения соответствующих уведомлений. Что же касается германских подданных, то они по состоянию на 16 июля 1914 г. еще никаких предписаний не получали.

Через имеющиеся агентурные возможности на телеграфе и почтамте сотрудники Отчетного литера «Б» отделения штаба МВО усилили в эти дни контроль за корреспонденцией, поступавшей в адрес консульств Австро-Венгрии и Германии. В частности, по указанию начальника отделения были задержаны впредь до особого распоряжения две перехваченные шифрованные телеграммы из Вены в адрес австрийского консульства. Одна из них имела следующий вид:

«Вена 5151 29 31 7 26м

6 89038 04139 62329 52069 12171 73012 09021 69478 48453

70503 88108 52604 15766 24543 02342 17146 64868 61949 75902 88924 34853 51239 45204 34215».

Аналогичные две шифрованные телеграммы из Берлина в германское консульство были пропущены, так как формально Германия еще соблюдала в отношениях с Россией нейтралитет, однако с них были сняты копии.

Контрразведчики предприняли попытку расшифровать телеграммы по горячим следам, но в отсутствии шифра сделать это не представилось возможным.

Не остались вне поля зрения российских контрразведчиков в этот период и офицеры-разведчики австрийского генерального штаба, проживавшие в Москве под предлогом изучения русского языка. В их число входили капитаны Р.К. Голинка и барон К.И. Стипзиц фон Тернова, прибывшие в город в апреле 1914 г.

14 июля 1914 г. в контрразведывательное отделение штаба МВО поступила телеграмма 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ генерал-майора Н.А. Монкевица с указанием организовать на ними «неотступное наблюдение». В тот же день Берманну поступила телефонограмма от начальника Московского охранного отделения подполковника Отдельного корпуса жандармов А.П. Мартынова. В ней говорилось, что капитаны австрийского генштаба Голинка и Стипзиц планируют выехать сегодня из Москвы: один — в сторону Варшавы, а второй — на Брест-Литовск, а оттуда — в Австрию. По пути предположительно будут вести наблюдение. Начальник Генерального штаба признал необходимым задержать этих офицеров до выезда их из России в пределах пограничных округов, обыскать их и не выпускать до соответствующего распоряжения местного военного командования. По приказанию министра внутренних дел подполковнику Мартынову было предложено оказывать Берманну содействие.

Берманн и Мартынов договорились организовать совместное наблюдение и принять в соответствие с указанием все необходимые меры. Вскоре было установлено, что капитан Стипзиц побывал в полицейском участке и получил визу на выезд за границу. Отъезд был запланирован на 15 июля 1914 г. Второй офицер — капитан Голинка — только что вернулся из Санкт-Петербурга и сразу же поинтересовался нет ли на его имя телеграмм.

В ходе организованного за австрийскими офицерами наружного наблюдения в дальнейшем было установлено, что они вместе посетили квартиру австрийского вице-консула. Оттуда Стипзиц вышел очень взволнованным, на автомобиле спешно отправился на свою квартиру, уложил вещи и отправился на

Александровский вокзал. Там он приобрел билет на почтовый поезд № 3 и в 10.30. выехал в вагоне первого класса в сторону Барановичей — Белостока. Его негласно сопровождали два агента наружного наблюдения КРО штаба Московского военного округа.

О выезде австрийского офицера и необходимости его задержания и обыска были ориентированы начальники контрразведывательных отделений Киевского, Варшавского и Виленского военных округов. В свою очередь, агенты наружного наблюдения, сопровождавшие австрийца, были проинструктированы на случай, если по каким-либо причинам они не свяжутся с сотрудниками перечисленных КРО, сопровождать офицера до пограничного пункта и там сообщить местным властям о распоряжении из Петербурга о задержании офицера. Начальник Московского охранного отделения подполковник Мартынов на всякий случай проинформировал в отношении выезда Стипзица соответствующие губернские жандармские управления.

Вечером 15 июля 1914 г. из Москвы в сторону Орла, направляясь за границу, выехал и капитан Голинка. Его негласно сопровождали три сотрудника наружного наблюдения (один от контрразведывательного отделения и два от Московского охранного отделения). О выезде были проинформированы жандармские управления в Орле, Киеве и Одессе.

Согласно поступившим к Берманну докладам сопровождавших австрийских офицеров сотрудников капитан Стипзиц был задержан 16 июля в Белостоке и по распоряжению властей отправлен в Варшаву. 17 июля на станции Луков был арестован и препровожден в Варшаву капитан Голинка. Во время обыска у Голинки был изъят пакет, выданный ему на руки австрийским посольством в Петербурге. Такой же пакет был изъят и у капитана Стипзица.

Так завершилась работа московских контрразведчиков в отношении офицеров австрийского генерального штаба, занимавшихся в России разведкой с легальных позиций. К сожалению, дальнейшая судьба задержанных австрийских офицеров не известна. Можно только с большой долей вероятности предположить, что в последующем их обменяли на интернированных в этот период в Австро-Венгрии российских подданных.

18 июля 1914 г. Германия объявила войну России. Через несколько дней в войну вступили Англия и Франция, и начались ожесточенные боевые действия, повлекшие за собой в последующие годы огромные людские потери и разрушения. В работе российской контрразведки наступил новый этап, который

характеризовался острым противоборством с противником в лице военно-разведывательных служб Германии и Австро-Венгрии.

Борьба ВЧК с антибольшевистским подпольем в первые месяцы советской власти (на примере ликвидации организации В.М. Пуришкевича)

В.В. Машко
г. Москва

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем стала первой исторической формой советских органов государственной безопасности. Важность и актуальность изучения деятельности ВЧК в первые месяцы советской власти обусловлены тем, что именно в этот период времени происходило организационное и правовое становление охранительных институтов, обеспечивавших безопасность Советского государства, формировались тактические приемы советского следствия, изучение которых позволяет оценить роль и значение ВЧК в становлении репрессивной политики большевиков. Именно в этот период произошел переход от отдельных вспышек гражданской войны, вызванных Октябрьским вооруженным восстанием, к той Гражданской войне, которая на пять лет разделила страну на противоборствующие лагери.

В связи с этим особый интерес вызывает изучение деятельности Петроградского Военно-революционного комитета и созданной 7(20) декабря 1917 г. ВЧК по раскрытию и расследованию одного из первых заговоров против советской власти, во главе которого стоял известный русский политический деятель, черносотенец В.М. Пуришкевич. Его имя к 1917 г. стало нарицательным и было известно без преувеличения всей России. О нем упоминали в своих произведениях Н.А. Тэффи (Лохвицкая), Саша Черный (А.М. Гликберг), С.Я. Маршак и даже его идейные противники, такие, как Л.Д. Троцкий, признавали в его образе «самодовлеющего шутовства» элемент «эстетического бескорыстия»[118].

События Февральской революции 1917 г. привели к достаточно серьезным изменениям во взглядах Пуришкевича. В конце марта 1917 г. он написал брошюру «Вперед!!! Под двухцветным флагом (открытое письмо русскому обществу)», в

которой описал картину разобщения русского общества и указал на то, что Временное правительство не является «выразителем общественного доверия», а деятельность Советов ведет к параличу власти в стране[119].

В мае 1917 г. В.М. Пуришкевич предпринял попытку издания собственной газеты «Народный трибун». В первом номере, подготовленным им самим, он опубликовал открытое письмо В.И. Ленину и большевикам с обвинением в развале фронта и тыла, а также предательстве Родины.

Пуришкевич также трансформировал деятельность созданного совместно с редактором «Исторического вестника» Б.Б. Глинским еще в 1916 г. «Общества русской государственной карты»[120]. Для этого данная организация была разделена на два отдела — гражданский и военный. С этого времени данная организация иногда неофициально именовалась как «Комитет спасения России», а ее главными задачами стали наведение порядка в стране в целях победоносного окончания войны и восстановление в России монархии.

Целью создания военного отдела являлось объединение «лучших представителей» офицерского состава, «не способных к компромиссам со своей совестью и с чувством воинского долга»[121]. При этом, по мнению Пуришкевича, спасти Россию могли представители главным образом трех профессий — «дворяне-офицеры» (из среды которых появились «подлинные глашатаи русской свободы — декабристы»), врачи и инженеры.

Для объединения русского офицерского корпуса в рамках «военного отдела» организации летом 1917 г. он пытался заручиться поддержкой главнокомандующего Западным фронтом генерал-лейтенанта А.И. Деникина, а также встречался с Верховным главнокомандующим Русской армией генералом от инфантерии Л.Г. Корниловым, рассчитывая привлечь их на свою сторону, но не встретил с их стороны поддержки.

Конспиративная деятельность Пуришкевича, тем временем, не осталась незамеченной, и в дни Корниловского мятежа он был арестован по подозрению в его участии и заключен в «Кресты». Однако обвинить его в чем-либо было трудно, так как от действий Л.Г. Корнилова он сразу же отмежевался, а никаких противозаконных деяний за ним не числилось. В результате, следствие так и не смогло предъявить В.М. Пуришкевичу каких-либо обвинений и 20 сентября 1917 г. после трехнедельного заключения в «Крестах» он был отпущен.

Оказавшись на свободе, В.М. Пуришкевич при помощи офицерского отдела «Общества русской государственной карты», продолжил вынашивать планы по установлению в стране твердой

власти и наведению порядка.

В число ближайших соратников Пуришкевича в октябре 1917 г. входили: доктор В.П. Всеволжский, генерал Д.И. Аничков, полковник Ф.В. Винберг, штабс-ротмистр барон Н.Н. де Боде (являвшийся начальником штаба организации), И.Д. Парфенов, капитан Д.В. Шатилов, несколько гвардейских офицеров, юнкеров и студентов из аристократических семей (бывший председатель монархистского союза студентов-академистов являвшийся секретарем «Общества русской государственной карты» Н.О. Граф, юнкера Д.Г. Лейхтенбергский, С.А. Гескет). Участники данной группы вербовали новых членов в свои ряды, приобретали оружие и готовились к возможному вооруженному выступлению.

Возобновив в конце сентября издание газеты «Народный трибун», В.М. Пуришкевич с ее страниц с жесткой критикой обрушился на власть, которую критиковал и высмеивал в публицистических заметках и стихах.

Произошедший 25 октября 1917 г. Октябрьский переворот В.М. Пуришкевич воспринял еще более болезненно, чем падение в России монархии. К власти пришла партия, с которой он боролся в течение многих лет, которую возглавляли представители столь нелюбимой им национальности.

26 октября 1917 г. типография его газеты была занята «для своих нужд» Всероссийским военно-крестьянским союзом[122].

Пуришкевич не мог смириться с приходом к власти большевиков и начал готовить возглавляемую им организацию к контрреволюционному выступлению.

При этом некоторые члены группы Пуришкевича приняли участие 29 октября 1917 г. в восстании юнкеров в Петрограде, подавленном большевиками при руководящей роли Петроградского военно-революционного комитета (ВРК), выполнявшего в первое время функции борьбы с контрреволюцией. В частности, юнкера, находившиеся на связи с Н.Н. де Боде, приняли участие в захвате телефонной станции, Михайловского и Инженерного замков.

Подавление выступления юнкеров, а также перенос алексеевской военной организацией своей деятельности из Петрограда на Дон и отъезд туда 30 октября 1917 г. ее руководителя генерала от инфантерии М.В. Алексеева, еще более осложнили положение членов организации В.М. Пуришкевича. Созданная им группировка осталась на тот момент единственной наиболее боеспособной контрреволюционной организацией в Петрограде.

Самому В.М. Пуришкевичу пришлось перейти на нелегальное положение, радикально изменить внешность. В этих целях он

переезжает в гостиницу «Россия», где проживает по подложному паспорту на имя Евреинова.

3 ноября 19917 г. во время попытки выкрасть бланки штаба Петроградского военного округа в Петрограде был задержан член организации В.М. Пуришкевича 17-летний прапорщик Кавказского ударного батальона Е.В. Зелинский. Его доставили в Смольный, где он был допрошен членом Военно-революционного комитета Н.В. Крыленко и членом Военно-следственной комиссии А.И. Тарасовым-Родионовым.

На допросе он заявил, что выполнял задание руководителя подпольной организации «Русское собрание» В.М. Пуришкевича, который завербовал его в офицерско-юнкерскую организацию, готовившую вооруженное выступление против Советской власти, и поместил в оплачиваемую монархистами гостиницу «Россия», где уже жили другие офицеры и юнкера. По заданию этой организации Зелинский и пытался выкрасть бланки в штабе Петроградского военного округа[123].

В связи с полученными данными в ночь на (5)28 ноября 1917 г. были арестованы В.М. Пуришкевич, Н.Н. де Боде, И.Д. Парфенов, Н. Граф, П.Н. Попов, А.Б. Душкин и др. — всего 14 человек[124].

В номерах гостиницы «Россия» было найдено оружие, заготовленное заговорщиками, а на квартире И.Д. Парфенова, являвшейся местом собраний монархистов, нашли пачку подложных удостоверении на бланках различных воинских частей и список лиц, связанных с штабс-ротмистром Н.Н. де Боде. На столе лежало еще не отправленное, но подписанное (4-м октябрем) В.М. Пуришкевичем и Н.Н. де Боде письмо к генералу А.М. Каледину, в котором говорилось, что «…спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части»[125]. В письме В.М. Пуришкевич интересовался возможным сроком приближения войск А.М. Каледина к Петрограду и обещал в случае такового поддержку.

После своего ареста В.М. Пуришкевич заявил, что он не готовил вооруженного восстания, так как не видел в данный момент времени никакой почвы, а также отмежевался от участия в восстании юнкеров и деятельности «Комитета спасения Родины и революции», указав, что юнкера, входившие в организацию, действовали без его одобрения.

Следствие в отношении организации В.М. Пуришкевича показало наличие у нее связей с другими контрреволюционными группировками. Так, 23–28 декабря 1917 г. ВЧК раскрыла ячейку

офицерской организации «Военная лига» и арестовала двух членов «главного совета» «Военной лиги» — князя Д.Н. Шаховского и Л.Л. Малеванова, а также еще четырех человек, связанных с этой организацией. В ходе следствия, которое вел Ф.Э. Дзержинский, было установлено, что «Военная лига» имела связь с В.М. Пуришкевичем.

Примечательно, что Пуришкевича допрашивал сам Дзержинский. В лице Пуришкевича Дзержинский столкнулся с идейным монархистом, который обосновывал свои убеждения своеобразной политической философией. Так, не отрицая важность реализации принципов социализма, за которые борется Дзержинский, Пуришкевич доказывал, что современный уровень развития русского народа не допускает никакой формы правления, кроме монархии.

В первые два месяца своего существования ВЧК обладала лишь правом на осуществление розыска и на производство предварительного следствия. Все возбуждаемые ею дела передавались на рассмотрение в революционные трибуналы.

Суд по делу Пуришкевича и 13 его сподвижников, происходивший с 28 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г., был первым крупным политическим процессом о монархическом заговоре против советской власти. Дело вызвало большой общественный резонанс. Зал судебного заседания был переполнен. Пришло много друзей и близких подсудимых. Защищать монархистов «из публики» вызвались видные петроградские адвокаты, в том числе В.М. Бобрищев-Пушкин, его сын — А.В. Бобрищев-Пушкин и другие. Обвинителями были Д.З. Мануильский и другие. При этом на «деле Пуришкевича» выясняется, что подсудимым не были вручены обвинительные акты и они не знают, какие преступления им инкриминируются. В результате суду пришлось исправлять эту ошибку в ходе процесса.

В.М. Пуришкевич и Н.Н. де Боде обвинялись в создании «офицерско-юнкерской организации», поставившей себе целью путем вооруженного выступления захватить власть, восстановить монархический образ правления, в снабжении этой организации материальными средствами и оружием, при помощи «Комитета спасения Родины и революции», организации вооруженного восстания юнкеров, повлекшей за собой массу жертв.

Приговор «от имени революционного народа» от 3 января 1918 г. гласил: «В.М. Пуришкевича подвергнуть принудительным общественным работам при тюрьме, сроком на 4 года условно, причем после первого года работ с зачетом предварительного заключения В.М. Пуришкевичу представляется свобода, и если в

течение первого года свободы он не проявит активной контрреволюционной деятельности, он освобождается от дальнейшего наказания». Троих участников на этих же условиях приговорили к 3 годам условных работ при тюрьме, остальные сроки были определены в пределах от 2 до 9 месяцев. Двое участников организации Пуришкевича были освобождены по молодости лет (оба юнкера и участники восстания). При этом в приговоре говорилось, что из числа привлеченных к делу в качестве обвиняемых не были разысканы и арестованы: доктор Всеволожский, капитан Шатилов, генералы Д.И. Аничков, Серебров, А. Гоц, полковник Г.П. Полковников.

Следует отметить, что такие же мягкие приговоры в первоначальный период существования советской власти наблюдались и в других случаях. Однако не всеми видными большевиками они одобрялись. Так, один из создателей и первых руководителей ВЧК Я.Х. Петерс в своих воспоминаниях сокрушался по поводу этого приговора. Большевики в ВЧК выступали за смертную казнь для Пуришкевича, и только принципиальная позиция левых эсеров и особенно наркома юстиции И.З. Штернберга не только позволили В.М. Пуришкевичу избежать смертной казни, но и отделаться таким мягким приговором[126].

Пуришкевич до 26 февраля 1918 г. сидел в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, сначала в камере № 42, затем — в № 69, 26 февраля 1918 г. его переводят в «Кресты», в камеру № 14[127]. За период более чем 5-месячного заключения Пуришкевич написал стихотворный сборник «Песни непокорного духа». При этом он вел заочную полемику с Лениным, чей образ кочует из его стихотворения в стихотворение. Показательны и их названия «Утопистам», «Хам», «Ленину», «На Троцкий мир», «Вождям анархизма»[128].

В его стихотворениях, написанных в «Крестах», нет ни капли сожаления. Так, в стихотворении «Ленину», написанному 15 марта 1918 г., В.М. Пуришкевич пишет:

> «Я арестант, по воле рока,
> А ты — в вельможи вдруг попал,
> Я знаю Русь мою глубоко,
> А ты? Лишь то, что прочитал!»[129].

17 апреля 1918 г. Ф.Э. Дзержинский вместе с народным комиссаром финансов Н.Н. Крестинским согласились временно

освободить В.М. Пуришкевича в связи с болезнью сына, под честное слово не участвовать в политической деятельности во время его пребывания на свободе, а 1 мая 1918 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, в ознаменование международного пролетарского праздника издал декрет об амнистии всех осужденных за политические преступления. При этом при обсуждении вопроса об амнистии представитель комиссариата юстиции А.И. Свидерский отметил, что у В.М. Пуришкевича в последнее время происходит какой-то перелом в политических настроениях. Узнав о таком «комплименте», В.М. Пуришкевич 4 мая 1918 г. сообщил в газете «Новая жизнь», что он остался тем же, кем был, не изменившись ни на йоту.

После освобождения Пуришкевич перебрался на Украину, а потом — на юг России, к белым.

В истории с пресечением деятельности организации В.М. Пуришкевича поражает, прежде всего, мягкость с которой обошлись с ним и его сподвижниками большевики. Такая политика в первые месяцы советской власти, по нашему мнению, была обусловлена рядом причин.

Во-первых, подобное мягкое наказание контрреволюционеров было связано с дооктябрьскими представлениями большевиков о характере пролетарской диктатуры, не допускающей преследования по политическим убеждениям. В этом ключе амнистия 1 мая 1918 г. должна была стать примером милосердия к политическим врагам.

Во-вторых, она определялась оценкой характера угроз, исходивших от контрреволюционеров-монархистов в первые месяцы советской власти, для подавления которых не было необходимости в смертной казни и длительных сроках тюремного заключения. Деятельность подобных групп заговорщиков трактовались как «последние сполохи» старой власти.

В-третьих, личность самого В.М. Пуришкевича была столь неоднозначной, что с его заслугами перед жителями России, в том числе рабочими, вынуждены были считаться его оппоненты. Так, в годы Первой мировой войны по инициативе В.М. Пуришкевича был организован «Приют главной палаты русского народного союза имени Михаила Архангела для детей-сирот воинов-рабочих Путиловского завода»[130], а санитарные поезда и питательные пункты, организованные им в годы войны, снискали себе славу лучших[131].

Таким образом, анализ деятельности ВЧК по борьбе с антибольшевистским подпольем в первые месяцы советской власти на примере пресечения деятельности организации В.М. Пуришкевича свидетельствует о проявлении руководством

большевиков, в том числе руководителем ВЧК Ф.Э. Дзержинским, здорового прагматизма в отношении своих политических оппонентов.

Организация Временным правительством и антибольшевистскими режимами порядка пересечения государственной границы в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1917–1922 гг

А.В. Соколенко
г. Хабаровск

В феврале 1917 г. в Российской империи произошла революция, приведшая к отречению императора Николая II от престола и падению самодержавия. В последующий период политические силы, ведущие борьбу за власть в стране, предпринимали различные меры по установлению порядка пересечения границ российского государства. В представленном материале изложены мероприятия, которые предпринимались Временным правительством[132] и антибольшевистскими режимами по установлению контроля за пропуском российских и иностранных граждан через государственную границу России в Забайкалье и на Дальнем Востоке в преддверии, а также в ходе Гражданской войны.

В период деятельности Временного правительства пропуск лиц через государственную границу России, в том числе в Забайкалье и на Дальнем Востоке, был организован по ранее установленным временным правилам о выдаче заграничных паспортов и свидетельств на въезд в империю от 25 октября 1916 г. В соответствии с этими правилами все лица, желающие пересечь границу российского государства, должны были обратиться к российским компетентным органам за выдачей им заграничных паспортов. В общем порядке на территории России вопросом выдачи заграничных паспортов ведал губернатор и соответствующие губернские и областные правления, а за границей — подлежащие консульские и дипломатические учреждения. Также в указанных правилах оговаривалось, что этими же правилами и Уставом о паспортах определены отдельные особые случаи по выдаче заграничных паспортов

(например, дипломатам)[133].

Нужно отметить, что с 17 июня 1871 г., организация пропуска лиц через государственную границу на основных путях международного сообщения России, была возложена на чинов жандармерии[134]. При этом до упразднения Департамента полиции Министерства внутренних дел вопросы по организации пропуска через государственную границу выстраивались в рамках разработанных им инструкций, циркулярных указаний и распоряжений. Как до, так и уже в ходе Первой мировой войны, до марта 1917 г., Департамент полиции взаимодействовал с Отделом генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба по вопросам выезда или въезда тех или иных лиц в страну. В частности, Департамент полиции по соглашению с ГУГШ рассылал на пограничные пункты списки лиц, которым въезд в пределы России был не желателен, подозреваемых в шпионаже и пособничестве иностранной разведке. В каждом случае прибытия на пограничный пункт кого-либо из перечисленных в этих списках лиц, жандармские офицеры запрашивали по телеграфу указания Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ, относительно их пропуска на территорию империи или выезда из страны и какие со своей стороны меры при необходимости они должны были ещё предпринять. Также в соответствии с правилами от 25 октября 1916 г. и указаниями Департамента полиции, при выезде или въезде лиц на пограничных пунктах офицеры Отдельного корпуса жандармов запрашивали из Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ заполненный желающим пересечь российскую границу лицом и засвидетельствованный указанным отделом опросный лист (анкету), снабжённый фотокарточкой. Установление таких мер по пропуску через государственную границу стало ответом на иностранную разведывательно-подрывную деятельность, активизировавшуюся с началом военных действий[135].

Последовавшая в марте 1917 г. ликвидация ОКЖ и упразднение Департамента полиции МВД Временным правительством России привели к различным проблемам в обеспечении государственной безопасности[136]. В частности, возникли трудности в организации проверки законности пересечения государственной границы лицами, прибывающими на территорию России и убывающими из её пределов. К этому ещё нужно добавить, что к указанному времени отечественное таможенное ведомство было в значительной степени парализовано. На 75 % Европейской границы России велись военные действия и большая часть, действующих на границе в данном регионе, таможен закрылось на длительный срок[137].

Появились сложности в организации пребывания и проживания российских граждан в других странах. Так, Российская миссия в Пекине вынуждена была вносить изменения в ранее установленные с ноября 1916 г. правила для постоянно проживающих русских подданных на территории Китая[138]. Российским консульским учреждениям в Китае в циркуляре от 14 марта 1917 г. № 295 было указано об отмене для российских граждан, проживающих в Китае, условия иметь установленные заграничные паспорта. Посланник Российской миссии в Пекине князь Н.А. Кудашев отмечал, что это требование «хотя и основанное на законе, но в настоящее время невыполнимое …»[139].

Происходящие изменения в системе управления российским государством, в том числе и на местах, не могли не сказаться на организации контроля пересечения государственной границы. В Сибири и на Дальнем Востоке после упразднения ДП и ОКЖ пропуск лиц через государственную границу был передан в введение военных. Контроль пересечения лицами российской государственной границы в указанных регионах стал обеспечиваться штабами Иркутского и Приамурского военного округа, а пропуском грузов и товаров продолжали заведовать местные таможенные органы[140].

В связи с тем, что все губернаторы Временным правительством были отстранены от управления, обязанности по выдаче заграничных паспортов были возложены на заменивших их комиссаров, которые на местах являлись представителями от новой центральной власти. При этом имеющие временный статус, созданные на период перехода от областного правления к земскому и городскому, Комитеты общественной безопасности также принимали участие в контроле за выездом и въездом в страну. Так, заграничные паспорта областным комиссаром стали выдаваться только тем лицам, которые вместе с другими документами подали в областное правление заполненные опросные листы. На опросные листы, после наведения соответствующих справок, председателем секции Владивостокского комитета общественной безопасности по борьбе со шпионажем накладывалась отметка, например, о неимении препятствий к выезду за границу лица. При этом ГУГШ списки на лиц, подозреваемых в шпионаже, ведущих разведывательную деятельность, въезд которых в Россию не желателен, либо подозреваемых в чём-либо, выезд которым запрещён, стали направляться в пограничные пункты через местное контрразведывательное отделение и контрразведывательные пункты[141].

Следует отметить, что после отстранения офицеров ОКЖ от контрразведки и паспортно-визового контроля, позиции России в Сибири и на Дальнем Востоке страны в борьбе с иностранной разведкой значительно ослабли. Противники и власти ряда стран, до последнего времени считающиеся союзниками либо занимающие в период Первой мировой войны нейтральную позицию, наоборот, пользуясь откровенными упущениями российской центральной власти в оценке угроз безопасности в указанных регионах, усилили здесь свою деятельность и успешно стали её наращивать[142].

С течением времени система пропуска через государственную границу на Востоке страны стала приходить в упадок. В июне 1917 г. комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке А.Н. Русанов докладывал военному министру, министру внутренних дел и в ГУГШ о том, что пункты пропуска в Маньчжурии не функционируют, граница практически открыта, не ведётся регистрация проезжающих, контроль пересечения границы и проверка документов ведётся военными, которые не обладают для этого необходимыми знаниями, владеющих иностранными языками были единицы. Но центральная власть ничем помочь окраине страны в решении этих вопросов не могла. В связи с этим российские власти Дальнего Востока самостоятельно принимали решения по налаживанию и организации контроля за порядком пересечения государственной границы. Понимая, что вопрос чёткой организации системы пропуска через границу являлся важнейшим в системе обеспечения государственной безопасности, контрразведка штаба Приамурского военного округа предпринимала в этом направлении определённые шаги. Вопросы по порядку пропуска через границу контролировались лично начальником КРО и начальниками КРП, которые для этого организовали взаимодействие с военным руководством пограничных пропускных пунктов. В июне 1917 г. во Владивостоке состоялось специальное совещание по вопросу организации пропуска лиц через границу, участие в котором среди прочих принимал от военной контрразведки подполковник А.А. Немыский. Уже в конце июня 1917 г. на станциях Куаньчэнцзы, Маньчжурия и Пограничная были устроены пропускные паспортные пункты. К этому времени такой же пункт уже функционировал во Владивостоке[143].

На местах заменить быстро чинов ОКЖ было некем, в связи с чем, в соответствии с указанием военного министра А.И. Гучкова, они после упразднения Корпуса до особого распоряжения ещё некоторое время продолжали исполнять, возложенные на них

обязанности[144]. Но даже когда наступил момент окончательного прекращения исполнения бывшими чинами ОКЖ своих обязанностей, предпринимались попытки некоторых из них, как особо ценных сотрудников, оставить при деле. В частности, комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке А.Н. Русанов просил генерал-квартирмейстера ГУГШ оставить подполковника А.А. Немыского в должности начальника КРО Приамурского военного округа. По мнению Русанова в своём деле он был незаменим и более того мог организовать курсы обучения и подготовки кадров для контрразведывательной деятельности. Однако в центре от намеченного курса не стали отходить и окончательно своим решением отстранили бывших чинов ОКЖ от контрразведывательной деятельности. В частности, приказом ГУГШ 1 сентября 1917 г. А.А. Немыский переводился в резерв чинов при штабе Киевского военного округа. Однако А.А. Немыский данное распоряжение, по сути выполнить не успел, произошла Октябрьская революция, а затем началась Гражданская война и свою дальнейшую судьбу он уже связал с деятельностью белогвардейских спецслужб, действующих на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны[145].

После Октябрьской революции 1917 г. установление советской власти на Дальнем Востоке по ряду причин затянулось до марта 1918 г.[146] При этом местные таможенные органы, корчемная и пограничная стража, действовавшие на старых основаниях, из-за отсутствия финансирования к марту 1918 г. прекратили существование. Однако, несмотря на то, что в период с марта по сентябрь 1918 г. советская власть стала выстраивать таможенно-пограничную службу на новых началах, к октябрю 1918 г. она была вынуждена свернуть всю деятельность в этом направлении из-за массового наступления белых войск и интервентов. Придя к власти, сторонники белых режимов стали выстраивать свою систему охраны границы[147].

20 ноября 1918 г. посланником Российской миссии в Пекине князем Н.А. Кудашевым во все российские консульские учреждения в Китае был направлен циркуляр № 1203. В нём подчёркивалось, что в связи с большим притоком русского населения в Китай, среди которого имелось много «нежелательных и подозрительных элементов», а также уклоняющихся от регистрации, необходимо было принять меры по усилению контроля проезда по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). В это же время Японией для проезда по Южно-Маньчжурской железной дороге было установлено требование о визе паспортов. По сообщению князя Н.А. Кудашева Российской миссии в Пекине удалось согласовать с японскими

дипломатическими властями условие о том, что виза русским гражданам, проезжающим в Харбин и Россию по указанной железной дороге, должна была проставляться в паспорта только тех русских граждан, в чьих паспортах имелась отметка российского консульского учреждения: «г… (имя и фамилия). Годен для проезда в …», — по-русски и тождественную на французском и английском языках. Такая отметка должна была проставляться бесплатно в регистрационном порядке всем русским гражданам. Однако при этом, чтобы эта мера как можно быстрее оказала воздействие на складывающуюся обстановку на границе государства в пользу белогвардейской власти в Забайкалье и на Дальнем Востоке, российские учреждения Министерства иностранных дел (МИД) в Китае установили запрет на простановку указанных регистрационных отметок в любые документы, выданные большевистскими властями. Российские учреждения МИД в Китае предлагали владельцам таких документов взамен новые паспорта или удостоверения на проезд[148].

Несмотря на то, что российские учреждения МИД в Китае вводили требования, направленные на повышение контроля за передвижением российских граждан, для этого нужны были более действенные меры. Этому процессу способствовало утверждение 11 апреля 1919 г. Советом Министров Российского правительства адмирала А.В. Колчака (г. Омск) (далее — Российское правительство), разработанных межведомственной комиссией МИД, «Временных правил для въезда русских из-за границы». Правила были опубликованы 25 апреля 1919 г. в официальном «Правительственном вестнике». В соответствии с правилами русские подданные, желавшие въехать в пределы территории Российского правительства, обязаны были предварительно подать заявление в российское учреждение МИД, расположенное на территории государства, в котором они проживают. Проситель к заявлению должен был приложить пять фотографий, удостоверение личности и его непричастности к большевизму. Перечень удостоверений личности (иных документов), признаваемых в качестве действительных в правилах был перечислен. Таковыми документами являлись: «а) внутренний русский паспорт, выданный до большевистского переворота; б) внутренний русский паспорт, выданный одним из противобольшевистских областных правительств; в) заграничный паспорт, выданный до большевистского переворота или же выданный одним из противобольшевистских областных правительств; г) устные и письменные показания или поручительство лиц, пользующихся доверием Русской миссии; д)

удостоверения организаций, ведущих борьбу с большевизмом; е) данные письменные, печатные и устные заявления о том, что проситель подвергался со стороны большевиков судебному или административному преследованию за действия, направленные против советской власти или за отказ в содействии ей; ж) данные, свидетельствующие о материальном ущербе, понесенном просителем по распоряжению советской власти»[149].

Обо всех выданных визах, удостоверениях, либо же отказах в выдаче таковых российские учреждения сообщали в МИД. В свою очередь российское МИД уведомляло свои заграничные учреждения о разрешении лицу на въезд, либо об отказе ему в таковом. Российские заграничные учреждения МИД о выданных визах и удостоверениях должны были уведомлять ближайший пограничный пункт. Устанавливалось, что на пограничных пунктах ответственными за организацию пропуска лиц через границу должны были вестись особые алфавиты. В алфавитные книги вписывались данные лиц, проследовавших через эти пункты, с перечислением документов, разрешающим этим лицам въезд в пределы России. В правилах также имелась оговорка, что они не распространялись на лиц, имеющих дипломатические паспорта, а также заграничные паспорта, выданные Российским правительством[150]. В дополнение к указанным правилам 16 апреля 1919 г. Второй департамент МИД направил в Департамент милиции МВД экземпляр опросного листа для лиц, желающих въехать на территорию, находящуюся под юрисдикцией Российского правительства. Опросные листы заполнялись российским учреждениями МИД и препровождались в те российские пограничные пункты на Дальнем Востоке, через которые российские граждане желали въехать[151].

Нужно отметить, что введенные Российским правительством Временные правила для въезда русских из-за границы были схожи с Временными правилами о выдаче заграничных паспортов и свидетельств на въезд в империю от 25 октября 1916 г. Изменения коснулись лишь той их части, что опросные листы теперь направлялись не в Отдел ГУГШ на рассмотрение, а в Департамент милиции МВД (г. Омск), так как на это ведомство была возложена обязанность по организации деятельности пограничных пунктов и по контролю за пересечением государственной границы. Бланк опросного листа для лица, въезжающего (возвращающегося), также был подобен ранее действующему. Только лишь новый опросный лист имел 19 пунктов для заполнения, а старый 21 пункт[152].

Вскоре после введения в действие Российским правительством Временных правил для въезда русских из-за

границы, 6 мая 1919 г. временным управляющим МВД В.Н. Пепеляевым была утверждена «Инструкция Министра внутренних дел чинам пограничных пунктов государственной охраны». Копии этого документа были направлены начальнику Приморского областного управления государственной охраны полковнику А.А. Немыскому, управляющим Забайкальской и Семиреченской областям. Инструкция состояла из трёх параграфов: положения общие, обязанности чинов пограничных пунктов, делопроизводство пограничных пунктов. Согласно Инструкции, пограничные пункты государственной охраны учреждались «для воспрепятствования въезда и выезда лиц, не имеющих на то права, а также для задержания предметов, «запрещённых ввиду охранения государственного порядка и общественного спокойствия, к вывозу и ввозу»[153]. Инструкцией устанавливалось, что чины пограничных пунктов находились в непосредственном подчинении начальников соответствующих управлений государственной охраны. У лиц, пересекающих государственную границу, чины пограничных пунктов были обязаны проверять документы, удостоверяющие личность, с проставлением в них установленного штампа, к провозимым предметам могли требовать для осмотра документы, относящиеся к ним, об осмотре каждого транспортного средства составлять особый акт и в случае «каких-либо злоупотреблений и задержания лиц и предметов» составлять особые протоколы, которые представлялись начальнику местного управления государственной охраны[154]. Параграф об организации делопроизводства на пограничных пунктах содержал перечень книг, картотек и шифров, которые должны были вестись и иметься на каждом пограничном пункте[155].

После того как Российским правительством нормативно была определена система пропуска через государственную границу началась её реализация на деле. Однако, как показала практика, с этим имелись некоторые сложности. В частности, 17 мая 1919 г. комендант Владивостокской крепости направил сообщение в МВД, что из-за сложившихся условий военно-политической обстановки, по его указанию въезд в г. Владивосток и район крепости для русских эмигрантов, следующих из Америки, закрыт. Об этом были поставлены в известность российское посольство в Вашингтоне, канадский эмиграционный инспектор в Ванкувере, японский консул и пароходные агенты. Появилось значительное число приезжающих в Россию иностранцев с невизированными паспортами. Возникли проблемы с порядком пропуска в Россию русских рабочих, возвращающихся через Японию с рыбных промыслов на Камчатке, пополнением команд

судов Добровольного флота русскими гражданами и их последующем беспрепятственным выездом из Северной Америки, с передвижением российских граждан по Китаю и перечнем пограничных пунктов для их обратного въезда в Россию. Но при этом нужно отметить, что большую помощь в решении этих и других вопросов по порядку пересечения российской государственной границы МВД оказывало МИД. Работники российских дипломатических учреждений сами предлагали варианты выхода из сложившихся ситуаций своему руководству. МИД ставил об этом в известность МВД. В ведомстве внутренних дел, как правило, соглашались с предложенным и сообщали об этом управляющим областями и верховному уполномоченному на Дальнем Востоке генералу-лейтенанту Д.Л. Хорвату. Так, несмотря на некоторые возникающие проблемы, въезд на территорию и выезд лиц с территории, подконтрольной Российскому правительству, через государственную границу был организован. Российские заграничные учреждения информировали МИД (г. Омск) и пограничные пункты о выданных и визированных документах на проезд в Россию, направляли списки лиц, получивших удостоверения на въезд в Россию, в том числе без предварительного запроса, и кому было отказано в визе паспортов. При этом в ведомственной переписке МИД и МВД акцентировалось особое внимание на проверке лиц, имеющих паспорта и иные документы, выданные большевиками, с целью недопущения их въезда на страну с её восточной окраины, установлении при необходимости наблюдения за приезжающими[156].

Однако, несмотря на указанные меры Российского правительства в установлении контроля за пересечением государственной границы на подконтрольной ему территории, со временем проблемы в этой деятельности нарастали. В первую очередь, имелась проблема с юрисдикцией власти Российского правительства. По факту она распространялась лишь на Западную Сибирь и Урал. При этом Оренбургская губерния и Уральская казачья область были фронтовой и прифронтовой зонами. К востоку от Красноярска власть адмирала А.В. Колчака ослабевала, к востоку от Иркутска просто сходила на нет. И если в Приморье, Монголии и в Северной Маньчжурии было сравнительно спокойно, то от Байкала на восток до Хабаровска на 3 тыс. километров тянулся своего рода «пояс анархии», где власть принадлежала местным атаманам и «батькам». На Севере вообще не было никакой власти. Инородцы Севера и жившие в тех местах русские были предоставлены самим себе[157]. Отдаленность территории и слабость центральной власти, даже, несмотря на

действующий институт Верховного уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке, учреждённый 28 октября 1918 г. еще при Временном Сибирском правительстве, не позволяли эффективно управлять этим регионом из Омска[158]. Другой проблемой было то, что функции колчаковских органов контрразведки и органов государственной охраны не получили строгого разграничения и на практике это проявлялось в параллелизме и дублировании деятельности друг друга и ведомственной розни по разным вопросам, в том числе в порядке контроля за пересечением государственной границы. В частности, начальник Приморского областного управления государственной охраны полковник А.А. Немыский с возмущением докладывал директору Департамента милиции, что начальник контрразведки Владивостокской крепости не желал передавать в ведение государственной охраны пограничный пункт паспортного контроля[159]. Также имелись трудности из-за отсутствия специалистов для работы на пограничных пунктах. Военные оказать помощь в целом по вопросам пограничной охраны не могли. Этому не способствовала складывающаяся обстановка на театре военных действий. Она менялась очень быстро и не в пользу белогвардейской власти. Ввиду этого генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Восточного фронта генерал-майор П.Г. Бурлин в письме от 10 октября 1919 г. сообщил директору Департамента милиции о том, что «выставление пограничных постов является желательным, но исполнить это в настоящее время не представляется возможным ввиду того, что люди необходимы для усиления армии, выставление же постов от последней вредно отразиться на ней в смысле ослабления численного состава её»[160].

Разгром к началу 1920 г. армии А.В. Колчака предрешил конец Российского правительства. После этого в соответствии со складывающейся обстановкой на территории восточной окраины страны порядок пересечения государственной границы стал зависеть от того, в чьих руках находился тот или иной участок государственной границы. Каждый из противоборствующих сторон устанавливал свои порядки. Так, например, главнокомандующий войсками Дальневосточного и Иркутского военных округов генерал-лейтенант Г.М. Семёнов, озабочиваясь вопросом необходимости усиления охраны государственной границы, приказом от 18 января 1920 г. № 51, объявил о сформировании Дальневосточного пограничного округа, который должен был комплектоваться из солдат, мобилизованных в полосе отчуждения КВЖД, а приказом от 21 января 1920 г. № 71 отдал приказание о том, чтобы интендантские службы

Дальневосточного и Иркутского военных округов поставили всю милицию и отряды особого назначения на все виды довольствия, за исключением денежного[161]. Однако эти меры уже никак не могли повлиять на дальнейшие события. В это время у казачьих атаманов и других руководителей различных режимов Белого движения, раздираемых противоречиями, в приоритете были задачи, связанные с установлением своей власти и поиском защиты среди глав иностранной интервенции. Более реальную попытку установления контроля пересечения государственной границы сторонники Белого движения вновь предприняли лишь уже на завершающем этапе Гражданской войны в 1921–1922 гг. в Приморской области.

После свержения 26 мая 1921 г. белоповстанцами Приморской земской управы было избрано антибольшевистское Временное Приамурское правительство во главе с С.Д. Меркуловым. Контроль за пересечением границы лицами и грузами имел особенности в силу сложившейся военно-политической обстановки. Первостепенной задачей для новой власти являлась организация недопущения проникновения на территорию Приморья любых прокоммунистически настроенных сил в любом их проявлении. Начальник милицейско-инспекторского отдела УВД полковник В.А. Богословский предложил свой вариант установления контроля за порядком въезда и выезда из Приморья и проекты необходимых документов: штат контрольно-паспортного розыскного пункта на ст. Евгеньевка Уссурийской железной дороги, смету расходов по его содержанию и первоначальное оборудование, инструкцию для чинов контрольно-паспортного розыскного пункта, права и обязанности чинов пункта, форму талонов для выдачи лицам, которые проходят проверку и регистрацию. По подобию предложенного Богословским вариантом установления контроля за порядком въезда и выезда из Приморья, к 31 января 1922 г. были установлены контрольно-паспортный розыскной пункт на ст. Евгеньевка Уссурийской железной дороги, на ст. Гродеково с районом ведения от ст. Никольск-Уссурийский до пограничной с Китаем полосы, на ст. Никольск-Уссурийский, на ст. Иман, ст. Шкотово и информационный пункт в г. Хабаровске, розыскной пункт в г. Никольск-Уссурийске, контрольно-пропускной морской пункт в г. Владивостоке для осуществления контроля пассажиров и судов каботажного плавания с районом ведения заливы Амурский и Уссурийский, смета расходов по их содержанию и первоначальное оборудование, а также разработана инструкция для чинов контрольно-паспортного розыскного пункта, права и обязанности чинов пункта, форма талонов для выдачи лицам,

которые проходят проверку и регистрацию[162].

Однако в такой форме, указанные органы просуществовали недолго. 14 июня 1922 г. управляющий Управлением внутренних дел Временного Приамурского правительства В.П. Разумов утвердил проект реорганизации милицейско-инспекторского отдела и информационного отделения и штат новых подразделений. В соответствии с этим документом был учреждён центральный орган политической полиции — районный охранный отдел, с местом дислокации в г. Владивостоке и подчинённые ему местные органы — охранные отделения в ст. Гродеково, в с. Шкотово, с действием на Сучанский район и морской пограничный пункт с возложением на них функции контрольно-паспортных пунктов, в г. Никольск-Уссурийский и г. Спасск[163].

События, происходящие в июне — июле 1922 г. во Владивостоке, в связи с переходом власти от Временного Приамурского правительства С.Д. Меркулова к Приамурскому Земскому правительству генерала М.К. Дитерихса, на деятельность органов, осуществляющих непосредственно функции контрольно-паспортных пунктов, контрольно-пропускных пунктов и пограничных, не отразились. Кроме указанных органов должны были ещё функционировать от военных сил военные контрольно-паспортные пункты с задачами организации контроля и пропуска лиц через государственную границу и прибывающих в морской порт Владивосток судов. В первую очередь военное ведомство и внутренних дел обращали их внимание на недопущение проникновения сторонников коммунизма в Приморье и тщательную проверку всех лиц, прибывающих с территорий, находящихся под контролем Дальневосточной Республики (ДВР)[164].

Между тем, деятельность и этих органов вскоре также была прекращена. Победа в октябре 1922 г. войск Народно-революционной армии ДВР над белоповстанческой армией генерала М.К. Дитерихса положила конец деятельности остатков Белого движения в Приморье и всех структурных элементов, связанных с ним[165]. Дальнейшая организация системы пропуска через государственную границу на Востоке страны до конца 1991 г. велась в соответствии с советскими и международным нормативно-правовыми нормами, соглашениями СССР с другими странами по этому вопросу.

Из вышеизложенного следует, что в 1917–1922 гг. сначала Временное правительство России, а после сторонники антибольшевистских режимов, несмотря на происходящие события в Забайкалье и на Дальнем Востоке, в преддверии и в

ходе Гражданской войны, внутреннюю борьбу и противоречия, вели работу по налаживанию пропуска лиц через государственную границу. Анализ нормативно-правовых документов и проводимой политики в этом отношении позволяет судить о том, что выстраиваемая ими система пропуска через границу была подобна действующей до падения царского правления, а также была направлена, исходя из реалий Гражданской войны, на поиск, задержание и устранение сторонников советской власти и большевизма.

Таким образом, несмотря на победу большевиков в Гражданской войне, в целом деятельность сторонников антибольшевистских режимов в этот и последующий период, также может являться предметом изучения. Подобные работы позволяют расширять историографию исследования проблемы обеспечения государственной безопасности России, и, в частности, по вопросам организации пересечения государственной границы на различных исторических этапах.

Военно-контрольные пункты на железнодорожном транспорте на территории Туркестана (1919–1920 гг.)

Е.Н. Журавлев
г. Омск

Военно-контрольные пункты являлись низовыми структурными подразделениями особых отделов периода Гражданской войны, созданными для решения определенных задач, обусловленных военным временем.

В конце января 1919 г. народный комиссар внутренних дел Г.И. Петровский, член Революционного военного совета Республики (РВСР) С.И. Аралов, народный комиссар путей сообщения и член Совета обороны В.И. Невский, а также начальник штаба войск обороны железных дорог Республики Постников подписали «Инструкцию по организации контроля за лицами, следующими в пределы и из пределов прифронтовой полосы»[166].

Борьба с проникновением на советскую территорию и свободным передвижением лиц, преследующих контрреволюционные цели, была возложена на Особый отдел ВЧК. Для проведения контроля при особых отделах армий образуются специальные подразделения, получившие наименование военно-контрольных пунктов (ВКП)[167].

Согласно инструкции, на создаваемые военно-контрольные пункты была возложена проверка документов лиц, следующих в пределы и из пределов прифронтовой полосы. Места дислокации и количество военно-контрольных пунктов должны были определяться особым отделом армии в соответствии с числом железнодорожных линий. Район действия каждого пункта разграничивался так, чтобы вся прифронтовая полоса, занимаемая частями армии, была распределена между пунктами.

Формирование пунктов на большей части территории Советской Республики началось в феврале 1919 г. и было завершено в целом к лету 1919 г.

Что касается территории Туркестана, военно-контрольные пункты на линиях Средне-Азиатской железной дороги начали формировать только в декабре 1919 г.

Учитывая особенность Туркестана — отсутствие единого фронта — органы военной контрразведки формировались фактически по территориальному признаку. На территории Туркестана они состояли из фронтового особого отдела в Ташкенте и отделений в областных центрах — Самарканде, Фергане, Верном (Алма-Ате), Полторацке (Асхабаде) с подчиненными им особыми пунктами в уездных городах.

Территория Туркестана длительный период была отрезана от Советской России. С ликвидацией в сентябре 1919 г. блокады Туркестана возникла возможность восстановления движения по железной дороге от Оренбурга до Ташкента, что имело большое народно-хозяйственное значение для Советской Республики. Однако плохое состояние подвижного состава и нехватка топлива создавали помехи нормальному функционированию транспорта.

В связи со сложившимся положением на железнодорожном транспорте, 7 декабря 1919 г. временно исполняющий обязанности начальника особого отдела Туркестанского фронта В.П. Будников[168] донес рапортом в комиссию ВЦИК по делам Туркестана о необходимости принятия срочных мер по упорядочению движения и разгрузке железных дорог, на которых скопилось огромное количество составов[169].

С открытием в республике свободной торговли началось развиваться «мешочничество», а из-за недостатка подвижного состава и топлива — переполнение крыш вагонов, порча подвижного состава, что могло быть устранено, по мнению Будникова, только достижением полной централизации контроля за передвижением по железным дорогам в руках одного учреждения[170].

Туркестанской ЧК и особым отделом Туркестанского фронта было достигнуто соглашение о том, что выдача пропусков на право проезда по всем линиям железной дороги производится только особым отделом фронта, которому приказано немедленно приступить к формированию ВКП[171].

Согласно телеграмме Будникова от 23 декабря 1919 г., направленной всем заведующим особыми отделениями, в Закаспийском отделении пункты организуются в Асхабаде, Мерве и Чарджуе (Чарджоу); в Новобухарском отделении — один пункт в Новой Бухаре; в Самаркандском отделении — в Самарканде и Черняево; в Ферганском отделении — в Коканде, Скобелеве (Фергане), Намангане и Андижане. На железнодорожной линии Черняево — Казалинск организуются контрольные пункты в Ташкенте, Арыси, Туркестане, Перовске и Казалинске. Штат пункта должен был состоять из одного старшего и трех младших агентов[172]. Движение по караванным и другим дорогам

оставалось свободным.

При формировании пунктов самой большой проблемой была нехватка кадров. Это привело к тому, что вновь сформированные на железной дороге военно-контрольные пункты вынужденно совмещали функции других пунктов особого отдела. А уже существовавшие на железнодорожных станциях пункты особого отдела также наделялись функциями ВКП. Речь идет о ранее сформированных пунктах в уездных городах, которые занимались оперативным обслуживанием территории данного района. Это объясняется тем, что многие крупные населенные пункты Туркестана являлись также железнодорожными станциями.

Тем не менее, руководители особых отделов констатировали, что работа военно-контрольных пунктов в том виде, как она велась, не достигала своей цели и не давала положительных результатов. Одна из причин этого крылась в порядке проверки документов и технике контроля. Нарушение расписания прибытия и убытия поездов, наличие в составе пассажирских поездов товарных вагонов, массовый наплыв пассажиров не давали возможности проводить контролерам тщательную проверку документов при посадке в поезд, результатом чего являлась еще большая его задержка[173].

Работа военно-контрольных пунктов зачастую сводилась к проверке документов на проезд и задержанию безбилетных и «подозрительных» лиц. Постоянная нехватка грамотных кадров приводила к многочисленным нарушениям и злоупотреблениям со стороны сотрудников ВКП.

Впоследствии Особым отделом ВЧК была разработана инструкция непосредственно для военно-контрольных пунктов, согласно которой в обязанности сотрудников ВКП вменялось наблюдение за правильностью охраны железнодорожных мостов и других сооружений, имеющих значение для передвижения войск, за подвижным составом, его состоянием и своевременной подачей, проверка правильности ведения регистрации населения в прифронтовой зоне[174].

Пунктам также было вменено в обязанность работать в контакте с транспортными ЧК, проверку документов было указано проводить на ходу поезда, а если это по тем или иным причинам невозможно, то на небольших станциях, приняв меры, чтобы никто из пассажиров не входил и не выходил из вагонов[175]. Новый штат пункта состоял из начальника, помощника начальника, одного следователя, письмоводителя, журналиста, машиниста, двух курьеров, нескольких контролеров (по 4 контролера на каждый поезд)[176].

Эта подробная инструкция внесла упорядоченность в

деятельность ВКП, однако в связи с нехваткой кадров привести штаты пунктов в соответствие с новыми требованиями было затруднительно.

В конце января 1920 г. военно-контрольные пункты были переподчинены вновь образованной транспортной части особого отдела Туркестанского фронта. Все назначения и перемещения сотрудников производились приказами начальника части[177]. Тем не менее, в оперативном отношении сохранялось подчинение пунктов областным отделениям особого отдела в соответствии с местом своей дислокации.

Это было связано с тем, что в марте — апреле 1920 г. происходила передислокация управления Туркестанского фронта, управлений и частей 1-й и 4-й армий на территорию Туркестана и железные дороги были временно переданы в ведение военных властей.

Однако такое положение существовало недолго. С 1 мая 1920 г., согласно приказу особого отдела Туркестанского фронта от 20 апреля 1920 г. № 112, транспортная часть со всеми ее отделениями отделена от особого отдела Туркестанского фронта и переименована в транспортную ЧК[178].

В дальнейшем в сети военно-контрольных пунктов структурных изменений не последует.

Таким образом, к весне 1920 г. сеть военно-контрольных пунктов на железных дорогах Туркестана была сформирована. Можно констатировать, что ВКП, сформированные на железных дорогах Туркестана, имели значительные отличия от таких же подразделений на европейской территории РСФСР.

Так, военно-контрольный пункт в европейской части страны являлся мобильным органом, который при изменении прифронтовой полосы передислоцировался либо расформировывался, в то время как на территории Туркестана, где прифронтовая зона охватывала всю территорию той или иной области, пункты фактически имели постоянное место дислокации и занимались контролем за передвижением населения на всем протяжении железной дороги.

Согласно инструкции, пункты европейской части имели довольно узкие рамки полномочий и, хотя в ряде случаев отмечалось разрастание полномочий и постановка новых, не свойственных им задач, это было скорее исключением. На территории Туркестана контрольные пункты наделялись расширенными правами. Им ставились задачи по наблюдению за положением в дислоцируемых в данном районе воинских частях и за гражданским населением. Предоставлялись права ареста и ведения следствия.

В рассматриваемый период единственным видом регулярной отчетности перед вышестоящими органами являлись информационные бюллетени. Результаты работы ВКП освещались в них достаточно скудно и ограничивались, как правило, одним предложением в графе «Положение на железной дороге». В связи с этим провести анализ эффективности деятельности военно-контрольных пунктов в Туркестане невозможно.

Вместе с тем, само существование военно-контрольных пунктов можно рассматривать как интересный опыт организации системы охраны войскового тыла в период Гражданской войны, повторения которого в дальнейшем не было.

Становление кадровой политики в пограничных войсках: основные субъекты и законодательное закрепление (1917–1918 гг.)

А. В. Лиманский
г. Москва

Основными субъектами формирования и реализации кадровой политики Советского государства являлись партийные и советские органы. К ним относились Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков) (ЦК РКП (б)), Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом советов рабочих и солдатских депутатов был принят Декрет об учреждении Совета Народных Комиссаров (СНК, Совнарком) — правительства страны[179].

Первым шагом Советского правительства по созданию пограничной охраны, поиска организационных форм, разработке документов и комплектования кадрами стала «Инструкция комиссарам станции Торнео и других пограничных пунктов европейской границы Российской Республики о порядке пропуска через границу», принятая Военно-революционным комитетом 12 ноября 1917 г. В ней указывалось, что разрешение на выезд из страны дают только специально уполномоченные лица: Ф.Э. Дзержинский, М.С. Урицкий, И.С. Уншлихт и др. Для претворения в жизнь требований инструкции в пункт пропуска через границу Торнео на должности военных комиссаров были направлены И.П. Флеровский и Г.А. Светличный[180].

В первый послереволюционный год были образованы ряд чрезвычайных органов республики. 3 марта 1918 г., после подписания Брестского мирного договора, для организации обороны страны и формирования Красной армии, в том числе и создания пограничной охраны, СНК был учрежден Высший военный совет Республики (ВВСР)[181]. Совет Рабочей и Крестьянской обороны (СРКО) был создан в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК от 30 ноября 1918 г. для объединения деятельности учреждений военного и промышленного ведомств, продовольственных и снабженческих органов в целях обеспечения обороны страны и хозяйственного

строительства. Он действовал на правах постоянной комиссии СНК[182]. 2 сентября 1918 г. постановлением ВЦИК Советская республика объявлялась единым военным лагерем, упразднялся ВВСР и вместо него учреждался Революционный военный совет Республики (РВСР)[183]. В соответствии с Положением о РВСР, утвержденному ВЦИК 30 сентября 1918 г., ему поручалось проведение в жизнь директив ЦК РКП (б), ВЦИК и СНК по всем вопросам строительства, жизни и боевой деятельности Красной армии и других военных ведомств[184].

Постановления Совнаркома и ВЦИК издавались в соответствии с указаниями В.И. Ленина, решений съездов партии и Пленумов ЦК. Постановления СНК и ВЦИК фактически имели силу не только советских, но и партийных директив. Так, Секретариат ЦК в своем ответе на письмо одной из местных организаций в декабре 1917 г. писал: «Вы просите сообщить о всех постановлениях ЦК. За последнее время никаких особых постановлений ЦК не было. Если же вам нужно знать линию ЦК, то рекомендуем вашему вниманию все декреты Совета Народных Комиссаров, так как они проводят в жизнь программные вопросы нашей партии»[185].

Партийное руководство кадровой политикой в пограничных войсках выражалось в постановке кадровых задач руководству ведомств, отвечающих за охрану государственной границы, через документы ЦК партии, совместные постановления ЦК и ВЦИК, СНК, нормативные акты государственных и местных партийных и советских органов[186].

Правящая партия большевиков уделяла первостепенное значение проведению четкой партийной линии в осуществлении кадровой политики в формируемых пограничных структурах как через коммунистов — наркомов Ф.Э. Дзержинского, Л.Д. Троцкого, Л.Б. Красина и др., так и действуя через Всероссийское бюро военных комиссаров (ВБВК). На ВБВК в свою очередь возлагались функции партийного контроля в Красной армии и пограничной охране. 9 октября 1918 г. РВСР было утверждено «Положение о Всероссийском бюро военных комиссаров». ВБВК предоставлялось право назначения, руководства и увольнения военных комиссаров, а также проведения агитационно-просветительной работы в пограничной охране[187].

Значительная часть коммунистов, направляемых в погранохрану, персонально проходили через Оргбюро ЦК РКП(б), его учетно-распределительный отдел (УРО). Остальные члены партии направлялись с мест губернскими и уездными комитетами партии и учитывались через УРО в виде персональных сообщений или ведомостей о количестве

мобилизованных для поступления на службу в войска погранохраны[188].

Одними из первых законодательных актов нового правительства, касающихся военнослужащих, были три декрета СНК от 16 (29) декабря 1917 г.

Декрет «Об уравнении всех военнослужащих в правах» отменял чины и звания в армии и вводил для всех категорий «почетное звание солдат революционной армии»[189]. Декрет «О выборном начале и об организации власти в армии» объявлял положение о том, что вся власть в частях и подразделениях должна была принадлежать солдатским комитетам и Советам, а также определял новый порядок назначения на командные и иные должности путем выборов съездами или совещаниями всего личного состава при соответствующих солдатских комитетах[190]. Постановлением СНК о выдаче процентных добавок к пенсиям военно-увечных было определено, что все бывшие офицеры, получавшие пенсию, отныне стали иметь право на пенсию, установленную для солдат военных инвалидов, согласно постановлению Временного правительства от 1917 г., начиная с 1 сентября 1917 г.[191]

15 (28) января 1918 г. СНК принял Декрет об организации Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА)[192]. Декретом определись следующие требования к формированию РККА: она создавалась из наиболее сознательных и организованных трудящихся классов; возрастной ценз для вступления в Красную армию составлял не менее 18 лет; для вступления в ее ряды «необходимы были рекомендации войсковых комитетов или общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных или профессиональных организаций или, по крайней мере, двух членов этих организаций»; для вступления целыми частями требовалась круговая порука и поименное голосование; вступившие должны были состоять на полном государственном довольствии и дополнительно получать 50 руб. в месяц; члены семей солдат РККА, находящиеся их иждивении, обеспечивались «всем необходимым по местным потребительным нормам»; главным руководящим органом РККА являлся СНК; непосредственное руководство и управление армией было возложено на Народный комиссариат по военным делам (далее — Военвед)[193].

22 апреля 1918 г. ВЦИК принимает Декрет «О порядке замещения должностей в Рабоче-крестьянской Красной армии», который определял порядок назначения на командные должности (от командира взвода до начальника дивизии). В соответствии с декретом во всех частях, подразделениях, штабах и управлениях

РККА учреждались контрольно-хозяйственные советы для наблюдения за добросовестным исполнением хозяйственными лицами своих обязанностей, а также за правильной выдачей военнослужащим всего положенного довольствия. Приказом РВСР № 111 от 18 октября 1918 г. было дано разъяснение, что данные положения декрета распространялись на пограничные части[194].

28 мая 1918 г. председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ленин подписал Декрет «Об учреждении пограничной охраны». В нем определялась ведомственная принадлежность пограничников (наркомат финансов), задачи, порядок расположения сил и средств, комплектования, обеспечения пограничной охраны вооружением, продовольствием и др. [195] Декрет, с одной стороны, был тесно связан с декретом о таможенных сборах и учреждениях, принятым 29 мая 1918 г. В нем отмечалось, что порядок охраны государственной границы в таможенном отношении вырабатывается совместно ведомством Пограничной охраны и Департаментом таможенных сборов, причем в дознаниях по провозу контрабанды принимают совместное участие представители этих ведомств и местного Совдепа[196]. С другой стороны, в постановлении СНК о принятии декрета было отмечено, что «работа по охране (пограничной охране — А.Л.) идет в контакте с Военным комиссариатом»[197]. В соответствии с декретом все чины пограничной охраны были приравнены по вопросам снабжения к чинам РККА. Ввиду чего было предписано «производить выдачу частям пограничной охраны вооружения, снаряжения, предметов обмундирования, продовольствия, фуража, инженерных и медико-санитарных предметов на равных с красноармейскими частями основаниях»[198]. Таким образом, советская пограничная охрана с самого начала строилась как военная организация, выполнявшая специальные задачи по охране границы.

Положения декрета были разработаны на базе «Правил об Отдельном корпусе пограничной стражи» (1910 г.) и «Инструкции службы чинов ОКПС» (1912 г.). Создание пограничных округов свидетельствует о том, что пограничная охрана РСФСР стала преемницей дореволюционной пограничной стражи, грамотно использовала накопленный в ней положительный опыт. Но в декрете Совнаркома содержались и положения, отражавшие советские реалии: четко сформулирована новая социальная направленность пограничной охраны — отмечалось, что она создается для защиты пограничных интересов социалистического государства, закреплялась руководящая роль партии большевиков. Декрет СНК стал первым государственным актом, провозгласившим необходимость защиты пограничных интересов

Советской республики и создания для этого специальной вооруженной силы[199].

29 июня 1918 г. СНК был утвержден Декрет о слиянии пограничной охраны и корчемной стражи и о переходе пограничной охраны в ведение Наркомата торговли и промышленности (НКТП)[200]. В декрете определялся порядок назначения на должности, сохранялись оклады денежного содержания пограничников, а также создавалась особая коллегия для упорядочения деятельности всех управлений[201].

10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов принял Конституцию РСФСР. В ст. 19 Конституции было записано: «В целях всемерной охраны завоеваний Великой рабоче-крестьянской революции Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся…»[202]. Тем самым подтверждался классовый принцип новой кадровой политики. В постановлении Съезда подчеркивалось огромное значение военных комиссаров в укреплении армии; на посты военкомов предлагалось назначать лишь безупречных революционеров, стойких борцов за дело пролетариата и деревенской бедноты. Съезд указал на необходимость использования опыта и знаний военных специалистов из числа офицеров старой армии. Вместе с тем, ставилась в качестве важнейшей задача по скорейшей подготовке и воспитанию нового командного состава из рабочих и крестьян[203].

СНК в ряде случаев производил выделение денежных средств на формирование пограничных частей. Автором впервые представлен документ от 11 июля 1918 г. из неопубликованных ранее, в котором постановлением СНК для НКТП на пограничную охрану было выделено 1500 тыс. руб.[204]

Исторические и историографические источники доказывают, что серьезное внимание вопросам в проведении кадровой политики уделяло и руководство страны. Так, 9 августа 1918 г. председатель ВЦИК Я.М. Свердлов направил радиотелеграмму всем советам депутатов: «Для более успешного сформирования частей пограничной охраны предлагаю всем местным Совдепам оказать помощь и содействие начальникам районов пограничной охраны в наборе, размещении и продовольствии людей»[205]. Данное предписание было направлено Я.М. Свердловым по просьбе ВВСР[206].

Вынужденное делиться своими ограниченными ресурсами с

пограничной охраной военное ведомство стремилось подчинить ее себе, чтобы использовать в интересах обороны страны. Военные подготовили проект декрета СНК от 7 августа 1918 г. об учреждении военной охраны государственной границы, который предусматривал передачу вооруженных частей, охранявших границу, Военведу с подчинением ему военного руководители и военных комиссаров пограничной охраны. Против этого предложения выступили руководители НКТП, считавшие невозможным непосредственное подчинение пограничной охраны военным властям, аргументируя это, прежде всего, бессилием военного ведомства в борьбе с происходившими на границе на почве взяточничества и разного рода злоупотреблений инцидентами[207].

В итоге было принято компромиссное решение. 19 августа 1918 г. СНК принял Декрет «Об объединении всех вооруженных сил Республики в ведении Народного комиссариата по военным делам» в отношениях: укомплектования, устройства, обучения, вооружения, снабжения, боевой подготовки и использования как военной силы. При этом структура пограничных войск сохранялась. Пограничные части на театре военных действий переходили полностью в подчинение Наркомвоена. Руководство пограничной охраной при выполнении ею специальных задач осуществлялось на основании директив, инструкций и приказов НКТП. Согласно этому декрету, пограничные войска как составная часть вооруженных сил Советской республики, полностью перешли на новый порядок комплектования: вместо добровольцев — призывными контингентами на основе всеобщей воинской обязанности[208]. Узаконение комплектования, обучения и материально-технического обеспечения на общих с РККА основаниях было направлено на то, чтобы укрепить пограничные войска и одновременно обеспечить пополнение фронта в случае необходимости подготовленными резервами.

15 августа 1918 г. во изменение ст. 9 Декрета от 28 мая 1918 г. СНК постановил, что снабжение пограничной охраны всеми видами довольствия должно было осуществляется не только по требованию Главного управления пограничной охраны (ГУПО), а также и управлений округов, районов пограничной охраны, «направляемым непосредственно в соответствующие учреждения военных округов»[209]. Децентрализация материального обеспечения во многом способствовала сокращению сроков формирования пограничных частей.

Непосредственным инструментом кадровой политики всегда оставался аппарат ЦК партии, а также в пределах их полномочий партийные органы на местах. 21 сентября 1918 г. секретарь ЦК

РКП(б) Е.Д. Стасова в письме на имя военкома 5-го Оршанского района 2-го округа пограничной охраны Геймана, избранного председателем временного комитета партийной ячейки пограничного района, писала: «Приветствуя возникшую у вас организацию коммунистов-большевиков, просим Вас с просьбой о зарегистрировании обратиться в Оршанский комитет РКП (большевиков)». Таким образом, ЦК партии определил в то время линию на подчинение партийных ячеек пограничной охраны местным партийным организациям[210]. 25 октября 1918 г. ЦК РКП(б) принял постановление «О партийной работе в армии». Общее руководство работой армейских комячеек ЦК партии возлагал на местные партийные комитеты. 25 декабря 1918 г. ЦК РКП(б) принял постановление «О политике Военного ведомства», в котором записано, что и ЦК партии считает необходимым в самой категорической форме подтвердить то, что «политика Военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, данных партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем»[211]. Этот принцип советского военного строительства стал основополагающим, а в последующие годы его важность и актуальность еще более возросли.

18 октября 1918 г. Реввоенсовет издал приказ № 111 в соответствии, с которым разрешалось отпускать частям пограничной охраны, ввиду особых условий их службы, применительно к вещевой табели военного времени, полушубки и валенки на 30 % штатного состава[212].

5 ноября 1918 г. Реввоенсовет издал приказ № 260 о переводе вольнонаёмного состава строевых частей и учреждений Военведа на положение военнослужащих. На основании этого приказа с 10 декабря 1918 г. служащие пограничной охраны объявлялись военнослужащими, состоящими на военной службе[213].

Таким образом, основными субъектами формирования и реализации кадровой политики в советской пограничной охраны в 1917–1924 гг. являлись партийно-государственные органы Советской республики. К ним относились: партийные съезды, пленумы, съезды Советов, ЦК РКП(б) (учетно-распределительный отдел), правительство страны (СНК), чрезвычайные органы (РВСР, СТО), а также местные партийно-государственные органы. Правовое закрепление вопросов кадровой политики в пограничных войсках осуществлялось изданием Конституции, декретов, постановлений, приказов и других нормативных документов. Законодательные акты, в свою очередь, определяли важнейшие принципы (подходы) кадровой политики в пограничных войсках: классовый и партийный.

Проблемы становления и развития местных органов ВЧК на Южном Урале в 1918–1919 гг. (на примере Челябинской губернии)

А.И. Хрисанов
г. Москва

После Октябрьского переворота 1917 г. начался процесс установления советской власти во всех губерниях и областях страны. Население и руководство некоторых ее регионов неоднозначно восприняло новую власть. Южный Урал в тот период оказался одним из таких регионов. В 1917 г. к Южно-Уральскому региону условно можно было отнести территории Оренбургской и Уфимской губерний, а также некоторые территории Пермской губернии и Тургайской области.

Южный Урал в силу разных исторических причин имел различный этнический и социальный состав населения и как следствие развивался неоднородно. Горнозаводская зона представляла собой промышленный центр Южного Урала с крупными заводами и соответственно с рабочим населением. В состав территорий, относившихся к Оренбургскому казачьему войску (ОКВ), входили в основном степные уезды с традиционным для казачества аграрным укладом жизни. В Уфимской губернии и в некоторых уездах Оренбургской губернии компактно проживало башкирское и отчасти татарское население, также занимающееся в основном сельским хозяйством и животноводством.

Сразу же после провозглашения большевиками советской власти, атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов не признал новую власть и объявил территорию, контролируемую ОКВ, свободной от советской власти[214]. В состав ОКВ входили казачьи воинские формирования 4-х отделов, расположенных на обширной территории Южного Урала — от Оренбурга до Кургана. В этот же период 15 ноября 1917 г. А.З. Валидов, один из руководителей национального Башкирского движения объявил об автономии Башкортостана в границах т. н. «Малой Башкирии», к которой им была отнесена Уфимская и Оренбургская губернии, а также отдельные уезды Пермской и Самарской губерний[215].

20 декабря 1917 г. в Петрограде на заседании Совета

Народных Комиссаров РСФСР было подписано постановление о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР. В протоколе заседания Совнаркома были утверждены основные задачи комиссии: преследовать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они не исходили, а также предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров[216]. Необходимо учитывать и тот факт, что в министерствах и ведомствах Российской империи до 1917 г. уже существовали различные, как следственные, так и контрразведывательные государственные органы, занимающиеся подобными вопросами[217].

Сложная военно-политическая обстановка, сложившаяся к весне 1918 г. в различных регионах страны, требовала создания чрезвычайных комиссий на местах. И 18 марта 1918 г. в ВЧК было утверждено постановление «О создании местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией», опубликованное 22 марта в газете «Известия ВЦИК»[218]. В апреле 1918 г. Оренбургский губернский исполнительный комитет приступил к организации штаба по борьбе с контрреволюцией в регионе. В июне 1918 г. штаб был реорганизован в губернскую чрезвычайную комиссию (губЧК). В уездном Челябинске в тот период были сформированы две комиссии: Челябинская чрезвычайная следственная комиссия во главе с И.А. Кольцовым, и Чрезвычайная железнодорожная комиссия во главе с Л.А. Жидковым.

В связи с вооруженным выступлением Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. на Южном Урале резко изменилась политическая обстановка, чрезвычайные комиссии, как и другие советские органы, были ликвидированы. Началось формирование новых контрреволюционных — «демократических» органов власти. В отечественной исторической литературе время с июня по октябрь 1918 г. именуется «демократической контрреволюцией». Через пять месяцев реакционной — демократической власти политическая обстановка в регионе еще раз существенно изменилась. Это случилось в ноябре 1918 г. после захвата в Омске власти адмиралом А.В. Колчаком и установления в Сибири жесткой авторитарной власти. В этот период работа советских органов на Южном Урале ограничивалась лишь подпольной деятельностью партийных органов[219].

Серьезное влияние на будущую структуру местных органов ВЧК на Южном Урале оказало стремительное продвижение РККА

на Восток летом 1919 г. Образование Челябинской губернии произошло в результате успешно проведенной силами 5-й армии Восточного фронта Челябинской операции. Челябинский уезд и прилегающие к нему территории были освобождены от армии А.В. Колчака и иностранных военных формирований к 24 июля 1919 г. В ходе проведения этой операции решением Реввоенсовета 5-й армии был создан Челябинский районный революционный комитет, являвшийся чрезвычайным временным органом государственной власти в городе и уезде. Ревком действовал на правах губернского на основании Постановления ВЦИК от 27 июля 1919 г. «Об организации гражданского управления в Сибири». С продвижением Красной армии на восток стремительно менялась политическая обстановка в регионе. Постановлением президиума ВЦИК от 3 сентября 1919 г. «Об образовании Челябинского районного управления на правах губернского» на части территории Оренбургской и Тобольской губерний, а также Тургайской области была образована Челябинская губерния. В ее состав вошли Челябинский, Курганский, Троицкий и Кустанайский уезды[220].

Одновременно с восстановлением работы советских органов власти на Южном Урале начала работать и Челябинская чрезвычайная комиссия, именовавшаяся Челябинской губернской чрезвычайной следственной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Председателем комиссии на этапе ее формирования был назначен П.Р. Бояршинов.

На период становления губернской ЧК ее организационная структура была следующая: председатель комиссии, заместитель председателя, секретарь, коллегия и структурные подразделения — секретно-оперативный, юридический, общий, комендантский, финансовый, хозяйственный отделы и бюро пропусков. Управление служебной деятельностью в комиссии осуществлялось путем издания приказов, которые печатались в двух экземплярах, нумеровались сквозным порядком, делились на параграфы и подписывались председателем комиссии. Вторые экземпляры приказов заверялись секретарем комиссии и приобщались в дела. Также в комиссии была утверждена печать для документов. Время работы комиссии устанавливалось с 9 до 15 часов с понедельника по субботу. С 21 сентября 1919 г., в связи с большим объемом работы, воскресенье также становится рабочим днем, но сокращенным с 9 до 13 часов[221].

Для организации работы с документами финансового характера и денежными средствами приказом по комиссии назначался казначей, определялся порядок и время допуска сотрудников комиссии к денежному ящику (кассе), утверждался

порядок его вскрытия и опечатывания. Приказом был регламентирован порядок вскрытия поступающих в комиссию пакетов (корреспонденции), в рабочее время их вскрывал председатель комиссии, а в его отсутствие временно исполняющий обязанности председателя или секретарь. В нерабочее (ночное) время корреспонденцию вскрывал дежурный член коллегии губЧК. График дежурств членов коллегии составлял секретарь, а утверждал председатель комиссии[222].

В губЧК для организации работы комиссаров по обыскам устанавливалось дежурство в три смены. Штат дежурных комиссаров составлял 6 человек. Ежедневно назначалось два суточных дежурных и два дневных дежурных, причем дневные дежурные на следующее утро заступали на суточное дежурство, после чего им предоставлялись сутки отдыха. Служебная деятельность дежурных комиссаров по комендантской части также была строго регламентирована. Был определен порядок сдачи ордеров и обвинительного материала на арестованных. В частности, комиссарам предписывалось сдавать в комендантскую часть ордера вместе с обвинительным материалом два раза в сутки с обязательной фиксацией их передачи в книге дежурного по комендантской части. Также для комиссаров был определен порядок составления протоколов обысков. Предписывалось составлять протоколы обысков в трех экземплярах, один оставлять на месте обыска, второй передавать в комендантскую часть вместе с ордером, а третий оставлять у себя. После чего ордера и материалы обысков необходимо было передавать в секретно-оперативный отдел комиссии. Изъятые вещи предписывалось сдавать в хозяйственную часть комиссии под квитанцию. Далее квитанция передалась для приобщения в юридический отдел комиссии[223].

Для решения различных задач, в том числе и бытовых, в губЧК был создан комитет служащих комиссии, для работы в который назначались сотрудники от разных подразделений с сохранением содержания по занимаемой должности. Сотрудники комиссии могли рассчитывать на получение материальной помощи (продукты питания, вещи, предметы быта). Определялся порядок предоставления такой помощи: сотрудникам необходимо было подать заявление в комитет служащих комиссии о своей нужде. Комитет, группируя такие заявления, с периодичностью один или два раза в месяц, передавал их в коллегию губЧК со своим заключением. На коллегии заявления рассматривались вместе с заключением комитета служащих комиссии и если ходатайство было убедительным, направлялся запрос в губернскую продовольственную комиссию, после чего

производилась выдача материальной помощи. Служащим комиссии выдавался продовольственный паек в соответствии с продовольственными книжками, получаемыми в уездном продовольственном комитете. Сотрудники комиссии имели социальные гарантии и оплачиваемый больничный отпуск. Медицинское обслуживание получали в постоянной врачебной комиссии 5-й армии Восточного фронта[224].

Период становления Челябинской губернской ЧК характеризовался острой нехваткой квалифицированных специалистов, кадровым голодом и частой сменой председателей комиссии. Так, за первый год работы губЧК сменилось 5 ее председателей: П.Р. Бояршинов (август — сентябрь 1919 г.), М.Ф. Ливитин (сентябрь — ноябрь 1919 г.), М. Медведев (с 17 по 27 ноября 2019 г.), С.А. Комольцев (с ноября 1919 г. — начало 1920 г), Герцман (начало 1920 г.). Первоначально на должность заместителя председателя комиссии официально никого не назначали, а при необходимости его обязанности исполнял начальник секретно-оперативного отдела.

В ноябре 1919 г. комиссия была переименована в Челябинскую губернскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности[225]. В губернии были созданы Верхнеуральская, Курганская, Куртамышская, Миасская, Троицкая уездные чрезвычайные комиссии с начала 1920 г. реорганизованные в политбюро. В начале 1920-х гг. в связи с созданием Уральской области Челябинская губерния была ликвидирована, а в органах ГПУ проведено районирование.

Таким образом, на примере Южного Урала можно проследить непосредственное влияние военно-политической обстановки на деятельность местных чрезвычайных органов государственной безопасности. Создание местных структур ВЧК в Челябинске проходило в два этапа: первоначальное их создание (первая половина 1918 г.) и последующее их воссоздание в новом качестве (вторая половина 1919 г.).

Необходимо также отметить тот факт, что местные, губернские и уездные чрезвычайные комиссии на Южном Урале создавались чрезвычайные комиссии по определенным организационным шаблонам. Постановка служебной деятельности в местных ЧК, особенности ведения делопроизводства и следствия, сбор обвинительного материала, негласные методы работы и многие другие факторы могут свидетельствовать о возможности некой преемственности органов ВЧК государственным органам, действовавшим в рамках исполнения подобных задач в период существования Временного

правительства и Российской империи.

О некоторых исторических и правовых аспектах образования ГПУ при НКВД РСФСР

Л.В. Лукьянчикова
г. Москва

Окончание Гражданской войны и провозглашение новой экономической политики (НЭП) обусловили в Советской России комплексное реформирование государственного аппарата. В условиях мирного строительства и введения НЭП советское руководство берет курс на укрепление законности, усиления гарантий прав трудящихся и утверждения единого правового пространства на всей территории РСФСР. Наиболее строгая ответственность предусматривалась для органов и агентов власти за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка[226].

В этой связи, вопрос об оптимизации советской правоохранительной системы занимал особенное место и требовал тщательной проработки. Прежде всего, вопрос о реформировании ВЧК. О том, что в этом назрела острая необходимость свидетельствовали критические статьи в советской печати, дискуссии среди большевистского руководства, которые в большом количестве возникли еще в 1918 г., т. е., почти сразу после создания чрезвычайной комиссии[227]. Уже с осени 1918 г. ее обвиняли в «недосягаемости» и стремлении быть выше других органов власти; в январе 1919 г. члены Наркомата юстиции РСФСР, революционных трибуналов различных уровней были едины во мнении, что в условиях того, что острые моменты Гражданской войны уже позади и антибольшевистские силы разбиты, необходимо отказаться от политики красного террора, сократить компетенцию чрезвычайных комиссий и т. п.[228]

При этом следует отметить, что советское руководство было самым заинтересованным в разрешении одной из важнейших проблем функционирования спецслужбы еще с 1917 г., и тем более, в новых условиях — проблемы в определении компетенции, размежевания и взаимодействия в организации деятельности всех структур правоохранительной системы. В этой связи, вопрос становления органов под началом ВЧК при СНК и НКВД представляется особенно актуальным.

Учитывая то, что процесс удержания власти в 1917 г.

требовал от советского руководства энергичных мер по наведению революционного правопорядка и законности, то обращение к дореволюционному опыту было закономерным, так как собственной модели выстраивания системы правоохранительных органов у большевистской партии не было. Так, при формировании НКВД имело место прямое заимствование не только организационной структуры у дореволюционного Министерства внутренних дел, но и широты предметов ведения в области хозяйства и управления[229]. Учреждение ВЧК 20 декабря 1917 г. как особого органа при СНК также не обошлось без заимствования опыта деятельности Чрезвычайной следственной комиссии образованной при Временном правительстве (4 марта 1917 г.) для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц[230].

Начавшаяся Гражданская война с участием иностранной интервенции и вовсе поставили под угрозу завоевания пролетарской революции. В этой связи, уже с начала 1918 г. происходит целенаправленное формирование специальных государственных структур по обеспечению безопасности и правопорядка Советской республики. Так, при создании необходимого инструментария для удержания советской власти на первых порах имелась определенная общность в организации данных ведомств. Например, при формировании местных органов милиции и местных ЧК предусматривалось их функционирование как государственных органов центральной власти на местах, работа которых строилась (также по опыту Временного правительства) на принципе двойного подчинения: в непосредственном ведении местных Советов с подчинением при этом общему руководству НКВД и ВЧК соответственно. Имелась и общность в задачах, поставленных перед данными ведомствами. Так, работники милиции и сотрудники Уголовного розыска, созданного 5 октября 1918 г. в составе НКВД совместно с работниками ВЧК были сообща задействованы в борьбе с политическими противниками, спекулянтами, наиболее опасными преступниками-рецидивистами[231]. Силы ЧК и милиции под руководством комиссии при ВЧК по санитарному делу были направлены на борьбу с сыпным тифом; на обеспечение топливом замерзающих городов; бесперебойной поставки продовольствия и т. д.[232] В необходимых случаях сотрудники обеих структур привлекались для проведения различных операций и боевых действий совместно с частями Красной армии[233].

В ноябре 1918 г. на заседании Коллегии НКВД специальным

протоколом принимается решение о согласовании действий ВЧК и НКВД по вопросам: порядка финансирования чрезвычайных комиссий (смета ЧК вырабатывалась и проводилась в Финансовом отделе Народного комиссариата внутренних дел под руководством и в согласии с Всероссийской чрезвычайной комиссией); разграничения функций в работе Наркомата внутренних дел и Всероссийской чрезвычайной комиссии, а также о пользовании чрезвычайных комиссий милицией. В этой связи было принято решение о создании комиссии в составе представителей ВЧК и НКВД по выработке специальной инструкции[234].

Совмещение Ф.Э. Дзержинским с марта 1919 г. двух постов — председателя ВЧК и наркома НКВД — существенно усилило взаимодействие двух структур, тем более, что сам Феликс Эдмундович занимал твердую позицию об объединении наркоматов и ведомств, осуществлявших однородные охранительные функции. Были объединены ряд центральных отделов ВЧК и НКВД, произошло слияние уездных ЧК с уездными управлениями милиции. В мае 1919 г. все войска вспомогательного назначения (в том числе и Корпус войск ВЧК) были объединены в войска внутренней охраны (ВОХР), подчиненные Народному комиссариату внутренних дел. Руководством НКВД был поставлен вопрос о включении ВЧК в состав наркомата, тем более, что достаточно долгое время ВЧК финансировалась по смете НКВД[235]. Руководство ВЧК, со своей стороны, стремилось подчинить себе милицию и уголовный розыск. Для укрепления аппарата уголовного розыска из среды ЧК назначались люди на должности заведующих уголовно-розыскными отделениями. Таким образом, обе стороны высказывали готовность к объединению, но только на разных основаниях[236].

При этом, к началу 1920-х гг. активно шел процесс становления ВЧК и НКВД как отдельных ведомств, отличающихся своей спецификой в различных сферах их деятельности. Заметно увеличившаяся к концу Гражданской войны структура ВЧК, возросшие функции и регламентация полномочий были направлены на борьбу с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией, охрану границ, ведение наружной разведки и политического следствия и т. д. Учитывая, что в Гражданскую войну контрреволюцию от шпионажа отделить было затруднительно, с 1919 г. в ведении ВЧК находилась и военная контрразведка, организационное становление которой также представляло максимальную адаптацию деятельности «бывшей царской» контрразведки под советскую действительность[237].

В свою очередь, в структуре НКВД также прошел ряд оргштатных мероприятий. Так, с 1919 г. в органах милиции начинают создаваться научно-технические подразделения — кабинет судебной экспертизы, регистрационного и дактилоскопического бюро. В апреле 1920 г. произошло слияние уголовного розыска и следствия (сначала в Москве и Петрограде, а затем и в других городах). Объединенные органы розыска и следствия находились в двойном подчинении — НКВД и исполкомов Советов. В мае 1920 г. в составе Главного управления милиции (ГУМ), губернских управлений милиции, управлений милиции в Москве и Петрограде образованы иностранные подотделы, которые вели учет иностранцев, постоянно или временно проживавших на территории РСФСР, охраняя их личную безопасность и имущество.

Положением о рабоче-крестьянской милиции от 10 июня 1920 г. были уточнены и закреплены основные звенья милиции: городская и уездная, розыскная, промышленная, железнодорожная и водная. Милиция находилась в ведении НКВД, железнодорожная и водная милиции в непосредственном ведении НКВД не состояли, однако находились под прямым его контролем. В состав милиции входили младшие и старшие милиционеры, командный состав, следователи, агенты розыска, канцелярский и технический состав. Как вооруженно-исполнительному органу Рабоче-крестьянской милиции присваивалось значение вооруженных частей особого назначения, общее руководство возлагалось на Главное управление милиции. Возглавлял ГУМ начальник милиции республики, являющийся также членом коллегии НКВД. На правах отдела Главмилиции был также утвержден единый руководящий орган — Центророзыск[238]. В октябре 1920 г. были созданы самостоятельные органы уголовного розыска на транспорте (построенные по линейному принципу), в ноябре того же года на уездно-городские и уездные управления милиции была возложена задача выдачи паспортов и временных свидетельств[239].

При этом, в деятельности сотрудников ВЧК и ГУМ тесное взаимодействие сохранялось, прежде всего, в пресечении подрывной деятельности в сфере экономики в любых его проявлениях, включая шпионаж, диверсию, вредительство, спекуляцию, взяточничество, контрабанду, фальшивомонетничество, нецелевое использование бюджетных средств в госучреждениях и т. п.

Ярким тому подтверждением является часть функционала транспортной ЧК Орловского железнодорожного узла в 1920 г. Так, ее заведующий координировал работу сотрудников

транспортной милиции, назначал дежурными по отделу сотрудников уголовного розыска. Дежурный по участковой транспортной чрезвычайной комиссии (УТЧК) должен был проверять посты и караулы милиции в зоне своей ответственности круглосуточно. Вместе с тем, и распоряжения руководства железнодорожной милиции сотрудники ТЧК Орловского узла принимали к исполнению, и посты, выставленные на территории железнодорожного узла, как чекистами, так и милицией, проверялись совместно. Чекисты совместно с милицией боролись с нелегальным проездом «мешочников». Сотрудники уголовного розыска были прикомандированы к УТЧК Орловского железнодорожного узла. В марте 1920 г. таким милиционером был агент А. Романов. Порой происходили переходы сотрудников из одной службы в другую. Например, в приказе № 133 от 15 мая 1920 г. говорится, что старший делопроизводитель УТЧК Бучинский переведен в линейное управление железнодорожной милиции Риго-Орловской железной дороги[240].

В 1921 г. была образована Межведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом, в которой представители ВЧК и НКВД совместно с сотрудниками других ведомств рассматривали и утверждали планы мероприятий в данной области, обсуждали вопросы охраны государственной границы, путей сообщения, заслушивали отчеты штаба войск ВЧК и проч. [241]

Особенно актуальной являлась деятельность данной комиссии в борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе, где в период с 1920 по 1925 г. банды пользовались активной поддержкой со стороны лидеров белого движения, а также Великобритании, Франции и Турции. При этом, в 1920–1921 гг. действия банд, ранее действовавших под политическими лозунгами, стали носить чисто уголовный характер, причем к ним привлекалось и мирное население региона. Так, весной 1921 г., в результате конфликта из-за неразрешенности территории между Карачаем и Кабардой, кабардинский отряд численностью в 600 чел. угнал до 10 000 голов скота, принадлежавших карачаевцам, мотивируя это тем, что животные паслись на пастбищах, принадлежавших Кабарде. В ответ на это вооруженные жители карачаевских аулов при поддержке банды полковника Б. Крымшамхалова угнали скот из Кабарды в двойном размере и захватили заложников. Совместными действиями частей Красной армии, ВЧК, милиции, партийных органов банду удалось ликвидировать. В ноябре 1921 г., в связи с подавлением основных очагов контрреволюционных выступлений в стране, межведомственной комиссией функции борьбы с мелким

бандитизмом были полностью переложены на ВЧК и милицию. В целях взаимодействия с органами милиции при каждом уездном отделении милиции создавалось политическое бюро (5–10 чел.), работавшее по заданиям и под непосредственным руководством и наблюдением чрезвычайных комиссий. Воинские части предполагалось привлекать в случае возникновения крупного бандитского движения или же начала подготовки к таковому[242].

Также в 1921 г. для борьбы с пожарами при НКВД была создана комиссия в составе представителей Народного комиссариата труда, ВЧК и НКВД под председательством последнего. Подобные комиссии были созданы и при пожарных отделах губернских и уездных исполнительных комитетов. Кроме того, межведомственное сотрудничество осуществлялось и по выработке ряда актов, например, о порядке высылки иностранцев из пределов РСФСР[243].

В целом следует отметить интенсивность принимаемых советским руководством мер по оптимизации деятельности заявленных ведомств. Во многом это было обусловлено ростом преступности, которая за 1921 г. в стране по сравнению с 1920 годом количественно возросла более, чем на 50,5 %[244]. Также это было обусловлено слабым уровнем профессиональной подготовки, в первую очередь, сотрудников милиции. Как отмечал Терский военный комиссар в своем докладе от 15 октября 1921 г., «боеспособность войск ЧК можно считать удовлетворительной, но необходимо отметить, что эти войска выполняют задания ЧК по своей специальной работе и их участие в общей борьбе с бандитизмом едва ли можно назвать существенным. Милиция совершенно небоеспособна, настроена панически, совершенно не отвечает своему назначению. Таким образом, общий вывод о боеспособности войск Терской губернии отрицательный и можно сказать, что в Терской губернии не красные войска воюют с бандитами, а бандиты воюют с красными войсками, нанося им систематические поражения»[245].

Такая картина наблюдалась практически во всех регионах. При данных обстоятельствах все это влекло дополнительную нагрузку на сотрудников ВЧК и других ведомств. Ко всем имеющимся проблемам работы сотрудников милиции, серьезные трудности вызывало отсутствие должной связи центра и мест. Например, за 1920 г. Центророзыском в местные отделения милиции было издано всего 4–5 приказов. В течение 1921 г. происходит очередная оптимизация деятельности органов НКВД. Так, в 1921 г. Центророзыск издает уже 70 приказов, посредством которых вводилась единообразная структура и твердые штаты, единая система ведения регистрации преступников,

упорядочивалось ведение статистики, инструкция для агентов уголовного розыска и др. Кроме того, в качестве структурного подразделения уголовного розыска ГУМ в том же году была создана «Бригада-мобиль», основной функцией которого являлось оказание реальной помощи со стороны центра местным органам милиции всей республики при раскрытии преступлений, имевших большой общественный резонанс, затрагивавших интересы государства[246].

При этом, в целях «сокращения количества вооруженной силы в Республике» и «наиболее рационального использования милиции и обеспечения местных нужд в вооруженной силе для внутренних задач», в августе 1921 г. было принято решение о сокращении численности штатного состава милиции «до 278 174 едоков»[247]. В декабре того же года были упразднены железнодорожная и водная милиция (личный состав передан по принадлежности Народному комиссариату путей сообщения и ВЧК), а административные функции в отношении уголовного розыска, поддержание внешнего порядка, спокойствия и т. п. на станциях и пристанях были возложены на ВЧК[248].

Проблема кадров имелась и в ВЧК, однако иного рода. К 1921 г. в ВЧК действовали подразделения, отвечающие за внешнюю разведку, военную контрразведку, политический розыск и экономический контроль. Новые задачи в условиях НЭП вели к значительному расширению штатов. При этом, из-за кадрового дефицита численность сотрудников от заявленных по штатам заметно отставала, особенно в Иностранном и Особом отделах, Экономическом управлении. В результате на 1921 г. работа данных подразделений была крайне незначительной, либо вообще не велась. В этой связи, руководство приняло решение о восполнении кадрового дефицита в ЧК, в том числе, путем возвращения на службу сотрудников, уволенных в запас[249].

На IX Всероссийском Съезде Советов, проходившем в декабре 1921 г., в принятой резолюции по вопросам новой экономической политики провозглашалось водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности, усиление ответственности органов власти наряду с усилением гарантий личности и имущества граждан. В этой связи, предполагалось поднять на соответствующую высоту российские судебные учреждения, а также сузить круг деятельности и компетенции чекистских органов[250].

На основе упраздненной ВЧК 6 февраля 1922 г. было учреждено Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Тем самым впервые при советской власти были полностью объединены органы государственной безопасности и

органы внутренних дел. ГПУ являлось органом дознания и предварительного следствия. Теме поэтапной реорганизации ВЧК с 1921 г. с последующим ее упразднением в феврале 1922 г. посвящено внушительное число трудов, где учеными достаточно подробно изложены мельчайшие детали данного процесса. Следует согласиться с исследователями в том, что реорганизация ВЧК проходила в русле ведомственного противоборства между Всероссийской чрезвычайной комиссией, Народным комиссариатом юстиции, Народным комиссариатом иностранных дел, революционными трибуналами и т. п. Что вопросы, обсуждаемые в ходе прений, напрямую затрагивали интересы ряда ведомств, поскольку речь шла о перераспределении полномочий реальной возможности тех или иных групп участвовать в политической жизни и влиять на нее[251]. Также верным представляется суждение о совокупности внутренних и внешних факторов, включая негативное отношение к ВЧК в мировом сообществе в преддверии участия России в Генуэзской конференции и сложившейся оппозиции органов ВЧК и лично Ф.Э. Дзержинского в среде государственно-политической элиты[252].

При этом необходимо добавить, что учреждение ГПУ именно при НКВД РСФСР в 1922 г. явилось самым оптимальным управленческим решением с точки зрения рациональности и практицизма. Тесное взаимодействие в течение первых лет советской власти ВЧК и НКВД в условиях системного кризиса выявляли как достоинства, так и несовершенства такового. К первым можно отнести закономерное развитие специализации функционала каждого из ведомств, совместное решение поставленных большевистским правительством задач. Последние были обусловлены, в целом, спонтанным строительством советской правоохранительной системы, нехваткой профессиональных сотрудников, низким материально-техническим обеспечением и общим невысоким уровнем подготовки кадров.

Переход к мирной жизни и введение НЭП стали для всей правоохранительной системы серьезной нагрузкой, так как ее задачи существенно возросли по числу и сложности. Начавшаяся в 1921 г. реорганизация в структурах ВЧК и НКВД не могла в сжатые сроки обеспечить их необходимым кадровым и материальным ресурсом и не позволила существовать данным ведомствам самостоятельно.

Украина в системе национально-государственного строительства СССР в 1922–1927 гг. (по документам ИНФО ОГПУ)

Т.С. Бушуева
г. Москва

В современных условиях очевиден возросший интерес в обществе к проблемам отечественной истории, национальной памяти, исторической политики, в связи с чем актуализировался и запрос на объективность исторического знания, основой которого являются преимущественно документальные источники, так как в определенном смысле история — наука точная. Сегодня излишне напоминать о важности получения высшими структурами государственной власти достоверной информации, на основании которой принимаются решения, включая национальную безопасность. Именно такие задачи и выполняла в 1920-е гг. информационная служба, а именно Информационный отдел (ИНФО) ОГПУ. Вопросы разностороннего информирования советскими спецслужбами партийно-государственного руководства СССР исследовались российским ученым В.С. Христофоровым[253], однако в них не отражены особенности общественно-политического положения Украины.

Современное состояние отношений России и Украины воспринимается достаточно болезненно, интерес к событиям в этой республике велик, а потому не лишне обратиться к ее истории, хотя и отдаленной во времени. В статье на основе рассекреченных, но все еще недостаточно исследованных документов и материалов спецслужб 1920-х гг., рассмотрено положение на Украине в течение небольшого, но важного временного периода — первых пяти лет существования СССР. Очевидно, что на события почти 100-летней давности принято смотреть глазами людей того времени, а историк — не судья и не обвинитель, цель его — дать объективную картину минувших лет и предложить обществу трактовку исторических уроков.

Ко времени окончания активных действий периода Гражданской войны на Украине, то есть к началу 1921 г., ее территория охватывала 452 тыс. км[254], где проживало 25,5 млн. человек, из них крестьян — 20,9 млн. человек, а к 1925 г.

население республики выросло до 28 млн. со следующим национальным составом: 22 млн. — украинцы, 6 млн. — русские, евреи, поляки, греки, молдаване и др. На 1 января 1927 г. Украинская ССР включала 40 округов, 626 районов площадью 451 288, с населением 28 878 857 человек (сельского — 23 618 971, городского — 5 259 886), а также Молдавскую АССР (11 районов, площадью 8806 км^2 с населением 567 127 человек, сельского — 49 287, городского — 74 320). В соответствии с переписью декабря 1926 г., в общем национальном составе (на 1 января 1927 г.) всего населения СССР великорусы составляли 53 %, украинцы — 21,25 %[255].

Исторически так сложилось, что украинцы жили в районах, мало затронутых индустриализацией и урбанизацией, русское население, напротив, преимущественно проживало в промышленных губерниях Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Харьковской, Киевской и др.

Учитывая широту заявленной проблемы, но в ограниченном формате статьи предпринята попытка очертить круг лишь основных проблем, на которые обращало внимание ОГПУ при оценке происходивших на Украине событий. Безусловно, спецслужбы делали акцент на тех явлениях, которые с их точки зрения могли представлять угрозу и дестабилизировать новое беспрецедентное в истории государство, с единым союзным гражданством для народов союзных республик, с правом, в соответствии с 26-й статьей, для каждой союзной республики свободного выхода из Союза. К тому же в Декларации об образовании Союза ССР была зафиксирована и перспектива того, что создание СССР станет «… новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».

При освещении темы использованы материалы 50-ти «Обзоров общественно-политического состояния СССР» и более 100 ежедневных Госполитсводок за 1922–1927 гг., которые ИНФО ОГПУ регулярно направлял во власть. Эти материалы свидетельствуют о масштабности работы информационной службы ОГПУ на Украине, привлекавшей для своих отчетов также данные Секретного, Особого, Контрразведывательного, Транспортного и других отделов. Под рассматриваемыми документами стоят подписи высоких функционеров органов госбезопасности тех лет с трагическими судьбами: зампредов ОГПУ Г.Г. Ягоды и В.Р. Менжинского, начальника Информационного отдела Г.Е. Прокофьева, заместителей начальника А.С. Буцевича и Н.Н. Алексеева, секретарей Соловьева и Кучерова.

С точки зрения географического охвата ОГПУ собрал материалы по 12 украинским губерниям того времени[256], с точки зрения экономической — в поле зрения спецслужб оказалось положение более чем на 50 заводах, предприятиях, рудниках, с точки зрения политической — рассмотрен процесс становления нового госаппарата, функционирования избирательной системы; и, наконец, в социальном ракурсе воспроизведены общественные настроения различных слоев украинского социума рассматриваемых лет по своему воспринявших новую власть, что характеризовало политический климат Украины.

В руках историков источник разнообразной по составу аналитической и системной информации, но одновременно и диссонирующий с рядом представлений советской историографии о положении рабочих, крестьян, их взаимоотношений с властью.

В основе информации ОГПУ 1922–1927 гг. лежало стремление довести до Кремля главным образом вызовы и определить степени угроз, происходивших на Украине событий, которые могли вызвать или усилить политическую нестабильность и социальную напряжённость. Это было чрезвычайно важно, так как политико-экономическое положение по всему СССР оставалось тяжелым. Рассмотрим лишь некоторые тревожные сведения, приходившие в Москву из Украины.

ОГПУ информировало власть о забастовочном движении на заводах Украины

В условиях хозяйственной разрухи для высшего руководства СССР важнейшими были вопросы трудно осуществлявшейся экономической политики на Украине. Исходя из принятых в те годы социальных подходов к градации общества, ОГПУ прежде всего интересовала лояльность главной движущей силы нового общества — рабочего класса, отдававшего свой труд на крупнейших промышленных производствах. Информаторы ОГПУ знали положение дел практически на большинстве предприятий, в том числе таких крупнейших как металлозаводы Югостали[257] и государственного объединения машиностроительных заводов, объектах Донецкого бассейна, предприятиях Харькова, Киева, Луганска, Запорожья, Николаева и др. Главную тревогу органов ОГПУ на этих заводах вызывала неблагоприятная динамика забастовочного движения с участием сотен и даже тысяч работников таких основных профессий как

металлисты, горняки, шахтеры, горняки, транспортники. Недовольство рабочих выражалось в недоверии администрации, сопровождалось остановкой производств, стихийными митингами.

Материалы ОГПУ дают возможность проследить масштабы и динамику выступлений рабочих, их социальную и политическую активность, вызванную пока еще преимущественно экономическими причинами. Вместе с тем, информаторы предупреждали и о все более очевидной на ряде заводов политической и антисоветской направленности забастовочного движения. Эти явления подогревались сохранявшейся в республике безработицей, приблизительный диапазон которой в рассматриваемый период, как сообщал ИНФО, считался от 22 до 27 тыс. человек[258].

Так, в 1924 г. имело место достаточно серьезное выступление группы безработных строителей в Киеве, где они пытались захватить знамя профсоюза и организовать демонстрацию находившемуся в Киеве Г.И. Петровскому[259]. Попытка была предотвращена группой коммунистов и комсомольцев, отбивших после драки знамя[260]. 19 апреля в Артемовском округе на бирже труда собралось около 600 человек безработных, прибывших из центральных губерний. Безработные требовали работы, заявляя, что «они умирают с голоду». Все это свидетельствовало о трудностях взаимоотношений власти и народа Украины в процессе создания союзного государства.

В целом с течением времени, по данным ИНФО ОГПУ, все же забастовочное движение шло на явный спад, снижалось число бастующих; а в последующие годы рабочие акции на Украине приобрели уже иные особенности, обусловленные как ростом политического сознания людей, так и их желанием иметь достойные человека труда условия жизни в составе Союза ССР.

ОГПУ видело опасность для советской власти в тяжести налогов для крестьян

Основным слоем, сохранявшим национальную самобытность, было крестьянство. Изученные документы воспроизводят в реальном свете положение в украинской деревне 1920-х гг., отражают объективную картину реальной жизни и формы его самозащиты. Положение и настроение кормильца страны — крестьянства — вызывало серьезную тревогу ОГПУ. ИНФО фиксировало завязавшиеся в тугой узел в украинской деревне нерешенные проблемы в связи с нараставшей угрозой голода[261],

процессом усиления расслоения деревни на почве недорода, изъятием семенного фонда, нарушениями в ходе хлебозаготовительной кампании, а главное — с непосильными налогами, приводившими к неизбежному для крестьянина массовому сбыту скота. По всем районам, где был недород, беднота распродавала за бесценок живой и мертвый инвентарь и хлебные запасы вплоть до семян.

Документы ОГПУ за 1924 г. сообщают, что в связи с неурожаем в пораженных губерниях и областях в целом по СССР отмечалось усиление голода и массовое питание суррогатами. На Украине, в Донецкой губернии, питалось суррогатами до 75 % населения, процент голодавших по Харьковской губернии достигал 50-ти. В этом же 1924-м г. ОГПУ фиксировало, что кооперация и комитеты взаимопомощи работали недостаточно, в связи с чем активизировалась сельская спекуляция и обусловленные этими неурядицами случаи антисоветской агитации в сельских местностях.

В 1925 г. ОГПУ сообщал об антагонизме между незаможниками (неимущими крестьянами, бедняками — ред.) и остальным селом на Украине, в том числе с заможными (в большинстве середняки), хотя и пострадавшими при раскулачивании деревни, но вместе с тем, в массе своей продолжавшими идти за «кулацко-зажиточными элементами» деревни, противодействовавшими землеустройству. И, таким образом, незаможники оказывались в изоляции. ОГПУ констатировало факты обострения классовой борьбы в деревне, отказ от окладных листов и уплаты налога. ОГПУ обращало внимание на настроения крестьян, связывавших ухудшение своего положения с тем, что низовой советский аппарат не в силах проводить мероприятия советской власти, поэтому в советы проходят кулаки и иной «нежелательный элемент». Фиксировалась необходимость улучшить советский периферийный управленческий аппарат.

ОГПУ бьет тревогу в связи с тем, что налоговая кампания на Украине крестьянством ощущается болезненно, сопровождается неурядицами и перегибами в ее проведении. Все это, по оценке ОГПУ, надо «сообщить партии». Дальнейшие по времени события продемонстрировали усиление политической и социальной активности крестьянства, что при определенных неблагоприятных обстоятельствах приводило от крестьянской самозащиты к протесту.

ОГПУ фиксирует все еще сохраняющиеся устойчивые проявления бандитизма

Следующая озабоченность ОГПУ была вызвана проблемой сохранявшегося такого опасного движения тех лет как бандитизм. В общей рубрике ИНФО ОГПУ по бандитизму в целом по СССР, всегда присутствовало упоминание Украины, нередко на первом месте. И если первоначально бандитизм на Украине имел преимущественно политические причины, например, «петлюровская окраска», то в рассматриваемый период — это явление вырождалось, по оценке ОГПУ, в открытую уголовщину (крушение поездов, налеты на мосты, уничтожение линий связи, нападения на войсковые пороховые склады, ограбление крестьян, ехавших с ярмарок, ограбление пароходов, налеты на совработников, железнодорожные станции, поезда и низовую кооперацию, исполкомы).

Диапазон наличия банд в 1924 г. составлял от 30 до 59, штыков и сабель — от 300 до 500. Наиболее пораженными бандитизмом назывались губернии Киевская и Волынская, одновременно ОГПУ настораживали выявленные факты переброски банд через Польшу и Галицию.

В 1926 г. ОГПУ фиксирует все еще сохраняющиеся устойчивые проявления бандитизма; наличие террора против советских элементов деревни, а также такие конкретные акции как ограбление кассы Благовещенского ссыпного пункта, налет на раймилицию в г. Хмельник (Винницкого округа) с целью освобождения некоторых арестованных, ограбление Старо-Каринского райисполкома и др.[262] Фиксировался также рост преступности в деревнях, принимавшей формы хулиганства, воровства и конокрадства, растрат в общественных организациях, что создавало среди широких слоев деревни сильное недовольство, в том числе деятельностью народных судов на местах.

Однако советской власти удалось ликвидировать крупные банды и после 1926 г. стал очевиден резкий спад бандитизма. Этому во многом способствовало враждебное отношение к бандитизму со стороны крестьянства Украины.

Общественные настроения: рабочие, крестьяне, интеллигенция, политические партии

ОГПУ обращало внимание на процесс формирования общественного сознания отдельных социальных групп населения Украины, выяснение роли в этом различных факторов: экономических, социальных, политических, идеологических. С разной силой нарастали такие угрозы как национальная рознь

между украинцами и великорусами, имелись «шовинистические группировки», агитировавшие «за незаможнюю Украйну» и стремившиеся дискредитировать партработников, комсостав и советскую власть, усиливался антисемитизм.

ОГПУ сообщало об определенном оживлении деятельности различных политических группировок и партий, не раз переживавших раскол и преобразования, но продолжавших действовать внутри страны и за рубежом, сохраняя (многие нелегально) свои политические позиции и идеологические пристрастия. Так, по данным ОГПУ, меньшевики действовали преимущественно в Киеве, правые эсеры сохранили позиции в Киевской и Одесской губерниях. Здесь же были замечены левые эсеры-интернационалисты, пытавшиеся активно вмешиваться в выборы. В Киевской губернии было отмечено стремление анархистов оборудовать типографию совместно с эсерами, в м. Брайлове (Винницкий округ) были расклеены анархистские листовки[263]. ОГПУ сообщало, что в Одесском округе зафиксированы пять анархистских группировок, в том числе в частях Красной армии, а также на водном и местном транспорте, члены которых поддерживают связь с заграничными анархистами.

В связи с постановлением Коминтерна о ликвидации Украинской коммунистической партии (УКП) и ее слиянии с Коммунистической партией (большевиков) Украины (КП(б)У) ОГПУ фиксировало в некоторых кругах УКП тенденции к противодействию этому постановлению.

После проведенной по всей Белоруссии операции по всем сионистским организациям и группировкам, значительно подорвавшей их деятельность, центр сионистского движения был перенесен из Белоруссии преимущественно на Украину, где особенно усилилось их влияние на Волыни и Подолии[264]. ОГПУ удалось принять меры против руководящих лиц, а также изъять свыше 12 тыс. прокламаций, воззваний, средств печати (шапирографы, ротаторы).

ОГПУ также обращало внимание на деятельность Украинского политического национального объединения (УПНО)[265], действовавшего в среде украинских эмигрантов в Чехословакии, где в составе УПНО объединились народные демократы, члены Лиги украинских националистов и Союза украинского студенчества.

Значительное место в документах ИНФО ОГПУ отведено фиксированию настроений рабочих, крестьян, интеллигенции. В отношении рабочих ОГПУ сообщало, что они остро реагируют на ущемление прав и ухудшение материального положения; на предприятиях «экономические требования, перерастали в

политические настроения в отношении советской власти»: имели место «резкие выкрики по адресу советской власти»; «антисоветские и демагогические выступления на предприятиях»; 1925 год — настроение остается напряженным на Краматорском металлическом заводе, в Донбассе идет брожение рабочих»; 1926 год — «у отдельных рабочих (завод им. Петровского) создается неверие в перспективы нашего промышленного развития».

В отношении настроений крестьянства ОГПУ фиксировало антагонизм к городу, требования создания крестьянских союзов. В Могилевском округе в с. Калитинке крестьяне заявляли: «Вместо помещиков явились красные дворяне-рабочие и заводская администрация, которые живут не хуже помещиков, а крестьяне как пропадали раньше, так и продолжают мучиться»[266]. О настроениях интеллигенции, профессуры и студенчества вузов ОГПУ сообщало: «1925 год, настроение студентов вузов РСФСР в общем лучше украинских и белорусских»; «в Киевском политехническом институте развивается национальный антагонизм между частью украинского и еврейского студенчества»; «1925 год: под влиянием бывших укапистов молодежь настроена петлюровски»; «шовинистически настроенная часть профессуры Киевского сельхозинститута, возглавляющаяся ярым националистом Веселовским, расколола профессуры на два лагеря — украинцев и русских. В Киевском мединституте, ввиду засилья украинских профессоров, русские профессора вынуждены бежать в другие города; украинская группа всячески бойкотирует стоящих на советской платформе профессоров»[267].

В историографии Украины важное место отводится рассмотрению сложных проблем «украинизации» и «коренизации кадров». Известно, что после XII съезда РКП (б) коренизация стала официальным курсом партии в национальном вопросе. Эта проблема чрезвычайно сложная и напрямую выходящая на современные межнациональные отношения на Украине. Вместе с тем, анализ рассмотренных в статье документов ОГПУ с 1922 по 1927 гг. в формате указанного конкретного перечня обзоров и госполитсводок, практически не содержит терминологии: «украинизация» и «коренизация» в отношении Украины. Есть лишь небольшие фрагменты с упоминанием этих терминов. Так, в обзоре ОГПУ за 1925 г. сообщается: «Стремление к автокефалии налицо в Украине. Основным мотивом выставляется необходимость идти в ногу с жизнью: «Всюду идет украинизация, значит, не должна отставать и церковь». Движение здесь принимает шовинистический оттенок и направлено против Москвы, хозяйничающей на Украине»[268]. И следующее: «На

Кубани казачья группировка, руководимая приехавшими из Харькова на каникулы учащимися, ставит целью украинизировать Кубань, присоединить ее к Украине, чтобы затем отделиться от СССР».

В 1925 г. в украинизированных дивизиях Украинского военного округа 40,9 % командиров и 37,1 % политработников не владели украинским языком, а прошедшая в 1929 г. проверка показала, что командный состав с трудом изъясняется на украинском, в результате вспыхивали конфликты между русскими и украинцами на национальной почве. Русские красноармейцы не хотели говорить на «мове». Однако в целом, по оценке ОГПУ, положение и настроения в Красной армии были в целом удовлетворительными, и армия оставалась лояльной к власти.

Документы, созданные в 1920-е гг. усилиями сотрудников органов ОГПУ, свидетельствуют о трудно складывавшихся взаимоотношениях власти и общества, в данном случае на примере Украины. Этот процесс влиял на сознание, настроения, поведение различных групп населения и города, и деревни, на межэтнические отношения, что выражалось в противоречиях между ожиданиями уставшего народа, но продолжавшего сохранять веру и надежду на вновь возникшее новое пролетарское союзное государство, в его способность решить сложные социальные проблемы, избавить от нищеты, создать человеческие условия жизни. Последующие годы приведут к сворачиванию НЭП, к голоду, но одновременно развернется широкомасштабная индустриализация, построят Днепрогэс, а И.В. Сталин провозгласит курс на конкуренцию («догнать и перегнать») с другими мировыми цивилизациями.

Советская политическая система до сих пор остается наиболее сложной когда-либо созданной структурой, однако до сих пор в полном объеме недостаточно исследованной и осмысленной. Поистине, верно суждение: «У каждого народа — своя история».

Организационное строительство советских органов государственной безопасности в Крыму в 1921–1934 гг

С. А. Терехов
г. Москва

После окончания Гражданской войны остро встал вопрос отмены «чрезвычайщины» в деятельности органов госбезопасности молодой советской республики.

18 апреля 1921 г. на основании приказа Крымского революционного комитета № 332 и предписания члена Коллегии Всеукраинской чрезвычайной комиссии (ВУЧК) Е.Г. Евдокимова Симферопольская городская ЧК была реорганизована в Крымскую областную Чрезвычайную комиссию (КОЧК) с непосредственным подчинением ее ВЧК. При ней был организован особый отдел, а существовавшие ранее особые отделы 4-й армии, Черного и Азовского морей ликвидированы[269].

Структурно Крымская областная чрезвычайная комиссия состояла из секретно-оперативного, особого, экономического, информационного, административного и общего отделов.

На местах с той же структурой, но с уменьшенными штатами, были организованы Евпаторийская, Джанкойская, Керченская, Севастопольская, Феодосийская и Ялтинская уездные чрезвычайные комиссии (УЧК). В Бахчисарае, Белогорске и Балаклаве функционировали политические бюро (политбюро) ЧК[270].

18 октября 1921 г. была образована Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика (АССР). Вслед за этим Крымская областная ЧК была переименована в Крымскую чрезвычайную комиссию (КрЧК), которая просуществовала без существенных структурных изменений до марта 1922 г. Единственным изменением в данный период стала частичная реорганизация ее местных подразделений. Так, в начале 1922 г. Джанкойская уездная комиссия была реорганизована в политбюро, а Балаклавское политбюро ликвидировано.

В партийно-государственной сферах неоднократно дискутировался вопрос об упразднении ВЧК как временного, чрезвычайного аппарата революции. После окончания войны этот

вопрос вновь был поднят и требовал окончательного решения.

28 декабря 1921 г. на IX Всероссийской съезде Советов было принято постановление о реорганизации Всероссийской чрезвычайной комиссии в Государственное политическое управление ГПУ при НКВД РСФСР.

На сессии Крымского Центрального исполнительного комитета (КрымЦИК) рабочих, крестьянских, красноармейских и военно-морских депутатов, состоявшейся 2–4 марта 1922 г., была выбрана административная комиссия, которой поручалось рассмотреть проект Положения о Крымском управлении и представить его на утверждение депутатов.

Итогом работы комиссии стало упразднение КрЧК и её местных органов. Было решено, что для подавления открытых контрреволюционных выступлений, в т. ч. и бандитизма, принятия мер охраны и борьбы со шпионажем, охраны железнодорожных и водных путей сообщения, политической охраны границ Крымской АССР, борьбы с контрабандой и переходом границ республики без соответствующих разрешений, а также выполнения специальных поручений Президиума КрымЦИК и СНК Крымской АССР организовать при КрымЦИК Крымское политическое управление (КрымПУ).

По замыслу членов комиссии председатель КрымПУ назначался ГПУ РСФСР и утверждался КрымЦИК. Руководитель политуправления Крыма по соглашению с ГПУ РСФСР являлся полномочным представителем последнего по Крыму. Ему подчинялись «ведущие борьбу с преступлениями в армии и на транспорте на территории Крыма особые и транспортные отделы, а также войска ПУ Крыма…».

Согласно принятому решению сфера деятельности политуправления при КрымЦИК распространялась на всю территорию Крымской АССР. Коллегия КрымПУ формировалась председателем и утверждалась КрымЦИК.

Комиссия предложила организовать в Севастополе политотдел при Севастопольском окружном исполкоме, председатель которого назначался политуправлением. В Евпаторийском, Керченском, Феодосийском, Красноармейском округах организовались пограничные особые отделения, сфера деятельности которых распространялась на всю территорию соответствующего округа. В Джанкойском округе и Бахчисарайском, Карасубазарском районах Крымполитуправлением выделялись соответствующие уполномоченные.

Члены комиссии отметили в своем решении, что «при необходимости принятия мер пресечения в отношении лиц,

причастных к контрреволюционным выступлениям, бандитизму, шпионажу, хищениям на железных и военных путях сообщения, политуправлению и его местным органам предоставляется право производства обысков, выемок, арестов на следующих основаниях:

а) в отношении лиц, застигнутых на месте преступления, аресты, обыски или выемки агентами политуправления или его местных органов могут быть произведены без специального постановления политуправления и без особого ордера с последующей санкцией председателя ПУ или его местных органов в течение 48 часов после принятых мер пресечения;

б) во всех же остальных случаях арест, а также обыски и выемки допускаются не иначе, как по специальному постановлению ПУ и его местных органов за подписью председателя и по особым ордерам;

в) не позднее 2-х недель со дня ареста должно быть предъявлено обвинение арестованному;

г) не позднее 2-х месяцев со дня ареста ПУ освобождает арестованного или испрашивает у Президиума КрымЦИК разрешение на дальнейшую изоляцию, если этого требуют особые обстоятельства дела, на срок, определяемый Президиумом ЦИК, или направляется дело в суд, зачисляя арестованного за ним;

д) общий надзор за выполнением данной статьи настоящего постановления возлагается на Наркомат юстиции Крыма»[271].

Выступая на сессии, председатель КрымЦИК Ю. Гавен, в частности, отметил: «Административная комиссия, выбранная сессией, утвердила проект постановления о ликвидации Крымской ЧК и образования Крымского политуправления. Сущность проекта в том, что функции политуправления будут сокращены по сравнению с ЧК, ибо функции борьбы со спекуляцией и преступлениями по должности отпадают. С другой стороны, Политуправление, как отдел при КрымЦИКе, будет в большем подчинении местным властям, чем до сих пор была ЧК».

Через несколько дней после окончания сессии КрымЦИК, а именно 7 марта 1922 г., председатель КрымПУ А.И. Роттенберг и начальник административно-организационного отдела управления Я.П. Бирзгал подписали приказ по КрымЧК № 67 следующего содержания:

«§ 1. На основании постановления 2-й сессии КрымЦИК от 4 марта 1922 года КрымЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности с 6 марта с.г. объявляется расформированной.

§ 2. Вместо КрымЧК при КрымЦИКе организуется политуправление, в распоряжение которого переходит весь

личный состав, дела, денежные суммы и инвентарь как КрымЧК, так и ее местных органов по особым актам».

Взамен политических бюро в Джанкое, Бахчисарае и Белогорске были образованы аппараты районных уполномоченных и дополнительно аппарат райуполномоченного в Октябрьском с непосредственным подчинением их секретно-оперативному отделу Крымполитуправления.

Севастопольская окружная чрезвычайная комиссия была переименована в Севастопольский окружной отдел Крымполитуправления по особым штатам.

В Керчи, Ялте, Феодосии и Евпатории были сохранены пограничные особые отделения по особым штатам[272].

Эта структура просуществовала недолго: 17 мая 1922 г. председатель ГПУ Ф.Э. Дзержинский подписал приказ № 77 «О штатах Крымполитуправления», согласно которому аппарат Крымского политуправления был разделен на 2 части: секретно-оперативную и общую.

В составе секретно-оперативной части (СОЧ) находились секретное отделение, особое отделение, контрразведывательное отделение, отделение по охране границы и борьбе с контрабандой, экономическое отделение, отделение по борьбе с бандитизмом, оперативное отделение, иностранное отделение, осведомительное отделение, агентурное отделение и регистрационно-статистическое отделение.

В общую часть вошли комендатура и связь, хозяйственная часть и сметно-отчетное отделение.

27 мая 1922 г. заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт направил в Крымполитуправление телеграмму следующего содержания: «Руководствуясь постановлением ВЦИК Советов от 06.02.1922 года и Положением о Госполитуправлении, Крымское политуправление впредь именовать «Крымский отдел ГПУ».

Это было сделано в связи с необходимостью сохранить строгую централизацию и единообразие в деле управления структурой и работой органов госбезопасности.

Однако с переименованием Крымполитуправления свое несогласие выразил Президиум КрымЦИК. На состоявшемся 24 августа 1922 г. заседании (протокол № 38) под председательством Ю. Гавена был рассмотрен вопрос «О переименовании Крымполитуправления в Крымский отдел ГПУ». В принятом постановлении говорилось:

«1. Временно от переименования воздержаться.

2. Возбудить через товарища Дзержинского, при условии его согласия, ходатайство перед ВЦИКом об оставлении за Крымполитуправлением прежнего названия, ввиду особенностей

Крыма как автономной пограничной республики».

По поручению Президиума председатель Крымского постоянного представительства при Наркомате национальностей РСФСР Ш.Н. Ибрагимов направил телеграмму № 7071 наркому внутренних дел и председателю ГПУ Ф.Э. Дзержинскому, где сообщал: «Президиум КрымЦИК считает необходимым воздержаться от переименования в силу целого ряда местных условий: в ведении Крымполитуправления имеется 4 пограничных особых отделения, политотдел губернского масштаба в г. Симферополе (для руководства ими необходимо сохранить коллегиальное управление), Крымполитуправление имеет авторитетное место среди других наркоматов Крымской АССР, согласно ее Конституции, которою за Крымполитуправлением сохранены права самостоятельного комиссариата при КрымЦИКе. Все это побуждает Президиум КрымЦИКа просить Вас войти с ходатайством перед ВЦИК Советов РСФСР об оставлении за Крымполитуправлением прежнего наименования, ввиду перечисленных особенностей Крыма, как автономной пограничной Республики».

Точку в этом вопросе поставило Политбюро ЦК РКП (б): на заседании от 24 августа 1922 г. было принято предложение И.С. Уншлихта Крымполитуправление в административно-хозяйственном отношении подчинить ГПУ РСФСР, а в оперативном — ГПУ Украинской ССР.

С 1 октября 1922 г., согласно приказу ГПУ № 133 от 12 июля 1922 г., структура КрымПУ вновь претерпела частичные изменения в целях сокращения аппарата и более целесообразной организации его работы.

В общую часть были дополнительно введены секретариат и стол личного состава.

В секретно-оперативной части отделения по охране границы и борьбе с контрабандой, по борьбе с бандитизмом и иностранное сокращались до групп.

Из контрразведывательного отделения выделялась самостоятельная группа по борьбе со шпионажем, кроме того, дополнительно были созданы информационное отделение и бюро виз[273].

Согласно телеграммы ГПУ РСФСР № 117221 от 20 ноября 1922 г., в январе 1923 г. аппарат Крымского политического управления вновь был сокращен и перестроен по следующей структуре: секретариат; стол личного состава; общая часть (хозяйственное, комендантское и сметно-счетное отделения); секретно-оперативная часть (секретное, особое, контрразведывательное, информационное, экономическое,

регистрационно-статистическое, агентурное отделения и отделение политконтроля). В мае 1923 г. информационное и агентурное отделения были слиты, образовав информационно-агентурное отделение.

В июне 1923 г. с целью сокращения штатов в общей части было ликвидировано хозяйственное отделение.

В связи с преобразованием ГПУ НКВД СССР в Объединенное государственное политическое управление при Совнаркоме Союза ССР (постановление ЦИК СССР от 2 ноября 1923 г.), структурные изменения коснулись и Крымского полпредства.

С 1 декабря 1923 г. ГПУ Крыма вновь было перестроено: вместо общей части была создана общеадминистративная часть, все отделения в ней ликвидировались. В секретно-оперативной части осталось одно отделение. Был организован восточный отдел в составе особого, контрразведывательного, экономического, информационно-регистрационного отделений и погранохрана.

Боевые силы входили в Крымский округ войск ОГПУ. Так, штабу округа подчинялись 3 отдельные роты, в их числе 2-я Феодосийская, Керченская, Севастопольская. Партийную и политико-воспитательную работу среди личного состава проводили сотрудники политсекретариата.

15 января 1924 г. структура ГПУ Крыма была вновь изменена: в общеадминистративную часть были включены стол личного состава, комендатура и сметно-счетное отделение, в секретно-оперативную часть вошли секретное, контрразведывательное, особое, восточное, экономическое, информационное, регистрационно-статистическое отделения, а также политконтроль, часть погранохраны, районные уполномоченные (в Джанкое, Бахчисарае и Сарабузе), нештатное отделение фельдъегерской связи и типография.

В апреле 1924 г. информационное, регистрационно-статистическое отделения и политконтроль в секретно-оперативной части упраздняются и вместо них вводится специальное отделение. Восточное отделение преобразуется в отдел.

С 1924 г. в республиканском ГПУ появляются особый отдел по Черноморскому флоту и дорожно-транспортное отделение (для обслуживания Южных железных дорог)[274].

В августе 1925 г. стол личного состава в общеадминистративной части и особое отделение секретно-оперативной части упраздняются. В СОЧ вновь вводится информационное отделение, а восточный отдел реорганизуется в отделение.

С 1 октября 1925 г. общеадминистративная и секретно-оперативная части КрымПУ были преобразованы в управления, их структура оставлена без изменений.

Постановлением Малого Президиума КрымЦИК от 8 мая 1926 г. полномочный представитель ОГПУ по Крыму — председатель ПУ при КрымЦИК был введен в состав Совнаркома Крымской АССР.

В августе 1926 г. вместо сметно-счетного отделения был образован финансовый отдел. В секретно-оперативном управлении из ранее существовавших отделений были образованы отделы: секретный, контрразведывательный, экономический, восточный, регистрационно-статистический и информационный. Особое отделение упразднялось. Часть погранохраны была преобразована в управление погранохраны. Возросло количество уездных органов ГПУ Крыма (в Джанкое, Белогорске, Бахчисарае, Судаке, Евпатории, Ялте, Феодосии, Керчи).

В эти же годы в аппарате Крымского управления создается маневренная группа, в необходимых случаях чекисты прибегали к помощи Крымского отдельного батальона войск конвойной стражи[275].

С целью обеспечения сотрудников продовольствием и товарами первой необходимости организуются кооператив и овощное советское хозяйство «Красная звезда» в г. Карасубазаре, в последующем его переименовали в совхоз им. Ф.Э. Дзержинского (в годы Великой Отечественной войны на его территории находился концентрационный лагерь).

В январе 1931 г. в городах были созданы чекистские городские отделения и районные аппараты в Симферопольском, Балаклавском, Феодосийском, Ленинском, Нижнегорском, Красноперекопском, Октябрьском, Алуштинском, Новоселовском, Черноморском и Судакском районах.

14 марта 1931 г. на основании приказа ОГПУ от 5 марта 1931 г. № 96/55 секретный и информационный отделы были слиты, и вновь реорганизованный аппарат стал именоваться секретно-политическим отделом (СПО), состоявшим из 4-х отделений: 1-е отделение (рабочее), 2-е отделение (крестьянское), 3-е отделение (городская контрреволюция монархического толка) и 4-е отделение (общее).

В апреле 1931 г. Симферопольский, Феодосийский, Ленинский, Бахчисарайский, Джанкойский и Белогорский районные аппараты были переименованы в районные отделения.

В мае 1931 г. отделения СПО были преобразованы в группы с сохранением за ними прежних линий работы.

В октябре 1931 г. были ликвидированы управления, вместо них организованы самостоятельные отделы и отделения: общий, кадров, особый, секретно-политический, экономический, финансовый, хозяйственный отделы, комендатура, мобинспекция, иностранное, оперативное и регистрационно-статистическое отделения.

9 апреля 1932 г. в аппарате ГПУ Крыма была дополнительно образована спецгруппа регистрации, а регистрационно-статистическое отделение преобразовано в учетно-статистическое отделение.

Полномочное представительство ОГПУ при КрымЦИК просуществовало до июля 1934 г., когда во исполнение постановления ЦИК СССР от 11 июля 1934 г. и приказа наркома внутренних дел СССР было организовано управление НКВД Союза ССР по Крымской АССР в составе управления государственной безопасности, управления рабоче-крестьянской милиции и административно-хозяйственного управления[276].

Таким образом, после окончания Гражданской войны реформирование и дальнейшее организационное строительство органов государственной безопасности в Крыму проходило в рамках организационного совершенствования спецслужб страны.

Участие органов ОГПУ Кабардино-Балкарии в борьбе с партийной оппозицией в 1920-е гг. (на примере материалов в отношении Н.А. Катханова)

М.К. Теунов
г. Нальчик

В первые годы установления советской власти политика большевиков в отношении мусульманского духовенства характеризовалась большой осмотрительностью, осторожностью и существенным образом отличалась от политики в отношении православного духовенства, сросшейся с государственной властью в Российской империи.

Несмотря на то, что мусульманское духовенство и религиозные организации находились под пристальным контролем советских спецслужб, власти рекомендовали последним крайне осторожно осуществлять в отношении них свою деятельность, дабы не вызвать массовое недовольство населения. Так, Восточный отдел ОГПУ в своем письме, направленном в 1923 г. в подразделения на местах, рекомендовал «в порядке надзора за деятельностью религиозных обществ не производить никаких вторжений в молитвенные дома во время собраний или совершения религиозных обрядов до окончания таковых»[277].

В связи с этим показательна справка, датированная 1925 г. и направленная заместителем заведующего Восточным отделом ОГПУ Н.Л. Волленбергом Ф.Э. Дзержинскому, в которой отмечалось, что «мусульманское духовенство является решающей силой на Северном Кавказе. Лишение его общегражданских прав не позволяет приспосабливаться к новым общественным отношениям, и оно вынуждено вести с нами борьбу не на жизнь, а на смерть»[278].

Боязнь открытого вооруженного выступления против советской власти толкала работников ОГПУ к плотному изучению общественно-политической ситуации на Северном Кавказе, отслеживанию деятельности наиболее крупных, значимых религиозных авторитетов, являвшихся ядром формирования антибольшевистских настроений. В частности, ОГПУ

рассматривало влиятельного лидера шариатского движения не только в Кабарде и Балкарии, но и на всем Северном Кавказе Н.А. Катханова, стоявшего на платформе «совместимости коммунизма и шариата», как наиболее могущего объединить под знаменем Ислама значительную часть коренного мусульманского населения[279].

Возглавляемая им в период Гражданской войны шариатская колонна под лозунгом «За советскую власть, шариат и объединение народа!» способствовала установлению советской власти в Кабарде и Балкарии[280], а образ Н.А. Катханова стал эталоном борца за народное счастье простых людей. Последнее обстоятельство руководством ОГПУ воспринималось как признак идеологической неустойчивости и политической близорукости, в связи с чем, за ним было установлено негласное наблюдение.

Получаемая органами ОГПУ информация в отношении Н.А. Катханова доводилась до высших партийных органов в искаженном виде: «Катханов пользуется авторитетом в Кабарде. Во времена Гражданской войны он и остальные муллы руководили отрядом против Деникина и теперь считают себя «советскими». К этому, нужно заметить, их побуждало скорее бывшее царское иго, чем преданность к Советской власти, о которой они сейчас говорят. Муллы Кабарды, считая себя революционными муллами, настаивают на ввод их в исполком, и одновременно с этим крепко защищают ислам и свои адаты. Например, когда Кабардинский съезд Советов стал обсуждать вопрос об упразднении калыма, то мулла Катханов немедленно покинул собрание»[281]. Так, в центре формировалось представление о Катханове как об идейном вожде шариатистов и закоренелом антисоветском деятеле.

Забыв о заслугах Катханова перед советской властью, партийно-государственным руководством Кабардино-Балкарской автономной областью во главе с Б. Калмыковым были предприняты меры по его дискредитации. Для этого были использованы материалы оперативно-следственных мероприятий ОГПУ по борьбе с врагами народа. В них содержалась информация о наличии в Кабардино-Балкарии подпольной группы, ставившей своей целью прекратить классовую борьбу, примирить все население, прекратить всякие аресты, обыски и конфискации имущества.

Для осуществления этого плана были разработаны два варианта: привлечение на свою сторону населения Кабарды и Балкарии путем активной пропагандисткой работы через своих представителей в каждом населенном пункте; а если этот план не сработает, то организация террористических актов. В этом случае

организаторы полагали достаточным убрать Б. Калмыкова и заменить состав ЦИК Кабардино-Балкарской автономной области (КБАО). По словам источника данной информации, центр подпольной организации находился в Ростове-на-Дону и возглавлялся одним из сподвижников Катханова З. Мидовым. Организация имела своих представителей в Москве в лице самого Катханова[282], который в период работы представителем КБАО при Президиуме ВЦИК, а затем уполномоченным по национальной политике в Главном экономическом управлении при Президиуме Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР оказывал огромное позитивное влияние на социально-экономическое и культурное развитие Кабардино-Балкарии.

Работники ОГПУ сознательно преувеличивали масштабы деятельности Катханова, выдавая его за «предателя, попутчика контрреволюции, знаменосца кулацко-мулльской идеологии».

Анализ механизмов конструирования органами ОГПУ дел подобного рода позволяет сделать вывод в том, что власти нужен был лишь повод для его устранения, в том числе и насильственным путем. Им стала смерть родного брата Н.А. Катханова Башира, председателя Баксанского окружного исполкома и активного участника Гражданской войны в Кабарде.

Б. Катханов умер 12 марта 1927 г. в Москве после тяжелой и продолжительной болезни. Бюро Кабардино-Балкарского обкома партии приняло решение о его похоронах по новым коммунистическим обрядам. Была создана специальная комиссия по похоронам. Однако Н.А. Катханов настоял на выполнении последней воли усопшего — похоронить Башира в родовом селе по мусульманским обрядам.

25 марта 1927 г. на заседании секретариата Кабардино-Балкарского обкома партии председатель специальной комиссии Металлин сообщил о поездке в Баксанский округ в связи с похоронами Б. Катханова и заявил, что «катхановщина» подняла свою голову и показала свое истинное нутро. Так, в докладе Металлина Н.А. Катханов впервые был официально объявлен «отъявленным контрреволюционером».

По его свидетельству на похоронах родного брата Катханов выступил с речью, которая якобы сводилась к тому, что «благодаря тем, которые крепко стоят и борется за религию, настанет время, когда не будет ни власти Калмыкова (советской), ни власти своей (шариатской), а будет другая власть (нужно понимать — власть белых). В России религию не притесняют, религию притесняют только в Кабарде»[283].

Оголтелая антикатхановская критика развернулась на VIII областной партийной конференции, проходившей 15–23 января

1927 г. Какие только эпитеты не использовали ее участники, дабы очернить Катханова.

В итоге участники конференции приняли постановление «Об антисоветских группировках в Кабардино-Балкарской автономной области», в котором Катханов объявлялся одним из лидеров реакционного духовенства и кулачества[284].

Также было принято отдельное постановление, где Северо-Кавказский краевой комитет ВКП (б) подвергался критике якобы за игнорирование решения руководства Кабардино-Балкарии по отношению к группе, работавшей в Москве и Ростове-на-Дону. В связи с этим конференция предлагала вновь избранному комитету осуществить ряд организационных и репрессивных мероприятий для стабилизации обстановки в области[285].

В результате непрекращающейся борьбы против Н.А. Катханова Кабардино-Балкарскому обкому партии удалось добиться его ареста 23 апреля 1928 г. по сфабрикованному органами ОГПУ обвинению в подготовке покушения на Б. Калмыкова.

После антиколхозного и антисоветского выступления крестьян в Баксанском округе в июне 1928 г., интерпретированного органами ОГПУ как контрреволюционное шариатско-кулацкое восстание, он был «разоблачен» и объявлен одним из его идеологов.

Таким образом, сфабрикованное следователями ОГПУ дело в отношении Н.А. Катханова позволило Кабардино-Балкарскому обкому партии во главе с Б. Калмыковым достичь своей цели, устранить Катханова и списать на него ошибки, допущенные партийно-номенклатурной верхушкой области в эти годы.

3 августа 1928 г. Коллегия ОГПУ приговорила Н.А. Катханова к расстрелу, а уже 12 августа приговор был приведен в исполнение. Обвинение против него было для того времени стандартное — «за антисоветскую и контрреволюционную деятельность» (ст. 58 УК РСФСР)[286].

Таким образом, органы ОГПУ по указке сверху сделали все возможное, чтобы лишить Н.А. Катханова реальной власти и впоследствии устранить его насильственно. Эта работа велась целенаправленно и методично, в результате чего он стал одним из первых жертв запущенного репрессивного маховика в отношении недавних союзников большевиков по Октябрьской революции и Гражданской войне.

Вооруженная повстанческая деятельность и бандитизм на территории Северного Кавказа в начале 1920-х гг

А.А. Сампиев
г. Нижний Новгород

В период Гражданской войны (1917–1922 гг.) и после ее окончания в Советской России широкое распространение получили различные крестьянские повстанческие движения, достаточно часто возникали мятежи, во многих регионах действовали различные бандитские формирования.

В 1921 г. внутриполитическая обстановка на территории Северо-Кавказского региона резко обострилась, что напрямую было связано с ростом числа повстанческих вооруженных выступлений и усилением мятежных настроений казачьего и горского населения. Когда в горах Кавказа появились бандитские отряды, нарушавшие связи центра с Баку, И.В. Сталин дал жесткое указание: «По отношению к… бандам, мешающим продвижению поездов с Северного Кавказа, нужно быть особенно беспощадным: нужно предать огню ряд аулов, выжечь дотла, чтобы впредь им было неповадно делать набеги на поезда»[287].

Среди всех остальных горских народов в совершенно исключительном положении находилась Чечня, которая в силу своих географических, стратегических и других особенностей, определяла и влияла на политическое настроение всех отдельных горских народов и их отношение к власти Советов[288]. Недовольство чеченского крестьянства, негативно относившегося к практике принудительного сбора продовольственного налога на начальной стадии НЭПовской политики (1921–1922 гг.), привело к новой волне вооруженного сопротивления против Советской власти в большинстве районов региона. Так, в сентябре 1921 г. внук имама Шамиля Саид-бек возглавил в ряде горных районов Чечни и Дагестана крупное вооруженное восстание, которое чекистско-войсковые силы подавили в том же году. После Саид-бека повстанческое движение на территории Дагестана и Чечни возглавил имам Дагестана — Н. Гоцинский, вокруг которого группировались крупные фигуры повстанцев со всех округов Чечни и заграничные эмигранты, связь с которыми была у него

прочно налажена. Что же касается бедняцкой и середняцкой части населения, то она, исстрадавшаяся от бандитов и эксплуатации кулачества, убедилась в необходимости активной борьбы с бандитами, но сама не могла справиться с этой задачей[289].

Если Н. Гоцинский распространил свое влияние на горные районы Чечни и Дагестана, то на территории плоскостной Чечни антисоветские силы возглавлял шейх А. Митаев, являвшийся одновременно членом ревкома. Многочисленные архивные документы подтверждают две стороны политической деятельности А. Митаева: во-первых, его сотрудничество с органами советской власти; во-вторых, наличие в его подчинении вооруженных отрядов, действовавших в общекавказском антисоветском движении, и установление связей с Н. Гоцинским, а также с грузинскими меньшевиками.

К концу ноября 1923 г. настроение в Чечне горского и казачьего населения заметно улучшилось благодаря удачной посевной кампании, окончанию кампании по сбору продналога. В то же время под командованием А. Митаева собирались силы, ранее входившие в состав войск Северо-Кавказского эмирата. Поэтому можно предположить, что не только продразверстка влияла на настроения горского населения, но и сами мотивы, двигавшие повстанцами, были разнообразны. Например, имам Н. Гоцинский и бывший белогвардейский полковник К. Алиханов выступали за ликвидацию советской власти и установление шариатского правления [290].

Несмотря на значительную поддержку местного населения, восстание было не полностью, но подавлено. Вместе со своими сторонниками мятежный имам укрылся в горах, откуда совершал свои набеги, убивая коммунистов, советских работников и милиционеров до 1923 г.[291]

В горных районах Северного Кавказа повстанчество и бандитизм принимали специфические региональные черты и являлись реальной угрозой Советской власти. Повстанцы отлично знали район своих действий, имели хорошо поставленную разведку и связь, а находящиеся под рукой источники укомплектования и снабжения давали им возможность обходиться без обоза, что делало банды легкими и подвижными. Банды уклонялись от столкновений с преобладавшими и даже равными по численности войсковыми частями, стараясь наносить удары внезапно, чаще всего ночью, и разбегаясь в разных направлениях при отступлении. Благодаря высокой маневренности они были трудноуловимы. Численный состав банд постоянно менялся, пополняясь при необходимости враждебно настроенными к Советской власти элементами из местного

населения. Несмотря на ряд серьезных поражений, понесенных в боях с регулярными войсками Красной армии, банды неоднократно восстанавливали свои силы и продолжали борьбу. Разгром банды еще не означал ее уничтожения, так как она быстро пополнялась новыми участниками.

Весной 1924 г. ситуация на Северном Кавказе достигла своей критической точки. Настала необходимость перехода к активным боевым действиям против банд. Советское правительство вынуждено было признать, что справиться с бандитизмом только отрядами ОГПУ без масштабных боевых действий и массового разоружения местного населения было уже невозможно.

Несмотря на применение советскими властями репрессивных мер, бандитизм шел на убыль крайне медленно. Тем не менее, жесткие меры власти и успехи в борьбе с бандитизмом способствовали дезорганизации антиправительственных формирований. Даже самые убежденные противники Советской власти вынуждены были признать свое поражение. В 1924 г. Н. Гоцинский изъявил согласие сдаться при условии объявления политической амнистии ему и его сторонникам, в том числе освобождения тех, что содержались под арестом. Политическое руководство страны согласилось с этими условиями, так как фактически это привело бы к окончательной ликвидации бандитизма в данном регионе. Впоследствии Н. Гоцинский отказался от своего решения. Поэтому весной 1924 г. в результате чекистско-войсковой операции база Н. Гоцинского была полностью ликвидирована. При этом было арестовано около 100 наиболее активных повстанцев, изъято много оружия. Одновременно в ходе проведения спецоперации сотрудниками Чеченского отдела ОГПУ был арестован один из главарей повстанцев шейх А. Митаев, который осенью 1925 г. был расстрелян[292].

25 августа 1925 г. чекистско-войсковая группа в составе сотрудников и бойцов региональных отделов ОГПУ совместно с частями Красной армии под руководством полномочного представителя ОГПУ на Северном Кавказе Е.Г. Евдокимова и командующего войсками Северо-Кавказского военного округа И.П. Уборевича начала сжимать кольцо вокруг действовавших на территории Дагестана и Чечни банд Гоцинского и других главарей. К 5 сентября в результате четырех боев банды были полностью разбиты. В тот же день в одной из пещер около села Хакмадой (Чечня) чекисты арестовали Н. Гоцинского вместе со сторонниками. 15 октября 1925 г. суд приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу.

Несмотря на подавление восстания, контрреволюционная

верхушка продолжала возбуждать повстанческие настроения среди нелояльной к Советской власти части населения, и опасность возникновения нового восстания ликвидирована не была. В связи с этим в 1925 г. на всей территории Чеченской автономной области была проведена крупная чекистско-войсковая операция, известная под названием «Первое разоружение Чечни»[293]. В результате проведения этой операции органами государственной безопасности была значительно сужена повстанческая база и на некоторое время в области была восстановлена нормальная политическая обстановка.

В результате проведенной операции произошел определенный сдвиг в сознании многих чеченцев, в их отношении к советской власти. Большинство чеченцев, несмотря на неоднозначное отношение к советской власти и к самой операции, выражало глубокое удовлетворение появлением «твердой власти»[294].

Таким образом, несмотря на успехи борьбы с повстанчеством и бандитизмом, Северный Кавказ продолжал оставаться одним из самых неспокойных регионов страны.

В течение 1920-х гг. чекисты своевременно реагировали на динамично меняющуюся оперативную ситуацию на территории Северного Кавказа: были проведены успешные чекистско-войсковые операции по подавлению повстанческих очагов, операции по разоружению населения Северо-Кавказского региона. С большой степенью уверенности можно утверждать, что мероприятия, проводимые органами государственной безопасности в первые годы становления советской власти, сыграли существенную роль в обеспечении военной, социально-политической и экономической стабильности в стране.

Борьба органов ВЧК — ОГПУ с басмачеством в документах Центрального архива ФСБ России

А. А. Карташов
г. Москва

В Центральном архиве (ЦА) ФСБ России хранятся документы о басмаческом движении в Средней Азии и борьбе с ним органов ВЧК — ОГПУ. Хронологически они охватывают период примерно с 1919 г. до конца 1930-х гг. Документов ранее 1919 г. не выявлено. Наиболее ранний из выявленных документов датирован 1 ноября 1919 г. — это докладная записка помощника заведующего активной частью Особого отдела Туркестанской Республики А. Пясковского о положении в Туркестане. Данный документ хранится в деле с документами за 1922 г.[295] Наиболее многочисленны и содержательны документы за 1921–1923 и 1929–1931 гг. При этом документы за 1920 и 1921 гг. частично хранятся в делах за последующие годы, а, к примеру, некоторые документы за 1923 г. находятся в делах за 1922 г.

Отсутствие документов за 1918–1919 гг. объясняется обстоятельствами функционирования органов ВЧК в первые годы Советской власти и особенностями формирования фондов архива. В условиях Гражданской войны и постоянно менявшейся структуры органов ВЧК далеко не все документы сохранились и попали в архив. Так во время контрреволюционного мятежа в Ташкенте в январе 1919 г. была разгромлена Туркестанская ЧК, все её архивы были сожжены. Кроме того, изолированные фронтами Гражданской войны от Советской России до осени 1919 г., туркестанские чекисты не имели надёжной связи с центральными органами ВЧК.

Наибольшую численность документов за 1921–1923 и 1929–1931 гг. можно объяснить, как активностью в эти годы басмаческого движения, так и усовершенствованием организации советских органов безопасности, включая делопроизводство. Однако количество ещё не означает полноту и систематичность содержащейся в указанных документах информации. Документы ВЧК — ОГПУ за первое десятилетие советской истории сохранились во многом фрагментарно, изучать по ним ход освещаемых в них событий или мероприятий, часто, проблематично. Фактически в нашем распоряжении мозаика с

множеством пробелов. Отчасти это объясняется тем фактом, что при образовании в 1922 г. Восточного отдела, его новый начальник Я.Х. Петерс распорядился расформировать дела, образовавшиеся в деятельности 14-го спецотделения, которое ранее работало по восточной линии.

О причинах, по которым данные дела были расформированы и их материалы дошли до нас в неполном и разрозненном виде, говорит сам Петерс в одном из своих докладов: «…от местных органов, по-прежнему оставленных на произвол судьбы, попадал, и то случайно, лишь всякий хлам, в виде отдельных разрозненных отрывков, обычно совершенно извращенно и неправильно отражавших положение на местах даже в той небольшой части, какую они безуспешно пытались охватить. Понятно, разработка таких «материалов» ничего цельного, более или менее продуманного, серьёзного и правильного дать не могла»[296]. Таким образом, получив в «наследство» дела от 14-го спецотделения, руководство Восточного отдела распорядилось их расформировать и оставить только некоторые наиболее значимые документы, которые позднее были заново приобщены уже в архивные дела. Данные дела формировались в начале 1930-х гг., в основном, из разрозненных номенклатурных дел и россыпи. При этом даже хронология распределения документов в делах не соблюдена.

Выявленные документы носят в основном информационный или информационно-распорядительный характер: приказы, циркулярные письма, докладные записки, предписания, сообщения, шифрованные телеграммы, обзоры, письма и т. п. Материалы оперативного характера встречаются значительно реже. Здесь стоит отметить, что оперативная документация как правило, в архив не поступала, или оставалась в архивах местных органов. В Центр направлялись в основном информационные документы и отчеты о проделанной работе. Документы представлены в подлинниках или копиях (отпусках), большинство из них имеют машинописные тексты, часть — в рукописном исполнении, в виде фотокопий, на телеграфных лентах, имеются также карты и фотографии. Отдельные документы в ветхом состоянии, с плохо читаемым или частично утраченным текстом. На многих документах имеются резолюции распорядительного и делопроизводственного характера. Некоторые из них представляют интерес, так как характеризуют отношение руководителей органов безопасности того времени к тем или иным фактам и событиям. Указанные документы в основном сосредоточены в материалах Особого, Иностранного, Восточного отделов, а также Секретариата ВЧК — ОГПУ.

Помимо материалов ведомственного происхождения в делах отложились и документы других ведомств. Например, есть подборка копий шифртелеграмм и сообщений Полномочных представителей Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) в Бухаре, Хиве, Афганистане о политических событиях в странах их пребывания. Это связано с тем, что ВЧК — ОГПУ в первое время не имело собственных источников информации в данных государствах и использовало возможности советских дипломатов. Кроме того, имеются документы военных и торговых организаций.

Ход исторических событий — периодизация басмаческого движения — напрямую отразились на составе документов. Так, 1920–1922 гг. это время наиболее мощного и организованного движения басмачей. В этот период басмачество возглавляли наиболее крупные и известные руководители движения: Иргаш, Мадамин-бек, Курширмат, Муэтдин-бек, Джунаид-хан, Ибрагим-бек и др. Кроме того, в Туркестане действовали и политические вожди движения — М. Чокаев, З. Валиди, Т. Джанузаков, а также турецкие деятели во главе с Энвер-пашой. В это время наиболее драматичные события происходили в Ферганской долине, Бухаре и Хиве. Однако к концу 1922 г. основные силы басмачей были разгромлены Красной армией, большинство крупных курбаши были пленены или убиты, оставшиеся в живых политические лидеры басмачества эмигрировали. Последними оплотами басмачей оставались в это время горные районы Восточной Бухары и пески Каракумов. С переходом из Восточной Бухары в Афганистан в 1926 г. Ибрагим-бека басмачество как военно-политический фактор на территории советского Туркестана перестало существовать. Главные его силы сосредоточились в Афганистане (эмигранты во главе с эмиром бухарским) и Иране (Джунаид-хан), откуда время от времени мелкие отряды басмачей совершали набеги на советские республики Средней Азии. В документах ОГПУ за 1926–1928 гг., отложившихся в фондах ЦА ФСБ России, информация о басмачах сходит на нет. В редких случаях речь может идти о мелких бандах грабителей, проникающих из-за рубежа, а также информация об антисоветской деятельности эмигрантов.

Положение резко изменилось в 1929 г. С одной стороны, в результате проведения политики коллективизации обострились отношения советской власти с населением, а с другой — свержение Амануллы-хана в Афганистане и последовавшая затем гражданская война способствовали активизации басмачей. Однако новое вторжение Ибрагим-бека на территорию Советского Таджикистана закончилось для него разгромом и пленением,

причем в захвате Ибрагим-бека активное участие приняли местные жители, что свидетельствовало об окончательной потере басмачеством имиджа национально-освободительной борьбы. В дальнейшем басмачи ассоциировались только с мелкими бандами грабителей и убийц, проникавших из-за границы. Единственным крупным курбаши, оставшимся в живых и умершим своей смертью, был Джунаид-хан, нашедший себе пристанище в Иране.

События 1929–1931 гг. подробно отражены в документах ОГПУ. При этом они свидетельствуют, что немаловажным, если не решающим фактором окончательного разгрома басмачей, стали события в Афганистане, в ходе которых Ибрагим-бек и его сторонники были вытеснены из страны пришедшим к власти Надир-ханом.

Возникновение и развитие басмачества в Центральной Азии обуславливалось рядом причин: экономическими — развал хозяйства и обнищание населения; политическими — сопротивление значительной части населения советской власти, попытки местных национальных элит оторвать Туркестан от России и образовать независимое исламское государство; культурными и религиозными — культурная отсталость и неграмотность коренного населения, религиозные предрассудки и фанатизм; наконец, активной поддержкой басмачей иностранными государствами. Кроме того, немаловажное значение имели недостатки и просчеты, допускавшиеся коммунистами и советскими работниками в своей деятельности и отношениях с населением.

Одной из особенностей рассматриваемых документов, как уже было отмечено, является их информационный характер. Причем, как правило, это информация негативного характера, что было обусловлено целями и задачами органов безопасности. В задачи чекистов на местах входили не только организация оперативной деятельности и борьба с врагами советского государства, но также информирование своего руководства в Центре о тех проблемах и недостатках, которые, по их мнению, мешали борьбе с басмачами и представляли угрозу советской власти в регионе. Среди основных проблем, которые освещаются в донесениях органов ВЧК — ГПУ, поступавших в Центр из Туркестана в 1920-е гг., выделяются следующие:

— плохая работа местных советских и партийных органов из-за засоренности их антисоветским, корыстным и националистическим элементом; оторванность местного населения от советской власти, которую оно не считает своей;

— противодействие местных советских властей работе органов ЧК, попытки подчинить их своему влиянию, тяжелые

условия работы и проживания, недостаточное финансирование, нехватка кадров, плохо охраняемая граница;

— низкая эффективность ведения боевых действий Красной армией, вытекающая из недостаточного учета местных условий, а также плохого снабжения и неудовлетворительных бытовых условий.

Именно обилие негативных фактов, в том числе о деятельности советских органов на местах, о недостойном поведении многих ответственных работников государственного и партийного аппаратов, были в свое время одной из причин засекречивания рассматриваемых документов.

По нашему мнению, документы ЦА ФСБ России о басмаческом движении (более двух тысяч документов) помогут расширить и углубить знания историков о событиях 1920–1930-х гг. Средней Азии. В них отражены вопросы организации борьбы органов ВЧК — ОГПУ с контрреволюционными, антисоветскими силами, организационное построение, кадровое и материальное обеспечение, взаимодействие местных органов с Центром, с органами советской власти и подразделениями Красной армии. Кроме того, в них содержится информация о внутренней жизни региона, его особенностях, связях его жителей с соседними странами — Афганистаном, Ираном, Китаем. Освещаются вопросы национальных противоречий, населяющих Среднюю Азию народов и племен. В рассматриваемых документах нашло свое отражение и вмешательство иностранных государств или их представителей в политические процессы Средней Азии.

Некоторые из этих документов ранее публиковались, событиям, отраженным в них, посвящены многие научные исследования и научно-популярные труды, а также художественные произведения. Однако, в основном эти работы выходили в свет в советский период, проходя через цензуру. К тому же, если принять во внимание, что комплексного изучения документов советских органов безопасности по теме басмачества до сих пор не проводилось, полагаем, что введение в научный оборот рассмотренных документов будет положительно встречено научным сообществом.

Основные направления деятельности органов госбезопасности СССР на Дальнем Востоке накануне Великой Отечественной войны

С.В. Тужилин
г. Москва

Противостояние угрозам безопасности на советском Дальнем Востоке в предвоенный период требовало от органов и войск НКВД — НКГБ напряжения сил и оперативного мастерства. Между тем 1937 и 1938 гг. вошли в историю нашего государства как годы реализации репрессивной политики, принесших ущерб гражданам, советскому обществу, и, как следствие, обороноспособности и безопасности страны. Являясь инструментом партийно-государственного механизма, выполняя директивные установки власти, органы государственной безопасности содействовали проведению внутренней и внешней политики 30–40-х гг. XX в.

В таких условиях функции политического розыска, возложенные на НКВД — НКГБ СССР, не могли не привести к нарушениям социалистической законности. Преследованию подверглись сотни тысяч людей: данные статистической отчетности НКВД СССР свидетельствуют, что за два года, с 1 октября 1936 по 1 ноября 1938, было арестовано 1 565 041 чел., из них расстреляно 668 305 чел.[297] Наряду с подрывом интеллектуального, организационного и оборонного потенциала страны, ослаблением Рабоче-крестьянской Красной армии и Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ), серьезный урон понесли и сами органы госбезопасности, прежде всего разведка и контрразведка. К июлю 1938 г. из состава бывшего Иностранного отдела Управления государственной безопасности (УГБ) УНКВД по Дальневосточному краю (ДВК) остались только 3 второстепенных сотрудника[298]. К возрождению разведывательной структуры в Управлении НКВД СССР по Хабаровскому краю приступили к концу 1939 г.[299] До этого времени разведывательную работу вело специальное 4-отделение, созданное в составе 3-го (контрразведывательного) отдела Управления[300]. В Приморском крае с 1939 по 1941 гг. функции

разведки в аппарате УНКВД осуществляло 3-е (закордонное) отделение КРО[301].

В целом, органы госбезопасности СССР не сумели в сжатые сроки (с конца 1938 г. и до июня 1941 г.) максимально подготовить обновленный руководящий и оперативный состав к работе в новых условиях. Так, в январе 1940 г. в Токио прибыл новый состав резидентуры советской внешней разведки, состоявший из резидента и двух технических работников. Они были впервые за рубежом, никто из них не владел иностранными языками[302].

Тем не менее, военно-политическая обстановка, сформировавшаяся в мире к концу 1930-х гг., требовала от советских органов госбезопасности скорейшего перехода на работу в новых условиях. Руководство СССР определяло задачи органам НКВД — НКГБ. При этом следует отметить такую характерную черту развития отечественной спецслужбы, как прямое руководство ею со стороны Политбюро ЦК ВКП (б) и лично И.В. Сталина.

Накануне войны перестройке подверглись разведывательная, контрразведывательная деятельность и политический розыск, являвшие важнейшие направления оперативной работы в те годы. Именно политический розыск зачастую преобладал в работе чекистов по борьбе со спецслужбами иностранных государств, приняв «гипертрофированные размеры», что было связано, как уже указывалось, с особенностями проведения в стране внутренней политики[303].

В конце 1930-х гг. деятельность органов госбезопасности СССР была направлена главным образом на борьбу с контрреволюционными преступлениями и особо опасными преступлениями против порядка управления. На них в интересах контрразведки, в частности, возлагались задачи борьбы с изменой Родине, шпионажем, контрреволюцией, террором, вредительством, диверсией и другими государственными преступлениями по всей территории Союза ССР, во всех областях народного хозяйства, железнодорожном, водном транспорте, связи, в армии, морском и воздушном флоте, а также охраны государственных тайн.

В интересах разведки предписывалось выявить стратегические планы в отношении СССР Японии, как основного потенциального противника в регионе, поэтому разведывательные подразделения были нацелены «…постоянно следить за происками японской военщины в отношении Китая, Монголии и СССР…», осуществлять «…добывание политической и экономической информации по Японии, а также сведений о ее

сотрудничестве с Германией и отношениях с США и Англией…»[304].

На разведку органов госбезопасности также возлагались задачи, от решения которых зависело укрепление экономического и оборонного потенциала страны. Форсированные темпы индустриального развития СССР привели к резкому росту заданий по получению информации о зарубежных научно-технических изобретениях, особенно в военной области, о передовых технологиях производства промышленной продукции. Ценная оперативная информация добывалась как разведывательными, так и контрразведывательными подразделениями органов госбезопасности Центра и на местах.

Кроме японской линии, одной из важнейших задач, стоявших перед советской внешней разведкой на Дальнем Востоке в предвоенные годы, являлась добыча информации с целью своевременного информирования высшего руководства о происходящих в Корее, Китае и Маньчжоу-Го процессах, а также планах, замыслах, намерениях их военно-политического руководства и союзников[305]. Решение этой задачи было связано с проникновением в разведывательные органы данных стран и враждебно настроенные эмигрантские организации. Органы госбезопасности, не ограничиваясь сбором информации, активно влияли на эмигрантскую среду. Ярким тому примером может служить блестяще реализованная сотрудниками УНКГБ СССР по Хабаровскому краю уже в годы войны операция «Альфа»[306].

Среди предвоенных операций, проведенных дальневосточными чекистами, были агентурно-следственные разработки «Автомобилисты», «Трактористы», «Канал», «Молодые», оперативные игры в рамках операций «Организаторы», «Маки-Мираж», «Провокаторы» и др. Однако, почти все они были «досрочно» завершены в 1937–1938 гг.[307]

Важнейшей служебной задачей пограничных органов, помимо защиты и охраны границы, являлась борьба с разведывательной и иной подрывной деятельностью противника в приграничных районах. Для этого предпринимались такие меры, как перегруппировка пограничных войск, исходя из характера обстановки на различных участках границы; строгое соблюдение режима Государственной границы и усиление контроля за его выполнением; улучшение погранпредставительской работы; активное привлечение к содействию в охране границы населения; установление взаимодействия с войсками прикрытия границы приграничных военных округов, частями и соединениями ВМФ, ПВО и органами госбезопасности; обобщение передового опыта и разработка руководящих документов по охране границы;

усиление политического воспитания личного состава[308].

В сферу ответственности Управления Краснознаменных пограничных и внутренних войск НКВД СССР по Дальневосточному округу (УКПВВ НКВД ДВО), в частности, входило: уточнение дислокации японских частей и их вооружения; изучение укрепрайонов, планов японских гарнизонов и маньчжурской погранохраны; получение информации о разведорганах сопредельных стран, выявление резидентур, агентов-вербовщиков, установление явочных квартир маньчжурской пограничной полосы; пресечение провокаций на границе[309].

Пограничникам на советском Дальнем Востоке приходилось решать и множество несвойственных задач. Например, заниматься размещением и содержанием детей многочисленных нарушителей Государственной границы СССР. В сообщении от 14 апреля 1938 г. заместитель начальника УКПВВ НКВД ДВО бригадный комиссар К.Ф. Телегин уведомлял председателя Дальневосточного краевого исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и секретаря Хабаровского краевого комитета ВКП(б) о том, что «за последнее время на границе края участились случаи перехода на нашу территорию жителей Маньчжоу-Го, китайцев целыми семьями, в числе которых имеются дети»[310]. Взрослые члены семей нарушителей изолировались и привлекались к уголовной ответственности, в то время как отдельный детский изолятор отсутствовал. На 10 апреля 1938 г. пограничными отрядами Дальневосточного края было задержано 200 детей, из которых 50 доставили в Хабаровск. В виду опасности проникновения эпидемиологических заболеваний на территорию СССР и отсутствия в штабе войск специального приемника о ситуации была проинформирована Москва. Местные партийные органы оказать пограничникам поддержку не смогли[311].

Наиболее интенсивно против СССР действовали органы военной разведки Японии, дислоцировавшиеся в Маньчжурии и возглавляемые главной японской военной миссией (ЯВМ) в Харбине. В целях обмена информацией о СССР Япония установила контакт с немецкими спецслужбами[312], которые, в свою очередь, имели на Дальнем Востоке самостоятельный центр военной разведки «Кригсорганизацион Дальний Восток» (г. Шанхай). Позже резидентуры Абвера были созданы в Гуанчжоу, Тянцзине и Циндао. Его сотрудники работали под прикрытием немецких дипломатических, торговых, научных, других представительств и вели преимущественно агентурную разведку по сбору военно-политической информации о советском Дальнем

Востоке и странах Тихоокеанского бассейна. Разведывательные данные о Советском Союзе, как правило, направлялись в Берлин из Маньчжурии, Токио, США дипломатической почтой[313] и посредством радиосвязи[314].

Отечественные органы госбезопасности на Дальнем Востоке уделяли большое внимание приобретению ценной и работоспособной агентуры, прочности своих агентурных позиций. Так, 14 марта 1939 г. в г. Шанхае оперработником советской резидентуры был привлечен к сотрудничеству начальник службы личной охраны и разведки главы гоминдановского режима Чан Кайши В. Стеннес[315]. «…Я обмениваюсь здесь информацией с представителями разведок США, Англии и Франции, — признался Стеннес, добавив, — Я мог бы на «джентльменской» основе делиться информацией и с Советским Союзом, но, не раскрывая моих источников. Мой опыт подсказывает, что так будет наиболее безопасно для всех…»[316]. С началом вооруженного конфликта на р. Халхин-Гол под псевдонимом «Друг» он добывал сведения по Японии и ее вооруженным силам, вторгшимся в Монгольскую Народную Республику (МНР). В дальнейшем информировал советскую разведку о лицах, находившихся в оппозиции к А. Гитлеру, о предполагаемых планах нацистского военного руководства, сообщил дату нападения на СССР и пр.[317] В Японии и Китае, кроме группы Р. Зорге, на советскую разведку также работал крупный чин японской жандармерии в Маньчжоу-Го, начальник разведывательного управления генштаба армии Китая и др.

Разведывательная деятельность германских и японских спецслужб являлась важной составной частью процесса разработки планов наступательных операций против Советского Союза. Однако возможностей ее проведения в нашей стране было немного. Этому, в частности, способствовало слабое развитие межгосударственных отношений СССР, относительно плотная пограничная охрана, создающая препятствия для нелегальной заброски агентуры и др. На территории Советского государства к середине 1930-х гг. установился строгий контрразведывательный режим, который находил массовую поддержку среди населения. Любой появившийся в стране иностранец оказывался в своеобразном информационном вакууме. Как бы кощунственно это ни звучало, но проведенная И.В. Сталиным массовая чистка «практически свела на нет возможность ведения иностранными спецслужбами какой-либо агентурной разведки, поскольку социальная база для потенциальных вербовок была попросту ликвидирована». В итоге, противнику «пришлось столкнуться с идеологически суперконсолидированным обществом, пробить

брешь в котором ему оказалось не под силу…»[318].

После Великой Отечественной войны бывший начальник 2-го (разведывательного) отдела штаба Квантунской группировки войск С. Асада, который в 1936–1939 гг. работал вице-консулом консульства Маньчжоу-Го в Благовещенске под вымышленным именем Х. Идзуми, в своих показаниях отмечал: «Работа с агентурой стала невозможной из-за строгого наблюдения органов НКВД»[319]. С этим утверждением соглашаются в послевоенных мемуарах высшие военные чины Германии Г. Пиккенброк, В. Гальдер, Г. Блюментрит, П. Леверкюн, Э. Бутлар и др.[320]

Поддержание на должном уровне контрразведывательного режима стало одним из приоритетных акцентов в деятельности органов и войск НКВД — НКГБ на Дальнем Востоке СССР накануне войны на направлении выявления, предупреждения и пресечения подрывной деятельности спецслужб иностранных государств, действовавших под официальными прикрытиями. В составе дислоцировавшихся в регионе дипломатических представительств и консульских учреждений США, Германии, Великобритании, Китая и иных иностранных государств работали, как правило, кадровые сотрудники разведки: военные, военно-морские и военно-воздушные атташе, сотрудники их аппаратов и др. Наиболее масштабной подрывной деятельностью на данном направлении занималась Япония[321].

Центрами немецкого и японского шпионажа в регионе были посольства, миссии и консульства. 28 октября 1937 г. был принят оперативный приказ НКВД СССР № 00698, нацеленный на лишение диппредставительств Германии, Японии, Италии и Польши «всей базы, условий и возможностей для организации враждебной деятельности на территории СССР». Сотрудникам контрразведывательных подразделений предлагалось немедленно арестовывать «всех советских граждан, связанных с личным составом диппредставительств и посещающих их служебные и домашние помещения». Режим работы рекомендовался такой, чтобы обеспечить «беспрерывное наблюдение (наружное и агентурное)» за всеми сотрудниками посольств указанных стран[322]. Практически в приказе ставилась задача полной изоляции их представительств.

После этого в СССР вообще был закрыт целый ряд консульств. Непосредственным предлогом стало достижение паритета, т. е. приведение к одинаковой численности имевшихся в других странах советских консульств и иностранных консульств на территории СССР. Первоначально требование о закрытии консульских представительств было предъявлено четырем указанным выше государствам, которые должны были закрыть 14

своих консульств (5 итальянских, 5 немецких, 2 японских и 2 польских). Таким образом, Япония, получившая ноту 11 мая 1937 г., должна была закрыть два своих консульства из восьми, оставив шесть консульств против шести советских на своей территории.

Судьба остальных японских консульств в СССР решилась в начале 1938 г., когда НКИД объявил о закрытии трех своих консульств (в Кобе, Отару и Дайрене). Позднее, 3 февраля 1938 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «предложить Японии ликвидировать все 6 японских консульств на территории СССР»[323]. Но уже 9 февраля это постановление подверглось пересмотру и было решено сохранить японские консульства во Владивостоке, Петропавловске-Камчатском и одно на Сахалине (на выбор: в Александровске или Охе), а остальные закрыть[324].

Япония категорически не соглашалась с вынесенным советским руководством ультиматумом[325]. После долгих переговоров и взаимных уступок консульство в Хабаровске было закрыто, но на Северном Сахалине до 1944 г. продолжили функционирование оба дипломатических представительства[326]. Сотрудники японского консульства в Хабаровске до последнего момента игнорировали требование возвратиться на родину. В этой связи Н.И. Ежов 1 августа 1938 г. направил руководителям территориальных подразделений НКВД в Хабаровске Г.Ф. Горбачу и в Чите Г.С. Хорхорину телеграмму, в которой ввиду истечения сроков закрытия консульства в Хабаровске и пребывания его представителей распоряжался объявить консулу о том, что «получено распоряжение НКВД в течение двух дней со всем составом сотрудников покинуть пределы СССР»[327].

В итоге, накануне и в годы Великой Отечественной войны на советском Дальнем Востоке находились генеральное консульство Японии во Владивостоке, консульства в гг. Оха и Александровск-на-Сахалине, а также вице-консульство в Петропавловске-на-Камчатке. Последнее, будучи сезонным, функционировало в летний период, его сотрудники находились в городе непостоянно. Глава диппредставительства, его секретарь и шифровальщик работали на Камчатке в период активного промысла рыбы лососевых пород, как правило, с мая по октябрь. Безвыездно в 1930–1946 гг. в Петропавловске находились сторож Т. Такэмацу с женой, который снабжал информационный департамент токийского МИД сведениями о происходивших на Камчатке событиях[328].

Помимо японских, в СССР были аккредитованы два консульства Маньчжоу-Го: в Чите (генеральное) и Благовещенске. Они являлись «разведывательными органами штаба Квантунской

армии и лишь формально числились консульствами министерства иностранных дел Маньчжоу-Го»[329]. Зная об этом, а также в ответ на «дискриминационный режим по отношению к сотрудникам советского посольства и консульств в Японии» и Маньчжурии, советское руководство 27 сентября 1938 г. обязало Н.И. Ежова установить в порядке репрессалии соответственный внешний режим для консульств Маньчжоу-Го в Благовещенске и Чите[330]. Позднее, 23 июля 1939 г., Политбюро ЦК ВКП(б) поставило перед органами госбезопасности ряд специальных задач. Требовалось окружить оба учреждения охраной и не пропускать никого из посторонних. Телеграфную связь между консульствами и Маньчжоу-Го следовало прервать, а все телефоны отключить. Под предлогом «занятости телеграфа» у японцев не принимались телеграммы на Маньчжурию. Помимо этого, каждый сотрудник консульств, включая самих консулов, по выходу из своих учреждений должен был сопровождаться двумя агентами НКВД, которые не выпускали их из-под тщательного наблюдения. Консульства также предписывалось наполовину ограничить в снабжении предметами питания и прекратить выдачу бензина для их служебных машин[331].

Такой «особый режим» в целом действовал до окончания Второй мировой войны. В 1987 г. ветеран Управления ФСБ России по Хабаровскому краю В.И. Городчанин писал, что «в 1939–1941 гг. …была линия связи Благовещенск — Сахалян. В Благовещенске было японское консульство в те годы, и японцы на УКВ работали, передавали сообщения в Сахалян. Эту работу забивали наши МД [аппаратура, создающая радиопомехи, т. н. глушилки]»[332]. Данные факты подтверждаются воспоминаниями ветерана Управления ФСБ России по Хабаровскому краю И.Т. Ведя, утверждающего, что в годы войны операторы поста ближнего действия радиоконтрразведывательной службы (РКС) Управления НКВД по Амурской области зафиксировали и заглушили ориентированный на Сахалян маломощный передатчик из здания консульства Маньчжоу-Го в Благовещенске. После капитуляции в 1945 г. японцы подтвердили, что им так и не удалось организовать с ним двухстороннюю радиосвязь[333]. Примечательно, что ранее в течение нескольких лет маньчжурское консульство (весной и осенью, в период ледохода и ледостава) такую связь с Сахаляном осуществляло, но и тогда амурские радиоконтрразведчики осуществляли перехват и дешифровку агентурных радиограмм[334].

Читинские чекисты также вели контрразведывательную работу по пресечению деятельности японской резидентуры, действовавшей под прикрытием консульства Маньчжоу-Го,

существовавшего в Чите в 1933–1945 гг.

В целом за годы Великой Отечественной войны сотрудники РКС НКВД — НКГБ СССР определили местонахождение 1078 вражеских агентов-радистов[335]. «Особый режим», просуществовавший до 1946 г., был создан и для генерального консульства Японии во Владивостоке. Здание располагалось на возвышенности, что позволило его сотрудникам установить на крыше и втором этаже постоянный пост визуального наблюдения за бухтой Золотой Рог. Чтобы предупредить визуальную разведку за движением кораблей и подводных лодок Тихоокеанского флота, здание было обнесено забором высотой до 8 м. По периметру консульства постоянно дежурили бригады наружного наблюдения и т. д.[336]

Таким образом, к середине 1930-х гг. в СССР сформировался жесткий административный режим тотального преследования всех лиц, имевших какие-либо контакты с иностранцами, что практически исключало любые возможности для зарубежных разведок добывать информацию об экономическом и оборонном потенциале СССР. Дипломатические, консульские, торговые и прочие представительства иностранных государств находились под постоянным контролем сотрудников советских контрразведывательных подразделений. На учет брались все иностранные дипломаты и сотрудники посольств и консульств. На 1 января 1939 г. всего в СССР насчитывалось чуть больше 1,5 тыс. сотрудников дипкорпуса, из которых 1 129 чел. находились в Москве и более 400 чел. — в 24 консульствах в разных городах Советского Союза[337].

Рассматривая подрывную деятельность иностранных спецслужб с легальных позиций, необходимо отметить, что в предвоенные годы на территории советского Дальнего Востока кроме дипломатических и консульских учреждений находились японские концессии: нефтяная (г. Оха) и угольная (п. Дуэ) — на Северном Сахалине, где работали около 700–800 рабочих и служащих[338]. На Охотском побережье и Камчатке располагались рыболовные промыслы, на которых ежесезонно было занято до 18 тыс. японцев призывного возраста при 500–600 работниках административного аппарата. Советских граждан на рыбокомбинатах Камчатки работало почти в 2 раза меньше — около 10 тыс. чел.[339]

Работники административного аппарата в большинстве своем являлись офицерами запаса японской армии (например, кадровые офицеры Д. Огава, Г. Окано, И. Хариватори) и представителями разведки, жандармерии и полиции (например, Т. Кидзуми, Х. Агасевара, И. Араи).

В этой связи Управление НКВД СССР по Камчатской области (далее — КОУ НКВД) акцентировало на данной категории иностранных граждан особое внимание. На случай обострения советско-японских отношений здесь развернулась бы практически полноценная кадровая дивизия японской армии. О том же свидетельствует содержание докладной записки начальника КОУ НКВД старшего лейтенанта государственной безопасности И.А. Фильченко, направленной им в 1941 г. в Москву. «…Младший инспектор рыбнадзора, обслуживающий 705 японскую базу, рассказал начальнику Ичинского погранпоста лейтенанту [И.А.] Марулину, что вся прибрежная полоса была изрыта, но засыпана, и видны следы сырой гальки. 5 августа Марулин и наш оперработник [Д.И.] Тагильцев пошли с утра в секрет к базе № 705 и залегли в кустах, в 400 метрах от базы. В 6 часов утра на базе был подъем рабочих. По свисткам рабочие быстро выстраивались в два отделения по 20–30 человек (рабочие были не все), и после объяснения задачи с бамбуковыми палками в руках стали проводить военную игру: короткими перебежками наступать, окапываться и т. д. Игра продолжалась более часу. Затем приступили к работе». Далее Фильченко уточнял, что «после спортивных состязаний были выстроены все рабочие. В момент их построения любой бы сказал, что это не простые рабочие рыбаки, а целая военная единица, хорошо понимающая военные строи, свое место в строю и своего командира…»[340]. Таких рабочих на рыбную путину 1941 г. только на Камчатку прибыло 15 639 чел., что значительно превышало численность органов и войск НКВД и РККА, дислоцированных на полуострове. С началом Великой Отечественной войны управление крупнейшей на Камчатке японской рыбопромышленной компании «Ничиро Гио Гио Кабусики Кайся» распорядилось о проведении на рыболовных концессиях военизированных занятий по строевой и физической подготовке[341].

В предвоенный период в интересах контрразведки дальневосточные органы НКВД — НКГБ обращали особое внимание на т. н. «выходцев с Сахалина», для чего часто практиковалось взаимодействие с партийными органами региона. Так, помощник начальника УНКВД по ДВК, заместитель начальника Особого отдела НКВД СССР Отдельной Краснознаменной дальневосточной армии майор государственной безопасности Г.М. Якубович в директиве от 28 августа 1938 г. «всем заведующим секретными частями г. Хабаровска» распоряжался о предоставлении чекистам списков на всех ранее работавших на Сахалинских японских концессиях[342]. Ответы на подобные запросы приходили с мест оперативно.

Например, заведующий секретной частью Управления комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) по ДВК А.В. Некрасов в ответном сообщении от 2 сентября уведомлял, что в списках личного состава аппарата Управления «лиц, работавших на Сахалинских японских концессиях, не значилось и не значится в настоящее время»[343].

Еще одним важным направлением деятельности органов госбезопасности СССР на Дальнем Востоке в предвоенный период было выявление, предупреждение и пресечение подрывной деятельности спецслужб иностранных государств, действовавших с нелегальных позиций. Что характерно, и действующие под официальными прикрытиями, и разведчики-нелегалы проявляли интерес к ходу работ по возведению и функционированию действующих в регионе заводов, строек, аэродромов, радиостанций, иных особо важных объектов.

Особое внимание уделялось разработке методов противодействия противнику на линии стремительно развивающейся радиосвязи. До августа 1937 г. службы радиоконтрразведки подчинялась Наркомату связи, а затем перешла в ведение 12-го отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. В 1937 г. под Хабаровском начал функционировать пеленгаторный пункт Управления НКВД СССР по ДВК, который с 1938 г. осуществлял перехват линий связи ЯВМ и отслеживал подготовку ими агентов-радистов для переброски в Советский Союз. С 1938 г. в НКВД СССР начала действовать сеть станций радиоконтрразведки, которая эффективно контролировала эфир в приграничных районах, пресекая работу радиофицированных резидентур противника.

РКС Управления НКВД СССР по Хабаровскому краю накануне Великой Отечественной войны приступила к разработке радиосети Квантунской армии и ЯВМ в Харбине. Вскоре радиоконтрразведчики смогли читать японскую информацию, передававшуюся сложной азбукой «катакана». Когда японцы стали использовать ту же азбуку с применением кода, хабаровские дешифровщики взломали его довольно быстро. В результате, чекисты выявили радиосеть в Маньчжоу-Го и идентифицировали большинство иностранных радистов[344].

К заслугам коллектива смены приема РКС Управления НКВД по Хабаровскому краю, которой в свое время руководил И.Т. Ведь, также относится выявление путем разработки радиообзора укрывавшихся в СССР немецких агентов-радистов, прием с 1939 г. по 14 сентября 1941 г. шифровок от радиокорреспондента законспирированной группы «Рамзая» (т. е. Р. Зорге)[345].

Частично работу хабаровских чекистов дублировали радиоконтрразведчики Приморья, которые кроме приема информации от группы Р. Зорге из Японии «контролировали нелегальные миссии 4-го управления ГРУ в Юго-Восточной Азии»[346].

Кроме того, в конце 30-х гг. XX в. советские спецслужбы добыли свыше 20 японских и китайских шифров, благодаря чему советская сторона читала ценную японо-германскую дипломатическую переписку в годы Великой Отечественной войны. Напомним, что советские криптоаналитики оказывали неоценимую помощь органам госбезопасности на Дальнем Востоке еще с 1927 г., когда впервые стали дешифровать японскую дипломатическую переписку[347].

Очевидно, что предпринимаемые меры объяснялись хорошей осведомленностью правительства СССР о возможностях радиоразведки японских спецслужб, о чем неоднократно докладывали органы и войска НКВД — НКГБ. Так, например, в контрразведывательной сводке от 20 апреля 1938 г. начальник штаба УКПВВ НКВД ДВО полковник В.К. Урбанович сообщал, что, по данным 58-го (Гродековского) пограничного отряда, переводчик японской жандармерии и полиции г. Санчагоу кореец М. Ли имеет рацию, при помощи которой принимает передачи широковещательных станций СССР. Зафиксированные передачи после перевода на японский язык он передавал в жандармерию. «Эти данные поступали раньше от закордонной агентуры. Есть основания предполагать, — подытожил Урбанович, — что разведывательные органы района Дунин перехватывают наши телефонные и телеграфные переговоры»[348]. Предположение В.К. Урбановича, с тем лишь дополнением, многие территориальные органы военной разведки Японии в Маньчжурии, также занимались перехватом советских радиостанций, подтверждаются материалами допроса от 5 октября 1945 г. начальника 3-го (регистрационно-статистического) отдела Главного бюро по делам российских эмигрантов М.А. Матковского[349], сотрудника ЯВМ в г. Цзямусы С.И. Тростянского[350] и др.

Таким образом, в предвоенный период усилия органов госбезопасности были направлены на активизацию борьбы с разведывательными и контрразведывательными службами Японии и Германии. Содержанием деятельности органов НКВД — НКГБ на Дальнем Востоке накануне Великой Отечественной войны являлись разведывательная, контрразведывательная работа и политический розыск. Исходя из этого определялись основные направления работы: 1) выявление и пресечение подрывной деятельности разведчиков и агентов иностранных спецслужб,

действовавших на советском Дальнем Востоке под официальным прикрытием; 2) борьба с подрывной деятельностью иностранных спецслужб, проводимой ими против СССР на Дальнем Востоке с нелегальных позиций; 3) проведение контрразведывательной работы за границей.

В контексте обеспечения обороноспособности региона основными из них стали: своевременное вскрытие и информирование высшего руководства страны о событиях в Японии, Кореи, Китае и Маньчжоу-Го, политических и военных планах их военно-политического руководства и союзников; борьба с разведывательной и иной подрывной деятельностью иностранных разведчиков и агентов; поддержание жесткого контрразведывательного режима в приграничье, агентурно-оперативное прикрытие государственной границы; ограничение возможности ведения дипломатическими, концессионными и прочими представительствами разведки с легальных позиций; выявление и пресечение идеологических диверсий; контрразведывательная защита предприятий промышленности, транспорта и связи; радиоконтрразведка; контроль радиовещания и маскировки специальных радиостанций и др.

Особое внимание дальневосточные органы НКВД — НКГБ уделяли обеспечению внутренней безопасности государства — борьбе с контрреволюционными преступлениями и общественными возмущениями против порядка управления. Несмотря на то, что в деятельности органов госбезопасности в предвоенные годы имели место недостатки, уровень их оперативно-служебной деятельности постоянно совершенствовался. Выработанная система контрразведывательных и иных мер затрудняла, а иногда и исключала получения иностранными спецслужбами интересующей информации по политическим, военным и экономическим вопросам на советском Дальнем Востоке.

Деятельность органов военно-морской контрразведки Черноморского флота в начальный период и в ходе коренного перелома в Великой Отечественной войне

И.М. Обухов
г. Москва

С началом Великой Отечественной войны германское командование отлично представляло себе, что, владея объективной и полноценной оперативной информацией о Черноморском флоте (ЧФ), можно перспективно планировать свои военно-морские операции и организацию морских перевозок. С этой целью германская и румынская разведки направили свои устремления на подрыв мощи ЧФ.

К началу Великой Отечественной войны в составе Черноморского флота находилось более 300 кораблей и катеров различных классов и свыше 600 самолетов[351]. Главной базой флота являлся Севастополь, располагавший всем необходимым для его размещения — судоремонтными заводами, доками, мастерскими, складами, госпиталем, причальными линиями. Здесь же размещалась эскадра во главе с линкором «Парижская коммуна» и три дивизиона эсминцев. В Севастополе также базировались две бригады подводных лодок[352].

Контрразведывательную деятельность на ЧФ в первые месяцы войны вели органы 3-го Управления Народного комиссариата военно-морского флота (НКВМФ), созданного Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 февраля 1941 г. Этим же постановлением на них возлагались следующие задачи: борьба с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, террором и всевозможными антисоветскими проявлениями в ВМФ и его гражданском окружении; выявление и информирование командования частей и соединений флота о всех недочетах на кораблях и в частях флота и о всех компрометирующих материалах и сведениях, имеющихся на военнослужащих[353].

Было определено, что по всем вопросам оперативной деятельности периферийные 3-и отделы подчиняются вышестоящим органам военно-морской контрразведки. В остальных вопросах служебной работы устанавливалось

подчинение их командующим военными флотами и флотилиями, командирам военно-морских баз и эскадр. Предполагалось, что передача их в систему НКВМФ положительно скажется на контрразведывательной работе на флоте. Однако практика вскоре показала, что порядок их двойного подчинения мало отвечает задачам усиления борьбы с подрывной деятельностью иностранных разведок против ВМФ СССР. Были случаи, когда отдельные командиры стремились использовать морских контрразведчиков для различных служебных поручений, имевших очень отдаленное отношение к их основным функциям. К тому же и обстановка начального периода Великой Отечественной войны потребовала строгой централизации руководства деятельности органов военно-морской контрразведки[354].

Поэтому в результате сложившейся обстановки и хода ведения боевых действий на фронтах в системе отечественной военно-морской контрразведки стали происходить организационно-структурные изменения. Так, органы 3-го Управления НКВМФ, Постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 10 января 1942 г. были преобразованы в особые отделы НКВД флотов, флотилий, военно-морских баз и эскадр[355].

Особые отделы флотов и флотилий подчинялись Управлению особых отделов (УОО) НКВД СССР, а особые отделы военно-морских баз, эскадр, береговой охраны, военно-морских учебных заведений — ОО НКВД флота-флотилии и комиссару соединения[356].

В первые месяцы войны оперативная работа военно-морской контрразведки Черноморского флота была, прежде всего, обусловлена военно-стратегической обстановкой, сложившейся на южном театре военных действий. Начальный период являлся самым сложным в оперативно-боевой деятельности флотских чекистов, так как ЧФ вел тяжелые оборонительные бои с противником на подступах к Одессе и Севастополю, на Керченском и Таманском полуостровах и в районе Новороссийска.

В этот период органы военно-морской контрразведки понесли самые ощутимые потери в личном составе за все годы Великой Отечественной войны. Только при обороне Одессы, Севастополя и эвакуации наших частей из Крыма погибли или попали в плен десятки сотрудников особых отделов Черноморского флота.

С разгромом Крымского фронта в начале весенне-летнего наступления войск вермахта в 1942 г. Ставка Верховного главнокомандования перед флотом поставила задачу обороны Кавказского побережья, в том числе кавказских портов, куда из

Севастополя перешли боевые корабли флота[357].

Положение на фронте, невосполнимые потери кадров, нехватка оперативных работников не могли не сказаться на работе органов контрразведки. В этих условиях, с учетом временных неудач РККА, особые отделы флота сосредоточили свою деятельность на двух основных направлениях: выявлении агентуры противника, забрасываемой в районы дислокации флотских частей, и борьбе с дезертирами, изменниками Родине, трусами и паникерами.

В своей деятельности флотские чекисты исходили из того, что в начальный период войны германские спецслужбы вербовали пленных советских военнослужащих простыми методами, «накоротке», зачастую прямо на передовой. Те, кто давал согласие на сотрудничество с германской разведкой, после кратковременного инструктажа перебрасывались через линию фронта в расположение частей Красной армии и Военно-морского флота[358]. Так, летом 1942 г. главной целью симферопольского отдела «Цеппелина» было как можно больше забросить в тыл советских частей и соединений агентов-провокаторов, пропагандистов, диверсантов и террористов. Агентуру перебрасывали самолетами, направляли через линию фронта пешком, подвозили на катерах[359].

Однако результаты деятельности таких агентов были недостаточно эффективны, так как многие из них сразу же сдавались добровольно, даже не приступив к выполнению задания, других задерживали после перехода линии фронта. Но, вместе с тем, вследствие недостаточного оперативного опыта флотских чекистов в первые месяцы войны, агентуре противника удавалось просочиться и осесть в частях и соединениях ЧФ, что в дальнейшем отрицательно сказалось на работе военно-морской контрразведки[360].

К началу 1942 г., когда стал очевидным провал плана молниеносной войны, немецкая разведка перешла к более тщательному отбору и подготовке своих агентов, используя для этой цели сети разведывательных школ и курсов. Слабо обученные диверсионно-разведывательные кадры из числа советских военнопленных уже не могли принести противнику существенную пользу[361]. Так, германская морская разведка «Нахрихтенбеобахтер»(НБО), сформированная в конце 1941 — начале 1942 гг. в Берлине и являвшаяся основным разведывательным органом противника на Черноморском театре военных действий, в агентурной работе против ЧФ в основном старалась опираться на военнопленных моряков-специалистов, хорошо знавших объекты разведки и прошедших подготовку в

разведывательно-диверсионных школах.

К середине 1942 г. немецкой разведке удалось поставить на поток подготовку агентов, прошедших обучение в разведывательно-диверсионных школах и обладавших высоким уровнем подготовки, оснащения и ориентированных на разведывательно-диверсионную и террористическую деятельность в отношении советских войск. Для многократного увеличения количества подготовленных агентов германские спецслужбы использовали целую сеть специальных разведывательно-диверсионных школ, созданных как в Германии, так и на оккупированной ими территории, особенно в Польше, Прибалтике и Крыму. Все это значительно усложнило деятельность органов военно-морской контрразведки Черноморского флота[362].

В начальный период войны деятельность органов военно-морской контрразведки была направлена на борьбу с агентурой противника, забрасываемой в районы дислокации флотских частей. Основным противником, занимавшимся активной подрывной деятельностью против ЧФ, являлся немецкий разведывательный орган МАК (Марине айнзацкомандо дес шварцен меер). В сфере внимания этого подразделения, созданного при штабе командующего Юго-Западным морским театром, находился сбор данных о состоянии советского военно-морского и торгового флотов, его военно-морских баз на Черном море, о численности и оснащенности кораблей и состоянии береговой обороны на Черноморском побережье СССР.

Основная часть информации добывалась путем допросов советских военнопленных, прослушивания радиопередач, просмотра газет, издаваемых в воинских частях. Собранные материалы обобщались, анализировались и в обработанном виде передавались руководству Абвера.

В начале 1943 г. МАК прекратил свое существование в связи с расформированием, а личный состав и руководство этого разведывательного органа были переведены в морскую разведывательную абверкоманду «Нахрихтенбеобахтер»[363]. До октября 1943 г. этот разведорган дислоцировался в Симферополе, затем переехал в Одессу, где находился до апреля 1944 г. После оставления немцами Одессы перебазировался в Галац (Румыния)[364].

В оперативном отношении НБО подчинялась непосредственно Управлению «Абвер-заграница» и была придана штабу адмирала К.Г. Шустера, командовавшего немецкими военно-морскими силами юго-восточного бассейна. По своей структуре «Нахрихтенбеобахтер» представлял собой широко

разветвленный военно-морской разведывательный орган, располагавший крупными силами и техническими средствами. Руководящий состав имел большой опыт разведывательной и контрразведывательной работы[365].

Основными задачами военно-морской разведки «Нахрихтенбеобахтер» были: сбор разведывательных данных о ВМФ СССР на Черном и Азовском морях и о речных флотилиях Черноморского бассейна; ведение разведывательно-подрывной деятельности против войск Крымского и Северо-Кавказского фронтов[366].

При этом НБО в своей деятельности особое место отводила подготовке и заброске диверсантов и террористов в расположение частей и соединений ЧФ. Для этого она координировала свою работу с военной разведкой — командой «Абвер-2», специально прикрепленной для этой цели к «Нахрихтенбеобахтер».

Сбор разведданных НБО осуществляла через агентов, забрасываемых в тыл РККА, а также путем допроса военнопленных, бывших матросов и офицеров Черноморского флота. Агентов разведка вербовала в основном из числа военнопленных краснофлотцев и бойцов береговых частей, однако работала и с бывшими военнослужащими Крымского, Закавказского и Северо-Кавказского фронтов[367]. Помимо этого, агентура подбиралась и из местного населения, после чего направлялась на предварительное обучение в разведывательные школы.

Подготовкой агентов для НБО занимались четыре специальные школы разведчиков. В поселке Тавель, что в 18 километрах от Симферополя, готовили разведчиков-диверсантов и агентов-радистов, в Евпатории, на территории бывшего детского санатория НКВД, — радистов, а в Мариуполе и в поселке Симеизе, в бывшем профсоюзном санатории, — разведчиков-диверсантов. Они изучали морское дело, навигацию, двигатели и вооружение военных кораблей, а также методы разведки на море[368].

Для переброски своей агентуры НБО располагала совершенными средствами переброски. В качестве средств доставки использовались самолеты, подводные лодки и быстроходные катера германских военно-морских сил юго-восточного бассейна. Так, переброска агентов самолетами осуществлялась с аэродромов, расположенных близ Симферополя и Евпатории[369].

Наряду с перечисленными германскими спецслужбами, разведывательные мероприятия против ЧФ осуществляла также румынская Специальная служба информации (ССИ). Она состояла

из агентурного, контрразведывательного отдела, отдела пропаганды и радиоотдела. На территории СССР, временно оккупированной Румынией, вся секретная служба была сосредоточена в отделе «Агентуры Восточного фронта», который непосредственно занимался разведывательной и контрразведывательной деятельностью, в том числе и разведкой против ЧФ.

Свою деятельность «Агентура Восточного фронта» строила по территориальному принципу, за исключением спецгрупп, действовавших непосредственно за линией фронта. Она имела в своем подчинении три подразделения «Центру», которые состояли из отделений и групп[370]. Их основными задачами являлись сбор разведывательных данных о ЧФ, а также борьба с силами и средствами советской разведки и партизанским движением.

Таким образом, органам военно-морской контрразведки пришлось столкнуться с широкой сетью разведывательных органов противника и вести непрерывную борьбу, как со слабо подготовленными агентами противника, массово забрасываемыми за линию фронта на короткое время для выполнения разовых заданий, так и с его профессионально подготовленной агентурой.

В 1941–1943 гг. органами военно-морской контрразведки были разоблачены и арестованы 44 агента противника. Основная часть вражеской агентуры была выявлена в частях и подразделениях морской пехоты и береговой обороны. Такая закономерность была обусловлена тем, что части и подразделения морской пехоты и береговой обороны значительно чаще вели боевые действия с войсками вермахта, несли потери и постоянно пополнялись личным составом и переформировались[371].

Также в числе важнейших направлений деятельности военно-морских контрразведчиков было укрепление боеспособности частей и кораблей, борьба дезертирами, изменниками Родине, трусами и паникерами. Борьба с дезертирством включала мероприятия по обнаружению намерений отдельных военнослужащих покинуть свою часть, вести пораженческую агитацию, подавать примеры паникерства и трусости[372].

При этом следует отметить, что основная тяжесть борьбы с дезертирством легла на заградительные отряды. С учетом сложившейся обстановки на южном фланге советско-германского фронта заградительными отрядами применялись самые жесткие меры к бежавшим с поля боя, вплоть до расстрела перед строем или преданию их суду военного трибунала[373].

Всего за начальный период и ходе коренного перелома в

войне заградительными отрядами было задержано 4719 человек, из которых 4301 направлен в распоряжение командования, 290 арестованы и осуждены, а остальные переданы прокуратуре. За указанное время на Черноморском флоте перед строем было расстреляно 20 дезертиров, а всего на поле боя во внесудебном порядке — 199 человек из числа изменников Родине, трусов, паникеров и дезертиров. Большинство расстрелов пришлось на период тяжелых боев при обороне Одессы и Севастополя[374].

19 апреля 1943 г. постановлением Совнаркома за № 415–138 сс из ведения НКВД СССР был изъят Морской отдел, а на его базе образовалось Управление контрразведки (УКР) «Смерш» НКВМФ, а на флотах — отделы контрразведки (ОКР) «Смерш»[375]. 31 мая 1943 г. Постановлением ГКО за № 3461 сс/ов было утверждено «Положение об Управлении контрразведки «Смерш» Народного комиссариата ВМФ и его органах на местах»[376].

Согласно этого постановления на флотскую контрразведку возлагались следующие задачи: борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок, а также с антисоветскими элементами, проникшими в ВМФ, принятие необходимых мер, исключающих возможность безнаказанного проникновения агентуры противника и антисоветских элементов на флот, борьба с предательством и изменой Родине в частях, соединениях и учреждениях ВМФ, дезертирством и членовредительством[377].

С момента своего формирования ОКР «Смерш» Черноморского флота широко использовал возможности по информированию командования о недостатках в боевой подготовке сил и средств флота, не укомплектованности подразделений, о чрезвычайных происшествиях, политико-моральном состоянии личного состава. Кроме того, флотские чекисты по поручениям командования проводили расследования причин провалов военно-морских операций. Так, в октябре 1943 г. при возвращении из набеговой операции по обстрелу германских военных объектов в Ялте и Феодосии только за один день немецкой авиацией были потоплены три крупных боевых корабля: лидер эсминцев «Харьков», эскадренные миноносцы «Беспощадный» и «Способный». Людские потери составили 780 матросов, старшин и офицеров[378].

В процессе следствия причин этой трагедии сотрудниками ОКР были изучены сотни документов, опрошены десятки спасшихся моряков, а также лиц из числа командного состава флота. Назначенное расследование вскрыло многочисленные недостатки в организации операции. Особенно серьезные просчеты вызвали вопросы авиационного прикрытия действий

участвующих в операции кораблей. В результате проведенного расследования Ставкой Верховного главнокомандования было категорически запрещено использование крупных кораблей ЧФ без ее разрешения, а к непосредственным виновникам случившегося были приняты суровые меры[379].

Следует также отметить, что одним из направлений деятельности органов военно-морской контрразведки ЧФ в исследуемые периоды была зафронтовая работа. Однако в начальный период войны зафронтовая работа особого отдела флота не могла в полной мере решать контрразведывательные задачи и ориентировалась главным образом на дезорганизацию германского тыла путем диверсий и носила больше разведывательных характер. Это объяснялось неподготовленностью оперативного состава, отсутствием специальной подготовки у забрасываемых агентов, опыта зафронтовой работы и знания оперативной обстановки на оккупированной территории. Поэтому в 1941 г. в тыл противника было заброшено 19 агентов, а в 1942 г. — всего 9[380].

Из-за несовершенства, в отличие от немцев, техники переброски агентов, ограниченных возможностей по организации связи и снабжения ее всем необходимым часто происходили провалы агентов при выброске в тыл противника. Кроме того, серьезные нарекания вызывала обеспеченность зафронтовых операций экипировкой, оружием, а также надежными документами.

И только начиная с 1943 г. за линию фронта стали забрасываться специально подготовленные агенты, причем исключительно с контрразведывательными задачами. Они готовились в специальной школе зафронтовых разведчиков, созданной при ОКР ЧФ. Вербовка кандидатов в нее осуществлялась главным образом из советских граждан, проживавших на оккупированной территории и хорошо знакомых с районом намеченной выброски. В течение 1943 г. было подобрано и после специальной подготовки в спецшколе переброшено в тыл противника 12 агентов. Перед ними ставились следующие задачи: внедрение в разведорганы и разведшколы противника, перевербовка вражеской агентуры, а также выявление агентов, намеченных к оседанию в портах Черноморского побережья.

Для выполнения таких задач планировались зафронтовые операции. Так, в конце 1943 г. была разработана и проведена операция «Победа». В процессе ее осуществления ОКР ЧФ была переброшена в район Одессы агентурная группа — резидент «Громовой», радистка «Москвичева» и агент «Родная». После

выброски группа удачно легализовалась в Одессе и приступила к выполнению поставленного задания. За время пребывания в оккупированном городе она установила несколько офицеров контрразведки германской армии и 7 агентов противника, которые позднее были арестованы опергруппой флотских контрразведчиков.

Помимо этого, советский резидент завербовал двух агентов, один из которых работал шофером в немецкой контрразведке и выявил 10 бывших военнослужащих ЧФ, сотрудничавших с румынами, а также лично задержал одного из сотрудников румынской контрразведки с ценными документами и передал первым вошедшим в Одессу сотрудникам военной контрразведки УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта[381].

Помимо операции «Победа», в эти же сроки была проведена и операция под кодовым названием «Вперед». Она предусматривала выявление официальных сотрудников германской военно-морской разведки НБО и проведение перевербовок вражеской агентуры в Николаеве. С этими целями в оккупированный город проникли агенты «Ястреб» и «Грозный». «Ястреб», использовав свои довоенные связи, устроился на работу в водную полицию переводчиком. Ему удалось выявить 8 агентов подразделения НБО. В связи с тем, что водная полиция готовилась к переброске из Николаева, «Ястреб» перешел в торговый флот, эвакуировался в Одессу, где продолжал свою работу до вступления в город советских войск.

Также успешно прошла заброска в Одессу и двух агентов ОКР «Смерш» ЧФ: «Зверева» и «Гранатова». «Зверев», удачно легализовавшись, устроился диспетчером в одесский порт, где выявил 20 агентов германской военно-морской разведки НБО. Все установленные агенты были объявлены в розыск и вскоре трое были задержаны флотской контрразведкой.

«Гранатову» перед заброской была поставлена задача организовать диверсии на Одесском судоремонтном заводе. Изучив обстановку, «Гранатов» создал группу, которая сорвала сроки ремонта германских боевых кораблей и торговых судов[382].

После того, как в конце 1943 г. стратегическая инициатива перешла к Красной армии, которая во взаимодействии с частями и кораблями Черноморского флота начала освобождение оккупированной противником советской территории, деятельность органов военно-морской контрразведки ЧФ резко изменилась. Стремительное продвижение советских войск вызвало необходимость создания оперативных групп ОКР, которые вместе с наступающими войсками и в составе десантных частей вступали в освобожденные города и населенные

пункты[383].

В составе оперативных групп, как правило, были оперативные работники, розыскная агентура, переводчики, радисты и конвойные подразделения. В их задачу входило выявление, розыск и арест вражеской агентуры, восстановление связи с оставленными при отступлении нашими разведчиками, захват архивов противника и других трофеев. Врываясь вслед за передовыми частями в освобожденные города и военно-морские базы, оперативные группы в кротчайшие сроки устанавливали связь с оставленными ранее или заброшенными в период войны агентами. Имеющаяся у зафронтовых разведчиков информация сразу давала нить к разоблачению агентов врага, имевших задание на оседание или не успевших уйти с отступающим противником. Так, при освобождении Одессы оперативной группой ОКР ЧФ были арестованы 2 агента черноморской абверкоманды НБО — Иванов и Суетнов.

В процессе допроса агенты показали, что, находясь в Мариупольском лагере военнопленных, в середине 1943 г. были завербованы офицером черноморской абверкоманды НБО для проведения шпионской работы и с этой целью подготавливались для переброски в советский тыл. В связи с отступлением германских войск из Одессы они были оставлены в городе для сбора разведывательных данных о частях и кораблях флота. После выполнения задания Иванов и Суетнов должны были перейти линию фронта[384].

При розыске агентов противника хорошие результаты приносило использование специальных поисковых и опознавательных групп, привлечение перевербованных агентов, а также процедура фильтрации в лагерях военнопленных. В результате агентурно-оперативных мероприятий, проведенных оперативными группами ОКР ЧФ в городах Причерноморья и Приазовья, по разным причинам были арестованы 190 человек, из которых 9 оказались агентами германской и румынской разведок[385].

Подводя итог следует отметить, что приоритетом в деятельности органов военно-морской контрразведки ЧФ на южном фланге советско-германского фронта в исследуемые периоды являлась решительная борьба со шпионажем и предательством в частях и на кораблях и ликвидация дезертирства.

Великая Отечественная война: новые источники о деятельности советской разведки

И.Ю. Бережанская, А.С. Сухарева
г. Москва

История Великой Отечественной войны не теряет актуальности. Поэтому особую значимость в ее изучении приобретают новые источники, в том числе и о деятельности разведки.

Исследователи, ученые, все те, кто помнят и стараются сохранить правдивыми трагические и одновременно героические страницы нашего прошлого, все чаще обращаются к архивным документам. Благодаря стараниям архивистов, пожелтевшие свидетельства хода войны до сих пор раскрывают некоторые события, иллюстрируют уже известные факты, пополняют источниковую базу по истории Великой Отечественной войны. Особенно это актуально в свете появляющихся в последнее время работ, которые призваны оспорить, порой очернить многие события войны, фальсифицируют историю нашей страны. Это напрямую связано с ожесточенной борьбой за историческую правду и попыткой политического влияния на молодое поколение, которое формирует свое представление о нашей истории лишь по кинолентам и учебным пособиям. Чем больше времени проходит, тем больше появляется исследователей, которые в научных работах пытаются исказить факты о Великой Отечественной войне и сформировать за счет этого альтернативный историко-нравственный код ее восприятия. Регулирование данных процессов закреплено законодательно правительством Российской Федерации[386], а популяризация достоверных источников информации о событиях военных лет активно препятствует распространению в России подобных тенденций на массовом уровне. Однако в то же самое время от отечественных историков требуется еще более усиленная и кропотливая работа с документами военных лет.

К предыдущему, 70-летнему, юбилею сотрудники Института российской истории Российской академии наук совместно с архивистами Главного архивного управления города Москвы и Центрального архива ФСБ России издали 5-томник, посвященный значительным событиям войны. В издание вошли авторские

статьи как отечественных, так и зарубежных ученых, а также ряд рассекреченных архивных документов, в том числе о деятельности органов госбезопасности в годы войны, ставших ярким дополнением к публикации. Участие в проекте представителей научного сообщества из разных государств обусловило разнообразие точек зрения, дало возможность взглянуть на события с нового ракурса, наметило научную полемику, выявило спорные моменты. Документы, использованные в статьях и опубликованные в приложении к изданию, с одной стороны, стали яркой иллюстрацией к публикации, с другой — смогли пополнить источниковую базу по истории Великой Отечественной войны. Часть из этих документов была обнаружена в фондах ЦА ФСБ России и региональных органов безопасности. После процедуры рассекречивания материалы были опубликованы.

Следует сказать, что с самого начала Великой Отечественной войны разведкой занималось 1-е управление (внешняя разведка) НКВД — НКГБ СССР, которое возглавлял П.М. Фитин. Основное разведывательное подразделение выполняло различные задачи, в том числе: раскрытие военно-политических планов нацистов и их союзников на протяжении войны, формирование отрядов специального назначения для проведения диверсионных операций, установление истинных планов союзников СССР, в лице США и Великобритании, относительно военных действий и послевоенного устройства мира, а также, что не менее важно, осуществление разведывательных операций в отношении нейтральных государств, в целях недопущения оказания ими поддержки Германии и ее союзникам. К августу 1941 г. в структуру внешней разведки входило 9 отделов, деятельность которых была сконцентрирована в различных регионах мира.

Помимо данного управления в 1941 г. к выполнению разведывательной работы приступили: 4-е управление (разведывательно-диверсионное) НКВД — НКГБ СССР; разведывательные подразделения пограничных войск; разведывательные подразделения войск НКВД по охране тыла фронтов; разведывательные подразделения партизанских отрядов. Кроме того, разведывательные управления были в Наркомате обороны и в Наркомате военно-морского флота.

На протяжении всего периода войны свыше 100 оперативных отрядов НКГБ выполняли разведывательные и контрразведывательные операции, диверсии в отношении немецких сил, а также вели с ними бои. За границей работали порядка 90 резидентур, действовавших на легальной и нелегальной основе. В некоторых случаях они имели по

несколько учреждений, например, в таких странах как Великобритания, Соединенные Штаты, Китайская Народная Республика и т. д. На оккупированной советской территории, в особенности на Украине, формировались подпольные резидентуры в тылу противника, для налаживания работы разведки по выявлению планов Германии. Полученные ими данные легли в основу целой системы источников, проливающих свет на еще неизученные страницы истории Великой Отечественной войны.

Так, в приложение к первому тому издания, посвященному событиям 1941 г., вошли разведсводки и донесения Управления пограничных войск НКВД Ленинградского округа о положении в Финляндии. Эти материалы содержат информацию о состоянии финской пограничной стражи и методах охраны границы, дислокации финских воинских частей и соединений рядом с советской границей, оснащении, маневрах, тактических учениях, оборонных мероприятиях и состоянии аэродромов финнов, перевозке финских солдат, техники, вооружения и военных материалов. Следует отметить, что эти сведения направлялись еще до нападения Гитлера на Советский Союз. Зимняя война 1939–1940 гг. подорвала международное положение Финляндии и сформировала ее главную внешнеполитической цель — возвращение утраченных территорий по условиям мирного советско-финского договора от 12 марта 1940 г. С этого момента финны активно вели переговоры о выступлении в войне на стороне стран Оси и решении посредством этого своего «восточного вопроса», который также включал в себя план расширения собственных территорий до границ СССР за счет захвата Карелии[387]. В это время внутри страны финское правительство в ускоренном режиме перевооружало армию и укрепляло новые границы. В частности, в одном из документов говорится: «В 2-х км от ст. Вайникала вглубь Финляндии по обе стороны железнодорожной линии вырыт противотанковый ров шириной 3 м. В 200 м от противотанкового рва установлены каменные надолбы высотой до 1 м в четыре ряда»[388]. А сразу после начала войны, 24 июня 1941 г., была подготовлена разведсводка: «По данным агентуры, добытым в порядке личного наблюдения при проезде через финляндские ж/д, и от финских железнодорожников, сопровождавших наши поезда, установлено, что правящие круги Финляндии и финская военщина по указанию Германии на протяжении двух месяцев — апрель — май, а в особенности в последнее время вели усиленную подготовку к войне против СССР»[389]. Информация из донесений оказалась верна, в ходе Великой Отечественной войны финские войска

участвовали в блокаде Ленинграда, предоставляли свою территорию для военно-морских и военно-воздушных сил Германии, а также вербовали добровольцев в действующую армию СС[390].

Ряд документов приложения посвящен Таллинскому переходу и эвакуации базы Краснознаменного Балтийского флота с полуострова Ханко в августе 1941 г. Их особой ценностью стало то, что они содержат печальные сведения о недостатках и причинах, из-за которых флот и части РККА понесли тяжелые потери. В одном из документов сказано: «Мощные огневые средства, морская и зенитная артиллерии не были полностью использованы, а, зачастую последние бездействовали вследствие отсутствия связи и взаимодействия между различными родами войск <…> эвакуация войск прошла позорно <…> огромная толпа красноармейцев, краснофлотцев и командиров подверглась панике <…> охрана с воздуха не была обеспечена»[391]. Таллин, ставший основной базой Балтийского флота к началу войны, имел недостаточную готовность к обороне ни с суши, ни с моря. Это привело к вынужденному выводу кораблей и промышленного оборудования из столицы Эстонии в сторону Кронштадта. Однако неоправданное промедление с началом операции, а также последовавшая за этим спешка и несогласованность действий командного состава привела к тому, что советский военно-морской флот понес значительные потери в ходе эвакуации. Тем не менее большинство кораблей прибыли в Кронштадт и смогли впоследствии принять участие в обороне Ленинграда.

Первый год Великой Отечественной войны стал самым изматывающим и тяжелым для нашей страны, в то время как 1942 г. наметил скорый переход стратегической инициативы к Советскому Союзу ввиду достижения договоренностей об открытии второго фронта в Европе, успешной обороны Кавказа, наступательных операций на северо-западном и западном направлении (Ржевско-Сычевская операция). Второй том проекта охватывает события конца первого этапа войны и включает в себя материалы, наиболее полно раскрывающие их. Особая роль отводится контрнаступлению Красной армии под Сталинградом, начавшемуся в ноябре 1942 г. В книге присутствуют документы органов НКВД СССР периода обороны города. К ним относятся распоряжения, справки, сообщения, телеграммы, докладные записки, сводки, в которых содержатся сведения о событиях накануне и в дни Сталинградского сражения[392]. Победа под Сталинградом уже в 1943 г. стала символом перелома в ходе войны для советского народа и усилила борьбу антигитлеровской коалиции.

Не менее актуальными в наши дни можно назвать документы о положении в Севастополе в 1941–1942 гг. Это выписки из донесений особых отделов Черноморского флота, Приморской армии и Северо-Кавказского фронта, которые готовили сотрудники УОО НКВД СССР. В них отражен ход боев за Севастополь, показан трагизм сложившегося в городе положения[393]. Оборона главной базы Черноморского флота длилась на протяжении 250 дней и способствовала сковыванию сил противника на южном фронте, не позволив этим частям немецкой армии участвовать в боях во время решающих наступлений военных сил СС летом 1942 г.

В третьем томе проекта представлены информационные сообщения особых отделов 40-й и 13-й армий, 12-й артиллерийской дивизии, в которых отражено состояние боевых частей в январе — феврале 1943 г.: во время Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операций, которые стали частью Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции, проводившейся для вывода из-под немецкой оккупации крупных административных и промышленных центров Советского Союза — Курска, Харькова, Воронежа и Белгорода. Также содержатся доклады военной контрразведки, в которых говорится о деятельности органов «Смерш» Брянского фронта, 13-й, 38-й и 40-й армий в июле — сентябре 1943 г.: в ходе Курской битвы и Черниговско-Полтавской наступательной операции. Главное управление контрразведки Народного комиссариата обороны (ГУКР НКО) «Смерш» было создано весной 1943 г. и выполняло задания широкого спектра: от выявления диверсантов и агентов врага до организации собственных диверсий в тылу немцев. Курская битва ознаменовала собой коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны и окончательно лишила Германию стратегического лидерства на Восточном фронте. Во многом это стало возможно благодаря способности сотрудников «Смерш» еще в мае 1943 г. добыть важные сведения тактического характера, о готовящейся немецкой операции «Цитадель». В это же время, контрразведка тщательно контролировала разработку и сохранность советской стратегических планов и докладывала руководству о причинах провала, например, наступательных операций на Брянском фронте в конце мая[394].

На протяжении Курской битвы «Смерш» занимался поимкой дезертиров и военных преступников. В отношении немецкой армии «Смерш» применял такие методы борьбы, как «Инсценировка “Измена Родине”». Имитация группового перехода советских солдат на сторону противника имела под собой цель

отвлечения врага и усыпление его бдительности, после чего происходили столкновения и попытки обезоруживания немецких солдат.

Следующим направлением деятельности «Смерш» стала поимка шпионов и забрасывание собственных агентов в тыл немцев. Контрразведка занималась также изучением морально-психологического состояния солдат и командиров как перед Курской битвой, так и во время нее. Отдельно следует выделить рельсовую войну, которая велась с весны 1943 г. специальными группами НКГБ по дезорганизации противника. По мере приближения советских войск к Белоруссии подобный вид ведения диверсий в отношении немцев стал получать еще большее распространение.

Освещен в третьем томе издания и финский вопрос. С 1941 г. в Финляндии было создано отделение разведки главного штаба вооруженных сил страны, основной задачей которого было проведение разведывательных операций в отношении СССР. После вступления финнов в войну разведка выполнялась на территории Ругозера и Ухты, однако впоследствии произошло постепенное расширение зоны от северной части Сегозера до Кестеньги[395]. Летом 1943 г. был сформирован 4-й отдельный разведывательно-диверсионный батальон, который ввиду побед Красной армии на Восточном фронте взял под контроль деятельность всех отделов финской разведки. В период позиционной войны между СССР и Финляндией перед финской разведкой стояли следующие задачи: направление в советский тыл разведывательно-диверсионных групп, визуальное наблюдение за железнодорожными путями сообщения (в особенности за Кировской железной дорогой), фиксирование действий НКВД и Красной армии, проведение террористических актов. Интерес для исследователей представляет аналитический обзор УКР «Смерш» Карельского фронта об активности финской разведки. В работе советских военных контрразведчиков добытые сведения были крайне необходимы[396] для успешной борьбы с шпионажем и диверсиями финских разведчиков.

Не менее важным в публикации стал обзор Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии о политике нацистов на оккупированной территории. Он был использован 4-м управлением НКГБ СССР в аналитической и справочной работе, а также при подготовке разведывательно-диверсионных групп. Впоследствии информация из обзора о немецких чиновниках, которые действовали на оккупированной территории, была использована при заведении уголовных дел[397].

Кроме того, следует сказать о подборке трофейных материалов 4-го управления НКВД — НКГБ СССР. В нее, среди прочего, вошли: памятка для немецких солдат о поведении в оккупированных областях[398], приказ № 6 германского командования по проведению нового земельного порядка[399], распоряжение немецких оккупационных властей о содержании и способах распространения ложных слухов[400].

Четвертый том издания, освещающий события 1944 г., включает в себя примечательный документ: обзорную справку 4-го управления НКГБ СССР о положении на временно оккупированной территории. В ней, в частности, говорилось, что «немецкое командование и оккупационные власти проводят всевозможные мероприятия по максимальному использованию материальных ресурсов оккупированных районов СССР, промышленности, сельского хозяйства и людских резервов для военных нужд. Промышленность прифронтовых районов эвакуируется немцами. Наряду с этим идет усиленное строительство военных сооружений — оборонительных линий, укрепрайонов, строительство новых и восстановление старых аэродромов»[401]. Также в справке подробно сказано о мероприятиях, проводимых противником на оккупированной территории, организации немецким командованием антисоветских националистических формирований, положении в бывшей Польше.

Особый интерес представляют доклады УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта о борьбе с противником на освобожденной территории. В них вошли докладные записки за август — сентябрь, сентябрь и декабрь 1944 г., когда проходили Ясско-Кишиневская, Белградская и Будапештская наступательные операции. Оперативные группы были созданы в Софии, Бухаресте, Кишиневе. В частности, в сентябрьском документе говорится: «За отчетный период задержано и разоблачено в тылу и частях фронта 156 агентов и сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов противника, из них 121 агент и сотрудник военной разведки, 32 агента и 3 штатных работника контрразведывательных органов. Среди 121 агента военной разведки 43 человека являлись официальными сотрудниками и 17 бывших резидентов этих органов, 2 диверсанта, проходившие по алфавитному списку Всесоюзного розыска, и 6 человек, объявлявшихся в местный розыск»[402].

Заключительный том проекта содержит несколько подборок документов, посвященных важнейшим событиям 1945 г. Так, в феврале — мае УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта направлял начальнику ГУКР НКО «Смерш» В.С. Абакумову спецсообщения и

докладные записки, в которых передавались сведения о недочетах медицинского обслуживания в частях фронта, говорилось, например, об обнаружении военного порохового комбината в районе Бромберга и бомбардировке противника переправ через Одер, приводились высказывания военнослужащих о решениях Крымской конференции руководителей трех держав, анализировалось политико-моральное состояние войск противника, был включен доклад о фильтрации спецконтингента и военнопленных. Все это дает возможность увидеть весь спектр задач, стоявших перед военными контрразведчиками, понять объем деятельности, которую они осуществляли[403]. В частности, в одном из документов сказано о встрече частей 33-й армии с 9-й американской армией, о чем был составлен соответствующий рапорт: «После взаимных представлений и краткой беседы генералу Симпсону и сопровождавшим его лицам был дан обед, во время которого были произнесены приветственные речи и тосты за руководителей правительства обеих стран, за союзные армии, дружбу и т. д. Обед прошел в дружеской атмосфере, гости чувствовали себя хорошо и непринужденно. За обедом генерал-лейтенант Симпсон преподнес в знак дружбы генерал-полковнику Цветаеву свой личный пистолет, автомат и часы, получив в обмен такие же подарки»[404].

Еще одной из задач органов военной контрразведки был розыск агентуры противника на освобождаемой территории. В апреле — мае 1945 г. УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта докладывало В.С. Абакумову о результатах розыска: «В апреле т.г. отделы “Смерш” фронта свою работу по розыску агентуры разведывательных и контрразведывательных органов противника проводили на территории Венгрии и Австрии. За отчетный период задержано 453 агента, из них имеющих диверсионно-террористические задания — 372 чел.»[405], «в мае т.г. отделы “Смерш” фронта свою работу по розыску агентуры и официального состава разведки и контрразведки противника проводили на территории Венгрии, Австрии и частично Югославии. За отчетный период задержано агентов и официальных сотрудников указанных органов — 504 чел., из них имеющих диверсионно-террористические задания — 381»[406].

Неспокойная обстановка на Дальнем Востоке требовала особого внимания оперативных подразделений в этом регионе и в Забайкалье. Тревогу вызывала деятельность спецслужб Японии и ее союзников. Исторические и аналитические справки УКР «Смерш» Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов легли в основу докладных записок В.С. Абакумова руководству страны. Эти материалы позволяют составить представление о

перманентной подготовке милитаристской Японии и ее разведки к агрессии против СССР: «Японская военная миссия (ЯВМ) в Маньчжурии была создана в 1915 г. в гор. Харбин. Формально ее назначением была передача России японских поставок различных материалов в связи с русско-германской войной. На самом же деле ЯВМ была создана для проведения разведывательной работы против китайских властей в Маньчжурии, против русских властей на КВЖД и непосредственно России, а затем и Советского Союза. Для этих целей ЯВМ организовала свои резидентуры во всех крупных городах Маньчжурии и на границе с Россией»[407].

Говоря о деятельности органов «Смерш», так широко представленной в томе сборника, нельзя не остановиться и на борьбе контрразведчиков с диверсионно-террористическими подразделениями германских спецслужб. В частности, в приложении представлены материалы военной контрразведки о диверсионно-террористической прибалтийской организации «Межакати» («Дикие кошки»). Среди прочего, в них сказано, что «создавая в Курляндии указанную организацию, органы германской военной разведки преследовали цель насадить в Латвии в массовом масштабе диверсионно-террористические кадры из числа националистических, враждебных советской власти элементов с задачей использования их для подрывной деятельности в тылу Красной армии как путем переброски их через линию фронта, так и путем оставления в освобожденных Красной армией районах»[408]. В целом опубликованные документы явно свидетельствуют о прочной связи националистического подполья Прибалтики с нацистскими спецслужбами.

Создатели проекта не ставили задачей написать полную историю Великой Отечественной войны, а делали акценты на ряде событий. Тираж издания был довольно небольшим, что, в свою очередь, затрудняет доступ исследователей к опубликованным документам, к которым, среди прочих, относятся докладные записки, спецсообщения, справки, распоряжения, телеграммы, оперативно-разведывательные сводки, доклады, отчеты, обзоры, донесения НКВД/НКГБ СССР, агентурные донесения, рапорта, собственноручные показания военнопленных, протоколы допросов, трофейные документы. Все они стали существенным дополнением и достойным свидетельством многих событий 1941–1945 гг. Более широкое обнародование опубликованных документов может стать значительным подспорьем в работе исследователей, обогатить историографию Великой Отечественной войны, предотвратить попытки фальсификации нашей истории.

Выпускники и преподаватели Высшей пограничной школы на фронтах Великой Отечественной войны

Д.Ю. Даньшин
г. Москва

Выпускники и преподаватели Высшей пограничной школы[409] внесли большой вклад в победу нашего народа в Великой Отечественной войне. К началу войны многие из ее выпускников занимали руководящие должности в штабах пограничных комендатур и отрядов. Они первыми приняли на себя удар фашистских захватчиков, вступив с ними в смертельную схватку. Из 485 пограничных застав, подвергшихся нападению в первые дни, не было такой, которая сдалась бы врагу или оставила охраняемый участок без приказа. В большинстве случаев гарнизоны гибли до последнего человека. Пограничники дорого отдавали свою жизнь и, как свидетельствуют документы, проявляли массовый героизм и самопожертвование.

В те дни газета «Правда» писала: «Как львы дрались советские пограничники, принявшие на себя первый внезапный удар подлого врага. Бессмертной славой покрыли себя бойцы-чекисты. Они бились врукопашную, и только через мёртвые их тела мог враг продвинуться на пядь вперёд»[410].

Так, слушатель 1-го дивизиона курсов усовершенствования начальствующего состава Высшей школы войск НКВД старший лейтенант П.П. Шпилевой 22 июня 1941 г., будучи начальником заставы 18-го пограничного полка НКВД, участвовал в бою против немецко-фашистских захватчиков. Умело руководя обороной заставы, Шпилевой заставил немецких фашистов трижды предпринимать атаку и затем, очутившись в окружении, вывел личный состав заставы из окружения. За проявленные в бою геройство и отвагу П.П. Шпилевой командованием Юго-Западного фронта награжден орденом Красного Знамени[411].

В историческом формуляре Пограничной академии ФСБ России в июне 1941 г. была сделана следующая запись: «Гитлеровская Германия, нарушив пакт о ненападении, вероломно напала на Советский Союз. Навязанная нам война создала угрозу для нашей Великой Родины. По указу советского

правительства Красная армия 22 июня 1941 года вступает в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом. Несмотря на временные неуспехи, наша армия и наш флот героически отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжёлый урон. А вся наша страна организовалась в единый боевой лагерь, чтобы вместе с армией и флотом осуществить разгром немецких захватчиков. Ордена Ленина Высшая школа войск НКВД, являясь кузницей командных кадров войск НКВД, как и в былых схватках с врагами нашей страны, с первых же дней войны посылает своих питомцев на защиту родины»[412].

С первых дней Великой Отечественной войны Школа перестроилась на требования военного времени. 17-й набор слушателей основного курса набора мая 1941 г. в количестве 353 человек был полностью откомандирован с началом военных действий в формируемые части войск НКВД, которым предстояло закрыть путь на Москву.

Установлено, что в течение первых месяцев войны 70 человек командно-начальствующего состава Школы также были откомандированы на фронт. Данное обстоятельство было вызвано тем, что подавляющее большинство командно-начальствующего состава имело большой практический опыт ведения боевых действий. В ходе изучения архивных материалов подтверждены героические примеры участия преподавателей в Великой Отечественной войне.

Так, выпускник Высшей пограничной школы 1935 г. полковник И.А. Кузовков после окончания учебного заведения был оставлен преподавателем тактики, а уже через несколько месяцев назначен начальником кафедры военных дисциплин. С началом Великой Отечественной войны полковник Кузовков занимал должность заместителя начальника Школы по учебной части. В июле 1941 г. он возглавил штаб 82-й армии, сформированной из дивизии народного ополчения Москвы, в ноябре занял должность заместителя начальника оперативного штаба Западного направления, координировал действия Западного и Калининского фронтов. С мая 1942 г. — начальник оперативного отдела 50-й армии, спустя некоторое время — заместитель начальника штаба армии. С января 1943 г. — командир 69-й стрелковой дивизии (Центральный фронт).

В результате продуманной и умело проведенной генерал-майором И.А. Кузовковым подготовки дивизия успешно форсировала р. Днепр и прочно закрепилась на западном берегу. Высадившись в ночь с 14 на 15 октября 1943 г. на подручных средствах и рыбацких лодках на труднодоступный участок

правого берега, десант передовых частей дивизии захватил линию обороны противника, создал плацдарм для переправы всей дивизии, что способствовало также переправе 60-й Севской дивизии и 149-й стрелковой дивизии. Ведя успешные бои, дивизия захватила важные в тактическом отношении высоты и опорные пункты противника способствовав этим общему успеху корпуса по расширению и прочному закреплению плацдарма. За успешное руководство воинскими подразделениями и проявленные при этом личное мужество и героизм генерал-майору И.А. Кузовкову 30 октября 1943 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»[413].

Для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе дополнительно создавались истребительные батальоны. Начальник Высшей школы войск НКВД полковник Д.В. Крамарчук был назначен начальником штаба этих формирований и немедленно убыл к новому месту службы. Основу батальонов составляли преподаватели и слушатели школы. Из них комплектовался Московский штаб и командование батальонов. Сержантов и командиров взводов назначали из рабочих и служащих того района, где формировался батальон. Всего было сформировано 82 истребительных батальона, которые действовали в радиусе 150 километров от Москвы. Они задержали 120 немецких парашютистов и лётчиков со сбитых самолётов.

В конце июня — первой половине июля 1941 г. Ставка принимает решение из состава пограничных и других войск НКВД сформировать 15 стрелковых дивизий, из них 6 — в самое короткое время. В соответствии с этим решением в приказе НКВД СССР от 29 июня 1941 г. руководство формированием было возложено на генерал-лейтенанта И.И. Масленникова. В состав формируемых дивизий вошло свыше 15 тыс. пограничников. Почти одну треть командно-начальствующего состава (975 из 3056) для укомплектования должностей командиров батальонов составляли выпускники Школы.

Установлено, что, являясь оперативным резервом войск НКВД и войск Московского гарнизона, Школа выполняла различные служебно-оперативные задания. Так, в соответствии с приказанием начальника Управления оперативных войск НКВД СССР № 12/4/0017 от 26 июня 1941 г. Высшая школа войск НКВД приняла под охрану участок линии правительственной связи на участке Москва — Ржев, для чего был выделен взвод из состава роты связи батальона обслуживания школы в количестве 19 человек под командованием командира взвода лейтенанта Н.И.

Лаптева. Личный состав этого взвода самоотверженно нес службу по охране порученного участка связи и неоднократно восстанавливал его после ожесточённых налётов авиации противника[414].

Осенью 1941 г., когда над Москвой нависла наибольшая опасность, школа получила боевую задачу охранять и оборонять участок в северо-западном секторе Западного фронта в границах справа — Ленинградское шоссе до города Клин; слева — Хорошево — Москва-река до города Звенигород. Позже выполняла задачу по охране подступов к Тушинскому аэродрому. Была сформирована 2-я дивизия особого назначения, в которую вошли Высшая школа войск НКВД и Военно-техническое училище им. В.Р. Менжинского. Командовал дивизией генерал К.Р. Синилов.

Тысячи её воспитанников были направлены на передовые позиции, в войска по охране тыла действующей армии и на другие участки борьбы с врагом. Участвуя в боях на фронте, выполняя задания командования на других участках оперативно-боевой работы, многие воспитанники школы проявили себя способными командирами, умелыми организаторами.

22 июля 1941 г. немецкая авиация впервые бомбила Москву. Била зенитная артиллерия, гулко падали осколки снарядов, натужно ревели моторами пролетавшие самолёты, у Белорусского вокзала загорелся склад. Организованно прибыв к месту пожара, 200 слушателей школы приняли непосредственное участие в тушении пожара. В течение пяти часов огонь был потушен[415].

3 октября 1941 г. Москва переживала самые тревожные за всю войну дни: враг вплотную подошёл к столице. Истребительные батальоны, возглавляемые пограничниками школы, были сведены в четыре стрелковые дивизии и получили задачу оборонять город в районе Химок и далее на северо-западной и южной окраине до Подольского шоссе. До 19 октября они возводили два оборонительных рубежа, состоявшие из дотов, дзотов, траншей и ходов сообщений. В самом городе возводились баррикады. Комендантом укреплённого района, прикрывающего подступы к Москве с запада, назначен полковник Д.В. Крамарчук

В начале октября 1941 г. было принято решение об эвакуации из Москвы части партийных и правительственных учреждений, дипломатического корпуса и оборонных предприятий. Началась паника среди населения, участились случаи мародерства и грабежей. Для поддержания порядка, 6 октября 1941 г. был сформирован полк Высшей школы войск НКВД, который возглавил начальник школы полковник Н.В. Смирнов. На комплектование полка в распоряжение школы прибыло 650

человек личного состава московских тюрем и вахтерские команды по охране зданий НКВД. Полк входил в состав 2-й мотострелковой дивизии особого назначения НКВД, но уже 20 октября 1941 г. был расформирован[416].

С 20 октября в Москве и прилегающих районах вводится осадное положение. На подступах к столице действовало до 50 частей пограничных и внутренних войск НКВД. Возникла необходимость привлечения и личного состава Школы. В период осадного положения в Москве он принимал активное участие в оперативных мероприятиях по борьбе с диверсантами, дезертирами, распространителями панических слухов. Так, 74 человека из числа преподавателей и слушателей поставлены во главе истребительных батальонов, 29 человек назначены на руководящие должности в соединениях войск НКВД, направляемых в Действующую армию. Во всех районах города обстановка потребовала сформировать специальные комендатуры. Их возглавили 7 преподавателей школы.

Весь октябрь шли жестокие бои у стен столицы. Вместе с бойцами и командирами Красной армии столицу защищал весь личный состав Высшей школы. Учёба фактически не велась, а были напряжённая служба, непрерывные бои, бессонные ночи и изнуряющий труд на строительстве оборонительных сооружений.

Установлено, что в составе курсантского дивизиона младших лейтенантов в боевых действиях под Москвой принимал участие будущий начальник Пограничных войск — заместитель председателя КГБ СССР, Герой Советского Союза генерал армии В.А. Матросов. Он учился в школе с июня 1941 г. по март 1942 г, воевал в составе 73-го пограничного полка на Карельском фронте. В 1944 г. В.А. Матросов награжден медалью «За оборону Москвы».

Всего за шесть месяцев войны на фронт из Школы откомандировано 610 человек, в том числе на формирование новых частей: начсостава — 29, слушателей основного факультета — 273, красноармейцев батальона обслуживания — 211, в оперативные командировки командирами истребительных батальонов и руководителями оборонительных работ по обороне Москвы: начсостава — 11, слушателей основного курса — 74, помощниками коменданта столицы по районам — 7[417]. Для формирования дивизий на должности командно-начальствующего состава из школы откомандировано 975 слушателей. Многие из них стали командирами дивизий, полков, батальонов, начальниками служб, возглавляли политические органы.

При работе с архивными документами выявлено множество примеров участия выпускников и преподавателей Высшей школы на фронтах Великой Отечественной войны. Так, стрелок

комендантской роты старший сержант И.И. Дмитриев участвовал в боях с немецкими захватчиками и награжден медалью «За боевые заслуги». Во время наступления немецких войск 18 декабря 1941 г. командование роты, в которой проходил службу Дмитриев, выбыло из строя. Старший сержант проявил в бою инициативу и принял командование ротой. Под его командованием был взят укрепленный пункт в районе Серпухова, под селом Ершово[418].

Слушатель 1-го дивизиона курсов усовершенствования начсостава Высшей школы капитан И.Д. Крешевский на учебу прибыл 12 марта 1942 г. с должности командира батальона 249-го полка 13-й дивизии конвойных войск НКВД. В августе 1941 г. он был выброшен с батальоном для ликвидации группировки войск противника, вклинившейся в нашу оборону. В результате умелых действий, группировка противника была разгромлена, понеся серьезные потери в живой силе: убитыми до 700 солдат и офицеров, ранеными 25 и пленными 150 человек. Захвачены 8 танков, 10 орудий разного калибра, 23 миномёта, 18 станковых пулемётов, а также много автоматов, винтовок, боеприпасов и снаряжения. Батальон потерял 12 человек убитыми и 29 ранеными.

За проявленные мужество и отвагу в этом бою капитан И.Д. Крешевский Указом Президиума Верховного совета СССР от 11 февраля 1942 г. награждён орденом Красной Звезды[419].

Многие воспитанники Школы воевали и успешно руководили частями и соединениями Действующей армии. 10-й дивизией войск НКВД командовал полковник А.А. Сараев, начальником штаба дивизии был выпускник Высшей пограничной школы подполковник А.А. Зайцев. 56 огневых суток дивизия вела тяжелые бои на широком фронте на подступах к Сталинграду и в самом городе. В сводке боевых действий сообщалось, что с 23 августа по 8 октября 1942 г. в героической обороне Сталинграда участвовала 10-я дивизия войск НКВД в составе пяти стрелковых полков. За время боев ее частями уничтожено до 15 тыс. солдат и офицеров противника, 113 танков, 8 бронемашин, 2 самолета, 138 ручных и станковых пулеметов, 51 миномёт, 6 орудий, 2 склада с боеприпасами[420].

Таким образом, выпускники и преподаватели Высшей школы приняли самое активное участие на фронтах Великой Отечественной войны.

Пополнение Действующей армии выпускниками и слушателями Школы началось с конца июня 1941 г., когда на территории Московского военного округа войска НКВД приступили к формированию 15-ти стрелковых дивизий. В

составе этих соединений по дорогам войны прошагали сотни выпускников Высшей школы. География их боевого пути лежала от Бреста до Москвы, Кавказа и Сталинграда. Оттуда — через Курск, Киев, Минск и Вильнюс. Далее — на Кенигсберг, Варшаву, Белград, Будапешт и Берлин. В этот перечень следует внести еще десятки не названных крупных городов Советского Союза, ряд европейских столиц.

Великая Отечественная война для Высшей школы явилась не только тяжелым испытанием, но и суровой школой военной науки. Она выработала особую систему подготовки специалистов военного дела и подлинных патриотов, надёжных защитников Родины. Эта школа, эта система, этот опыт организации учебно-воспитательной работы и служебно-боевой деятельности должны служить примером для современных выпускников Пограничной академии ФСБ России, как в повседневной жизни, так и в экстремальных условиях.

Московский пограничный институт ФСБ России в годы Великой Отечественной войны

А.А. Кутовой
г. Москва

4 февраля 2022 г. Московскому пограничному институту Федеральной службы безопасности Российской Федерации исполнилось 90 лет[421].

Летопись пограничных войск хранит немало ярких примеров мужества и героизма, проявленные в разное время питомцами вуза.

Институту есть кем гордится: 22 его выпускника стали Героями Советского Союза, а 11 человек — Героями Российской Федерации. Тысячи его воспитанников награждены орденами и медалями Отечества[422]. За высокие заслуги в деле подготовки высококвалифицированных офицерских кадров для пограничных органов вуз награжден орденами Красного Знамени (1967 г.) и Октябрьской революции (1982 г.), орденами иностранных государств[423].

Серьезным испытанием для личного состава нашего учебного заведения, которое с 26 марта 1939 г. по 30 июня 1945 г. именовалось Московским военно-техническим училищем (МВТУ) НКВД СССР имени В.Р. Менжинского, явились предвоенные и военные годы.

Накануне Великой Отечественной войны центральное место в обучении преподавательского состава, курсантов и слушателей заняло изучение боевого опыта войск за период 1938–1940 гг., опыта использования средств радио- и проводной связи, стрелкового оружия в различных климатических и метеорологических условиях. Война с белофиннами выявила необходимость дальнейшего усиления военной и военно-технической подготовки офицеров-пограничников.

Начавшаяся в июне 1941 г. Великая Отечественная война поставила перед МВТУ новые ответственные задачи.

В первые же дни войны училище выпустило досрочно 837 слушателей курсов усовершенствования командного состава и курсантов старшего курса. Большинство выпускников офицеров-связистов, оружейных техников, офицеров-хозяйственников прямо из училища направлялись на фронт, в боевые части.

Сразу после выпуска в училище было принято 1005 человек. С июля 1941 г. началась ускоренная подготовка командиров-специалистов (связистов, оружейных техников и др.). Сроки обучения курсантов отделения связи и административно-хозяйственного сократили с 3 лет до 6 месяцев, на оружейно-техническом отделении — до 9 месяцев, слушателей на курсах усовершенствования командного состава связи и административно-хозяйственной службы был установлен 2 месяца, оружейно-технической службы — 4 месяца.

Соответственно был пересмотрен учебный план, перестроен весь учебный процесс. На плановые часы занятий и самостоятельную работу курсантов отводилось расписание занятий и распорядком дня 12 часов. Значительно повышался в подготовке специалистов удельный вес военных дисциплин[424].

Но действовать приходилось не только в учебной обстановке. Ставка Главного (затем Верховного) командования, начиная с июня 1941 г., принимала энергичные меры по организации обороны Москвы и в первую очередь ее противовоздушной обороны (ПВО). Эта задача была поставлена и перед частями Московского гарнизона, которые входили в единую систему воздушной разведки и борьбы с самолетами противника. Определенное место в осуществлении ПВО столицы отводилось и Московскому военно-техническому училищу войск НКВД.

Приказом командования от 22 июня 1941 г. в училище устанавливалось круглосуточное дежурство главного поста воздушного наблюдения, оповещения и связи № 2000 и организовывалась система огня по воздушным целям. Личный состав в короткий срок был обучен приемам борьбы с зажигательными бомбами. В соответствии с инструкцией по борьбе с авиадесантами и отрядами противника, утвержденной заместителем народного комиссара обороны Маршалом Советского Союза Б.М. Шапошниковым, вся территория Московского военного округа в радиусе 150 км делилась на два боевых участка — западный и восточный. Начальником восточного боевого участка был назначен начальник МВТУ комбриг Д.П. Жебровский, военным комиссаром — военком училища военинженер 1 ранга А.П. Ястрембжский.

Для борьбы с авиадесантами и разведывательно-десантными группами в секторе Москва — Ярославль, Москва — Дмитров и в районе Калининград — Мытищи — Бабушкин были выставлены от училища две усиленные оперативные группы на машинах численностью до 40 человек каждая. Кроме того, часть курсантов и командиров привлекалась к несению службы по охране засекреченных линий связи[425].

В августе 1941 г., несмотря на героическое сопротивление Красной армии, немецко-фашистские войска продолжали наступление на западном направлении. Фронт приближался к Москве. Угроза для столицы становилась все более реальной, укрепилась ее оборона, все соединения, части, военные училища занимали в обороне строго определенное место.

Московское военно-техническое училище, как и другие части Московского гарнизона, активизировали боевую учебу личного состава. Проводились тактические занятия и учения по борьбе с авиадесантными группами противника, курсанты были обучены практическим действиям по борьбе с танками с помощью бутылок с зажигательной смесью.

Приказом по училищу от 11 августа 1941 г. из числа преподавателей и курсантов была организована внештатная батарея в составе трех орудий, а также зенитно-пулеметная рота.

Высокий патриотизм, мужество, самоотверженность отличали не только военнослужащих училища, но и вольнонаемный состав. Учитывая горячее стремление москвичей отстоять столицу, в училище из штатного вольнонаемного состава организовали стрелковую роту в составе трех стрелковых, одного пулеметного и одного санитарного взводов. Командиром роты был назначен майор Н.В. Пономарев, политруком — майор В.А. Суханов.

Таким образом, в училище дополнительно создавались артиллерийские подразделения, подразделения противовоздушной обороны и обеспечения. Все мероприятия организационного характера были направлены на подготовку училища как боеспособной части, готовой самостоятельно решать различные боевые задачи по обороне столицы.

В соответствии с приказом НКВД СССР училище вместе с другими частями и подразделениями внутренних войск с 13 по 20 октября 1941 г. выполняло боевые задачи в Калининском секторе Московской зоны обороны, затем было выведено из боевого расчета и возвратилось в г. Бабушкин. Здесь оно получило приказ о передислокации в г. Новосибирск.

Передислоцировать училище с его огромным хозяйством, оружием, боеприпасами, оборудованием классов и мастерских было нелегкой задачей, тем более осенью 1941 г., когда фашистская авиация подвергла усиленным бомбардировкам железные и шоссейные дороги центральной части страны. Несмотря на возникающие проблемы в целом же передислокация была проведена успешно и в сравнительно небольшие сроки. Уже к 24 ноября 1941 г. училище на новом месте было готово к началу плановых учебных занятий.

Условия военного времени требовали коренной перестройки

учебно-воспитательной работы. Особое внимание стало уделяться изучению организации и ведению боя в лесу, ночью, зимой, в окружении, в горах и других особых условиях. На основе опыта ведения боевых действий в тематические планы были включены вопросы об особенностях организации связи в различных условиях обстановки. При этом широко использовались советы и рекомендации выпускников училища, находившихся в действующей армии. Они публиковались в училищной газете «Менжинец» под рубрикой «Советы менжинца-фронтовика».

Несмотря на трудности военного времени, училище не только успешно осуществляло подготовку квалифицированных офицерских кадров для фронта и границы, но и вносило определенный вклад в налаживание военного производства в Новосибирске. Офицеры, курсанты, солдаты принимали активное участие в строительстве узкоколейной железной дороги к оборонным заводам, в монтаже оборудования предприятий военной промышленности, а также в сельскохозяйственных работах. В этот трудный год курсанты, командиры, рабочие и служащие собрали несколько десятков тысяч рублей на строительство самолета «Новосибирский чекист». В 1942 г. на средства личного состава, собранные к 25-й годовщине Красной армии, были построены еще 3 истребителя.

За первый год войны училище окончило 1816 чел. (1486 курсантов и 330 слушателей). В 1942 г. было произведено 3 выпуска курсантов и слушателей, несколько выпусков курсов командного состава. Все выпускники этих и последующих лет были направлены на фронт или в войска НКВД[426].

Положение на фронте к весне 1944 г. в корне изменилось. Под ударами Красной армии немецко-фашистские захватчики все дальше откатывались назад. Москва уже перестала быть прифронтовым городом. А поэтому Народный комиссариат внутренних дел принял решение о возвращении Московского военно-технического училища в Москву. В мае — июне 1944 г. МВТУ прибыло на место своей постоянной дислокации, и уже 3 июля начались занятия.

В 1944 г. училище произвело 4 выпуска курсантов и слушателей курсов усовершенствования офицерского состава. Всего окончили училище и курсы 729 человек. Это были последние выпуски курсантов, обучавшихся по сокращенной программе военного времени.

В феврале 1945 г. курсанты с честью выполнили задание государственной важности — обеспечили безопасность глав правительств 3 союзных держав — СССР, США и Англия — на Ялтинской конференции, где был намечен план окончательного

разгрома Германии, выработаны условия ее безоговорочной капитуляции[427].

1 мая 1945 г. на Красной площади вновь состоялся традиционный парад войск Московского гарнизона — первый парад после долгого перерыва с ноября 1941 г. Училище показало отличную строевую выучку личного состава и заслужило высокую оценку руководителей партии и правительства.

В ознаменование Победы над фашистской Германией 24 июня 1945 г. в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы. Военно-техническому училищу войск НКВД СССР им. В.Р. Менжинского была оказана высокая честь — пройти в едином строю с фронтовиками. На параде курсанты представляли всех пограничников, которые отстаивали независимость Отечества в битвах с фашистским агрессором. В нем приняли участие три батальона пограничников (два батальона — 600 курсантов и 16 офицеров) и Саратовского военного училища НКВД СССР[428].

26 июня 1945 г. за хорошую организованность и строевую выучку личному составу училища, участвовавшему в Параде Победы, объявили благодарность Верховного главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза И.В. Сталина, каждый участник был награжден благодарственной грамотой с его личной подписью.

Выпускники училища вписали славную страницу в героическую летопись Великой Отечественной войны. За доблесть и мужество в боях тысячи из них были награждены орденами и медалями, а генерал-майор Н.М. Михайлов, офицеры А.В. Рыжиков, И.П. Гоманков, Ф.С. Сабельников, П.Е. Брайко, Н.А. Беляков, А.В. Шигаев, Н.П. Титов, Н.А. Подорожный, Ф.Е. Хребтов были удостоены звания Героя Советского Союза[429].

Мужественными и умелыми командирами на фронтах Великой Отечественной войны показали себя офицеры и преподаватели училища В.В. Мочалов, А.Г. Климин, А.И. Летунов, А.А. Сараев, Д.Л. Абакумов, С.С. Нестеров, К.Д. Шешуков, Г.Г. Масанов, И.Ф. Корнеев, И.В. Васильев, А.С. Гальманов, В.И. Груздев, И.В. Гаврилин и многие другие.

Немало менжинцев пало смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины. Менжинцы своими героическими делами на полях сражений преумножили боевые традиции училища, вписали новую страницу в его историю.

За годы войны училище накопило ценный опыт организации учебно-воспитательной работы, сохранило квалифицированный преподавательский состав и было готово к решению новых задач по подготовке офицерских кадров в период мирного строительства.

Контрразведывательная работа Управления НКГБ СССР по Ленинградской области на освобожденных территориях в 1944–1945 гг

В.А. Колошинский
г. Санкт-Петербург

Операции советских войск 1944 г. позволили полностью освободить от врага оккупированные им районы Ленинградской области (ЛО). Из 72 районов еще осенью 1941 г. немецкие войска полностью заняли 51[430]. Часть территорий была оккупирована ими частично, а во многих прифронтовых селениях число жителей сократилось в разы.

Ленинградский областной комитет (обком) ВКП(б) и Ленинградский областной исполнительный комитет (Леноблисполком) оценивали общее состояние освобожденных территорий как катастрофическое[431]. О том же писали в феврале 1944 г. побывавшие в освобожденных районах области английские и американские корреспонденты В. Лоуренс, Р. Лоутербах, Э. Энгли и др.[432] По оценкам выезжающих на места исполкомовских и судебно-прокурорских комиссий и групп, часть населения этих районов находилась в деморализованном состоянии. Серьезное влияние на это состояние, по мнению некоторых исследователей, оказала вражеская пропаганда и относительно слабая активность местных партизан в годы оккупации[433]. По оценкам других авторов, в этот период в занятых немецкими войсками районах области практически отсутствовал советский аппарат органов госбезопасности, способный эффективно противостоять врагу[434].

Между тем, УНКВД по Ленинградской области и особый отдел НКВД Ленинградского фронта располагали довольно обстоятельной оперативной информацией о происходящих на оккупированных территориях событиях. Так, во второй половине ноября 1942 г. из УНКВД ЛО на имя члена Военного совета Ленинградского фронта А.А. Жданова было отправлено подробное спецсообщение «О положении в южных районах Ленинградской области, временно оккупированных противником»[435]. К осени 1943 г. Управлению НКГБ по

Ленинградской области удалось внедрить соответствующий спецаппарат практически во все коллаборационистские структуры, что позволило разложить более десятка крупных власовских гарнизонов[436]. Судя по докладной записке начальника УНКГБ по Ленобласти П.Н. Кубаткина в НКГБ СССР о работе в тылу противника с июля 1942 г. по апрель 1944 г. оперативные подразделения Управления непрерывно вели контрразведывательную работу на оккупированной территории области и хорошо знали обстановку там, в том числе и господствующие настроения среди населения[437].

Еще задолго до освобождения отдельных территорий области от войск противника оперативные подразделения УНКГБ ЛО уже провели целый комплекс мер контрразведывательного характера. Поэтому к началу 1944 г. у ленинградских чекистов был накоплен определенный опыт этой работы на бывших оккупированных территориях. О поэтапной организации и учёту особенностей оперативно-чекистской работы в данных районах говорилось в приказе НКВД СССР от 12 декабря 1941 г.[438] Важно также, что на местах, в соответствие с этим приказом, предписывалось иметь подготовленный резерв сотрудников для обеспечения своевременного формирования органов НКВД местностей, освобожденных от противника[439].

Воссоздание, реорганизация и усиление районных и городских отделов НКГБ на бывших оккупированных противником территориях области стало одной из важнейших предпосылок действенной контрразведывательной деятельности оперативных подразделений органов госбезопасности в 1944–1945 гг.

Решением бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 2 февраля 1944 г. «О начальниках районных и городских отделений НКГБ» продолжилась начатая еще в 1943 г. процедура утверждения руководителей органов НКГБ на освобожденных территориях Ленинградского, Лужского, Псковского и Новгородского округов Ленинградской области. В 15 районов и городов этих округов были назначены опытные сотрудники В.Н. Алексеев, Я.В. Васильченко, М.С. Давыдов, Л.С. Журавлев, С.Д. Козлов, Н.А. Коньев, Н.Н. Плюскин, А.Ф. Рослов, И.И. Савин, С.С. Селезнев, П.Т. Соловьев, М.М. Степанов, Г.Д. Фирсов, И.В. Хвоин и Н.И. Швенев[440].

Новые начальники территориальных органов НКГБ назначались на эти должности имея богатый чекистский опыт, как правило, с должностей старших оперуполномоченных различных оперативных отделов Управления НКГБ СССР по Ленобласти, реже — с должностей начальников оперативных

частей городских или районных отделов милиции УНКВД ЛО[441]. Отдельные из них до назначения проходили службу в подразделениях особых отделов НКВД — УКР «Смерш» НКО, имели опыт чекисткой работы в тылу врага и в действующих частях РККА.

Важным было и то, что все вновь назначенные руководители органов госбезопасности входили в состав бюро городских и районных комитетов ВКП(б), что создавало предпосылки для реального партийного контроля за их деятельностью и соблюдением ими законности. В утвержденном постановлением бюро ОК ВКП(б) от 7 февраля 1944 г. составе бюро РК ВКП(б), освобожденных от немецкой оккупации, конкретно перечислялись имена вышеназванных руководителей районных и городских отделов НКГБ, как членов бюро райкомов партии[442].

Ключевую роль играл и чекистско-следственный опыт вновь назначенных руководителей учитывая то обстоятельство, что в начале 1944 г. резко активизировалась подрывная деятельность германских спецслужб на освобожденных советских территориях. Об этом конкретно предупреждала директива НКГБ СССР № 8 от 18 января 1944 г.[443] На местах предстояло осуществить комплекс контрразведывательных мер в интересах надежного обеспечения государственной безопасности на освобожденных территориях. Предстояло также очистить тыл Ленинградского фронта от вражеского и уголовного элементов и оказать реальную помощь на местах в установлении Советской власти и быстрейшем проведении её мероприятий в этих районах. По точной оценке В.С. Христофорова, у советских органов государственной безопасности в годы войны как никогда ранее проявились масштабная и разноплановая работа[444].

Для осуществления контрразведывательной деятельности на освобожденной территории и ведения оперативно-следственной работы имелись все необходимые нормативные правовые акты. Были отрегулированы вопросы взаимодействия и координации с различными подразделениями НКВД, суда и прокуратуры. Регулировались и другие вопросы, которые входили в компетенцию местных исполкомов городских и районных советов депутатов трудящихся, различных ведомств и учреждений, прежде всего, в интересах задач органов госбезопасности.

Вопросы общей организации контрразведывательной работы на конкретной территории не могли успешно разрешаться без целого комплекса организационно-правовых, управленческих решений и согласований. К тому же, следовало иметь ввиду, что численность оперативного состава райгоротделов НКГБ в 1944–1945 гг. редко превышала 15–20 чел. Причем часть из них

постоянно находилась в служебных командировках. Во всех итоговых докладах с мест в адрес УНКГБ ЛО за эти годы руководители постоянно напоминали о нехватке оперсостава и других проблемах.

Между тем, характер контрразведывательных задач в этот период требовал определения самых неотложных мер, от реализации которых зависел успех всей чекистско-следственной работы на освобожденных территориях. Их реализация в 1944–1945 гг. позволила выделить определенные особенности контрразведывательной работы, «нащупать» верные каналы сосредоточения усилий в интересах оперативного решения поставленных задач. Важно подметить, что опыт реализации отдельных из них не потерял своего значения и в современных условиях.

Выявление агентуры иностранных спецслужб, оставленной на «оседание», было и оставалось первоочередной задачей оперативных подразделений УНКГБ ЛО. Помимо испытанных форм и методов этой деятельности сотрудники госбезопасности реализовывали различные комбинированные подходы, приемы и методики. При этом потребовалась определенная перестройка сложившейся ранее практики взаимодействия между различными оперативными службами НКГБ, НКВД и ГУКР НКО «Смерш» в центре и на местах.

Различные системы учетов, процедура прохождения оперативной и розыскной информации, экспертно-криминалистическое сопровождение возбужденных производств и многие «устоявшиеся» институты оперативно-розыскной деятельности нуждались в оперативной корректировке и изменении. Возросли требования к полноте и обоснованности доказательной базы по всем без исключения преступным деяниям подозреваемых и др.

В интересах реализации данной задачи осуществлялись меры по тщательному учету населения, находящемуся на освобожденных от врага территориях. Этому способствовали решения П.Н. Кубаткина о запретах выдачи гражданам пропусков на въезд в Ленинград из всех районов Ленинградской области (почта-телеграмма № 1 от 7 февраля 1943 г.)[445]. Принятые меры ускорили процедуру перерегистрации паспортов лиц, находящихся в городах (ранее подвергнутых оккупации: Новгороде, Пскове, Петрозаводске и Выборге), осуществляемой с 1 января по 1 июля 1945 г. на основании распоряжения СНК СССР от 1 ноября 1944 г. № 20845-рс. Приказом НКГБ СССР от 15 декабря 1944 г. проводимую перерегистрацию следовало использовать для активного розыска вражеской агентуры,

осевшей в районах бывших под оккупацией, а также для выявления изменников Родине, предателей и пособников врагу.

Активно использовали оперативные подразделения УНКГБ ЛО и меры властей по выполнению в районах области приказа НКО СССР от 2 января 1944 г. «О проведении перерегистрации военнообязанных рядового и сержантского состава запаса». Из докладной записки заместителя заведующего военного отдела обкома ВКП(б) В.П. Гордина на имя секретарей Ленинградского обкома М.Н. Никитина и Г.Х. Бумагина следовало, что «… крайне запущенным общим и специальным учетом военнообязанных в районах области <…> ловко пользуются разного рода уклонисты, годные к строевой службе, дезертиры, изменники Родине, уголовные элементы…»[446]. На 1 февраля 1944 г. никто не отменял постановления ГКО от 16 января 1942 г. «О порядке передвижения военнообязанных в военное время и ответственности за уклонение от воинского учета», приказов НКВД СССР от 24 января 1942 г. и начальника УНКВД по Ленобласти П.Н. Кубаткина от 2 февраля 1942 г. «О борьбе с дезертирством и уклонением военнообязанных от воинского учета»[447]. В них предлагались конкретные меры контрразведывательного характера по выявлению, в том числе и агентуры врага, осевшей вблизи действующих частей и соединений Красной армии.

Оперативно-следственным и розыскным мероприятиям в целях выявления агентов иностранных спецслужб на территории Ленинградской области подверглись уголовные элементы. Так, еще осенью 1942 г. Тихвинская оперативная группа УНКВД ЛО (УГБ-2 — В.К.) сообщала П.Н. Кубаткину о том, что уголовные элементы «лютуют в оккупированных районах Ленинградской области…»[448]. Это сообщение чекистов подтверждало отправленную ранее (ноябрь 1941 г.) информацию из УНКВД ЛО в адрес ОК ВКП(б) и командования Ленфронта об активном содействии немцам на занятой ими территории уголовных и прочих антисоветских элементов[449].

На активную разработку и ликвидацию агентуры противника в среде уголовных элементов ориентировали и решения, проведенного в Москве в ноябре 1943 г. совещания с руководителями отделов по борьбе с бандитизмом[450]. Интересовали чекистов и результаты опросов детей-беспризорников, проходивших через детприемники (ДПР) области: в Гатчине, Луге, Тосно, Ефимове, Пскове и Новгороде в 1944–1945 гг. Только за 1944 г. через ДПР прошло почти 5,5 тыс. детей граждан Ленобласти и 3,5 тыс. — приехавших туда без разрешения в поисках родителей. Часть из них проживала ранее

на оккупированной немцами территории Ленобласти[451].

Тщательной проверке в 1944–1945 гг. подверглись через систему фильтрационных органов на территории Ленинградской области репатрианты из числа советских граждан и лиц, пребывающих из Германии, Норвегии, Финляндии к месту жительства в районы области. Только с октября 1944 г. по июль 1945 г. проверочно-фильтрационная комиссия Выборгского проверочно-фильтрационного пункта осуществила фильтрацию более 126 тыс. чел.[452] По докладу Управления Министерства юстиции РСФСР по г. Ленинграду, курирующего и область, на местах в 1944 г. часть населения открыто предоставляла документы в советские органы, выданные на оккупированной территории немецкими властями[453].

Контрразведывательные мероприятия в ходе проверочно-фильтрационной работы нацеливались на выявление и арест прежде всего командно-оперативного состава полицейских органов, руководителей окружных и уездных управ, бургомистров и старост, разного рода пособников гитлеровцев, изменников Родине и их окружения, предателей, карателей и т. п.[454]. Уже к июню 1945 г. за предательство и пособничество сотрудниками Управления НКГБ ЛО было арестовано свыше 960 чел.[455]

Фильтрация выявила факты проживания в ряде районов области на общих основаниях с гражданами СССР перебежчиков, сбежавших из лагерей немецких, румынских, венгерских и других военнопленных, политэмигрантов, иностранных подданных, прибывавших вместе с советскими гражданами из Германии и других стран. Так, только в Волосовском районе паспортная регистрация выявила 246 таких граждан (немцы, финны, поляки, китайцы и др.)[456]. Проверка выявила среди этого контингента лиц, служивших в немецкой армии, «власовцев», «легионеров», полицейских и т. п. Эта категория фильтруемых подвергалась незамедлительному взятию органами контрразведки на списочный учет[457]. Кроме этого, еще ранее, летом 1944 г., внимание чекистов обращалось на наличие и активную деятельность в районах Ленобласти, граничащих с Финляндией и Эстонией, «… значительного числа одиночек и мелких разрозненных вооруженных групп противника»[458].

Особое внимание контрразведывательных органов в этот период по-прежнему уделялось выявлению разного рода антисоветских элементов, нередко открыто и враждебно действовавших среди населения освобожденных районов области. Еще в марте 1943 г. об этом в своей записке на имя И.В. Сталина докладывал заместитель наркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулов, выделив, в том числе материалы по Ленинградской

области[459]. В отношении фигурантов этой линии работы предлагалось действовать в соответствии с директивой НКВД и НКГБ Союза ССР по № 478/89 от 1 октября 1943 г. Особое внимание обращалось на порядок оперативно-следственной работы с бывшими полицейскими, ставленниками и пособниками оккупантов, а также на усиление взаимодействия органов НКВД и НКГБ по разоблачению агентуры врага.

Имевшую место неразбериху и даже некоторую путаницу с общей организацией на местах оперативного учета антисоветских элементов в годы войны, стали преодолевать после выхода в свет приказа НКГБ СССР от 18 февраля 1944 г. «О реорганизации оперативного учета антисоветских элементов» и введения в действие инструкции о постановке оперативного учета антисоветских элементов выявленных агентурной разработкой. Не потеряли своей силы эти нормативные акты и в послевоенный период.

Контрразведывательные мероприятия на освобожденных территориях Ленинградской области в 1944–1945 гг. позволили решить ключевые задачи обеспечения государственной безопасности на Северо-Западе РСФСР. По самым общим подсчетам за период с мая 1943 по май 1946 г. включительно, силами оперативных подразделений УНКГБ — Министерства госбезопасности (МГБ) ЛО было разоблачено и арестовано более 14,5 тыс. чел., из них агентов противника — 1,4 тыс. Было вскрыто и оперативно ликвидировано около 1,1 тыс. антисоветских группировок на более чем 3,3 тыс. чел. На освобожденной от врага территории подразделения контрразведки УНКГБ ЛО с января 1944 г. по февраль 1945 г. арестовали 3,5 тыс. чел., в числе которых находилось 677 агентов спецслужб противника, 2786 — предателей и активных пособников немцев, 78 — изменников Родине. За активную враждебную антисоветскую деятельность было арестовано 993 чел.

В тоже время внесудебному (Особое совещание НКВД) и судебному преследованию подвергались далеко не все арестованные подозреваемые лица. Уточнялись и переквалифицировались почти все составы преступлений. Часть задержанных освобождалась. Суровую и законную ответственность понесли преступники и их активные пособники, нанесшие непоправимый ущерб советскому государству и обществу своим сотрудничеством с врагом.

Ленинградские чекисты в годы войны вели масштабную и разноплановую работу, в том числе и на освобожденных от противника территориях области. Контрразведывательные

мероприятия 1944-1945 гг. позволили выработать новый опыт оперативной и следственно-розыскной деятельности, не потерявшей своего значения и в современных условиях.

Радиоразведка Пограничных войск НКВД на Дальнем Востоке в 1942–1945 гг

А.А. Слободянюк
г. Москва

В период Второй мировой войны в США ведение радиоразведывательных операций было возложено на командующего войсками связи и созданную в его структуре армейскую дешифровальную службу. У англичан в окрестностях Гонконга была развернута станция перехвата, откуда регулярно приходило в Лондон значительное количество перехваченных и дешифрованных японских военных сообщений. Большинство из них содержало разведывательные сводки из Китая. В конце августа 1940 г. между США и Великобританией был подписан договор, согласно которому договаривающие стороны взяли на себя обязательства «в полном объеме обмениваться технической информацией, имеющей отношение к японским, немецким и итальянским шифрам».

Серьезные успехи по дешифрованию иностранной шифрпереписки были достигнуты советскими специалистами. С осени 1939 г. перехватывалась и дешифровывалась дипломатическая переписка Японии, Турции и некоторых других государств, содержавшая сведения о подготовке агрессии против СССР[460]. Эта работа была выполнена группой криптографов под руководством старшего лейтенанта государственной безопасности С.С. Толстого[461].

При этом отметим, что «пурпурная машина»[462] не оправдала надежд японского руководства, помимо СССР её читали в США, Великобритании, Нидерландах, а также немецкие союзники Токио[463].

Придавая важное значение радиоразведке, как важному средству получения данных о противнике, советским командованием принимались адекватные меры.

Дешифровальная служба военной разведки и 8-х отдельных радиодивизионов особого назначения ГРУ Генштаба Красной армии переданы в НКВД, где созданы полевые управления специальной службы, а дивизионы переформированы в отдельные дивизионы спецслужбы, центральную и отдельную радиостанции войск НКВД[464]. На основании приказа № 002424 от 3/5 ноября

1942 г. в ходе проводимой реорганизации было создано 5-е Управление НКВД (майор госбезопасности И.Г. Шевелев) и ему были подчинены части Специальной службы войск НКВД. В составе спецотдела по радиоразведке Управления, наряду с другими отделениями, было создано 2-е отделение (дешифровально-разведывательная работа по Японии, Маньчжоу-Го) (капитан госбезопасности С.С. Толстой). На вновь принятые в подчинение специальные части, прежде всего, возлагались разведка радиоэфира, выполнение массового радиоперехвата вражеской шифрованной радиопереписки, в первую очередь, дипломатических радиосетей и их предварительная обработка. С конца 1942 г. по май 1945 г. данные, полученные частями радиоразведки войск НКВД, использовались в ходе подготовки и проведения практически всех сражений, добытая ими информация способствовала разгрому немецко-фашистских войск[465].

Для подготовки кадров радиоразведчиков приказом Главного управления внутренних войск НКВД СССР от 5 мая 1943 г. № 164 формируются радиоразведывательные курсы усовершенствования командного состава (РКУКС) частей Спецслужбы войск НКВД при Московском военно-техническом училище им. Менжинского (г. Новосибирск). Начальником РКУКС назначается майор И.М. Носков, командир 3-го отдельного дивизиона Спецслужбы войск НКВД,[466] преподавателями по курсу станционно-эксплуатационной службы — старший техник-лейтенант Г.П. Черевенко, специально-тактической подготовки — инженер-капитан А.А. Крылов, капитан Н.С. Осипов[467].

Приказом НКВД № 001426 от 16 августа 1943 г. 7-й и 8-й дивизионы, оставаясь в оперативном подчинении 5-го Управления, были переданы в подчинение начальника Главного управления Пограничных войск (ГУПВ), а затем, на основании приказа НКВД СССР № 00142 от 16 августа 1943 г., были переданы в состав пограничных войск НКВД СССР Забайкальского и Хабаровского округов. Ранее эти части из полевых управлений спецслужбы органов военной разведки Забайкальского и Дальневосточного фронтов[468] были переформированы в 7-й (пос. Дальний) и 8-й (г. Хабаровск) отдельные дивизионы Спецслужбы войск НКВД с оперативным подчинением начальникам пограничных войск Забайкальского и Хабаровского округов. По факту оставались на прежних местах своей дислокации[469]. Организационные мероприятия начальником главного управления войск НКВД были возложены на капитана Я.И. Джиганова.

7-й и 8-й отдельные дивизионы были переформированы по

штату № 073 литер «А»: комсостав — 34 чел.; начсостав — 31; младший начсостав — 209; рядовой состав — 34. Всего — 308 чел. В структуре имели один постоянный и три передвижных радиоцентра, а также подразделения обеспечения и тыла. Вооружение: пеленгаторов стационарных — 6; передвижных радиостанций — 4; приемников — 69; ондуляторов — 41; легковых автомобилей — 6; грузовых автомобилей — 27; мотоциклов с коляской — 4[470]. В 1945 г. на вооружении находились следующие технические средства: приемники «Ястреб» и «Диверсити» — 28; приемники КВ — 85; приемники СВ — 4; пеленгаторы КВ — 3; ондуляторы — 28; ТУВ — 28, комплекты особой техники по особой спецификации — 2; радиостанции РСБ — 3[471].

Перед командованием дивизионов специальной службы войск НКВД в составе пограничных войск Забайкальского и Хабаровского округов были поставлены важные задачи, связанные с радиоразведкой и радиоперехватом радиосетей и отдельных радиоточек, в том числе в радиосетях полевых войск противника, полиции, жандармерии, пограничной стражи, разведорганов, включая каналы связи агентуры спецслужб Японии и Маньчжоу-Го и др. Одновременно они осуществляли массовый перехват иной передаваемой в эфире шифрованной радиопереписки и предварительную обработку добытых через радиоэфир материалов.

«Дещифровка телеграммы № 128 посла Японии в Берлине Х. Осимы в МИД Японии о необходимости усиления работы по сбору разведывательной информации по Великобритании, США и Советскому Союзу. 29 января 1943 г. лично главе учреждения: «Мероприятия по сбору особой информации. Создаётся впечатление, что в этой области Япония поотстала, но, несомненно, чем в более затянутую фазу переходит война, тем более важна такая информация. Необходимо скорее взяться за дело.

1. Командировать соответствующих работников во враждебные страны. Наше представительство в Турции уже ведёт такого рода работу и имеет значительные успехи в отношении Ближнего и Среднего Востока, а также Индии. Вести работу по США им трудно, но чрезвычайно важно было бы поручить вести работу по Англии, Северной Африке и Советскому Союзу.

2. Расшифровывать шифртелеграммы противника. Нечего и говорить, что данный вопрос является самым важным в деле получения точной информации о противнике. Нам известно, что в Токио ведётся такая работа, но считаем нелишним рассмотреть вопрос о создании одного органа в Европе для сбора материала.

Мы рассчитываем, что копии отправляемых англичанами и американцами телеграмм мы сможем получить в Турции и Испании. Кроме того, можно почти в совершенстве наладить эту работу путем использования сверхбыстрого радиоприёмника. Наконец, можно обратиться с просьбой к германской и итальянской сторонам. Не откажите рассмотреть вопрос о командировании людей и о конкретных формах осуществления данного проекта Осима»[472].

Так, например, на основании данных полученных в результате дешифрования перехваченной в радиосетях корреспонденции, в спецсообщении НКГБ о работе радиосетей японской военной разведки от 2 июля 1943 г. говорилось: «… Центральная радиостанция в Сахаляне применяет для служебных переговоров международный код, корреспонденты пользуются старым кодом сетей Красной армии. Такой вид маскировки характерен для германских агентурных радиосетей…»[473].

Из разведывательной сводки № 0256 штаба 17-й армии на 2 ноября 1942 г. г. Чойбалсан: «… нашими данными радиоразведки и данными РО Забайкальского фронта подтвердилась дислокация частей и соединений японской армии: 1 пехотная дивизия — Сунучжань; 3 жел. дор. полк — Харбин; 8 тяжелый АП — Харбин; штаб 3 авиационной армии — Сингапур; штаб 3 авиадивизии — Нанкин; штаб 1 авиабригады — Кантон; штаб 3 авиаучастка — Байпин; 2 БАО — Камигахара (Япония). …Начальник штаба армии полковник Спиров, начальник РО штаба армии полковник Попов»[474].

7-й отдельный дивизион под командованием капитана П.П. Тельпукова[475], по оценке начальника 5-го отдела УНКВД по Читинской области — начальника Полевого управления Специальной службы войск НКВД Забайкальского фронта полковника И.Ф. Белова[476], в 1941–1945 гг. дал много ценных данных о состоянии войск противника, дислокации и их перемещениях, войсковых радиосетях, ВВС в различных районах., что дало возможность определить группировки войск противника перед Забайкальским фронтом, внутри Маньчжурии и Китае. В период войны с Японией капитан П.П. Тельпуков провел серьезные мероприятия по добыванию данных о противнике и обеспечил своевременное поступление их для обработки и информировании командования пограничных войск и штаба войск фронта.

Оперативный отдел под руководством И.Т. Завалипича[477] в период военных действий с Японией добыл важные данные о противнике и доставил их высшему командованию. Радиоцентр № 2 во главе со старшим лейтенантом П.М. Плигиным

своевременно добывал ценные разведывательные материалы, которые позволяли командованию делать правильные выводы о деятельности противника[478].

Передвижной радиопеленгаторный центр № 3 дивизиона под командованием старшего лейтенанта К.А. Чирцева[479] на протяжении всего времени действий в составе пограничных войск НКВД перевыполнял все оперативные задания, давая командованию ценные данные о противнике. В ходе боевых действий с японцами личный состав радиоцентра дал точные разведданные, которые позволили своевременно делать правильные выводы о дислокации и действиях противника[480].

Особо следует сказать о высококвалифицированных радистах, которые ежедневно по 12–15 часов несли круглосуточное боевое дежурство, напряженно вслушиваясь в эфир и перехватывали сигналы, передаваемые вражескими радиостанциями. Среди них: радист ПРЦ № 3 сержант З.Я. Абрагимова, радист ПРЦ № 2 сержант О.П. Андронова; начальники приемных пеленгаторных станций лейтенанты В.Г. Терехов и Ф.Ф. Чалых, техник-лейтенант И.И. Цифранович, старшина М.Я. Изюрьев, младший радиотехник ПРЦ № 3 старшина А.Я. Резуненко и многие другие.

8-й отдельный дивизион под командованием подполковника С.Я. Элькинда действовал по радиоразведке и шифрперехвату материалов оперативного значения. Подполковник С.Я. Элькинд проявил большие организаторские способности по радиоразведке, лично работал на сложной аппаратуре. Командовавший ранее этим дивизионом подполковник Н.Д. Гнитиев назначен начальником Полевого отдела Специальной службы Дальневосточного фронта.

Начальник штаба дивизиона капитан В.А. Валуев изучил все многообразие японских методов радиомаскировки и своевременно их вскрывал, правильно руководил оперативной работой.

Хорошо зарекомендовали себя и другие военнослужащие дивизиона — заместитель командира дивизиона по политической части капитан А.М. Лесниковский, командир пеленгаторного центра старший лейтенант В.Н. Белоус, начальник подвижного центра № 1 старший техник-лейтенант А.И. Цасюк и руководитель подвижного центра № 2 капитан Ф.К. Шаримир, ответственный дежурный оперативной части дивизиона младший лейтенант П.И. Конев, начальник пеленгаторной станции старшина П.А. Киндеев, младший радиотехник старшина Г.В. Весенин и многие другие.

Командование дивизиона работало в тесном контакте с начальником 5-го отдела УНКВД Хабаровского края —

начальником Полевого управления Специальной службы войск НКВД 1-го Дальневосточного фронта подполковником Н.Г. Козлов. Материалы, полученные в результате напряженной работы личного состава радиоцентра и оперативного отдела, послужили раскрытию шифров и кодов, чтению по ним шифрованных радиограмм противника. По ним информировалось командование Красной армии о составе, организации, дислокации и деятельности войск противника.

Над массивом перехваченных и подвергнутых первичному анализу в оперативных отделах дивизионов материалов радиоперехвата напряженно трудились сотрудники отделов и отделений УНКВД по Хабаровскому и Приморскому краям и Читинской области. С началом боевых действий одновременно исполняли функции Полевых управлений Специальной службы в группах объединений и объединения Красной армии. По результатам своей дешифровальной работы информировали НКГБ СССР, а также разведывательные органы Главного командования советских войск на Дальнем Востоке, фронтов, флота и флотилий, управлений пограничных войск о составе, организации, дислокации и действиях войск противника.

За высокие результаты отмечены государственными наградами начальник отдела УНКГБ по Хабаровскому краю подполковник Н.Г. Козлов и его заместитель подполковник И.П. Калинин, начальники отделений майоры М.Д. Гальперин, Л.И. Елынычев, Н.Ф. Зайцев, Н.П. Лебедев, М.В. Шкуратов, капитан К.Ф. Михайлов, заместитель начальника отделения майор С.Д. Гладышев; УНКГБ Читинской области — заместитель начальника отдела майор К.П. Сенченко, начальники отделений майоры М.Я. Глушко, Н.П. Киселев, Г.К. Сорокин, И.М. Стеганцев; УНКГБ Приморского края — начальник отделения лейтенант М.С. Соляков, старший оперуполномоченный лейтенант Ким Хи Чер.

Анализ дешифрованных радиограмм Японии и её союзников свидетельствует, что нашим криптоаналитикам удавалось их прочитывать и своевременно докладывать эту информацию советскому руководству. В целом всеми средствами радиоразведки (органов военной разведки Красной армии и Военного-морского флота, а также органов и войск НКВД, в том числе дислоцированных на Дальнем Востоке и в Забайкалье) по всем системам шифров за годы войны было перехвачено 132113 телеграмм, из них дешифровано — 97446. То есть японская переписка почти полностью контролировалась[481].

Таким образом, можно признать, что своевременное проведение продуманных мероприятий по наращиванию группировки сил и средств Специальной службы НКВД в составе

пограничных войск Забайкальского, Хабаровского и Приморского округов на Дальневосточном театре военных действий позволило значительным образом усилить разведывательные возможности органов государственной безопасности и пограничных войск по вскрытию враждебной деятельности японской военщины в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., получить важные данные для разработки предстоящих стратегических операций советских войск против Квантунской армии.

К вопросу о применении наказания в отношении коллаборационистов в послевоенный период

А. А. Фомин
г. Екатеринбург

С окончанием Великой Отечественной войны актуальность решения задач по расследованию преступной деятельности коллаборационистов и привлечению их к ответственности не снизилась, так как начальный послевоенный период характеризовался активным выявлением пособников гитлеровских преступников. Ряды выявленных коллаборационистов пополнялись как за счет продолжавшейся проверочно-фильтрационной работы, так и вследствие оперативной и следственной работы, не связанной с фильтрацией. Большое значение в разоблачении предателей и документировании их преступной деятельности играли трофейные немецкие документы.

Активное выявление и расследование преступлений коллаборационистов проводились не только на освобожденных от противника территориях. Органы государственной безопасности тыловых регионов, расположенных вдали от линии фронта и не подвергшихся оккупации, производили аресты как среди коренных жителей, вернувшихся из плена или по ранению, так и среди жителей европейской части СССР, мобилизованных для работы на объекты народного хозяйства, сосланных на спецпоселение, находившихся на излечении в медицинских учреждениях[482].

При этом не редки были случаи разоблачения пособников врага среди лиц, ранее уже прошедших фильтрацию. Так, только в период с июля по ноябрь 1945 г. Управлением НКГБ СССР по Свердловской области в результате проведенных оперативных мероприятий было выявлено и арестовано 28 коллаборационистов, служивших в так называемых «национальных легионах» и других частях немецкой армии. На момент ареста все они после проведенных фильтрационных мероприятий работали на предприятиях Североуральских бокситовых рудников[483]. По состоянию на 1 ноября 1946 г., Управлением МГБ СССР по Свердловской области было профильтровано 34796 репатриированных граждан, прибывших

на территорию региона в составе рабочих батальонов и одиночным порядком. Среди них было выявлено 25 агентов иностранных разведок и 74 изменника и пособника оккупантов[484].

26 мая 1947 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была отменена смертная казнь (далее — Указ об отмене смертной казни)[485]. За преступления, наказуемые смертной казнью, в мирное время предписывалось применять заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок 25 лет. По приговорам к смертной казни, не приведенным в исполнение до издания Указа об отмене смертной казни, она подлежала замене по определению вышестоящего суда также к лишению свободы на срок 25 лет.

Советская правовая доктрина послевоенного периода, положительно оценивая данную законодательную инициативу, характеризовала смертную казнь в качестве «временной исключительной» меры, применявшейся только в отношении лиц, совершивших наиболее опасные преступления, отмечая вынужденный характер ее применения советским государством и декларирование им традиционной приверженности к этому подходу (в частности, ссылаясь на декрет ВЦИК и СНК от 17 января 1920 г. «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)» и положение УК РСФСР 1922 г. о ее временном характере)[486]. Следует отметить, что «временная и исключительная роль» смертной казни подчеркивалась и советскими правоведами предвоенного периода[487].

Вместе с тем представляется, что подобная риторика носила конъюнктурный характер и противоречила сложившейся практике широкого нормативного закрепления и применения высшей меры наказания, а ее отмена, также как и в период становления советского государства, в первую очередь, преследовала политические цели обоснования состоятельности и превосходства советского строя, его готовности и способности к гуманизации уголовно-правовой политики даже в непростых, но все-таки мирных, условиях начального послевоенного периода.

12 января 1950 г. Президиумом Верховного Совета СССР было внесено частичное изменение в Указ «Об отмене смертной казни», который «ввиду поступивших заявлений от национальных республик, от профсоюзов, крестьянских организаций, а также от деятелей культуры о необходимости внести изменение в Указ «Об отмене смертной казни» с тем, чтобы этот указ не распространялся на изменников родины, шпионов, подрывников-диверсантов»[488]. Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 14 апреля 1950 г. № 8/6/у-сс, Указ от 12 января

1950 г. мог применяться по делам о преступлениях, совершенных и до его издания, если виновные не были осуждены. Кроме этого Пленум конкретизировал деяния, за совершение которых было возвращено применение высшей меры наказания, — преступления, предусмотренные статьями 58–1 «а», 58-1 «б», 58–6, а также статьями 58–2 («Вооруженное восстание»), 58–7 («Вредительство») и 58–9 («Диверсия») УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик[489]. Таким образом, руководящее разъяснение высшего судебного органа, придав указу обратную силу, подчеркивало направленность усиления уголовной репрессии, в первую очередь, в отношении изменников военного периода, а также представителей антисоветских националистических организаций и банд, актуальность борьбы с которыми сохранялась и в послевоенный период.

Вместе с тем, как показывает практика, благодаря Указу «Об отмене смертной казни» справедливого наказания смогли избежать каратели, палачи и активные пособники фашистских захватчиков, действительно заслуживавшие самого сурового возмездия, которым в соответствии с данным указом назначалось лишение свободы на срок 25 лет. Вот лишь некоторые примеры преступной деятельности таких коллаборационистов.

Так, под действие указа попал К., разоблаченный в 1948 г. Управлением МГБ СССР по Свердловской области, который, будучи советским военнослужащим, попал в немецкий плен, где добровольно поступил на службу к гитлеровцам. Пройдя обучение и приняв присягу, он проходил службу в особой роте «СС», где принимал активное участие в карательных операциях. В частности, им совместно с другими эсэсовцами в ходе выполнения специального задания в г. Ченстохов было расстреляно 40 тыс. граждан еврейской национальности. Как показал сам каратель, только лично им было расстреляно более 500 человек, в том числе старики, женщины и дети. Впоследствии в одном из концлагерей он принимал участие в умерщвлении заключенных, насильно загоняя их в «камеры-душегубки».

В июне 1948 г. была выявлена предательская деятельность гражданина Д., который уклонился от мобилизации в советскую армию в 1941 г. и, оставшись проживать на оккупированной территории, добровольно поступил на службу к немцам в качестве полицейского. В период сотрудничества с врагом участвовал в карательных операциях против партизан, сожжении сел, грабежах и массовых расстрелах советского мирного населения, в том числе стариков и детей.

В июле 1948 г. Управлением МГБ СССР по Свердловской

области был арестован Г., который в период проживания на оккупированной территории Украины, добровольно поступив на службу в немецкую полицию, лично участвовал в расправах над советскими гражданами. Так, в октябре 1942 г. он совместно с двумя другими предателями расстрелял 12 мужчин, 10 женщин и 8 детей цыганской национальности. В марте 1944 г. бежал в Германию, где проходил службу в войсках «СС», непосредственно участвуя в боях против наступающих частей Красной армии.

Также в июле 1948 г. был изобличен предатель Л., который, находясь на оккупированной территории Белоруссии, поступил на службу в полицию и принимал непосредственное участие в расстрелах мирного населения. Согласно его показаниям, только в местечке Свислочь в октябре 1941 г. им совместно с другими полицейскими было расстреляно около 600 советских граждан.

В октябре 1948 г. Управлением МГБ по Свердловской области был арестован Ж., который дезертировал из Красной армии в августе 1941 г. и скрывался по месту своего жительства в Белоруссии. После прихода оккупантов он добровольно вступил в карательный отряд коллаборационистского формирования «Белорусская самооборона», который использовался для борьбы с партизанами. В его составе принимал участие в боях с партизанами, убийствах мирных жителей, сожжении сел и деревень, угоне советских граждан в Германию и грабежах имущества. Только в 1942 г. при его личном участии было сожжено 15 населенных пунктов. С 1943 г. он возглавил карательный отряд, дислоцировавшийся в деревне Светлище, лично расстреливал и организовывал казни мирных граждан, в том числе женщин, стариков и детей.

Издание Указа «Об отмене смертной казни» повлекло и другую крайность правоприменения — чрезвычайно широкое применение наказания в виде лишения свободы на срок 25 лет. Так, если в 1946 г. к данному виду наказания за совершение контрреволюционных преступлений было приговорено 16 289 чел., а в 1947 г. — 12 098, то 1948 г. — уже 36 951, в 1949 г. — 37 678, в 1950 г. — 29 909. При этом к высшей мере наказания в 1946 г. было приговорено только 2 896 чел., а за 5 неполных месяцев 1947 г. — 1 105 чел.[490] Таким образом, очевидно, что прирост числа лиц, осужденных к 25 годам лишения свободы не был обеспечен исключительно за счет лиц, ранее подлежащих высшей мере наказания, а был связан с изменением подхода в выборе срока лишения свободы.

Как в годы войны, так и в начальный послевоенный период за совершение контрреволюционных преступлений наиболее распространенным являлось назначение лишения свободы на

срок от 6 до 10 лет (как среди наказаний, связанных с лишением свободы, так и в структуре системы наказаний в целом). В частности, в 1945 г. данная санкция была применена в отношении 70 850 чел., в 1946 г. — в отношении 80 742 чел. В 1947 г. количество таких лиц пошло на убыль — 49 215 чел., а в годы полного неприменения смертной казни снизилось еще более значительно: в 1948 г. — 25 790, в 1949 г. — 21 450[491].

21 ноября 1947 г. Пленум Верховного суда СССР принял Постановление № 16/9/у/с «О недопустимости необоснованного снижения наказания по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 58–1 «б» УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик»[492]. 24 ноября 1947 г. вышло постановление Коллегии Министерства юстиции СССР по тому же вопросу. На более широком применении 25-летнего срока лишения свободы, в первую очередь в отношении изменников Родине, также настаивало руководство ГУВТ НКЮ СССР и Управления военными трибуналами войск МВД СССР[493].

Таким образом, подобная уголовно-правовая политика, наш взгляд, существенно затруднила реализацию принципов справедливости, дифференциации и индивидуализации при назначении наказания коллаборационистам в период активного выявления их преступной деятельности.

17 сентября 1955 г. Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»[494]. Амнистия распространялась в отношении советских граждан, которые «по малодушию или несознательности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупанатами». Освобождению из мест заключения и от других мер наказания подлежали лица, осужденные на срок до 10 лет лишения свободы включительно за совершенные в период войны пособничество врагу и другие преступления, предусмотренные статьями 58–1, 58–3, 58–4, 58–6, 58–10, 58–12 Уголовного кодекса РСФСР и соовествующими статьями уголовных кодексов других союзных республик. Если по указанным преступлениям срок лишения свободы превышал 10 лет, то он подлежал сокращению наполовину. Лица, осужденные за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях, подлежали освобождению из мест лишения свободы независимо от срока наказания. Лица, направленные в ссылку за совершение подобных деяний, также подлежали освобождению.

Вместе с тем в указе отмечалось, что амнистия не применима к карателям, осужденным за убиства и истязания советских граждан. Все следственнные дела по указанным преступлениям,

не рассмотренные судами, за исключением дел в отношении карателей, подлежали прекращению. При совершения тяжких преступлений явка с повинной рассматривалась указом как смягчающее вину обстоятельство, ограничивавшее максимальный размер наказания пятью годами ссылки.

По данному Указу было досрочно освобождено 59 610 заключенных (66 480 — в 1955 г. и 4 130 — в 1956 г.). С изданием указа окончательно перестал существовать и контингент спецпереселенцев-коллаборационистов, направленных на спецпоселение постановлением Государственного Комитета Обороны № 9871с, — были освобождены лица, не успевшие к тому времени отбыть 6-летний срок[495].

29 июня 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей»[496]. В документе осуждалось применение к ним необоснованных репрессий и предлагалось распространить Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 17 сентября 1955 г. и на бывших военнопленных, осужденных за сдачу в плен. Впоследствии подавляющее большинство из них было реабилитировано[497].

Наряду с принятием гуманных законодательных актов советское государство признавало, что «совесть и правосознание народов не могут мириться с безнаказанностью фашистских преступников, совершивших тягчайние злодеяния в период второй мировой войны. Эти лица не могут рассчитывать на прощение и забвение их преступлений»[498]. В связи с этим Указ Президиума Верховного Совета ССР от 4 марта 1965 г. установил, что нацистские преступники, виновные в тягчайших злодеяниях против мира и человечности и военных преступлениях, подлежат суду и наказанию независимо от времени, истекшего после совершения преступления[499].

Постановлением от 3 сентября 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР разъяснил, что эти положения распространяются и на тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. проводили активную карательную деятельность, принимали личное участие в убийствах и истязаниях советских людей[500]. Таким образом, ко всем этим преступникам стали неприменимы положения советского уголовного законодательства о давности уголовного преследования, предусмотренные на тот момент ст. 41 Основ уголовного законодательства СССР и ст. 48 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик. 26 ноября 1968 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о

неприменении срока давности к военным преступникам и преступлениям против человечества.

Указанные внутригосударственные и международные правовые положения стали неотъемлемым элементом института срока давности отечественного уголовного законодательства всего послевоенного периода, обеспечившим реализацию принципа неотвратимости наказания для пособников нацистских преступников.

Роль советских и российских пограничников в урегулировании конфликтов на границе с Афганистаном (на примере Республики Таджикистан, 1979–2005 гг.)

Н.М. Емельянова
г. Москва

Три среднеазиатских государства — Таджикистан, Туркмения и Узбекистан — имеют общую границу с Афганистаном. Самая протяженная граница, таджикско-афганская, составляет 1400 км. Советские, а затем российские пограничники несли здесь службу весь XX в., вплоть до 2005 г. Особое место в истории Пограничных войск на афганской границе, с точки зрения форм и способов служебно-боевой деятельности, играет временной отрезок с 1979 по 2005 г. Этот 25-летний промежуток времени можно разделить на четыре периода: первый — 1979–1989 гг.; второй — 1989–1992 гг.; третий — 1992–1997 гг.; четвертый — 1997–2005 гг.

Первый период. Граница, служащая охранным барьером между государствами, незамедлительно реагирует на обострение международных отношений. В связи с вводом Ограниченного контингента советских войск в Афганистан (ОКСВА) в 1979 г., советские пограничники столкнулись с новыми реалиями. Специфика задач, решаемых ОКСВА, сложная обстановка на советско-афганской границе, тактика действий афганских моджахедов потребовали изменения во взглядах на роль, место и задачи советских погранвойск. Впервые в истории советские пограничники были введены на территорию сопредельного иностранного государства.

Перед подразделениями Среднеазиатского пограничного округа (Туркмения, Узбекистан, Таджикистан) была поставлена задача создания системы охраны 100–километровой зоны вдоль границы в глубине сопредельного государства. Погранвойска стали выполнять несвойственные для них функции: одновременно с охраной госграницы они участвовали в ведении боевых действий, а также находились в прямом контакте с афганским населением.

Решение поставленных задач потребовало значительных организационно — штатных изменений, связанных с созданием новых структур управления и подразделений, способных решать задачи в боевой обстановке: формировались отдельные авиационные полки и эскадрильи, десантно-штурмовые и мотоманевренные группы, артиллерийские и инженерно-саперные подразделения, создавались передвижные госпитали и расширялись существующие в приграничных районах СССР, формировались учебные центры в среднеазиатских республиках. Пограничники получили дополнительные виды вооружения и техники.

Изменилась тактика действий — основной формой служебно-боевой деятельности стали проведение войсковых операций, засадные и рейдовые действия, зачистка местности, сопровождение колонн и обеспечение их безопасности в зоне ответственности погранвойск, проведение агитационно-массовых мероприятий среди местного населения, было введено понятие «психологическая борьба».

На внутреннем рубеже пограничники охраняли госграницу традиционными способами, находясь в готовности к отражению выхода вооруженных отрядов при попытке их укрытия на территории среднеазиатских республик.

Второй период. Произошло расформирование выведенных из Афганистана подразделений, за счет них были усилены существующие пограничные отряды и заставы по линии границы с внутренней стороны СССР. Но эта реорганизация продлилась недолго и была остановлена в связи с общеполитическими переменами в стране.

После упразднения КГБ СССР в декабре 1991 г. Главное управление пограничных войск было преобразовано в Комитет по охране государственной границы. В октябре 1992 г. эта структура была также упразднена и Указом Президента России были образованы Пограничные войска Российской Федерации. Спустя год (30 декабря 1993 г.) они были преобразованы в Федеральную пограничную службу Российской Федерации (ФПС РФ).

В связи с распадом СССР началось «брожение» в республиканских пограничных войсках, которые стали на путь суверенизации, Москва же не определилась в отношении проводимой пограничной политики в ставших суверенными республиках. Это резко сказалось на боеготовности погранвойск, плотности охраны границы и морально-политическом состоянии личного состава. В Республике Таджикистан (РТ) это проявилось наиболее ярко.

Возникшие в Таджикистане в начале 1990–х гг. политические

проблемы (война сторонников существующего политического строя и групп, ориентирующихся на исламскую модель развития) привели к гражданскому вооружённому противостоянию, что угрожало безопасности южных границ Содружества Независимых Государств (СНГ). Российские пограничники продолжали нести охрану афганской границы. Но в 1992 г., к моменту начала гражданской войны в Таджикистане, пограничные подразделения оказались укомплектованными личным составом на 60–70 %.

Конфликт разгорался, из Таджикистана в Афганистан хлынул поток беженцев. Граница активно использовалась воюющими сторонами для приобретения оружия и переправки различного рода контрабанды. В разгар вооруженного противостояния некоторые российские погранзаставы были блокированы вооруженными группировками боевиков. Большое давление оказывалось и на самих пограничников: от требований передачи оружия до угроз физической расправы над их семьями. Для прикрытия границы при переходе вооруженных формирований и беженцев в Исламское Государство Афганистан (ИРА) пограничники были вынуждены взаимодействовать с воздушно-десантными войсками: в Пянджский и Московский районы РТ была переброшена Ферганская воздушно-десантная бригада, привлекался частично Ошский десантный полк и подразделениями 201-й мотострелковой дивизии.

Фактически ввязанные в чужую братоубийственную войну российские военные были отрезаны от России. В связи с неясностью относительно будущей принадлежности погранвойск, произошел массовый отток кадровых офицеров — пограничников в Беларусь, на Украину, в республики Закавказья.

Указом президента Российской Федерации от 24 августа и 19 сентября 1992 г. пограничные войска и армейские воинские части на территории Таджикистана были взяты под юрисдикцию России. На границу в спешном порядке начало прибывать подкрепление. 19 октября 1992 г. приказом министра безопасности РФ В.П. Баранникова на базе оперативно-войскового отдела Краснознамённого Среднеазиатского пограничного отряда (КСАПО) была создана Краснознамённая пограничная группа Российской Федерации в Республике Таджикистан.

Третий период. В октябре 1992 г. по инициативе Б.Н. Ельцина и с участием его личного представителя прошла встреча руководителей государств Средней Азии, на которой было принято решение о коллективной обороне таджикско-афганской границы как границы Содружества Независимых Государств. Спустя месяц Э.Ш. Рахмонов заявил об окончании гражданской войны в республике[501]. Само словосочетание «гражданская

война» исчезло со страниц местных газет, лишь периодически появляясь на страницах независимых зарубежных изданий. Но военные действия продолжалась, как внутри республики, так и на границе.

Формирования таджикской оппозиции создали «Правительство в изгнании» с резиденцией в г. Талукан афганской провинции Тахор[502]. Обстановка на таджикско-афганской границе приобретала всё более напряженный характер. В связи с этим и особенно после нападения боевиков на 12-ю заставу Московского пограничного отряда в июле 1993 г. [503] началось наращивание группировки погранвойск: увеличивалась численность погранзастав, на боевую стажировку сроком на 6 месяцев перебрасывались дополнительные резервы из других пограничных округов РФ.

Одним из сложнейших пограничных участков был Памир. В ходе гражданской войны памирцы, проживавшие в Душанбе и прилегающих районах, вернулись на родину, что увеличило численность населения Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). Только в столице ГБАО г. Хороге она возросла в 2 раза и превысила 30 тыс. человек. Ярко выраженным стало оппозиционное противостояние памирцев центральной власти Душанбе и проводимой ею политике. Географический фактор (горная местность, наличие неконтролируемых бродов по реке Пяндж) способствовал налаживанию каналов связи с оппозицией, находящейся на территории ИГА. Характерной особенностью Памира было противостояние пограничникам вооруженных отрядов как со стороны Афганистана, так и в населенных пунктах на территории ГБАО в непосредственной близости от линии границы (Ванч, Язгулём, Хорог). Небольшое число погранзастав не позволяло эффективно решать задачи прикрытия госграницы.

В то же время погранвойска на Памире (в силу слабости местных органов власти) остались единственной силой, способной не только противостоять вооруженным отрядам боевиков, но и поддерживать материально памирцев, особенно в период блокады. Многие семьи бадахшанцев выживали за счет того, что их дети несли службу в российских пограничных структурах. В 1994 г. на памирском участке было проведено усиление границы, для прикрытия этого важнейшего направления был создан Хорогский ОВО, сформирован новый Калай-Хумбский пограничный отряд.

На равнинных участках (Пянджский и Московский погранотряды) был осуществлён переход от тактики охраны к обороне и охране границы. Выставлялись дополнительные временные и стационарные погранпосты. Пограничники

выходили на охрану в укрупненном составе по 10–12 человек, по возможности — на бронетехнике (БТР, БМП).

За счет повышения плотности охраны и выработки тактики, адекватной действиям формирований Объединённой таджикской оппозиции (ОТО), к 1995–1996 гг. удалось стабилизировать обстановку на Пянджском и Московском направлениях и снизить вероятность прорывов крупных вооруженных групп через границу.

В 1995 г. происходили прямые нападения на погранзаставы и посты с целью их уничтожения и открытия отдельных направлений на границе. Блокировались трассы, и пограничники оказывались отрезанными от баз доставки материально-технических средств. Шло минирование дорог боевыми группами, забрасываемыми с ИГА на маршрутах движения пограничных нарядов, участились их обстрелы, попытки захвата в плен солдат и офицеров, уничтожения вновь выставленных постов (как это было с батальоном Коллективных сил СНГ в апреле 1995 г.)[504].

Пограничники были вынуждены дополнительно осуществлять специальные операции по проводке колонн для доставки материальных средств в погранотряды. Развернулась борьба с диверсионно-разведывательными группами, перебрасываемыми из Афганистана в Тавильдаринскую зону для ведения боевых действий против подразделений министерства обороны РТ. Активные действия Погранвойск РФ в 1995–1996 гг. сорвали план оппозиции по захвату Памира и превращению его в плацдарм для дальнейшего наступления на центральные районы Таджикистана.

В этой фазе развития принимались беспрецедентные в истории погранвойск решения. В течение четырех месяцев 1996 г. пограничная группировка на Памире увеличилась более чем в 2 раза, а на некоторых направлениях — в 3–4 раза. Количество погранзастав стало на несколько порядков выше — только в Хорогском пограничном отряде (ПОГО) до начала 1996 г. было 6 застав и 5 погранпостов, а стало более 50. Аналогичные мероприятие проводились на участке Калай-Хумбского погранотряда. В целом же численность личного состава Группы Погранвойск РФ в РТ выросла до 16 тыс. человек — почти в 3 раза по сравнению с 1992–1993 гг.[505]

В 1996 г. на Памире российские пограничники создавали 25-километровую «зоны безопасности» со стороны территории ИГА, взаимодействуя при этом с афганской пограничной стражей и полевыми командирами, желающими нормализировать ситуацию в пределах данной зоны. На некоторых направлениях осуществлялись совместные операции по недопущению выхода крупных войсковых формирований из ИГА на территорию РТ.

Пограничники впервые начали взаимодействовать с

представителями международных миротворческих миссий (ООН, Красный Крест, «Врачи без границ»)[506], а в рамках подписанного Соглашения о коллективной охране таджикско-афганской границы — с погранвойсками других суверенных республик (Казахстана, Киргизии и Узбекистана)[507]. Шло первичное становление погранвойск Таджикистана, разработка нормативной базы для их дальнейшего функционирования[508].

Четвертый период. Долгое время правительство Таджикистана и оппозиция пытались найти компромисс. Однако, как правило, все попытки заканчивались безрезультатно. Вплоть до момента подписания Межтаджикского соглашения и начала активного урегулирования конфликта, Пограничные войска России оставались гарантом безопасности таджикско-афганской границы и играли роль миротворцев в урегулировании межтаджикского конфликта, что признавали не только официальные власти Душанбе, но и лидеры таджикской оппозиции[509].

Подписание Соглашений о временном прекращении огня заканчивалось их нарушением и взаимными обвинениями. Дальше подобных Соглашений дело не продвигалось. 1997 г. в вопросе решения проблем на бумаге сдвинул дело с мёртвой точки. 21 февраля конфликтующие стороны подписали Положение о Комиссии по национальному примирению (КНП), 8-го марта — по блоку военных вопросов. Очередной раунд переговоров завершился подписанием Соглашения между ОТО и правительством Республики Таджикистан в июне 1997 г.[510]

После того как было заключено соглашение между оппозицией и правительством Таджикистана, началась репатриация беженцев из Афганистана. По сравнению с предыдущими годами, ситуация на границе стала несколько спокойнее, но вскоре приобрела другую специфику[511].

Значительная часть местного населения приграничной зоны оказалась вовлечена в наркоконтрабандную деятельность. И если ранее шло задержание наркотиков в основном растительного происхождения, то есть легких наркотических веществ, то с 1998 г. через границу начали переправлять большие партии героина. В 1997 г. пограничниками было изъято всего 6,5 кг героина, а в 1998 — около 150 кг только этого сильнодействующего наркотического вещества[512]. В 1996–1997 гг. пограничники задерживали большие партии наркотиков, поскольку это были чарс (гашиш), опий-сырец, а с 1998 г. стал транспортироваться героин заводского изготовления весом 1 кг 5 г. (При поставке партий контрабандисты учитывали даже то, что оптовым скупщикам необходимы 5 г вещества на экспертные исследования для

подтверждения подлинности наркотика). «Товар» шёл в заводской упаковке (полиэтилене), его было трудно обнаружить при досмотре (в отличии, например, от 100 кг опия-сырца)[513].

Всего в боестолкновениях с контрабандистами в 1999 г. пограничниками было изъято более тонны нарковеществ. Наркокурьеры переправлялись через границу с оружием, и каждый килограмм наркотиков пограничники останавливали с боем. Поставщики наркотиков имели хорошую радиосвязь как с таджикским, так и с афганским берегом. Пограничники отставали от них по многим параметрам. Контрабандисты придумывали всё новые способы перевозки и доставки, и зачастую героин уже невозможно обнаружить даже с хорошо обученной собакой. Поэтому было необходимо применение не столько войсковых методов, сколько криминалистическо-полицейских. Требовалось создание спецподразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, химлабораторий, закупка специального оборудования, а также конкретная и четкая регламентация межгосударственными соглашениями между Россией и Таджикистаном обязанностей российских погранвойск, предоставление российским пограничникам дополнительных полномочий в данном направлении.

Пограничники не имели права возбуждать уголовные дела по фактам хранения и перевозки наркотических средств. Они только проводили задержание нарушителей, осмотры изъятия наркосредств, а затем передавали материал в соответствующие правоохранительные инстанции Таджикистана. В результате возникали многочисленные процессуальные коллизии[514].

И хотя обстановка на границе была сложной, материально-техническое снабжение погранвойск сократилось. Из-за отсутствия достаточного финансирования на тех участках, которые не считались напряженными, летом 1998 г. началась консервация застав. На китайском участке были законсервированы часть застав и половина гарнизона в Мургабе. Значительная часть людей была переведена на Пянджское и Московское направления.

Интервьюируя командование погранвойск и 201-й мотострелковой дивизии, мы неоднократно поднимался вопрос, каковы прогнозы на возможный вывод российских пограничников из Таджикистана, нам следовали довольно обтекаемые ответы. Например, командующий Коллективными миротворческими силами СНГ в Таджикистане генерал-майор П.И. Липский в июле 1998 г. сказал: «Наша позиция такова — если прикажут, мы готовы уехать домой хоть завтра. Российские военные не имеют в Таджикистане своего жилья, каких-то родственных связей,

поэтому нам терять здесь нечего. Тем более, что в России у многих остались семьи. Но в то же время мы — люди военные: нам приказывают, и мы должны выполнять приказ. Этому нас обязывает чувство долга»[515].

Вплоть до вывода российских пограничников из Таджикистана, многие высокопоставленные должностные лица продолжали утверждать, что вопрос о выводе не стоит[516].

Вывод из Таджикистана. Российские пограничники охраняли границу Таджикистана до 2005 г. Оттого, что вопрос не обсуждался широко, оставление российских погранотрядов стало большим шоком для местных жителей. Когда шёл вывод Хорогского ОВО, казалось, всё население Горно-Бадахшанской автономной области вышло прощаться с российскими пограничниками. Люди не могли сдержать слёз, поскольку считали, что россияне, простоявшие на охране рубежей по реке Пяндж ровно 100 лет, не могут так просто их покинуть.

Ограниченный контингент оставался в статусе иностранных советников до 2016 г. Финансовую и военно-техническую помощь Таджикистану в охране границ начали оказывать ООН и Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также страны Евросоюза, Китай, США, Индия, Иран. Между тем, в сентябре 2003 г. Таджикистан посетил генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон, который заявил, что «совсем скоро Североатлантический альянс и ОБСЕ откроют в Таджикистане учебный центр и займутся переподготовкой пограничников государств Центральной Азии»[517]. По программе технической помощи странам СНГ Европейский Союз выделил Таджикистану 12 млн евро на реализацию программ по усилению его границ[518].

Военный корреспондент В. Куликов, хорошо знакомый с обстановкой на таджикско-афганской границе, сообщал, что за период 2003–2005 гг. США выделили Таджикистану целевое финансирование «на охрану границы» в объеме свыше 9 млн долларов, а проект строительства моста через Пяндж обошлась Соединенным Штатам в 30 млн. долларов. Собирая данные из разных источников, корреспондент писал: «По неофициальной информации, США опасались лишних (читай, российских) глаз и ушей при проведении контртеррористической операции в Афганистане[519].

Уже в 2006 г. в бывших российских пограничных отрядах, перешедших в ведение министерство безопасности Республики Таджикистан, расположились американские советники. Автор лично был тому свидетелем, работая летом 2006 г. в качестве социо-антрополога в Дарвазском районе Республики

Таджикистан[520]. Дополнительным буфером безопасности на таджикско-афганской границе пытался стать военный контингент НАТО, введённый в Афганистан в 2001 г. в рамках «антитеррористической кампании».

В январе 2007 г. в Таджикистан десантировались американские морские пехотинцы. С 28 января по 9 марта они участвовали в совместных таджикско-американских военно-учебных сборах на полигоне военного учебно-тренировочного комплекса «Фахрабад» Хатлонской области. Американские морские пехотинцы обучали подразделения спецназа и погранвойск Таджикистана тактике борьбы с террористическими группировками, незаконно проникшими на территорию страны, а также методам их обезвреживания[521].

Захват талибами осенью 2015 г. соседнего с Таджикистаном города Кундуз и их активизация на границе показали, что ограниченный контингент американских военных не в состоянии контролировать ситуацию на границе с Таджикистаном, подобно тому, как это делала Группа Пограничных войск РФ, находившаяся здесь до 2005 г. Ещё в 1998 г. нами делались прогнозы о том, что переход Афганистана под контроль движение «Талибан» — вопрос времени: «Аналитики силовых структур России, Таджикистана, Узбекистана считают, что Афганистан еще не знал силы, подобной «Талибан» по мощи и организованности. За весьма небольшой промежуток времени талибы сумели взять под свой контроль столицу ИГА, практически все крупные провинциальные города и ключевые населенные пункты. На сегодня они контролируют уже почти 90 % территории страны…»[522].

Отсутствие на границе опытного регулятора, в качестве которого выступали российские погранвойска, в перспективе может поставить под угрозу политическую стабильность в Таджикистане и других среднеазиатских республиках.

На наш взгляд, роль российских пограничников на таджикско-афганской границе до настоящего времени изучена недостаточно и требует более пристального внимания ученых-историков. Столетний опыт (1905–2005 гг.) удержания российских позиций по берегу реки Пяндж включает в себя множество этапов, имеющих разные характеристики, и составляющих славное боевое прошлое нашей страны.

Исторический опыт совместного применения воинских контингентов стран — участников СНГ в рамках обеспечения пограничной безопасности Таджикистана (1993–2000 гг.)

К.В. Макаренко, А.В. Лацепнев
г. Москва

В начале 90-х гг. XX в., вскоре после образования новых государств на постсоветском пространстве, Среднеазиатский регион оказался в сложной геополитической ситуации, когда крушение политического строя в Афганистане фактически предопределило распространение широкого перечня мировых угроз с южного направления. Одновременно обострились вопросы внутрипартийной борьбы в Таджикистане, очень быстро переросшие в вооруженное противостояние между группировками. В этой непредсказуемой динамике развития событий созрела необходимость в коллективной выработке и реализации странами Содружества Независимых Государств стабилизирующих мер по обеспечению пограничной безопасности внешних границ на таджикско-афганском участке.

В связи с этим 22 января 1993 г. Советом глав государств СНГ было принято решение усилить Группу пограничных войск Российской Федерации в Республике Таджикистан вооруженным личным составом. Было определено, чтобы каждое государство (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Таджикистан, Узбекистан) выделило по одному батальону, численностью 500 человек. Согласно решения, Россия дополнительный воинский контингент не выделяла, так как Вооруженные силы и пограничные войска Российской Федерации уже участвовали в обеспечении военной и пограничной безопасности Республики Таджикистан. Государства — участники СНГ, направлявшие свои воинские контингенты в РТ, должны были обеспечить качественную подготовку подразделений к выполнению задач по поддержанию стабильного положения на границе с Афганистаном, а также их материально-техническое обеспечение[523].

В первой половине 1993 г. от Республики Казахстан в зоне ответственности Хоргосского пограничного отряда (пого) был выставлен батальон пограничных войск общей численностью 472 чел.; от Киргизской Республики в зоне ответственности Ишкашимского пого — батальон МВД из 278 чел.; от Республики Узбекистан на участке Пянджского пого — мотострелковый батальон из 90 чел. От Республики Таджикистан на участке Калай-Хумбского пого было выделено 190 военнослужащих Государственного комитета национальной безопасности (ГКНБ). Остальные государства — участники СНГ по различным причинам воинские контингенты не выделили. Подразделения воинских контингентов были расположены преимущественно в тыловых приграничных районах Таджикистана для противодействия вооруженной таджикской оппозиции.

12 марта 1993 г. Совет глав правительств СНГ предложил принять незамедлительные меры по полной реализации ранее принятых решений, а также рассмотреть вопрос об оказании дополнительной помощи Республике Таджикистан в строительстве ее вооруженных сил и обеспечении населения продовольствием, медикаментами и иными материальными средствами[524].

Указанная инициатива также не была полностью успешно реализована. Весной-летом 1993 г. обстановка на таджикско-афганской границе существенно обострилась. Руководством на местах осуществлялись попытки урегулировать сложившуюся ситуацию переговорами с таджикской оппозицией. Но в целом эти действия не снимали негативный фон на границе с Афганистаном, где бандформирования были заинтересованы в создании коридоров для беспрепятственного трафика оружия, боеприпасов и наркотиков в Таджикистан. Пограничные подразделения в состоянии некомплекта личного состава не были способны самостоятельно выполнять задачи по сдерживанию противника, фактически отсутствовал действенный механизм вызова и прибытия отрядов поддержки от взаимодействующих структур. Все это создало предпосылки к вооруженному нападению 250 афганских боевиков 13 июля 1993 г. на 12-ю пограничную заставу 117-го (Московского) пого. В ходе боя погибло 22 российских пограничника и экипаж БМП Вооруженных сил РФ (3 чел.).

24 сентября 1993 г., в целях создания благоприятных условий для своевременного и бесперебойного обеспечения воинских формирований государств — участников СНГ, были сформированы Коллективные миротворческие силы[525], в которые от Российской Федерации организационно была

включена 201-я мотострелковая дивизия.

В дальнейшем, отмечая стабилизирующую роль Коллективных миротворческих сил в Республике Таджикистан как фактор, сдерживающий возобновление широкомасштабных вооруженных столкновений и обеспечивающий безопасность мирного населения Советом глав государств СНГ, 15 апреля 1994 г. было принято «Решение о продлении срока пребывания Коллективных миротворческих сил на территории Республики Таджикистан до 31 декабря 1994 г.», а также выделении Киргизской Республикой, Российской Федерацией и Республикой Узбекистан соответствующих контингентов[526].

На фоне увеличения потерь среди воинского контингента Советом глав государств СНГ в апреле 1994 г. было поручено командующему Коллективными миротворческими силами в Республике Таджикистан спланировать мероприятия по эшелонированной поддержке Группы Пограничных войск Российской Федерации в Республике Таджикистан на наиболее опасных направлениях и ее усилению в кризисных ситуациях, вызванных действиями вооруженных формирований через государственную границу Республики Таджикистан[527]. Указанное решение было обусловлено повышенной диверсионно-террористической активностью афганских боевиков при прорывах через таджикско-афганскую государственную границу, нападениях на посты и заставы российских пограничных войск, сложной оперативной обстановкой в тыловых районах Таджикистана.

Авторы отмечают, что эшелонированная поддержка действий пограничников существенно повысила их возможности по обеспечению безопасности внешних границ СНГ на афганском направлении. Так, новая попытка противника дестабилизировать ситуацию в августе 1994 г. на участке 12-й пограничной заставы Московского пого (посты «Тург» и «Меркурий») была жестко пресечена силами резервов пограничного отряда и 201-й мотострелковой дивизии.

В целях контроля качества выполнения поставленных задач по охране и обороне государственной границы Республики Таджикистан, проводились проверки хода служебно-боевой деятельности воинскими контингентами государств — участников СНГ. Примечательно, что батальон пограничных войск Республики Казахстан был расположен не в тыловых районах страны как остальные контингенты, а выполнял функции защиты и охраны участка таджикско-афганской границы совместно с Пограничными войсками Российской Федерации. Так, от батальона пограничных войск Республики Казахстан в районах

устремлений бандформирований Афганистана и боевиков таджикской оппозиции выставлялись посты боевого охранения и пограничные посты в целях недопущения совершения контрабандной и иной противоправной деятельности через государственную границу.

7 апреля 1995 г. произошел инцидент с указанным казахским подразделением. Отдельная стрелковая рота отдельного сводного стрелкового батальона Республики Казахстан, находясь на марше в ущелье Пшихавр, попала под массированный обстрел боевиков с использованием артиллерии, гранатометов и стрелкового оружия с территории Афганистана. В течение четырех часов тяжелого боя рота потеряла убитыми 17 и раненными 34 чел.

Несмотря на данное происшествие, в целом функционирование подразделений Коллективных миротворческих сил обеспечило создание буферной зоны в тыловых районах Таджикистана, которая не позволила объединить усилия афганских боевиков на границе и вооруженной таджикской оппозиции в глубине республики. Пограничные формирования Российской Федерации также получили необходимую войсковую поддержку для обеспечения безопасности на государственной границе Таджикистана.

Вместе с тем, имелись проблемные вопросы применения резервов силовых ведомств стран СНГ для ликвидации кризисных ситуаций на внешних границах:

— фиксировались случаи недостаточной подготовленности подразделений для реализации редко применяемых в обычных условиях способов пограничной деятельности, таких как засада, несение службы в укрупненных пограничных нарядах с мерами боевого охранения;

— существовало неполное совпадение полномочий подразделений разных государств в способах выполнения оперативно-служебных задач, находящихся на границе.

В конце 1994 г. Совет глав государств СНГ, отмечая роль Коллективных миротворческих сил в создании соответствующих условий для продолжения межтаджикского диалога, принял решение продлить пребывание Коллективных миротворческих сил в Республике Таджикистан до 31 декабря 1995 г. [528] Указанный срок пребывания контингентов продлевался и в дальнейшем.

Значимым событием являлось позитивное развитие межтаджикского диалога, происходившего под эгидой ООН и при участии стран-наблюдателей, при котором важную стабилизирующую роль сыграли Коллективные миротворческие силы, способствовавшие достижению национального

примирения[529].

Подписание 27 июня 1997 г. Соглашения о мире и национальном согласии в Республике Таджикистан, с одной стороны, способствовало снижению активных боевых действий боевиков на государственной границе, с другой — активизации деятельности недовольных результатами достигнутых мирных соглашений непримиримых сил оппозиции и началу роста контрабандной деятельности. Но с сохранившимися негативными процессами уже успешно справлялись собственные спецслужбы Таджикистана и пограничные войска России на таджикско-афганской границе. На этом фоне, Киргизская Республика и Республика Узбекистан в течение 1997–1999 гг. постепенно вывели свои подразделения из Республики Таджикистан.

Исходя из того, что Коллективными миротворческими силами в РТ поставленные задачи были выполнены, а гражданская война в стране к 1997 г. в целом была завершена, на основании обращения Президента Республики Таджикистан, Совет глав государств СНГ 21 июня 2000 г. принял решение прекратить функционирование Коллективных миротворческих сил в Республике Таджикистан и приступить к их расформированию[530].

Необходимо отметить, что опыт совместного выполнения задач воинскими контингентами стран — участников СНГ по стабилизации военно-политической и оперативной обстановки на государственной границе Таджикистана с Афганистаном продемонстрировал состоятельность и результативность указанного политического решения. Создание буферной зоны между афганскими бандформированиями и вооруженной оппозицией в тыловых районах Таджикистана посредством эшелонирования воинских контингентов Коллективных миротворческих сил позволило стабилизировать ситуацию с гражданской войной в республике, а также на государственной границе с Афганистаном.

«Крымская станица» Московского высшего пограничного командного училища КГБ СССР имени Моссовета в подготовке пограничников для зарубежных государств

М. Г. Победённый
г. Москва

С момента образования 3-й школы пограничной охраны и войск ОГПУ в Москве в 1932 г. (впоследствии — Московское высшее пограничное командное училище КГБ при Совете Министров СССР им. Моссовета) на всех этапах его развития педагогический коллектив активно принимал участие в подготовке офицеров для пограничных войск зарубежных государств[531].

Первыми в 30-х гг. прошлого века начали обучение в стенах пограничного училища представители Монгольской Народной Республики. Их обучение началось в 1938 г. и длилась до 1990 г., и лишь в годы Великой Отечественной войны временно учёба была приостановлена.

После возвращения из Новосибирска в 1944 г, куда училище было эвакуировано, в стенах Московского военного пограничного училища был возобновлён процесс подготовки специалистов для иностранных государств[532]. О вкладе учебного заведения в подготовку офицерских кадров для монгольских пограничных войск свидетельствует орден МНР «За боевые заслуги», которым училище было награждено в 1978 г. Указом Президиума Великого Народного Хурала Монгольской Народной Республики[533].

Это не единственная иностранная награда на теперь уже ставшем историческим, а ранее Боевом Знамени училища. В 1989 г. за заслуги в деле подготовки офицеров-пограничников Венгерской Народной Республики училище было награждено венгерским орденом «Красная Звезда»[534].

После окончания Великой Отечественной войны и до 1990 г. в стенах училища в разное время готовились офицерские кадры для пограничных структур из числа представителей Народной Социалистической Республики Албании, Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Польской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии,

Социалистической Республики Вьетнам, Республики Куба, Лаоской Народно-Демократической Республики, Чехословацкой Социалистической Республики.

Особое место в подготовке иностранных граждан для национальных пограничных структур занимает так называемый «крымская страница», когда в период с 1978 по 1982 гг. на территории Крымского полуострова была организована подготовка иностранных граждан[535].

В этот период в Симферопольском районе, в населённом пункте Перевальное, дислоцировалось Симферопольское военное объединённое училище (с 1965 по 1980 гг. 165-й Учебный центр по подготовке иностранных военнослужащих при Минобороны СССР)[536]. На его базе и была развёрнута подготовка так называемого специального контингента (спецконтингента) для пограничных структур зарубежных государств, которые в тот период выбрали путь социалистической ориентации в своём развитии и опирались на помощь Советского Союза.

На обучение в Учебный центр прибыли представители Анголы, Афганистана, Зимбабве и Мозамбика. Иностранцы имели различный уровень подготовки. Так, слушатели из Анголы имели опыт ведения боевых действий в рядах партизанских отрядов против португальских правительственных войск. Слушатели из Зимбабве и Мозамбика совсем не имели военной подготовки.

Особое место занимали слушатели из Афганистана. Первый набор слушателей состоял из армейских офицеров, проходивших службу в рядах вооружённых сил Афганистана, второй — из лиц, ставших офицерами на волне Апрельской революции 1978 г. Слушатели имели не только различный военный, общеобразовательный и культурный уровни, но и различные национальные, племенные особенности, государственные языки и племенные наречия, диалекты и т. д.

Обучение слушателей было возложено на штатный преподавательский состав кафедр училища — общевойсковых дисциплин, огневой подготовки, службы и тактики пограничных войск (СТПВ) и марксизма-ленинизма.

Проводимые учебные занятия со слушателями имели в основном практическую направленность, занятия по общественным дисциплинам проводили преподаватели кафедры марксизма-ленинизма (общественных наук) и имели общественно-политическую направленность. В периоды, когда преподаватели русского языка учебного центра по объективным причинам не могли проводить учебные занятия по общественным дисциплинам, к обучению слушателей привлекались преподаватели-женщины кафедры русского языка училища. И им

наравне с мужчинами пришлось переносить все тяготы и лишения, которые выпали на их долю. Вдали от родных и близких они с честью их перенесли.

Командирами учебных взводов были назначены курсовые офицеры училища. В качестве переводчиков к учебным занятиям по общей тактике, тактике пограничных войск, изучению стрелкового оружия, общественных дисциплин, проведению учебных стрельб привлекались штатные сотрудники учебного центра, а в качестве помощников руководителей занятий — военнослужащие из состава 79-го пограничного отряда, дислоцировавшегося в Симферополе.

Преподаватели кафедр огневой подготовки, общевойсковых дисциплин и марксизма-ленинизма выезжали в учебный центр в командировки, которые по продолжительности были от одного до трёх месяцев, преподаватели кафедры СТПВ — на период проведения всего цикла подготовки. Размещались преподаватели в Симферополе в общежитии на территории строительной войсковой части, которая была подчинена Комитету государственной безопасности. Условия проживания в общежитии были «спартанские», природный газ отсутствовал, пищу приходилось готовить на электрических плитах, которые были далеки от совершенства. Но больше огорчало отсутствие телевизора, который бы скрашивал суровые будни командировок. Были и другие бытовые неудобства. Однако они ни в коем образом не повлияли на качество проводимого процесса обучения.

Возглавлял деятельность по организации обучения иностранных граждан ведущий преподаватель кафедры службы и тактики пограничных войск полковник И.М. Падий. Он имел богатый опыт службы на государственной границе и внушительный педагогический стаж, кроме того, он был наделён полномочиями представителя ГУПВ КГБ СССР по организации и взаимодействию с командованием 165-го Учебного центра по подготовке иностранных военнослужащих при Министерстве обороны СССР, 79-го пограничного отряда и руководством территориальных органов государственной безопасности.

Наряду с бытовыми трудностями имели место сложности в организации и проведении учебного процесса. Их основная тяжесть выпала на долю преподавательского состава кафедры СТПВ. Преподавательский состав других кафедр использовал в учебном процессе методические разработки и учебную базу центра, то преподаватели кафедры СТПВ такой возможности не имели. Поэтому перед ними стала задача в короткие сроки разработать на новой основе учебно-методические и наглядные

материалы, учебные пособия, а самое главное — создать участок учебной государственной границы. Эта работа была успешно проведена в сжатые сроки.

В связи с тем, что выделенные учебным центром военные переводчики, не владели пограничной терминологией и не знали специфики пограничной деятельности преподавателям пограничной подготовки пришлось осваивать и применять в обучении общевойсковую терминологию (вместо пограничной заставы — рота, дозор — патруль и т. д.). А такой узко профессиональный термин, как «боевой расчёт на пограничной заставе (роте)» вообще не имел аналога в военной терминологии. Его заменили термином «постановка задач подчинённым на сутки».

Определённые трудности были и с материальным обеспечением занятий по пограничной подготовке. Так, пограничный отряд, который выделял помощников для проведения занятий (сержантов и солдат срочной службы), служебных собак, имитационные средства находился в 30 километрах от учебного центра. Поэтому на плечи преподавателей кафедры накладывались дополнительные обязанности — составить и подать заявки, забрать помощников и материальное обеспечение до начала занятий, а после их завершения доставить личный состав и материальные средства в расположение пограничного отряда.

Для проведения занятий со слушателями из Анголы и Мозамбика военных переводчиков выделяло командование учебного центра. Все они в совершенстве владели португальским языком, имели большой практический опыт работы в этих государствах. Это позволяло проводить занятия на достаточно высоком уровне.

Уровень военных переводчиков для слушателей из Афганистана и Зимбабве был недостаточно высокий, что создавало ряд неудобств при проведении плановых учебных занятий. Военные переводчики учебного центра оказывали большую помощь преподавательскому составу, делясь опытом и практикой изучения иностранных слушателей, раскрывали особенности своей деятельности во время командировок в страны откуда прибыли слушатели.

Для организации и проведения учебных занятий в учебном центре в Перевальном командование пограничного училища выделяло высококвалифицированных педагогов из числа профессорско-преподавательского состава. Они являлись достойными представителями Пограничных войск среди преподавательского состава Учебного и успешно выдержали это

испытание. Об уровне квалификации преподавательского состава говорит тот факт, что командование Учебного центра неоднократно привлекало преподавателей-пограничников для проведения показных, инструкторско-методических и других занятий.

Таким образом, подготовка специалистов для пограничных структур дружественных Советскому Союзу государств, проводимая преподавательским составом Московского высшего пограничного командного училища на базе 165-го Учебного центра, во-первых, соответствовала требованиям, предъявляемым к подготовке кадров зарубежными странами — партнерами СССР по международному сотрудничеству.

Во-вторых, обучение иностранных граждан способствовало определённому влиянию политических, социально-экономических и культурных ценностей советского народа на идеологические, социально-экономические установки и культурные традиции развивающихся государств.

В-третьих, был изучен опыт работы с иностранными гражданами в учебных заведениях Министерства обороны СССР и получены навыки в работе с представителями зарубежных государств, избравшими в тот период социалистическую модель развития.

Подготовка сотрудников КГБ СССР для работы в Афганистане (1978–1991 гг.)

В.С. Христофоров
г. Москва

30 августа 2021 г. в Афганистане завершилась военная операция США, стран участниц блока НАТО и их союзников, которая длилась почти 20 лет. На фоне вывода американских войск из Афганистана летом 2021 г. движение «Талибан» (запрещенное в Российской Федерации) предприняло наступление и 15 августа объявило о полном контроле территории всей страны, в том числе и Кабула. Стремительное изменение ситуации в Афганистане и приход к власти «Талибана» вновь выдвинули афганскую проблему на первые позиции мировой политики.

Российские и зарубежные аналитики, дипломаты и политики не предполагали, что афганская армия и национальные службы безопасности, которые почти 20 лет готовились американскими инструкторами и советниками, не смогут противостоять талибам. По мнению американских и российских экспертов, причинами такого финала стали: неспособность американских военных «связывать поставленные цели с требующимися усилиями», игнорирование истории Афганистана, её культурных особенностей, а также пренебрежение советским опытом пребывания в этой стране.

Американские эксперты также указывают на недостатки и в подготовке сотрудников ЦРУ США, работавших в Афганистане, необоснованную практику направления в страну сотрудников спецслужб в краткосрочные командировки, так как разведчики, работающие в странах Востока, не владеющие восточными языками, не знающие исторических и культурных особенностей страны пребывания, превращаются в «слепых, которые ведут слепых». Таким образом, постоянная и необоснованная ротация сотрудников стала одной из важных причин неэффективной работы американской разведки на Востоке со всеми вытекающими последствиями[537]. Кроме того, анализ имеющихся источников свидетельствует о том, что в Вашингтоне по идеологическим соображениям не изучали опыт советского военного присутствия в Афганистане, и, тем более, опыт работы

КГБ СССР (далее — КГБ) в этой стране и подготовки сотрудников ведомства, направлявшихся в Афганистан.

Все это обуславливает актуальность обращения к историческому опыту советского военного присутствия в Афганистане (1978–1991 гг.).

Автор ставит перед собой задачу проанализировать подготовку сотрудников различных подразделений КГБ, направлявшихся на работу в Афганистан в период 1978–1991 гг., когда Москва активно, в том числе и мерами военного характера, поддерживала своего южного соседа, пытавшегося по образцу Советского Союза построить просоветское государство.

Автором использовался широкий круг научной и мемуарной литературы, воспоминаний сотрудников КГБ, работавших в Афганистане, поделившихся свои опытом подготовки к командировке, прохождения обучения и работы в стране со сложной военно-политической обстановкой. Воспоминания бывших сотрудников КГБ, опубликованные в целом ряде книг, посвященные истории территориальных органов безопасности, содержат разносторонние сведения, документы, дневниковые записи, письма, фотографии[538].

Практика обучения и работы сотрудников в Афганистане, в том числе и личный опыт автора, находившегося в этой стране более 3-х лет (октябрь 1985 г. — январь 1989 г.) после прохождения специальной подготовки в Краснознаменном институте КГБ, свидетельствует о том, что квалифицированная подготовка сотрудника спецслужбы занимает не менее двух лет, так как необходимо изучение восточного языка (персидского, дари или пушту), погружение в историю и культуру страны, знакомство с особенностями ислама. Для того, чтобы подготовка проходила более эффективно очень важна мотивация обучающихся, они должны понимать для чего им нужно изучение восточного языка, какие перспективы открывает перед ними новый этап в их послужном списке. В этом отношении мотивация сотрудников была чрезвычайно высокой. Они понимали, что от знания восточного языка, умения наладить контакт с офицерами афганских спецслужб, военнослужащими национальной армии и местным населением, адекватного восприятия их речи во многих случаях зависит безопасность, а порой и жизнь.

Управление кадров КГБ и кадровые подразделения органов государственной безопасности на местах в период Афганской войны уделяли большое внимание подбору сотрудников для командирования в Афганистан, при необходимости направляли их на обучение в ведомственные учебные заведения в Москве и Ташкенте, в образовательном процессе которых вносились

соответствующие изменения. В интересах подготовки сотрудников, выезжающих в Афганистан, организовывались специальные потоки, корректировались учебные программы Высшей школы КГБ им. Ф.Э. Дзержинского[539], Краснознамённого института КГБ им. Ю.В. Андропова[540], Высших курсов контрразведки КГБ (г. Ташкент)[541], военных училищ пограничного профиля. Так, в Высшей школе КГБ в кратчайшие сроки коллективом кафедры ближневосточных языков была создана учебно-методическая база подготовки кадров советников со знанием языков дари и пушту. Преподаватели кафедры выезжали в Афганистан для оказания помощи командованию 40-й армии и руководству особого отдела КГБ по 40-й армии в обработке и переводе военной и политической документации[542].

Сроки обучения (от нескольких месяцев до трех лет) и направленность подготовки зависели от специализации будущей работы сотрудников: в Представительстве КГБ при органах безопасности Афганистана; в подразделениях специального назначения КГБ, особых отделах КГБ по 40-й армии, дивизий и бригад.

Более длительные сроки и разносторонняя программа подготовки была у сотрудников, готовившихся к командировке в Афганистан на работу в Представительство КГБ в качестве советников в афганской разведке и контрразведке. Они изучали иностранные языки (персидский, дари или пушту), страноведение, историю Афганистана, культуру, обычаи, традиции, быт, проблемы экономического, социального и политического характера, психологию и национальные особенности многонационального афганского населения, а также основы религии — ислама. В программу подготовки входили специальные дисциплины, регулярно проводились занятия по военной и физической подготовке. Следует отметить, что в учебных группах, изучающих восточные языки, было по 5–6 человек, занятия проводились ежедневно по 4 учебных часа. После прохождения обучения они направлялись в Представительство КГБ в Афганистане и работали советниками либо в Кабуле (3 года), либо в одной из оперативных групп, дислоцированных в афганских провинциях (2–3 года). За время длительной командировки в процессе работы с местным населением советники познавали особенности национальной культуры и психологии, а также религии ислам, становясь в большинстве своем опытными афгановедами и знатоками восточных языков. Часть сотрудников, прошедших специальную подготовку, выезжала в 1978–1991 гг. в длительные

командировки в Афганистан по 2–3 раза[543].

Большинство советников-сотрудников КГБ, работавших в Афганистане, были выходцами из органов безопасности Средней Азии, Кавказа, Украины, Белоруссии и Российской Федерации. В тоже время, в Представительстве КГБ в Афганистане работали и военные контрразведчики. Они выполняли функции советников в главном управлении военной контрразведки Афганистана, а также были советниками у начальников отделов контрразведки по афганским армейским корпусам, дивизиям, бригадам, гарнизонам.

Подготовка будущих советников началась летом 1979 г. в Краснознаменном институте КГБ, Высшей школе КГБ и на Высших курсах КГБ в Ташкенте. Первый набор проходил обучение по ускоренному курсу в течение десяти месяцев после чего последовало направление в Афганистан.

Необходимо отметить, что первые советники из числа сотрудников КГБ прибыли в Афганистан в мае 1978 г., где они осуществляли советническую деятельность только в пределах Кабула. Представительство КГБ при органах безопасности Афганистана было создано 30 июня 1978 г. и в его составе в тот период работало всего 19 человек, включая оперативных сотрудников и технический персонал. 5 августа 1978 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между КГБ и органами госбезопасности Афганистана, которое предусматривало оказание помощи Кабулу по линии внешней разведки, контрразведки, военной контрразведки, в подготовке национальных кадров, как в СССР, так и в Афганистане[544].

В связи с осложнением военно-политической обстановки в Афганистане масштабы военно-технической и экономической помощи со стороны СССР постоянно возрастали, увеличивалась и численность сотрудников представительства, работавших советниками в афганских спецслужбах. Так, летом 1979 г. в представительстве насчитывалось уже более 100 сотрудников, а в середине 1980-х гг. в его структуру входили порядка 20 подразделений и несколько десятков оперативных групп, дислоцированных во всех административных центрах афганских провинций и при каждой афганской пограничной бригаде — численность сотрудников превышала 750 чел. В связи с этим потребность подготовки кадров для работы советниками в афганских органах госбезопасности постоянно возрастала.

Основные задачи сотрудников КГБ, работавших советниками в афганской разведке и контрразведке, заключались в следующем: оказании помощи в формировании афганских спецслужб и обучении руководящего и оперативного состава

основам разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности; добывании информации в интересах обеспечения безопасности СССР и, пожалуй, самое главное, — оказании положительного политического влияния на сотрудников афганских спецслужб, формировании у них навыков и умения действовать самостоятельно. Решение названных основных задач позволило создать к середине 1980-х гг. надежную систему обеспечения безопасности государства. К началу 1989 г. количество сотрудников советников в афганских спецслужбах было сокращено до минимума. Советники оставались только в Кабуле и их численность составляла около 30 человек. К этому времени руководители и сотрудники афганской разведки и контрразведки уже были способны работать самостоятельно, без опеки советников, что они и подтвердили на практике в 1989–1991 гг.

Второе направление подготовки сотрудников КГБ для работы в Афганистане — подразделения специального назначения. В 1978–1984 гг. в Афганистане поочередно находились отряды специального назначения КГБ «Зенит», «Каскад» и «Омега»[545], комплектовавшиеся сотрудниками из спецрезерва советской нелегальной разведки, в состав которого включались оперативные сотрудники территориальных органов госбезопасности со знанием иностранных языков, прошедшие подготовку на Курсах усовершенствования офицерского состава (КУОС)[546]. В течение семи месяцев слушатели проходили парашютно-десантную, минно-взрывную (минирование и организация диверсий, обезвреживание взрывных устройств), специальную оперативную подготовку (агентурная разведка, визуальное наблюдение, легендирование, документирование, физическое проникновение на объекты, физическую (рукопашный бой, марш-броски, преодоление препятствий) и огневую (стрельба из различных видов оружия) подготовку, обучались вождению разных видов военной техники, углубленно изучали иностранный язык. Проводились специальные комплексные занятия, где слушатели действовали в составе оперативно-боевой группы на незнакомой местности в конкретной ситуации, применяя свои теоретические знания на практике, выживания в экстремальных условиях, учились преодолению искусственных и естественных преград. Парашютно-десантная подготовка проводилась на базе учебного центра Тульской воздушно-десантной дивизии, а горная (преодоление горной реки и ущелья, подъем и спуск по отвесной скале, восхождение на горную вершину) — на базе учебного центра Минобороны СССР в районе города Кировокан Армянской ССР[547]. Однако в спецподразделениях КГБ в Афганистане было

мало сотрудников, знающих местные языки, быт, обычаи и нравы местного населения, всему этому приходилось учиться на «марше», действовать в крайне непривычной обстановке, среди населения, психология которого веками формировалась под влиянием принципов адата (норм неписанного права, в основе которого — гостеприимство, кровная месть (или компенсация вместо кровной мести) и «вхождение» с просьбой о помощи[548].

«Каскадеры», так называли офицеров из отрядов спецназначения КГБ, были распределены на команды отряда, которые дислоцировались в крупнейших административных центрах Афганистана (Газни, Герат, Джелалабад, Кандагар, Файзабад, Фарах, Шиндант). Отряды спецназначения КГБ оказывали помощь в создании афганских органов безопасности на местах, добывали разведывательную информацию, вели боевые действия против вооруженных отрядов оппозиции (рейды, засады, минирование дорог), боролись с караванами, доставлявшими в Афганистан оружие и боеприпасы. В 1984 г. дальнейшее пребывание отрядов специального назначения КГБ в Афганистане было признано нецелесообразным[549].

Еще одна категория сотрудников КГБ, направлявшихся в Афганистан — это военные контрразведчики, они работали в составе особого отдела КГБ по 40-й армии, особых отделов КГБ дивизий и бригад и вместе с военнослужащими частей и подразделений 40-й армии принимали участие в боевых действиях. От их профессиональных качеств, навыков и умения организовать работу зависели результаты выполнения следующих задач: выявление агентуры противника в войсках и их ближайшем окружении, борьба с диверсионной и террористической деятельностью, контрразведывательное обеспечение боевых операций, розыск без вести пропавших советских военнослужащих[550]. Сотрудники военной контрразведки, как правило, имевшие высшее военное образование, проходили специальную подготовку на Высших курсах военной контрразведки (ВКВК) КГБ в Новосибирске[551]. Недостатком в их подготовке для работы в Афганистане было то, что они не знали языков страны пребывания, слабо ориентировались в страноведении и особенностях ислама, что создавало дополнительные трудности в общении с местным населением, получением и оценкой оперативной информации. В тоже время это были хорошо подготовленные в военном и профессиональном плане офицеры, имевшие практический опыт контрразведывательного обеспечения войск, успешно решавшие сложные задачи в условиях ведения боевых действий. Более 300 выпускников ВКВК были отмечены государственными наградами

в период их участия в боевых действиях в Афганистане[552].

Отдельно необходимо сказать о выпускнике ВКВК 1982 г. Б.И. Соколове, проходившем службу в Афганистане с декабря 1983 г. в особом отделе КГБ по 108-й мотострелковой дивизии. Он принимал участие в 64 войсковых операциях общей продолжительностью 269 суток, в боях был дважды контужен, получил осколочное ранение. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1985 г. «За мужество героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан капитану Соколову Борису Иннокентьевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»[553].

Таким образом, в 1979–1991 гг. в системе КГБ была создана стройная система подготовки сотрудников, направлявшихся в Афганистан для выполнения разнообразных заданий. Наиболее подготовленными для работы на Востоке были сотрудники, прошедшие специальную подготовку, в ходе которой они изучали иностранные языки (фарси, дари, пушту) страноведение, религиоведение, а также совершенствовавшие специальные знания в области разведки и контрразведки. Сотрудники КГБ, работавшие советниками в афганской разведке и контрразведке, сформировали надежную национальную специальную службу, которая после вывода советских войск из Афганистана в феврале 1988 г. самостоятельно более трех лет решала разведывательные и контрразведывательные задачи. Падение пророссийского режима в Афганистане в апреле 1992 г. было вызвано не слабостью национальных сил обеспечения безопасности и вооруженных сил, а тем, что Москва прекратила поддерживать Кабул, перекрыв с 1 января 1992 г. каналы поставки оружия, боеприпасов, горюче-смазочных материалов и отозвав из страны советских военных советников и сотрудников Представительства КГБ в Афганистане.

История не знает сослагательного наклонения, но по мнению автора, если бы военно-техническая помощь и военно-дипломатическая поддержка Москвы Кабулу продолжалась, правящий в Афганистане пророссийский режим сохранил бы власть в своих руках и до наших дней.

Рубежи чекиста Селивановского *А.Н. Кукарека* г. Москва

В середине 1929 г. Высшая пограничная школа ОГПУ СССР распахнула двери новому набору слушателей, среди которых значился капитан государственной безопасности Н.Н. Селивановский. Этот бывалый уже оперативник, закалённый в особых отделах войск в Средней Азии, был вызван в Москву для повышения уровня профессионализма и знаний руководящей работы, которая в дальнейшем возведёт его в ранг одного из видных руководителей армейских чекистов.

Он родился 8 (21) апреля 1901 г. на белорусской земле в местечке Хойники Речицкого уезда Минской губернии в семье железнодорожника. В 1909 г., в восьмилетнем возрасте, Николай стал посещать церковно-приходскую школу при Николо-Перервенском монастыре, располагавшегося недалеко от станции Перерва Московской губернии. Это удалось благодаря хлопотам отца, так как это храм находился вблизи большого паровозного депо, и многие дети железнодорожников проходили в этой школе своё начальное обучение.

По окончанию школы, в 1913 г., Николай вернулся в Хойники, где продолжил обучение в двухклассном училище народного просвещения. Однако сложное материальное положение в семье заставило его со 2-го класса параллельно начать трудиться в имении «Делистово», которое после 1917 г. было преобразовано в совхоз. В нём он проработал более пяти лет, вплоть до призыва на военную службу[554].

А выполнять ему, тогда ещё тринадцатилетнему мальчишке, приходилось совсем нелёгкую работу. Он был и истопником, и посыльным, и конторщиком, и лесозаготовителем. Это приучило его к физическому труду, терпению и настойчивости. Так он получил свою первую трудовую закалку.

Март 1920 г. Гражданская война в самом разгаре. Н.Н. Селивановского призвали в ряды РККА и после краткосрочной подготовки направили на Западный фронт: сначала рядовым 139-й стрелковой бригады в Минске, а в дальнейшем — рядовым 170 й стрелковой бригады, дислоцировавшейся в г. Брест-Литовске. Здесь крепкого и смышлёного красноармейца заметило командование, которому импонировало его серьёзное отношение к службе и привязанность к технике. Это послужило причиной

направления Николая в Кронштадт на курсы тяжёлой артиллерии РККА. Так рядовой стрелок превратился в курсанта-артиллериста.

Учёба на курсах была непростой. С одной стороны, многие преподаватели были закалёнными в боевых действиях командиры, с другой стороны — чувствовалось отсутствие профессионалов старой армии. Всё же Селивановский освоил нелёгкую профессию артиллериста, тем более его отметили, как неплохого командира. В дальнейшем это послужило основанием направить его продолжить учёбу в Москву, в 1-ю Советскую объединённую военную школу РККА имени ВЦИК, где в течение года он постигал и совершенствовал командирские навыки.

Именно здесь, во время обучения в пехотной школе, 20-летний Н.Н. Селивановский приглянулся военным контрразведчикам. Шёл всего лишь третий год, как были сформированы органы безопасности в войсках, нуждавшиеся в подготовленных, грамотных и надёжных кадрах. Понимая необходимость этой нелёгкой работы, Николай уверенно выразил своё согласие стать военным чекистом. После окончания полугодовых курсов, в феврале 1922 г., его направили в особый отдел 13-го стрелкового корпуса, дислоцировавшегося в Бухаре (Средняя Азия).

Многие бойцы и младшие командиры призывались из местного населения и зачастую состояли в родственных связях с бандитами. Порождённая существовавшими обычаями в Средней Азии круговая порука, обязывала родственников некоторых военнослужащих помогать басмачам. Нередко возникали ситуации, связанные с предательством. Это сказывалось и на подборе оперативных источников, которые, опасаясь расправы, искажали информацию.

Однако, по мере укрепления Советской власти в среднеазиатских республиках, а также становления государственных органов, ситуация менялась в пользу трудового народа. Борьбу с бандитизмом сменила работа, направленная на укрепление местной власти и рост авторитета пограничных войск и Красной армии в этом регионе. Происходило их стремительное развитие на государственных рубежах и оснащение новыми образцами вооружения и техники. Поднимался по служебной лестнице и Н.Н. Селивановский. Прослужив более шести лет на различных оперативных должностях в Среднеазиатском военном округе, он, как уже говорилось ранее, был направлен на учёбу в Москву[555].

Заметив опытного оперативного работника, руководство Высшей пограничной школы рекомендовало его по окончанию курсов в июне 1930 г. для службы в центральный аппарат военной

контрразведки. Здесь оперативно-служебная деятельность значительно отличалась от прежней службы своей интенсивностью, разнородностью, ответственностью и близостью к высокому руководству. Однако привыкшего к напряжённой работе Селивановского это не смущало. Напротив, он с привычным для него рвением взялся осваивать порученные ему участки работы, сначала помощником уполномоченного 2-го отделения Особого отдела ОГПУ СССР, а уже через три месяца он становится уполномоченным 4-го, а затем 5-го отдела того же подразделения.

Так незаметно пролетели три года, когда Николаю Николаевичу предложили повышение — должность оперативного работника по обслуживанию крупных военных организаций. А уже через полтора года он — оперуполномоченный по Военно-химической академии РККА — одного из самых крупных в то время военных учебных заведений.

Полностью отдавший себя службе в органах безопасности, Н.Н. Селивановский постепенно становился не только высококлассным оперативником, но и опытным руководителем. Именно поэтому его, в достаточно непростом 1937 г., дважды направляли в заграничные командировки — во Францию и Чехословакию. Результаты работы в этих командировках существенно повлияли на его продвижение по службе. Начиная с 1937 г. до начала Великой Отечественной войны Селивановский занимал ряд руководящих должностей в Главном управлении госбезопасности НКВД СССР.

Следует отметить, что этот период в истории нашего Отечества и органов безопасности был достаточно напряжённым. Война в Испании и Финляндии, крайне сложные советско-германские отношения, вынуждали чекистов трудиться весьма напряжённо. Неслучайно Великую Отечественную войну Селивановский встретил в должности начальника 5-го отделения 3-го Управления Народного комиссариата обороны (НКО) СССР.

Уже в середине июля 1941 г. Селивановского назначают начальником особого отдела НКВД СССР войск Юго-Западного направления, позже переименованного во фронт. Это был сложный период, когда соединения и части Красной армии вели напряжённые оборонительные бои и отступали. На органы НКВД приходилась чрезмерная нагрузка, заключавшаяся не только в охране тыла и наведении общественного порядка, но и нередко в боевых схватках с противником.

Здесь же на долю Николая Николаевича выпала работа по противодействию малолетним диверсантам. С началом войны фашисты усиленно забрасывали в тыл нашей страны

диверсионные группы, состоявшие, как правило, не только из матёрых профессионалов, но и из подростков.

Уже в конце августа 1941 г. фашистскими спецслужбами были открыты несколько разведдиверсионных школ для подготовки подростков. Всего за один месяц пребывания в таких школах дети получали «знания» в области сбора разведданных, десантирования, операций по связи. Наиболее способных «учеников» обучали диверсионной деятельности.

Благодаря усилиям Н.Н. Селивановского и подчинённых ему чекистов, 15 ноября 1941 г. были задержаны первые выпускники-диверсанты одной из таких школ, дислоцировавшейся в г. Бобруйске. Как показали двое задержанных подростков — Мартынов и Черкашин — ими уже было совершено девять ходок по заданию гестапо. Они рассказали, что занимались сбором разведывательной информации о местах дислокации, численности и вооружении частей Красной армии. Задержанные также показали, что возраст обучающихся в бобруйской разведшколе составлял от 8 до 12 лет, а количество подростков достигало свыше 50 мальчишек и девчонок.

Селивановским тут же была налажена фильтрационная работа среди задержанных с учётом возраста. Она позволила выявить не только случайно попавших в фашистские разведшколы детей, но и активно и осознанно действующих малолетних диверсантов. В частности, стало известно, что отец вышеупомянутого Мартынова был оставлен немцами на оседание ещё в конце Первой мировой войны с заданиями шпионского характера. Проведённые особым отделом специальные мероприятия с 15 по 17 ноября 1941 г. позволили задержать ещё 6 несовершеннолетних «выпускников» вражеской разведшколы[556].

Не менее серьёзную и достаточно специфическую работу пришлось организовать старшему майору госбезопасности Н.Н. Селивановскому весной 1942 г. Помимо противодействия шпионам, диверсантам, изменникам Родины и дезертирам, нужно было вступить в борьбу с халатностью и вредительством. Необходимость такой работы появилась с наступлением весенней оттепели. Она заключалась в выявлении в составе фронтовых и армейских санитарных органов и учреждений лиц, виновных в распространении инфекционных заболеваний (в частности, сыпным тифом), получившим особенно массовое распространение в полевых госпиталях и санитарных поездах Юго-Западного фронта. Оперативную деятельность приходилось проводить непосредственно в контакте с заражёнными и ранеными бойцами, в исключительных условиях, часто не

позволяющих соблюдать требования конспирации.

И всё же правильно организованная Николаем Николаевичем работа принесла свои плоды. Были не только выявлены виновные в распространении эпидемии, но и обнаружена связь некоторых из них с фашистскими спецслужбами. Кроме того, была поставлена на должный уровень санитарная обработка раненых, а также уменьшена смертность среди поступающих с передовой бойцов и командиров. Параллельно с этим, среди проходящих лечение военнослужащих было выявлено немало лиц, распускавших провокационные слухи и пораженческие настроения. Одновременно с этим были пресечены попытки сбора сведений шпионского характера о дислокации частей, состоянии вооружения и другого, пособниками гитлеровцев, использующих госпитальную обстановку. Своевременная их изоляция благоприятно сказалась на общей оперативной обстановке[557].

Особую напряжённость в работе Николай Николаевич испытал уже на должности начальника Особого отдела НКВД СССР войск Сталинградского фронта. Помимо значительного объёма задач, выполняемых сотрудниками органов безопасности, приходилось выявлять и осуществлять противодействие вооружённым бандам на Дону, состоявших из лиц, оставшихся на временно оккупированной территории, дезертиров и бывших военнопленных Красной армии.

Благодаря кропотливой работе сотрудников органов безопасности под руководством Н.Н. Селивановского была вскрыта и взята под контроль враждебная деятельность одного из главарей антисоветской коалиции, находившейся в эмиграции — бывшего генерала царской армии П.Н. Краснова. Этому изменнику, бежавшему в начале 1920-х гг. от правосудия в Германию, фашисты поручили создать «отряды вольного казачества» с помощью прибывших из Праги представителей антисоветского центра «Казачье национальное движение». По своей сущности это были формирования националистов, которые изъявили желание стать союзниками вермахта. Организационная деятельность Селивановского и его непосредственное участие на этом направлении позволила не только вывить численность таких отрядов, их вооружение, моральное состояние, но также начать работу по их разложению. Благодаря этим усилиям, по окончанию Сталинградской битвы и по мере изгнания врага с территории Северного Кавказа, были изобличены и переданы правосудию её руководители, активные члены и пособники.

Подобная участь постигла и «Туркестанско-магометанский батальон» численностью до 730 человек, а затем и второе одноимённое соединение, насчитывавшее также не менее 700

предателей[558]. Впоследствии количество членов указанных националистических формирований увеличивалось за счёт дезертиров, лиц из местного населения, уклонявшихся от призыва и оказавшегося на оккупированной территории. В рядах противника находилось место и для военнопленных, изъявивших желание сражаться на стороне фашистов. Проведенная по окончанию Сталинградского сражения фильтрационная работа сотрудниками особых отделов под общим руководством Николая Николаевича позволила привлечь к ответственности значительное количество этого контингента.

Но самым главным в период грандиозного сражения на Волге стал факт того, что особый отдел Сталинградского фронта, возглавляемый Н.Н. Селивановским, не покидал своих позиций и продолжал действовать. Контрразведчики своим примером стойкости воодушевляли и бойцов, и командиров, и принимавшее участие в сражении местное население[559]. Располагаясь в подвале водолечебницы, сотрудники отдела жили и работали в условиях постоянных обстрелов и бомбёжек. Однако это был практически единственный «информационный центр», знавший обстановку в городе и на его окраинах.

Случалось, что оперативным работникам приходилось выполнять и командные функции. Так, например, оперуполномоченному особого отдела Павлову, руководившему работой заградотряда 62-й армии, с 13 бойцами подразделения удалось собрать рассеянные группы и одиночных солдат и сержантов Красной армии в отряд численностью около 400 чел. После кратко поставленной боевой задачи он повёл их в бой у центральной переправы[560].

Не мало было сделано военными чекистами под руководством Н.Н. Селивановского накануне Курской битвы. В процессе оперативной деятельности удалось получить сведения о формировании отрядов «Украинской добровольческой армии» на территории Курской области, что в дальнейшем получило широкое развитие по выявлению предателей и пособников фашистов[561].

19 апреля 1943 г. был создан легендарный «Смерш» во главе которого был поставлен комиссар госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумов[562]. Первым заместителем его был назначен Н.Н. Селивановский, являвшийся к тому времени комиссаром госбезопасности 3-го ранга. Этот период в жизни нашего героя был особенно насыщен напряжённой оперативно-служебной деятельностью и стоит отдельной публикации.

Одновременно с этим назначением, Селивановскому по окончанию Великой Отечественной войны была поручена

должность советника НКВД — МВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши. На этом стоит остановиться более подробно. Дело в том, что в 1944 г., к моменту окончания операции «Багратион», стал просматриваться исход войны. Германские спецслужбы, а также аналогичные организации нашего на то время союзника — Великобритании — независимо друг от друга стали усиленно готовить свою агентуру к оседанию на территории ряда европейских государств, преимущественно граничащих с Советским Союзом. Одной из задач вербуемой агентуры было проникновение во вновь формируемые вооружённые силы освобождённых стран Европы. Особенно это касалось Польши и её Комитета национального освобождения (КНО). Представители Армии Крайовой, вливаясь в ряды Польской народной армии, осуществляли свою подрывную деятельность. Первый процесс над «аковцами» начался в октябре 1944 г., однако скоро стало ясно, что и среди сотрудников КНО имеются не только предатели, но и военнослужащие, использующие своё служебное положение для личного обогащения.

Под руководством Николая Николаевича удалось решить эту достаточно непростую, отчасти политическую задачу. Уже к лету 1945 г. было арестовано 333 сотрудника органов польской госбезопасности[563]. В своей докладной записке на имя наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия, Н.Н. Селивановский рапортовал, что из указанного числа арестованных, 265 человек причастны к созданию вооружённого подполья. Они преследовали цель терроризировать местное население и молодые органы государственного управления Польской Народной Республики. Упоминалось в записке и о 176 бандитах, непосредственно участвовавших в борьбе против нового руководства Польши[564].

Немаловажным событием в жизни Николая Николаевича является его назначение в мае 1946 г. заместителем министра государственной безопасности СССР и одновременно главой всей военной контрразведки Советского Союза. Послевоенная работа была ничуть не легче фронтовой оперативно-служебной деятельности. Приходилось срочно переключаться на борьбу с бандитизмом и проводившим свои террористические акции националистическим подпольем. Но самым малоизученным до настоящего времени остается деятельность органов безопасности по выявлению пособников фашистов и их агентуры, то есть оперативно-розыскная работа. Ветераны органов безопасности, в частности армейские чекисты, неоднократно вспоминают, что период 1946–1948 гг. был самым напряжённым в этом отношении. Наряду с фашистскими пособниками, была выявлена

агентура американских и английских спецслужб, которые к тому времени из союзников превратились в антисоветскую коалицию. Только за вторую половину 1946 г. в рядах вооружённых сил было выявлено и осуждено около 40 человек.

Большая работа проводилась Селивановским и в сфере деятельности и функционирования специальных научно-исследовательских заведений (конструкторских бюро и лабораторий), где к труду привлекались вывезенные из Германии немецкие учёные и специалисты. Здесь, как никогда, пригодился опыт, полученный Николаем Николаевичем в 1930-х гг. в период работы в особом отделе по оперативному обслуживанию Военно-химической академии РККА. В результате работы чекистов были в короткий срок выявлены и предстали пред судом не только недобросовестные советские руководители, но и ряд немцев, выдававших себя за специалистов, однако не имевших к науке никакого отношения.

Н.Н. Селивановским была проведена колоссальная работа по выявлению военнослужащих, не внушавших политического доверия. Как правило, такими лицами являлись солдаты и офицеры, которые в прошлом побывали в плену, были репрессированы или имели судимость, но вследствие неразберихи в первые месяцы войны, скрывшие такие факты своей биографии. Их устранение из рядов Вооружённых сил СССР способствовало оздоровлению воинских коллективов и резкому снижению антисоветских настроений.

Много полезного сделал Николай Николаевич на посту заместителя министра госбезопасности, на котором прослужил более 5 лет. Помимо своих прямых обязанностей, он работал и на должности председателя суда чести МГБ СССР, председателя Центрального совета ДСО «Динамо», председателя комиссии по выездам за границу при ЦК ВКП(б). Был он и членом коллегии МГБ СССР, вплоть до августа 1951 г.

В октябре 1950 г., совершенно неожиданно, по рекомендации высшего партийного руководства Николай Николаевич был назначен руководителем Инспекции при начальнике Главного управления государственных продовольственных резервов при Совете министров СССР. Однако, спустя один год с небольшим, 2 октября 1951 г., был арестован в связи с делом Абакумова по обвинению во «вредительской работе в органах МГБ, направленной на подрыв государственной безопасности СССР».

Начавшаяся в отношении Николая Николаевича изнурительная следственная работа окончательно подорвала его уже и без того пошатнувшееся здоровье. Постоянные допросы и унижения, с одновременными рассуждениями наедине в камере,

привели к серьёзному нервному расстройству. Это в итоге стало причиной направления его в январе 1952 г. на стационарное психиатрическое обследование, которое продолжалось почти полтора года. Проводимая в это же время следственная работа в отношении Николая Николаевича, ни к каким результатам не привела, а потому 21 марта 1953 г. постановлением следственной части по особо важным делам МВД СССР дело в отношении Н.Н. Селивановского было прекращено, а сам фигурант освобождён от уголовного преследования и реабилитирован[565].

Несмотря на то, что ему вернули честное имя, воинское звание и награды, новое руководство МВД постаралось поскорее избавиться от опального генерала, и, собрав ряд сведений, большей частью входивших в состав обвинения по недавно закрытому делу, 28 августа 1953 г. уволило Н.Н. Селивановского в отставку. Заслуженный чекист оказался не удел.

Многие знакомые тут же забыли Николая Николаевича, даже близкие друзья старались его не вспоминать. К сожалению, многие памятные и интересные эпизоды из жизни нашего героя после его увольнения из органов безопасности, осталась неизвестны ни обычным читателям, ни историкам отечественных спецслужб. Слишком скромным человеком был генерал Селивановский, хотя его грудь украшали 2 ордена Ленина, 5 орденов Красного Знамени, ордена Кутузова 1-й степени, Суворова 2-й степени, Красной Звезды и «Знак Почёта», 7 медалей, а также иностранные ордена — «Белого Льва» (Чехословакия) и «Крест Грюнвальда» 3-го класса (Польша).

Но чекисты старшего поколения и их потомки помнят этого несгибаемого человека с лёгкой улыбкой, верящего в незыблемость своего Отечества.

Б.А. Рыбкин — достойный представитель когорты советских разведчиков

Н.А. Волков
г. Москва

Не берусь судить, насколько полно отражен сегодня в документах, портретах, подборках фотографий жизненный путь этого человека на стендах Кабинетов чекистской славы. Ведь в силу профессиональной специфики и высокой государственной важности решаемых дел судьбы многих разведчиков не скоро еще станут достоянием широкой общественности. Иные фамилии долго еще будут упоминаться лишь в узких профессиональных кругах. Одно несомненно — независимо от дуновения ветров перемен, дела их и подвиги давно и навсегда золотыми буквами вкраплены в сокровенные скрижали истории нашего Отечества. Среди таких величин — Борис Аркадьевич Рыбкин, больше известный под фамилией Ярцев (оперативный псевдоним — «Кин»). Пользуясь любезно предоставленной организаторами нынешней научно-теоретической конференции возможностью, хотелось бы воздать заслуженную дань уважения этому достойному представителю когорты советских разведчиков, о яркой звезде которого, уверен, нам еще предстоит в будущем немало узнать из архивов. Действительно, о весьма скромной степени его известности может гласить хотя бы тот факт, что во многих популярных изданиях Борис Аркадьевич до последнего времени упоминается в сочетании с определением «муж разведчицы и писательницы Зои Воскресенской».

Во внешнюю разведку Б.А. Рыбкин пришел в 1930 г., после службы в Красной армии и почти десятка лет работы в органах ВЧК — ОГПУ. Многие годы провел он как разведчик-дипломат в Иране и Швеции. В Финляндии, о которой пойдет речь более подробно, Борис Аркадьевич, наряду с привычными для каждого сотрудника нашей Службы заботами, активно выполнял конфиденциальные задания высшего советского руководства. Дело в том, что Финляндия, как ближайший сосед, вызывала у нас особое беспокойство в связи с широким нарастанием там профашистских настроений и с учетом того, что к фашизму все больше скатывался и официальный Хельсинки.

Напомним, что ситуация, о которой пойдет речь, изначально

складывалась не в нашу пользу. Уже сразу после образования РСФСР со стороны Финляндии, еще совсем недавно неотъемлемой части Российской империи, к нашей стране проявились крупные долгосрочные территориальные притязания, которые в 1918 г. были недвусмысленно сформулированы главкомом финских вооруженных сил К.Г. Маннергеймом в так называемом «плане Валлениуса». В упомянутом документе предусматривался захват русской территории по линии Петсамо — Кольский полуостров — Белое море — Онежское озеро — река Свирь — Ладожское озеро. Петроград ожидала ликвидация как столицы России с перспективой превращения его вместе с пригородами, включая Царское Село, Гатчину, Петергоф, в «вольный город-республику». В тот же период финский парламент поднял вопрос о передаче Хельсинки Восточной Карелии и Кольского полуострова якобы в порядке «возмещения Россией убытков за гражданскую войну в Финляндии». Вплоть до выхода в 1944 г. из Второй мировой войны в результате коренного перелома в Великой Отечественной войне в пользу СССР в основе политики Хельсинки сохранялась идея реализации проекта создания «Финляндии до Урала». Такая вызывающая «смелость» финнов исходила, разумеется, не столько из расчета на собственные силы, сколько на поддержку активно поощрявших их амбиции западных партнеров — Германии, Англии и Франции.

Несмотря на многие усилия и уступки в духе добрососедства, РСФСР за годы Советской власти, к сожалению, так и не удалось расположить существующий в Хельсинки политический режим к лояльности. Более того, по мирному договору от 14 октября 1920 г. к Финляндии в Заполярье отошла практически вся Печенгская волость (Петсамо), часть полуостровов Рыбачий и Средний, острова в Баренцевом море, а в результате демаркации морской границы в Финском заливе заблокированным оказался выход Советской России в международные воды. Благодаря упорным переговорам получилось все-таки добиться согласия финнов на освобождение захваченных ими ранее территорий в Восточной Карелии. Однако уже в октябре 1921 — феврале 1922 гг. финская сторона под предлогом «избавления советских карелов от бесправного положения» предприняла новую, пусть и безуспешную, интервенцию для отторжения от России территорий Восточной Карелии, а также Архангельской области от Белого моря до Балтики с границей по заонежским районам. Обстановку удалось несколько смягчить лишь после подписания в июне 1922 г. соглашения о мероприятиях по обеспечению безопасности российско-финской границы.

В предвоенный период Финляндия, один из участков границы

с которой проходил в непосредственной близости от Ленинграда, оказалась потенциальным союзником Германии. Немецкая дипломатия уделяла ей первостепенное внимание, рассчитывая превратить финскую территорию в плацдарм для будущего нападения на Советский Союз. В Финляндии при активном участии гитлеровских спецслужб усиленными темпами формировалась профашистская «пятая колонна», активно раздувалась идея создания «Великой Финляндии до Урала». Кроме того, нашей разведке удалось добыть неопровержимые доказательства подготовки для ввода в Финляндию германского экспедиционного корпуса. С учетом описанной ситуации, 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б) было принято решение, по которому работа по Финляндии признавалась одним из приоритетных участков разведывательной деятельности ИНО ОГПУ. И это наряду с работой по Англии, Франции, Германии, Польше, Румынии, Японии, Литве, Латвии и Эстонии.

Именно в такой сложнейшей обстановке высшее политическое руководство СССР в лице И.В. Сталина и поручило резиденту внешней разведки в Хельсинки Б.А. Рыбкину, работавшему под фамилией Ярцев, провести секретные переговоры с руководителями Финляндии и попытаться склонить их к военно-политическому сотрудничеству.

Возглавляя нашу загранточку в Хельсинки с 1935 г., Ярцев («Кин») свободно ориентировался как во внутриполитических, так и во внешнеполитических проблемах Финляндии, располагал обширными прочными связями в ее высших политических кругах. На основании полученной от «Кина» информации руководство НКВД вышло в 1937 г. перед И.В. Сталиным с инициативой о проведении с финской стороной секретных переговоров. Цель таких контактов — попытка мирного урегулирования имевшихся между нашими странами противоречий, нейтрализации позиций Германии в Финляндии и постепенного вовлечения Хельсинки в орбиту нашего влияния. Мотивировалось данное предложение тем, что далеко не все ключевые представители финского правительства, характеристики на которых прилагались, разделяли симпатии к немцам, а также наличием у резидентуры в Хельсинки достаточно влиятельного и надежного агентурного аппарата, способного оказывать существенное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику этой страны.

Подчеркнем, что в суть столь деликатного поручения резиденту, помимо И.В. Сталина, были посвящены только В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов и А.И. Микоян. Даже начальник внешней разведки П.М. Фитин и советский полпред в Хельсинки В.К. Деревянский не были проинформированы об этой

специальной миссии Ярцева.

В течение почти 2 часов длилась беседа в Кремле. Инструктируя «Кина» лично, И.В. Сталин уполномочил его поставить перед финнами вопрос о заключении пакта о ненападении, взаимопомощи и сотрудничестве с соблюдением принципа неприкосновенности существовавших границ, а также гарантировать им поставки советского вооружения и техники. Для нас было также очень важно договориться с Финляндией о переносе советско-финской границы на Карельском перешейке как можно дальше от Ленинграда, в том числе за счет обмена с финнами неравнозначными (в пользу Хельсинки) территориями.

Нашему резиденту, используя надежные источники, удалось в сжатые сроки довести суть советских предложений до сведения К.Г. Маннергейма. Тот, однако, реагировал на них негативно. В свою очередь, как стало известно от ценного агента в Германии, он тут же проинформировал о «советском демарше» Гитлера.

В рамках выполнения миссии в Хельсинки, получившей кодовое название «Дело 7 апреля», 14 апреля 1938 г. «Кин» добился личной встречи с министром иностранных дел Финляндии Р. Холсти, который был известен нам как здравомыслящий политик. Последний, несмотря на то, что был весьма удивлен нарушением существующего протокола, дал согласие принять «дипломата». Излагая суть дела, Ярцев вначале предусмотрительно обошел территориальные проблемы, акцентировав внимание главы внешнеполитического ведомства на неизбежных тяжелых последствиях для Финляндии в роли поля боя между двумя великими державами в случае реализации планов Гитлера использовать ее как плацдарм для агрессии против СССР. Разведчик также указал Р. Холсти на серьезную возможность прогерманского переворота внутри страны со стороны финских фашистов. При этом он твердо заверил министра в готовности советской стороны предоставить Финляндии всю требующуюся экономическую и военную помощь при полной гарантии немедленного вывода с ее территории советских войск сразу после нейтрализации угрозы немецкой оккупации. Хельсинки были обещаны существенные торговые преференции, в частности, в плане увеличения закупок различной финской продукции, в первую очередь для нужд Ленинграда. Подчеркнув сугубо доверительный характер разговора, «Кин» предложил главе внешнеполитического ведомства продолжить переговоры в том же формате. В случае прояснения готовности Хельсинки оставаться вне войны и противостоять германскому вторжению на свою территорию изъявил готовность вернуться к вопросу о конкретных советских гарантиях по обеспечению

независимости и территориальной неприкосновенности Финляндии.

Министр с интересом воспринял предложения тайного уполномоченного Советского правительства и обещал доложить их президенту страны, обладающему прерогативой определения внешней политики. Прождав безрезультатно два месяца реакции на встречу с Р. Холсти, «Кин» задействовал имевшиеся у него связи в аппарате правительства и сумел попасть на прием к премьер-министру Финляндии А.К. Каяндеру. В июне-июле 1938 г. в атмосфере строгой секретности состоялось две встречи, в ходе которых Ярцев вновь изложил подходы советского руководства к перспективам развития отношений между Москвой и Хельсинки с акцентом на вопросы военной безопасности в свете вероятной германской агрессии. Глава финского правительства, которого в большей степени занимали возможности расширения двусторонних торгово-экономических контактов, поручил все же продолжить неофициальные переговоры с «Кином» исполнявшему обязанности руководителя МИД антисоветски настроенному министру финансов Финляндии В. Таннеру.

По итогам состоявшихся уже в августе пяти конфиденциальных встреч с В. Таннером Ярцев передал министру пакет согласованных с Москвой предложений о взаимных гарантиях на случай войны с гитлеровской Германией. С учетом спекуляций в некоторых политических и общественных кругах, в том числе в СССР, вокруг последней советско-финской войны, приведем некоторые из упомянутых инициатив.

1. Если Финляндия не считает приемлемым секретный военный договор, советская сторона будет удовлетворена письменным обязательством Хельсинки о готовности отразить возможное нападение на нее (проникновение на ее территорию) со стороны Германии и принять для этого соответствующую военную помощь от СССР. Это вовсе не означает ввод войск на территорию Финляндии, а, главным образом, военные поставки и защиту водных рубежей.

2. Москва может согласиться на создание Финляндией укреплений на Аландских островах, если СССР будет участвовать в этом процессе и получит возможность направить своих наблюдателей за строительством и использованием оборонительной инфраструктуры.

3. В свою очередь Советский Союз ожидает согласия финского правительства на размещение на островах в Финском заливе вооружений для защиты Кронштадта и Ленинграда от морского и воздушного нападения.

При выполнении данных условий СССР готов:

а) гарантировать неприкосновенность Финляндии в нынешних границах, в первую очередь ее морских границ;

б) оказать помощь в поставках для Хельсинки вооружений на льготных условиях;

в) заключить выгодное для финской стороны торговое соглашение, касающееся поставок в СССР ее промышленной и сельскохозяйственной продукции.

При передаче Таннеру пакета инициатив было подчеркнуто, что данные предложения носят принципиальный характер и могут быть уточнены либо скорректированы в процессе дальнейших контактов. Однако смысл начинать официальные переговоры появляется лишь в случае принятия этих инициатив финской стороной.

Как справедливо отмечает в своей книге «Сталин и разведка» российский исследователь И.А. Дамаскин, «предложения советского правительства о взаимных гарантиях на случай войны, изложенные чекистом Ярцевым-Рыбкиным, носили довольно четкий характер и не унижали достоинства финнов. Однако переговоры, проходившие с 14 апреля по 7 декабря 1938 года, никаких конкретных практических результатов не принесли. Финны наотрез отказались заключить с СССР пакт о взаимопомощи и не приняли другие наши предложения».

29 августа 1938 г. В. Таннер довел до «Кина» сформулированный премьером Каяндером отрицательный ответ на наши инициативы со ссылкой на то, что якобы их реализация ущемляет суверенитет Финляндии и находится в противоречии с политикой нейтралитета, которой Хельсинки следует вместе со своими скандинавскими соседями.

Но и после этого резидент советской внешней разведки не опустил рук. В надежде найти понимание важности достижения мирных договоренностей для обеих стран, он продолжил контакты с возвратившимся в начале октября из Женевы с заседания Лиги Наций министром иностранных дел Финляндии Р. Холсти. Несмотря на то, что в ходе встреч с руководителем внешнеполитического ведомства Финляндии «стали вырисовываться более четко, чем ранее контуры предлагаемого русскими советско-финляндского военного альянса», с сожалением отмечает, ссылаясь на свидетельства В. Таннера З.И. Рыбкина, «Кин» в итоге получил от главы МИД «исчерпывающий аналитический письменный ответ» о неприемлемости для Финляндии всех пунктов выдвинутых советской стороной предложений.

После ухода в ноябре 1938 г. Р. Холсти в отставку, Ярцев предпринял попытку продолжить обсуждение перспектив

укрепления советско-финляндских отношений с исполнявшим обязанности министра иностранных дел В. Войонмаа. В результате разведчику удалось продвинуть идею делегирования в Москву под предлогом участия в открытии нового здания финского посольства группы ответственных сотрудников МИД Финляндии. Там им предстояло провести политические контакты с представителями Советского правительства. Таким образом, после встречи финских дипломатов с А.И. Микояном переговоры перешли в официальную плоскость. Но, несмотря ни на что, конкретных практических результатов с финнами добиться так и не удалось. Хельсинки категорически отказался заключить пакт о взаимопомощи с Советским Союзом, не приняв при этом ни одного нашего предложения.

Как позже написал в своей книге «Письма с моей мельницы» президент Финляндии У. Кекконен: «Московские переговоры 1939 года не имели успеха не по вине поверенного в делах России в Финляндии господина Ярцева, а вследствие недостатка интереса к этому вопросу со стороны Финляндии».

Все сказанное выше свидетельствует, что финское правительство, невзирая на попытки использования тактики проволочек и избежать выхода на конкретные предложения, пошло на секретные консультации с «Кином». Более того, к августу 1938 г. усилиями резидентуры внешней разведки в Хельсинки даже удалось подвести финнов к предметному обсуждению вопроса о гарантиях сохранения Финляндией нейтралитета в войне Германии против СССР. Состоялся важный процесс обсуждения возможных соглашений, касающихся создания советских военно-морских баз на финских островах в Балтийском море. Хотя Хельсинки и стремился уклоняться под благовидными предлогами от принятия наших предложений по заключению двустороннего военно-политического пакта с СССР о временном использовании советскими войсками части финской территории для отражения гитлеровской агрессии на северо-западном направлении, «Кин» сумел все-таки создать почву для проведения с Финляндией содержательных официальных переговоров.

Советские инициативы, как уже отмечалось, не нашли адекватного понимания со стороны Хельсинки, после чего и последовали военные действия, известные под названием «финской кампании» или «зимней войны». Активно используя возможности внешней разведки и опираясь на добытые ею сведения о готовности части финских политиков к компромиссу, наша страна приложила максимум усилий, чтобы добиться конфиденциального соглашения с Финляндией для обеспечения

безопасности Ленинграда и прилегающего региона СССР. Только давление на Хельсинки со стороны Запада обусловило несговорчивость финнов и завело в тупик ведущиеся переговоры.

Что касается «миссии Ярцева», то она не была отменена и после начала вооруженного конфликта между СССР и Финляндией. Так, после неудачного первого наступления советских войск на Карельском перешейке в январе-феврале 1940 г. «Кин» и его жена — сотрудник внешней разведки З.И. Рыбкина — были командированы в Стокгольм с весьма ответственной задачей — ускорить, используя возможности оперативных источников в Швеции и Финляндии, заключение мирного договора с финнами при посредничестве шведской стороны.

Разведчики сумели достойно справиться с этим важным с военно-стратегической и политической точек зрения заданием. Ведь война с Финляндией вызвала весьма резкую негативную реакцию на Западе: Советский Союз был исключен из Лиги Наций; готовились операции по высадке англо-французского десанта в Скандинавии; планировалась бомбардировка наших нефтепромыслов на Каспии. Германия, в свою очередь, несмотря на декларируемый в тот период нейтралитет, рассчитывала на то, что советские вооруженные силы надолго увязнут в этой войне и будут значительно ослаблены. В данной ситуации, информируя Центр по ходу секретного предварительного согласования условий мирного соглашения, «Кин» отмечал реальную возможность быстрого достижения с финнами мира исключительно в случае нанесения им серьезного поражения, способного сделать дальнейшее затягивание переговоров финской стороной невозможным.

12 марта 1940 г. мирный договор между СССР и Финляндией был подписан. Особую значимость при этом для нас представляла передача Советскому Союзу Карельского перешейка и ряда других территорий, примыкающих к Ладожскому озеру, а также аренда полуострова Ханко для создания там советской военно-морской базы.

При активном участии Б.А. Рыбкина была одержана важная тактическая победа советской разведки и дипломатии. Она позволила нам значительно обезопасить свои рубежи на финском направлении, избежать вовлечения СССР в преддверии кровопролитной войны с Германией в широкомасштабный военный конфликт с западными странами, предотвратить их воздушное нападение на Баку и нефтепромыслы на Каспии. Не менее существенно и то, что заключить мир с финнами удалось буквально накануне начала военных операций Гитлера в

Норвегии и против англо-французского флота в районе Скандинавии. Как яркое свидетельство признания важной роли, которую сыграли в этом деле Б.А. Ярцев и его супруга, можно рассматривать, по нашему мнению, факт награждения «Кина» орденом «Знак Почета», а З.И. Рыбкиной — почетным знаком «Заслуженный работник НКВД».

К несомненным заслугам Б.А. Рыбкина следует отнести и то, что проведенные им конфиденциальные переговоры в Финляндии положили начало практике советско-финляндских доверительных контактов. Практика эта сыграла положительную роль в военный и послевоенный периоды истории двусторонних отношений, в том числе плане выхода в 1944 г. финнов из войны на стороне гитлеровской Германии, а также обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности нашей страны на северо-западном направлении.

У. Кекконен в свое время выразил сожаление по поводу недооценки в Хельсинки рассматриваемых советско-финских неофициальных контактов. В свою очередь бывший посол СССР в Финляндии Ю.С. Дерябин считает Ярцева родоначальником просуществовавших более 50 лет двух линий в советском посольстве в Хельсинки. Первую, по его оценке, представляли «чистые» дипломаты, сотрудники НКИД — МИД, а вторую — чекисты-разведчики, использовавшие для прикрытия должности в дипломатическом представительстве СССР. И если в свое время финны могли ставить возможности Ярцева, о ведомственной принадлежности которого они догадывались, под сомнение, то уже после войны самые видные финские политики охотно шли на контакты с советской разведкой.

Тем не менее, и в период Великой Отечественной войны резидент НКВД в Стокгольме «Кин», и его супруга-разведчица З.И. Рыбкина проводили с доверительными связями в финском правительстве конфиденциальные консультации по вопросам выхода Финляндии из войны и подписания соглашения о перемирии. Напомним, что благодаря общим усилиям, такое Соглашение было подписано между Финляндией, с одной стороны, и СССР с Великобританией, которые действовали от имени стран, находившихся в состоянии войны с Финляндией, с другой, 19 сентября 1944 г. Соглашение стало практически последней точкой в войне Финляндии на стороне Германии против СССР в 1941–1944 гг. Помимо территорий, отошедших к СССР по Договору 1940 г., Финляндия вернула нам область Печенга (Петсамо), которую Россия уступила ей в 1920 г. Вместо полуострова Ханко Советский Союз получил в аренду на 50 лет военно-морскую базу Порккала-Удд, непосредственно вблизи

Хельсинки.

В современной обстановке, когда многие моральные ценности в мире весьма размыты, а нравственные идеалы порушены, не прекращаются попытки фальсификации истории нашей Родины, дегероизация того, что всегда составляло основу любого здорового общества, особую остроту приобретает проблема воспитания молодежи, в том числе молодых чекистов. На первый план выходит в этой связи необходимость крепить у молодых людей способность адекватного восприятия непреходящих для каждого честного человека моральных, нравственных ориентиров. В первом ряду среди них должны стоять, как представляется, такие извечные ценности, как любовь к Отечеству, совесть и честь, верность своему гражданскому долгу. Для этого следует шире обращаться к героическим традициям чекистских органов и их внешней разведки, в первую очередь — богатой подвижническими примерами советской эпохи. Бесспорно, у наших отцов и дедов, ровесников и наследников Феликса Эдмундовича Дзержинского, есть чему поучиться и в области профессионального мастерства, и в плане высоких личных качеств. Пример жизни и деятельности Бориса Аркадьевича Рыбкина — один из достойнейших образцов для подражания в славной истории органов государственной безопасности нашей страны.

Вклад Берии и отечественных органов государственной безопасности в формирование «ядерного паритета» между СССР и США в конце 1930-х — начале 1950-х гг

А.А. Думкин
г. Хабаровск

После окончания Второй мировой войны на геополитической карте мира произошли кардинальные изменения, спровоцировавшие резкий рост напряжения между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, выразившегося в противостоянии между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, которое получило политологическое название «холодная война».

США развернули активную борьбу против СССР и его союзников, стремясь решить спор о лидерстве в новом геополитическом пространстве. Одним из основных средств решения геостратегических задач у американской стороны стало ядерное оружие, а также вынашивались планы по нанесению ядерных ударов и уничтожению главного противника в начавшемся противостоянии — Советского Союза. Вместе с тем, результаты кропотливой и серьёзной работы советских органов государственной безопасности под руководством Л.П. Берии, начатой еще в конце 1930-х гг., поставили под сомнение возможность реализации агрессивных планов США по завоеванию мирового господства в послевоенный период.

В 1939 г. между физиками, оказавшимися после прихода Гитлера к власти в Германии в вынужденной эмиграции, начинается широкий обмен информацией по теоретическим проблемам освоения атома. Это коснулось прежде всего Э. Ферми, бежавшего из Италии в США, английского физика-ядерщика О.Р. Фриша, переехавшего в институт Н. Бора в Копенгагене, французского физика Ж. Кюри, работавшего в Париже, но в последующем также бежавшего от нацистов. С указанного момента вновь восстанавливаемое подразделение научно-технической разведки во главе с Л.Р.

Квасниковым[566] начинает активно отслеживать информацию, связанную с атомными разработками и их возможной перспективой за рубежом[567]. В 1939–1940 гг. по распоряжению наркома внутренних дел Л.П. Берии в советские резидентуры НКВД в Скандинавских государствах, Германии, Англии и США были направлены ориентировки, обязавшие сообщать всю возможную информацию по разработке в этих странах «сверхоружия», бомбы особой мощности или урановых проектов[568].

На физика-ядерщика Р. Оппенгеймера, ведущего разработку атомного оружия в США, отечественные спецслужбы вышли в декабре 1941 г., когда в г. Сан-Франциско состоялась его встреча с советским резидентом Г.М. Хейфецом. Причем, Хейфец поддерживал контакты с последним аккуратно, не пытаясь напрямую проводить вербовочные мероприятия в отношении ученого[569].

Таким же образом, исключительно на добровольной и бескорыстной основе, отечественные разведывательные органы работали с большинством иностранных физиков, занятых в сфере исследования мирного атома. Руководитель советских спецслужб основную часть наиболее ценной агентуры, таких как О.К. Чехова, князь Я.Ф. Радзивил, «кембриджская группа», замкнул исключительно на себя[570].

Л.П. Берия в начале 1940-х гг. начал организовывать сбор информации о возможных перспективах в области изучения строения атома и способах его расщепления, понимая значительный потенциал данных разработок и возможные последствия использования процесса расщепления атома в военных целях. Вместе с тем, в рассматриваемый период силами НКВД СССР проводились мероприятия только по накоплению разведывательной информации о результатах западных исследований.

Так, в 1939 г. стало известно, что американский физик-теоретик А. Эйнштейн обратился с секретным посланием к президенту США Ф. Рузвельту с указанием необходимости немедленного развертывания работ по созданию «нового оружия» в связи с угрозой фашизма. В этот же период советская резидентура СССР в Северной Америке под руководством Г.Б. Овакимяна установила контакты с физиками из лаборатории в Лос-Аламосе и других американских научно-исследовательских центров[571]. С 1938 г., когда из открытой печати постепенно начали исчезать статьи по ядерной физике, советской агентурой постоянно проводились мероприятия по подбору научных работ и закрытых статей для их предоставления ученым.

В начале Великой Отечественной войны приоритеты в работе внешней разведки и иных структур НКВД СССР изменились. Наряду со спецслужбой, советская наука своей первостепенной задачей ставила изучение иных проблем, имеющих прежде всего прикладное практическое значение для обороноспособности страны[572]. 10 июля 1941 г. был образован Научно-технический совет при Государственном Комитете Обороны (ГКО) под председательством С.В. Кафтанова, в который вошли А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, Н.Н. Семенов и другие видные ученые, специалисты самых разных областей и направлений в науке для решения различных проблемных вопросов, не связанных с разработкой атомного оружия, таких как размагничивание кораблей, радиолокация, бронезащита и т. д.[573]

Вместе с тем, НКВД СССР продолжал работу по сбору разведывательной информации по секретным проектам. Л.П. Берия лично контролировал ход данных разработок, и уже в 1941 г. ему были представлены документы, содержащие крайне важную информацию о ходе работ по созданию атомной бомбы в Великобритании[574].

25 сентября 1941 г. советский резидент в Лондоне А.В. Горский, работавший под псевдонимом «Вадим», передал сообщение, полученное им от его агента Д. Маклина, входившего в «Кембриджскую группу». Из полученной информации следовало, что 6 сентября 1941 г. в Лондоне состоялось совещание так называемого «уранового кабинета» под председательством Хенке, по итогам которого был сделан вывод, что урановая бомба может быть создана в течение двух лет с использованием одного из изотопов урана-23. Председатель Вульвичского арсенала С. Фергюсон заявил, что запал бомбы может быть сконструирован в течение нескольких месяцев. Вместе с тем, исследования находились на стадии начальной теоретической проработки, так как важный вопрос расчета критической массы не был решен[575].

3 октября 1941 г. от резидента «Вадим» были получены новые разведывательные данные о докладе военному кабинету Великобритании по результатам работы «уранового кабинета». В указанном докладе, излагался конкретный ход работ по определению критической массы урана, возможных перспективах исследований, а также о выработке 3 килограммов гексафлюордурана английской компанией «Imperial Chemical Industries»[576].

По рассматриваемой проблематике советская разведка, помимо британского направления, активно работала на американском, осуществляя сбор разведывательной информации

по вопросу производства ядерного оружия. По результатам регулярно получаемых разведывательных сообщений из Великобритании, Германии и США в 1941 г. Л.П. Берия внес серьезные коррективы в работу нашей разведывательной сети в Северной Америке[577].

В конце 1941 г. по указанию Л.П. Берии часть американской резидентуры была переориентирована на поиск сведений об атомной бомбе, что в дальнейшем дало практические результаты. Советским резидентом в г. Сан-Франциско Хейфецем и сотрудником отечественных спецслужб Семеновым, имевшим ученую степень после окончания Массачусетского технологического института, были получены важные разведданные о создании в США рабочей группы по атомной проблеме, в которую входили выдающиеся ученые в различных областях, в том числе Нобелевские лауреаты. В декабре 1941 г. резидент Хейфец осуществил встречу с Р. Оппенгеймером и их контакты поддерживались до момента, пока американцы не сконцентрировали всех научных специалистов в Лос-Аламосе[578].

В начале 1942 г. проведённые агентурно-оперативные мероприятия, а также полученные разведывательные данные позволили Л.П. Берии сделать вывод о необходимости составления специальной записки, которая была представлена 10 марта 1942 г. Председателю ГКО СССР И.В. Сталину[579]. В указанном документе руководитель НКВД СССР раскрыл все полученные разведкой данные о разработке ядерного оружия в западных странах, в частности, в Великобритании, Германии и США. В конце записки Л.П. Берия предлагал предпринять незамедлительные меры в важном государственном деле для ликвидации отставания Советского Союза от западных стран, заключавшегося в проработке вопроса о создании научно-совещательного органа при ГКО СССР с целью координирования, изучения и направления работ всех ученых, научно-исследовательских организаций, занимающихся вопросом атомной энергии. Также Л.П. Берия считал необходимым обеспечить секретное ознакомление с материалами внешней разведки по урану ведущих специалистов для получения их оценки и соответствующего использования указанных материалов. С данного момента началась осознанная и целенаправленная работа всего советского государства по решению одной из самых главных стратегических задач СССР в XX в.[580]

20 сентября 1942 г. Государственный комитет обороны отдал распоряжение об организации работ по урану, в котором обязал Академию наук СССР возобновить работы по исследованию

осуществимости использования атомной энергии путём расщепления ядра урана и представить результаты ГКО к 1 апреля 1943 г. 27 ноября 1942 г. ГКО принял постановление «О добыче урана», обязав Народный комиссариат цветной металлургии СССР организовать добычу и переработку урановых руд, а также получение урановых солей в количестве 4 тонн на Табаширском заводе «В» Главредмета к 1 мая 1943 г., а в первом квартале 1943 г. составить комплексный проект уранового предприятия производительностью 10 тонн солей урана в год[581].

С указанного момента Л.П. Берия взял под личный контроль все материалы, касавшиеся атомных разработок, а также добычи материалов, связанных с этой программой. Нарком внутренних дел стал центральным, самым информированным звеном указанной системы. 11 февраля 1943 г. И.В. Сталин подписал постановление правительства «Об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях», а в начале марта 1943 г. по распоряжению руководителя НКВД И.В. Курчатов впервые ознакомился с документами по атомной проблематике, добытыми советской разведкой, в частности с результатами первой в мировой истории цепной ядерной реакции, а также различными техническими формулярами и заданиями по исследованиям в данной сфере, которые проводились западными учёными.

И.В. Курчатов и другие советские учёные получили в свои руки важную информацию, которая позволила сразу же приступить к работе по созданию технологии производства «специального изделия» — ядерного оружия, а не искать методом проб и ошибок те или иные подходы, а также ставить бесконечные эксперименты для создания цепной ядерной реакции. На основании сведений, полученных от советской разведки, в марте 1943 г. И.В. Курчатов сделал вывод, что концентрация всех усилий на плутониевом направлении значительно ускорило всю программу. Необходимо отметить тот факт, что один из самых ценных агентов внешней разведки в Лос-Аламосе К. Фукс работал на указанном направлении[582].

12 апреля 1943 г. в целях выполнения решения ГКО, по непосредственной инициативе наркома внутренних дел, Академией наук СССР было принято секретное постановление о создании специальной лаборатории № 2 под руководством И.В. Курчатова, фактически подчинявшейся СНК. С данного момента в Советском Союзе были начаты официальные работы в области создания атомного оружия, а также сопутствующей индустрии и инфраструктуры[583].

В 1943–1945 гг. кураторство над всеми работами по урану

возлагалось на В.М. Молотова, а Л.П. Берия отвечал за информационное обеспечение физиков, занятых в разработке, сведениями, получаемыми по разведывательным каналам, а также за техническую поддержку и охрану специалистов. Вместе с тем необходимо отметить, что в рассматриваемый период работы по урану не имели характера экстренных мер, исходя из взглядов и решений высшего политического руководства советского государства. В свою очередь, программа, постоянно курируемая Л.П. Берией, обеспечивалась важными сведениями из нескольких разведывательных сетей, имевших выход на источники информации стратегической важности. Все разведывательные донесения с 1944 г. концентрировались в специально созданной группе «С», получившей с 1945 г. статус самостоятельного отдела. С 20 августа 1945 г. постановление ГКО СССР № 3887 обязало Л.П. Берию «принять меры к организации разведывательной работы, проводимой органами разведки НКГБ, Красной Армии и других ведомств»[584].

Объем представляемой в этот период информации от разведки, по существу, даже превышал возможности по их изучению специалистами лаборатории И.В. Курчатова. В 1944 г. поток сообщений из США по ядерной проблеме, прежде всего от Хейфеца, фактически убедил Л.П. Берию в том, что атомная бомба может быть изготовлена в ближайшее время. По личному приказу главы НКВД СССР в западных странах активизируется деятельность нелегальных резидентур для организации дополнительных сетей из агентов близких к физикам, занимавшимся разработкой ядерных программ в США и Великобритании. Также активно начали использоваться легальные каналы по «условной вербовке» агентов влияния, лояльно относящихся к СССР и готовых поделиться интересующей Советский Союз информацией. Фактически на советскую разведку работала вся научная элита того времени: Р. Оппенгеймер, Э. Ферми, Н. Бор и многие другие, проходившие в материалах под названием «ЭНОРМОС»[585].

16 июня 1945 г. на американском полигоне, в 97 км от города Аламогордо, на юге штата Нью-Мексико, было произведено первое испытание ядерного оружия — плутониевой бомбы «Тринити» с мощностью заряда 20 килотонн в тротиловом эквиваленте. Взрыв оказался сильнее, чем ожидали ученые, но ввиду особенностей местности произвел меньший эффект, чем ожидали военные. Советская разведка смогла собрать наиболее полную информацию о проведённых в США испытаниях, а также характеризующие данные ядерного заряда и своевременно доложить руководителю НКВД СССР[586].

Проведённый американской стороной испытательный ядерный взрыв, показавший отставание советских учёных в определенных направлениях, оказался неоспоримым стимулом для разработки атомного оружия в СССР, так как путь в исследованиях был окончательно определен и стало понятно, что данная задача из теоретической перешла в разряд практически решаемых. И.В. Сталин после ознакомления с документами по ядерным испытаниям в США и устройству заряда, полученными от Фукса через агента советской резидентуры в Нью-Йорке Г. Голда, оценил значимость свершившегося события и понял, что урановый проект должен стать первостепенной задачей, которую обязан решить СССР. В связи с этим уже 20 августа 1945 г. ГКО СССР принял постановление № 9887 «О Специальном Комитете при ГКО» для общего руководства осуществлением уранового проекта и надзора за ним в составе: председателя комитета — Л.П. Берии, членов комитета — Г.М. Маленкова, Н.А. Вознесенского, Б.Л. Ванникова, А.П. Завенягина, И.В. Курчатова, П.Л. Капицы, В.А. Махнева, М.Г. Первухина[587].

После принятия дел по руководству проектом в задачи Л.П. Берии входило, прежде всего, обеспечение всех работ различного рода ресурсами: людьми, строительной базой, исходным сырьем, необходимой инфраструктурой и др. Советское правительство возложило на Специальный комитет, помимо задач научного характера, задачи по созданию мощной сырьевой базы по добыче урана в СССР и организации практически с нуля промышленности по его переработке, производству специального оборудования, а также строительству атомных энергетических установок[588].

Накопление достаточного количества урана для проведения как опытных исследований, так и для создания оружейного плутония было проблематичным процессом. К началу интенсификации работ в 1945 г. собственных отечественных запасов было недостаточно, к тому же в СССР отсутствовали значительные запасы тяжелой воды, необходимые для проведения цепной реакции. По словам И.В. Курчатова, советские физики не могли повторить эксперимента Хальбана — Коварского (возможность осуществления цепной реакции в системе уран — тяжелая вода), так как в стране в 1943 г. было всего лишь 2–3 килограмма тяжелой воды. Такая же проблема была и с добычей урана, что ставило сложные задачи перед советским партийно-государственным руководством, а также лично Л.П. Берией[589].

В феврале 1945 г. советской разведкой были получены совершенно секретные немецкие документы, свидетельствовавшие о наличии значительных запасов ураносодержащих руд в районе г. Бухово в Болгарии. На

основании указанной информации на заседании ГКО СССР было вынесено постановление от 27 января 1945 г. № 7408, возлагавшее на Л.П. Берию задачу по организации поиска, разведки и добычи урановых руд в Болгарии, а на В.М. Молотова и НКИД СССР — обеспечение дипломатического согласия болгарского правительства на учреждение советско-болгарского закрытого акционерного общества с преобладанием советского уставного и оборотного капитала. Созданное после переговоров с Г.М. Димитровым общество возглавил кадровый сотрудник внешней разведки И.А. Щорс, имевший образование горного инженера[590].

Американцы пытались помешать советским разработкам, спецслужбами США предпринималась попытка по ликвидации, а также похищению И.А. Щорса. Вместе с тем добыча осуществлялась бесперебойно, и к концу 1945 г. из г. Бухово поступало около 1,5 тонн ураносодержащих руд в неделю. Это было тем более важно, потому что в СССР полным ходом шло строительство первого атомного реактора.

Оценки западных специалистов и специальных служб по количеству уранового сырья в СССР на тот момент были далеки от истины. Так, по оценкам ЦРУ США, сделанным в 1950 г., советская атомная промышленность в 1946–1947 гг. получила от 70 до 110 тонн окиси урана, что было ниже необходимых норм, в то время как в действительности только из г. Бухово поступало примерно 2–2,5 тонны руды в месяц. А ведь в разработке находились и другие месторождения в Польше и СССР[591].

Наиболее продуктивно деятельность Л.П. Берии проявилась в создании советской атомной промышленности. Разведка, сделавшая очень много для осуществления столь масштабного проекта в СССР в кратчайшие сроки, все-таки была второстепенна по отношению к науке. При этом значимость роли Л.П. Берии в качестве главного администратора создания атомной промышленности и научно-технической инфраструктуры совершенно исключительна.

В 1945 г. во время создания Первого главного управления (ПГУ) при СНК СССР, которое возглавлял бывший нарком боеприпасов генерал-полковник Б.Л. Ванников, в Советском Союзе специализированных предприятий не существовало. Исключением являлся завод № 12 в г. Электросталь, с 1944 г. занимавшийся выплавкой металлического урана[592]. Поэтому в августе — сентябре 1945 г. в подчинение ПГУ начинают передаваться стройки будущих ядерных центров и ряд других предприятий обеспечивающего характера.

Очень трудоемкой и многоплановой была проблема создания

научно-исследовательских и опытно-конструкторских институтов, а также спецлабораторий. В ведение ПГУ сразу же были переданы лаборатория № 1, лаборатория № 2, лаборатория № 3, филиал лаборатории № 2. По распоряжению Л.П. Берии НКВД передало в систему ПГУ НИИ-9, впоследствии ставший головным технологическим институтом атомной промышленности.

Над созданием бомбы работало большое количество коллективов ученых-теоретиков из ряда институтов Академии наук СССР. Ответственность за их четкую, бесперебойную и эффективную работу лежала на Л.П. Берии.

25 декабря 1946 г. в лаборатории № 2 впервые в восточной части Евразийского континента была получена цепная ядерная реакция на вступившем в строй опытном урано-графитном реакторе Ф-1 (Физический-1). Руководил и контролировал запуски И.В. Курчатов[593].

По существу, это была этапная точка в создании атомного оружия в СССР, когда окончательно стало ясно, что расщепление атома возможно и вопрос стоял лишь во времени.

Создание атомной промышленности, в особенности в условиях послевоенной экономики, стало важнейшим достижением советского государства, науки и всего населения СССР. Особенности политической системы и устоявшаяся практика командного способа администрирования дали возможность, опираясь на несопоставимо меньший, в сравнении с «Манхэттенским проектом», финансовый потенциал, реализовать одновременно программу создания бомб по нескольким альтернативным направлениям. Разрабатывались проекты ядерного оружия на основе плутония и на основе урана, были построены графитовый и тяжеловодный реакторы, практиковалось газодиффузное и электромагнитное разделение изотопов[594].

Л.П. Берия сумел четко организовать и скооперировать работу огромного коллектива людей, предприятий, наладить взаимосвязь между советской разведкой, учеными, промышленниками, что в последующем позволило решить главную и важную задачу — сэкономить время и не дать США возможность шантажировать, а также открыто угрожать использованием своего ядерного оружия в отношении Советского Союза для установления гегемонии на мировой политической арене.

9 апреля 1946 г., на основании постановления Совета Министров СССР № 805–327, на базе филиала лаборатории № 2 было создано КБ-11 во главе с Ю.Б. Харитоном и П.М. Зерновым с целью изготовления плутониевой ядерной бомбы. Арзамас-16 как

филиал лаборатории разместили в п. Сарове, и по мере приближения к конечной стадии проекта он стал основным центром исследовательских институтов, конструкторских бюро и промышленных предприятий. На данном решающем этапе особенно возрастала значимость разведывательной информации, которую добывали советские органы государственной безопасности.

Еще осенью 1945 г., когда был определён приоритетный путь создания ядерного оружия, сотрудники отдела «С» начали прорабатывать возможности получения важных разведывательных данных от выдающегося физика Н. Бора. Проведение указанной сложной операции Л.П. Берия поручил начальнику Особого бюро при наркоме внутренних дел П.А. Судоплатову и начальнику научно-технической разведки Л.П. Василевскому. В ноябре 1945 г. была проведена «Копенгагенская операция», в ходе которой были организованы встречи советского учёного, кандидата физико-математических наук Я.П. Терлецкого с датским физиком-ядерщиком Н. Бором и получен определённый объём значимой информации об американских разработках атомного оружия[595].

Также благодаря слаженной работе советских спецслужб под руководством Л.П. Берии были получены важные разведывательные данные, добытые в области создания вычислительной техники для теоретического моделирования технологии контролируемого расщепления ядра, а через Чехословакию в СССР были переправлены выдающиеся американские радиоэлектронщики Бар и Соранте, ставшие в будущем инициаторами строительства знаменитого Зеленограда[596].

Указанные результаты работы отечественных разведывательных органов позволили КБ-11 приступить к решению инженерно-технических проблем, связанных со сборкой бомбы нового типа, и 5 августа 1949 г. на заводе «В», построенном Главпромстроем НКВД — МВД СССР, изготовить первую в Советском Союзе ядерную бомбу с плутонием под наименованием РДС-1. 29 августа 1949 г. на Семипалатинском полигоне были проведены испытания первой советской атомной бомбы РДС-1 мощностью 22 килотонны в тротиловом эквиваленте. Затем впервые в мировой истории 12 августа 1953 г. СССР были проведены испытания термоядерного оружия[597].

В связи с данными событиями пришедшая к власти в 1953 г. в США администрация Д. Эйзенхауэра перенесла акцент во внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов и их союзников по НАТО в отношении СССР на борьбу в области идеологии и политики при сохранении вспомогательной роли

агрессивных военных методов ведения борьбы (стратегия «гибкого реагирования», концепция «передовой обороны»), что в свою очередь оказало серьёзное влияние на характер и ход советско-американского противостояния в ходе «холодной войны»[598].

Сразу после окончания Второй мировой войны различные лица американского военно-политического истеблишмента транслировали основной смысл геостратегических планов США по завоеванию мирового господства и ликвидации «социалистического лагеря» в лице СССР, а также его союзников: 12 сентября 1946 г. национальный командор «Американского легиона»[599] Д. Стил, произнося речь в Нью-Орлеане, заявил о необходимости сброса атомной бомбы на столицу Советского Союза — Москву и «… припасти еще одну для Тито…»[600]; в 1948 г. генерал Д. Дулиттл высказал предложение о необходимости сброса атомных бомб на русские промышленные центры; в 1949 г. военно-морской министр США Ф. Мэтьюз заявил: «Мы должны во весь голос провозгласить нашей безусловной целью всеобщий мир. А чтобы добиться его, мы должны быть готовы… заплатить за такой мир любую цену, добиться его даже ценой войны… Такая политика обеспечения мира, хотя наша истинная демократия при этом предстанет в новой роли — инициатора агрессивной войны, дарует нам гордое и популярное звание — мы станем первыми агрессорами в интересах мира»; руководитель «манхэттенского проекта» Л. Гровз предлагал уничтожить с помощью атомного оружия любую страну, которая будет развивать свою, независимую от США, атомную программу, а руководитель Колледжа ВВС генерал О. Андерсон в ходе занятий давал детальное изложение планов победоносной атомной войны против Советского Союза[601].

После появления атомной бомбы, а позже термоядерного оружия у СССР американские государственные деятели и политики стали понимать, что превосходство Соединенных Штатов над Советским Союзом в вопросе ядерного вооружения и его использования уже несостоятельно. Так, в 1957 г. известный и влиятельный государственный деятель Соединенных Штатов Г.А. Киссинджер заключил, что американская атомная монополия имела в лучшем случае сдерживающее воздействие и коренному изменению равновесия сил в пользу США не способствовала. Г.А. Киссинджер также заявил, что значение американского атомного превосходства как сдерживающего фактора «крайне сомнительно»[602].

Подводя итог, необходимо отметить, что Л.П. Берия и руководимые им органы государственной безопасности внесли

значительный вклад в создание в Советском Союзе крупного опытно-научного и промышленного комплекса, целой атомной индустрии, явившейся фундаментом нынешнего российского атомного энергетического комплекса. Благодаря качественной и разносторонней работе отечественных спецслужб СССР удалось создать ядерное оружие, что в дальнейшем оказало серьёзное влияние на кардинальное изменение характера советско-американского противостояния во второй половине XX в.

Деятельность советских органов государственной безопасности по защите общественно-политического строя СССР в новейшей историографии (2010–2021 гг.)

А.В. Мерзанова
г. Москва

Обеспечение защиты общественно-политического строя, наряду с разведывательной и контрразведывательной деятельностью, является одним из основных направлений деятельности органов государственной безопасности. В связи с этим особую значимость приобретает преодоление негативного отношения значительной части российской общественности (в том числе и представителей профессионального исторического сообщества) к деятельности органов КГБ при Совете Министров СССР (с 5 июля 1978 г. — КГБ СССР, далее — КГБ). Исторические мифы и клише, заложенные представителями перестроечной и постперестроечной историографии, в большей степени характерны для оценки деятельности 5-го Управления (среди них «ресталинизация», «репрессии», «карательная психиатрия», «повсеместная цензура», «подавление прав и свобод», «незаконные притеснения диссидентов»). Значительную трудность создаёт и отсутствие единого подхода к трактовке данных явлений в ведомственной историографии.

При этом формирование объективной научной оценки деятельности органов КГБ необходимо, в том числе, для преодоления попыток дискредитации советских спецслужб и проецирования данного отношения общественности на современность.

Историография деятельности органов КГБ по защите общественно-политического строя СССР (как ведомственная, так и открытая) представлена тремя направлениями исследований: апологетическим, критическим и объективно-реалистическим.

Апологетическое направление характеризуется выявлением исключительно положительных характеристик в работе советских органов государственной безопасности.

Так, в 2011 г. опубликована книга А.И. Зуева «Спасти и сохранить». Автором отмечена положительная роль 5-го

Управления КГБ в обеспечении безопасности Олимпиады-1980: от подготовки до непосредственной реализации (создание в управлении 11-го отдела для координации работы по линии КГБ, в который поступала информация от всех подразделений)[603].

Представители критического направления, напротив, отмечают в деятельности органов КГБ лишь отрицательные составляющие.

В монографии А.Г. Сизенко «Всё о спецслужбах России и СССР» охарактеризованы обстоятельства создания 5-го Управления и его структура. Исследователем критически оценены «руководящая роль» Ю.В. Андропова в преследованиях диссидентов, и, в особенности, А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына, а также использование «карательной психиатрии».

В 2010 г. этим автором опубликована энциклопедия «Спецслужбы России и СССР. От Приказа тайных дел до наших дней», в которой повторена часть рассмотренной монографии. Данное издание отличается наличием ряда ошибок в изложении фактического материала. В качестве наиболее яркого примера приведём упоминание о фильме «Двенадцать (так в тексте — А.М.) мгновений весны». Бездоказательным осталось и утверждение автора о том, что Л.И. Брежнев являлся марионеткой в руках Ю.В. Андропова и КГБ[604].

В 2011 г. вышла в свет монография А.И. Лушина «Советское государство и оппозиция в середине 1950–1980-х годов». Рассмотрев дихотомию «советское государство — оппозиция», автор отметил, что любое проявление критики оценивалось государственными органами как покушение на политическую систему, тем самым свёртывались ростки партийной демократии внутри самой КПСС. По мнению исследователя, причиной использования «карательной психиатрии» в борьбе с инакомыслящими являлось пренебрежение советского государства к правам личности[605].

В 2011 г. опубликована монография Л.А. Королёвой и А.А. Королёва «Власть и диссидентство в СССР. 1950–1980-е гг.: итоги и уроки». Исходя из тезиса об инакомыслии как неотъемлемом атрибуте любого социума, авторы отметили, что «узаконенное диссидентство», как и власть, являются равноценными составляющими развитого демократического общества. По мнению исследователей, большинство диссидентов вовсе не являлись антисоветчиками. Авторами выделены следующие направления государственной политики в отношении диссидентов: прямое силовое воздействие и использование идеологических средств для создания необходимого общественного мнения в плане дискредитации оппозиционного

движения. Отмечено, что для работы с инакомыслящими в структуре КГБ были созданы «специальные подразделения», а насильственное помещение в психиатрические больницы как мера наказания получило широкое распространение. По мнению авторов, психбольницы специального (т. е. тюремного) типа формально находились в ведении МВД СССР, а фактически — в подчинении 5-го Управления КГБ. Отрицательно авторы оценили профилактическую работу КГБ СССР, охарактеризовав её лишь как менее радикальное средство в карательной практике советского руководства, а предоставление диссидентам права на выезд за границу (члену Комитета защиты прав человека В.Н. Чалидзе — для чтения лекций в США на 3 месяца, Ж.А. Медведеву — для научной работы в Англию на 1 год) — как заигрывание с оппозицией. Главной заслугой диссидентов авторы считают признание властью самого факта существования инакомыслия в советском обществе. Противоречивы выводы исследователей о значении диссидентского движения. С одной стороны, они утверждали, что развал СССР вряд ли следует считать заслугой диссидентов, а с другой — что они внесли свой вклад в разрушение Советского Союза.

Аналогичные выводы изложены Л.А. Королёвой и А.А. Королёвым и в другом их совместном научном труде «Оппозиционное движение в СССР. 1940–1980 гг.: обзор историографии и источников»[606].

В 2011 г. вышла в свет книга А. Солдатова и И. Бороган «Новое дворянство: Очерки истории ФСБ». Авторами отмечено, что кампания по улучшению имиджа спецслужб, предпринятая В.В. Путиным, началась с личности Ю.В. Андропова. Исследователи весьма критично отнеслись к биографии Ю.В. Андропова, охарактеризовав его как жёсткого и беспощадного руководителя КГБ в течение 19 (так тексте — А.М.) лет, организатора красного террора, одержимого борьбой с диссидентским движением. Особой критике авторы подвергли деятельность 5-го Управления КГБ, сделав акцент на применении «карательной психиатрии». Критически исследователи оценили работы О.М. Хлобустова, охарактеризовав утверждение исследователя о наличии внешних врагов России как очередной миф отечественных спецслужб[607].

В статье А.С. Смыкалина «Идеологический контроль и Пятое управление КГБ СССР в 1967–1989 гг.» деятельность управления оценена как «последняя попытка советского строя методами тоталитаризма сохранить уже разваливающееся государство». Исследователем охарактеризована структура управления и указано на «репрессивные мероприятия» (в том числе

«карательную психиатрию»), применявшиеся для реализации данной цели[608].

В 2012 г. опубликована монография Р.А. Медведева «Андропов». Направления работы 5-го Управления охарактеризованы автором как «карательная деятельность в области идеологии и религии, культуры и искусства, исторических исследований или политических взглядов», характерная только для авторитарных и идеологически окрашенных режимов. Исследователем высказан тезис о применении органами КГБ «карательной психиатрии», а также о прямой ответственности Ю.В. Андропова за борьбу с «оппозицией»[609].

В 2013 г. вышла в свет статья Е.Г. Серебряковой «От «шестидесятничества» к «диссидентству»: несколько слов об эволюции явления». Создание в 1967 г. в КГБ специального управления «по борьбе с идеологическими диверсиями» (так Е.Г. Серебрякова назвала 5-е Управление. — А.М.), привело, по мнению исследователя, к окончательной политизации борьбы власти с нонконформистами и массированному характеру преследования диссидентов. Профессионализацию диссидентской деятельности исследователь охарактеризовала как вынужденную меру.

Руководствуясь мнением А.И. Солженицына и А. Альмарика, Е.Г. Серебрякова сделала вывод об убеждённости диссидентов в бесперспективности социализма как такового и необходимости разрушения системы.

Исследователь отметила и недостатки в деятельности диссидентов, а именно их профессиональную деформацию. Социальная функция (диссидент), по её мнению, подавила личностное начало, привела к стандартизированному мышлению и искажению художественной реальности в создаваемых ими работах. В завершении автор привела слова В. Лакшина А.И. Солженицыну: «Вы делаете ошибку, если думаете, что говорите всякий раз как бы от лица Истории. Не уверен, что она во всём согласится с Вами». Е.Г. Серебрякова пришла к следующему выводу о диссидентах: «Безусловно незаурядные личности, стойкие и мужественные, умевшие взять на себя ответственность за судьбу страны, они попали в капкан историзма: абсолютизировали историю в своей жизни и собственную роль в истории»[610].

В 2014 г. издана книга С.Н. Семанова «Секретная миссия Андропова», дублировавшая содержание более раннего произведения — «Андропов. Семь тайн генсека». 5-е Управление охарактеризовано автором как «стержень КГБ и его неприглядный

фасад, за которым действительно полезная работа оперативников из остальных подразделений была просто не видна», а начальник 5-го Управления Ф.Д. Бобков, как «истинный генерал Дубельт, только не в голубом жандармском, а в советском мундире», «матёрый и совершенно беспринципный иезуит». Л.И. Брежнева исследователь считал «марионеткой» в руках Ю.В. Андропова, а органы КГБ — бесконтрольными, «стоявшими над правительством и партией»[611].

В книге В.В. Большакова «Диссиденты против пятой колонны. Беседы о роли интеллигенции в судьбе современной России» критически оценено создание 5-го Управления КГБ (ошибочно указав при этом, что к моменту создания его возглавил с генералом Бобковым). Всю деятельность 5-го Управления он охарактеризовал как активное выявление «преступномыслящих» и помещение их в психбольницы, тюрьмы и реже — выдворении за границу. При этом автор критически оценил и деятельность диссидентов, в частности, отметив антисоветскую деятельность Е.Г. Боннэр, в т. ч. вовлечение в неё А.Д. Сахарова. Исследователь пришёл к выводу о пользе инакомыслия для государства лишь «в малых дозах»[612].

В 2017 г. вышла в свет книга Л. Млечина «Андропов». Выводы автора идентичны ранее опубликованным в работах «КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы» и «Юрий Андропов. Последняя надежда режима». По его мнению, 5-е Управление занималось «мелкой полицейской работой», «доносами» в ЦК КПСС, использовало методы «карательной психиатрии» и сознательно укрепляло эмигрантские организации (в частности, Народно-трудовой союз) агентурой, чтобы обеспечить искусственное раздувание штатов[613].

Объективно-реалистическое направление характеризуется комплексным подходом к оценке деятельности органов КГБ по защите общественно-политического строя СССР и выявлением как положительных, так и отрицательных характеристик в их работе.

Так, в 2013 г. опубликованы тезисы выступления В.С. Христофорова «Советские спецслужбы в истории международных отношений XX века» на международной научно-практической конференции Российского государственного гуманитарного университета «Университетский потенциал исторического образования в контексте современной модернизации». Ученый отметил, что важным направлением деятельности органов государственной безопасности оставалась борьба по пресечению деятельности советских граждан, которые квалифицировались как «антисоветские элементы» за высказывание ими критических суждений и взглядов о советской власти. Исследователь указал,

что к концу 1980-х гг. работа КГБ по линии борьбы с идеологической диверсией стала подвергаться резкой критике в СМИ и со стороны ряда общественно-политических организаций, вследствие чего 5-е Управление КГБ было преобразовано в Управление по защите советского конституционного строя, деятельность которого, в основном, заключалась в информировании руководства СССР и КГБ о происходивших в стране и советском обществе процессах[614].

В 2018 г. в монографии О.М. Хлобустова «История службы государственной безопасности» охарактеризованы обстоятельства создания 5-го Управления КГБ и его структура. Исследователем сделан вывод, что, несмотря на деятельность управления, органы КПСС устранились от контрпропагандистского противодействия идеологическим диверсиям зарубежных идеологических центров[615].

Деятельность Управления КГБ СССР по г. Москве и Московской области изучена в монографии О.М. Хлобустова и Ю.Л. Левшина «История столичного управления КГБ СССР. «Мы отвечали за всё…»». Авторами дана комплексная характеристика основных направлений деятельности Управления, в том числе по «пятой линии». В ходе исследования авторы пришли к выводу, что одной из функций 5-й службы Управления являлось ограждение различных социальных групп населения от акций идеологических диверсий зарубежных спецслужб и антисоветских организаций[616].

Подводя итог развитию историографии в 2010–2021 гг. и её месту в постсоветской историографии в целом, можно сделать следующие основные выводы.

Преобладающим в современной отечественной историографии является критическое направление, в котором сохранились характерные черты, заложенные в 1992–2009 гг., а именно отсутствие критики исторических источников и ошибки в изложении фактического материала. В историографии преобладает точка зрения о диссидентском движении, как движении протестном. Несмотря на проведённые изыскания, дискуссионными остаются следующие вопросы: понятие «диссидентство», мотивы участников диссидентского движения, применение «карательной психиатрии» и т. д.

Вместе с тем, отмечается тенденция к уменьшению количества принципиально новых исследований (многократные издания под разными названиями монографий одного содержания; переиздания работ, опубликованных ранее). Отсутствие новых идей, на наш взгляд, свидетельствует о начале этапа стагнации в развитии критического направления. Данное

обстоятельство подтверждает возрастающую актуальность объективно-реалистического изучения деятельности органов КГБ по защите общественно-политического строя СССР в 1967–1991 гг.

Новые тенденции в развитии апологетического и объективно-реалистического направлений в указанный период отсутствуют.

Примечательно, что источниковая база большинства исследований по объективным причинам не представлена архивами органов государственной безопасности, что позволяет утверждать: история деятельности органов КГБ по защите общественно-политического строя СССР в 1967–1991 гг. до сих пор не получила комплексной академической оценки, основанной на совокупности всех исторических источников.

notes

Примечания

1

Звягинцев Е.А. Провокаторы и подстрекатели. М.: Типография Т-ва «ЗАДРУГА», 1917; *Павлов П.* Агенты, жандармы, палачи. Петроград: Издательство «Былое». 1922; *Кон Ф.* В лапах охранки и суда. М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1932.

Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. М.: «ИнКА», 1992; *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

3

Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / Пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.

4

Дело о совершенном 1-го марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в бозе почивший Император Александр Николаевич. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Ковицкого. 1881; Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. М.: Издательство «Революционный социализм», 1918.

5

Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. М.: Книгоиздательство «Русская мысль», 1912; Боевая группа при ЦК РСДРП(б) (1905–1907). Статьи и воспоминания. / Сост. Познер С.М. Москва — Ленинград: Государственное издательство, 1927; *Ткачев П.Н.* Ораторы-бунтовщики перед русской революцией. На тему: необходимо приступить немедленно к тайной организации, без которой немыслима политическая борьба: [сборник статей из журнала «Набат» за 1875–1879 гг.]. Geneve, [1880].

6

Народная расправа, № 1, 3 марта 1869 г. // Историко-революционная хрестоматия. Т. 1. М.: «Новая Москва», 1923.

7

Памятная книжка социалиста — революционера. Вып. II. Париж, 1914. С. 6.

8

Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 т. Т. 1. 1883–1916 гг. М.: РОССПЭН. С. 90.

Там же. С. 41, 42, 43.

Бакатин В.В. Избавление от КГБ. М.: «Новости», 1992; *Альбатц Е.* Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ. М.: Русслит, 1992.

11

Солдатов А., Бороган И. Новое дворянство. Очерки истории ФСБ. М.: Юнайтед Пресс, 2011.

12

Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. Воспоминания. Париж. Издание автора.1930. С. 10.

13

По этому поводу, выступая 2 марта 1909 г. перед Государственной Думой, премьер-министр — министр внутренних дел П.А. Столыпин, говорил: «Тут в предыдущих речах все время повторялись слова «провокатор», «провокация», и вот, чтобы в дальнейшем не было никаких недоразумений, я должен теперь же выяснить, насколько различное понимание может быть придано этим понятиям. По революционной терминологии всякое лицо, доставляющее сведения правительству, есть провокатор… Это прием не бессознательный, это прием для революции весьма выгодный… Правительство должно совершенно открыто заявить, что оно считает провокатором только такое лицо, которое само принимает на себя инициативу преступления, вовлекая в это преступление третьих лиц, которые вступили на этот путь по побуждению агента-провокатора. Таким образом, агент полиции, который проник в революционную организацию и дает сведения полиции, или революционер, осведомляющий Правительство или полицию, еще не может считаться провокатором». — Сборник речей П.А. Столыпина, произнесенных на заседаниях Государственного совета и Государственной Думы (1906–1911). СПб.: Изд. В.В. Логачева, 1911. С. 77.

14

Государственные преступления в России. Сборник / под ред. Базилевского Б. Т. 3. (Процесс 193-х). СПб.: Типолитография «Энергия». 1906.

15

Суд над цареубийцами. Судебное дело о злодейском убийстве 1 марта 1881 года Государя императора Александра Николаевича (полное извлечение из Правительственного вестника). М.: Типография М.Н. Лаврова. 1881.

16

Мотивы принятия такого решения один из присяжных заседателей раскрыл в письме в III отделение Собственной канцелярии российского императора: «Ввиду нелепых толков о причине оправдания Засулич имею честь объявить, что мы, присяжные, при всем негодовании к злодеянию, вынуждены были оправдать ее: 1) из чувства самосохранения и 2) чтобы избавить правительство от скандала несравненного большего, который вследствие слабости полиции непременно последовал бы за обвинительным приговором. Дело в том, что, еще пробираясь в суд к разбирательству дела, утром, мы не только видели огромную толпу разъяренных негодяев, которая собралась, очевидно, с весьма недвусмысленными намерениями у всех выходов из суда, но и могли слышать весьма выразительные угрозы и посулы. Очевидно, у этой толпы был уже составлен план действий.

Если бы мы обвинили Засулич, то не только весьма вероятно, что некоторые из нас были бы перебиты у самого порога суда, но, наверное, были бы убиты прокурор, председатель, а также, может быть, и некоторые знатные посетители суда, как, например, Государственный канцлер. Прежде чем успели бы собрать достаточный караул, толпа негодяев, вооруженная револьверами, успела бы наделать сотню злодейств» — Записки по истории революционного движения в России (до 1913 года) / Сост. Отдельного корпуса жандармов подполковник Рожанов. СПб.: Типография Штаба Отдельного корпуса жандармов. 1913. С. 120–121.

17

Сборник статей В.И. Засулич. Т. 1. СПб.: Издание «Библиотеки для всех» О. Н. Рутенберг; Сборник статей В.И. Засулич. Т. 2. СПб.: Издание «Библиотеки для всех» О. Н. Рутенберг.

18

Балабанов М. Очерк истории революционного движения в России. Ленинград: «Прибой». 1929.

19

Бонч-Бруевич В. Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии. М.: «Жизнь и знание», 1924.

20

Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений / под ред. Базилевского Б. Т. 1 (1825–1876 год). СПб. «Русская скоропечатня». 1906. С. 252.

21

Там же. С. 183

Революционеры и либералы России / Отв. ред. Б.С. Итенберг. М.: Наука, 1990; *Цилиакус К.* Возникновение и развитие революционного движения в России /Перевод с немецкого К. Жихаревой. СПб.: Издание В.И. Яковенко. 1906; Петрашевцы в воспоминаниях современников. Сборник материалов /Сост. П.Е. Щеголев. Москва-Ленинград. Государственное издательство. 1926; *Сафронова Ю.* Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1880 годы. М.: Новое литературное обозрение. 2014.

23

Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. статей / под ред. Д.Б. Павлова. М.: РОССПЭН, 2010; Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МДФ. 1999.

Заварзин П.П. Указ. соч. С. 8.

25

Член Президиума ВЧК М. Лацис так писал о законности в деятельности Комиссии:

«Чрезвычайная комиссия — это не следственная комиссия и не суд. И не трибунал. Это — орган боевой… Он врага не судит, а разит. Не милует, а испепеляет всякого, кто с оружием в руках по ту сторону баррикад и кто ничем не может быть использован для нас…

Это — боевой орган партии будущего, партии коммунистической…

Она только устанавливает вредность или безвредность данного лица для Советской власти и сообразно этому или уничтожает, или изолирует от общества, обезвреживая его этим…». — *Лацис (Судрабс)*. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М.: Государственное издательство. 1921. С. 8.

26

Участник революции З.Я. Литвин-Седой рассказывал: «При штабе была группа, осуществлявшая карательные меры. Мы ее называли «политическое розыскное управление». Она проводила обыски и аресты… Помню, как нашими «управленцами» был доставлен связанным начальник сыскного отделения Войлошников… По решению штаба он был расстрелян розыскной группой… Был у нас и суд. Он судил предателей, провокаторов, а приговоры приводили в исполнение члены штаба». — *Эренфельд Б.* Тяжелый фронт. Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М.: Политиздат. 1983. С. 93.

27

Боевая группа при ЦК РСДРП(б) (1905–1907). Статьи и воспоминания. / Сост. Познер С.М. Москва — Ленинград: Государственное издательство. 1927. С. 11.

Федоров Б.Д. Как защищалось самодержавие. М.: ЗАДРУГА. 1917; Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. Сборник документов / Под ред. А.К. Дрезена. М.: Государственное социально-экономическое издательство. 1936.

29

Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. VII / Журналы заседаний Временного правительства: Март — октябрь 1917 года. В 4 т. Т. 1. Март — апрель 1917 года / Отв. ред. тома Б.Ф. Додонов. Сост. Е.Д. Гринько и О.В. Лавинская. М.: «Российская политическая энциклопедия». 2001. С. 24.

Там же. С. 66.

Заварзин П.П. Указ. соч. С. 251–252.

32

Статья 58.13 главы «Контрреволюционные преступления» УК РСФСР в редакции 1927 года гласила: «Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны».

К обеим категориям применялись «высшая мера социальной защиты — расстрел или объявление врагов трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества».

Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М.: «Крафт + ». С. 114–116.

Схетына: высказывание об освобождении Освенцима правдиво // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20150129/1044879318.html (дата обращения 01.11.2021).

35

О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы / резолюция Европейского Парламента от 19.09.2019 г. № 2019/2819 (RSP). URL:. eu (дата обращения: 01.11.2021).

См. подробнее: *Пожаров А.И.* История отечественных спецслужб: взаимосвязь науки и политики // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности / науч. ред. К.Ф. Белоусов: мат-лы VI международ. науч. конф. (Петрозаводск, 01–03 июня 2015 г.). Петрозаводск: ПетерГУ, 2016. С. 229–234; *Его же.* Юбилей органов безопасности в осмыслении прошлого // Исторические чтения «Гороховая, 2». Политическая история России: прошлое и современность. Вып. XVI. СПб.: Любавич, 2018. С. 7–18.

Петров Н.В. // URL: http://www.wikipedia.org (дата обращения: 01.11.2021).

38

См., например: Млечин Л.М. История внешней разведки. Карьеры и судьбы. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008.

Бортников А.В. ФСБ расставляет акценты // Российская газета. 2017. 19 декабря.

Макаренко К.В., Павлов В.В. Историки в едином строю // Вестник границы России. 2021. № 6. С.12–15.

41

Глинка Ф.Н. Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 г. // Сын Отечества. СПб., 1816. Ч. 27. Кн. 4. С. 159.

42

Высочайший приказ по военному ведомству 9 июля 1907 г.; *Коновалов*. Справочная книжка для гг. офицеров пограничной стражи. Ч. 1: Постановления по инспекторской части. СПб., 1910. С. 3

43

Досуги Заамурца. 1905. № 2, 22

Пограничная служба России: Энциклопедия. Биографии / Г.Н. Симаков, К.Н. Маслов, В.В. Терещенко и др. М.: Ассоциация «Военная книга», Кучково поле, ПНИЦ ФСБ России, 2008. С.405–406.

Там же. С.392–393.

Правда. 1941. 28 августа.

Чебаненко В.Е., Шубенко В.М. Овеянные славой имена: Учебное пособие. М.: МВИ ФПС России, 2001. С. 81.

Пограничная служба России: Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы / Г.Н. Симаков, К.Н. Маслов, В.В. Терещенко и др. М.: Ассоциация «Военная книга», Кучково поле, ПНИЦ ФСБ России, 2009. С. 500.

49

Пограничная служба России: Энциклопедия. Биографии. С. 397–398.

Иванчишин П.А. Героями не рождаются. М.: Граница, 2009. С.49–51.

51

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1969 г.

52

На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т. 3. М.: Граница, 2000. С. 417.

53

Пограничная служба России: Энциклопедия. Биографии. С. 447.

Давыдов В.М. 30 лет доблести. М., 2011. С. 203.

Чебаненко В.Е., Шубенко В.М. Указ. соч. С. 5.

Хлобустов О.М. Государственная безопасность от Александра I до Путина: 200 лет тайной войны. М.: Эксмо, 2005.

57

Записки о причинах происхождения подпольного революционного движения в России. С. 4–5.

Там же. С. 81.

Подробнее об этом: *Овченко Ю.Ф.* Безопасность империи: политический розыск — средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880–1917 гг. М.: «Техинформ», 2012; *Его же.* Политический розыск — средство обеспечения безопасности российского самодержавия. 1880–1917 гг. М., 2013; *Колотков М.Б., Лоскутов С.М.* Антитеррористическая политика Российской империи: историко-правовое исследование. М.: «Юрлитинформ», 2020.

60

Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 14. Л. 10–12, 49–51, 68–70, 109–112; Д. 46. Л. 1–3, 11–12, 24–32, 45, 74.

61

Там же. Д. 14. Л. 61–62.

Там же. Д. 34. Л. 470; Д. 6. Л. 1–2, 14–17, 56–58.

63

Там же. Д. 15. Л. 62–64.

Там же. Л. 127, 382.

Там же. Д. 19. Л. 1–6, 32–44, 46–60.

Там же. Л. 61.

Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М.: Крон-Пресс, 1997. С. 32.

ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 19. Л. 249–255.

Там же. Л. 373, 377.

Там же. Л. 444.

Там же. Л. 149, 216-216об, 351, 375, 428, 470.

Там же. Л. 78.

Там же. Л. 130-131об.

Там же. Л. 467.

Там же. Д. 34. Л. 99.

Подробнее об этом: *Логинов А.И.* Выбракованная секретная агентура Департамента полиции (1905–1911) // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Кн. 4. М.: «Алгоритм», 2020. С. 43–91.

Подробнее об этом: *Логинов А.И.* Департамент полиции против религиозно-политического сепаратизма и революционного движения в Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Лубянские чтения–2020. Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности. Сборник материалов XXIV научно-теоретической конференции, 27 ноября 2020 г. М.: «Родина», 2021. С. 24–37.

Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. С. 585.

79

Русский таможенный ключ для путешественников. СПб., 1905. С. 68.

Таможенный устав // Свод законов Российской империи. Т. XIV. Ч. I. СПб., 1904. Ст. 275.

81

Минцлов С.Р. В таможенном мире. Трапезонд, 1917. С. 35, 37.

Марков Л.Н. Очерки по истории таможенной службы. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987. С. 61.

83

Сборник циркуляров по Департаменту таможенных сборов. СПб., 1896.

84

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 4888. Оп. 1. Д. 17. Л. 25.

Корнилов Г.Д. Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX — начале XX вв. Л., 1971. С. 201–202.

РГВИА. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 17. Л. 41 об.

Там же. Л.141 об.

Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004; *Спиридович А.И.* Революционное движение в России. Вып. 2. Петроград, 1916; *Николаевский Б.И.* История одного предателя. М., 1991; *Бурцев В.Л.* Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. СПб., 2012.

Гейфман А.А. В сетях террора. Дело Азефа и русская революция. М., 2002; *Прайсман Л.Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001; *Тарасов М.Г., Евстратчик А.А.* Е.Ф. Азеф: агент или провокатор? // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 3 (29); *Варфоломеев Ю.В.* Евно Азеф: провокация и террор (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 4 и др.

Архипов И.Л. «Дело Лопухина»: «Необычайно яркий материал для оценки влияния политики на дело правосудия…» // Звезда. 2014. № 9.

Медведева Н.Н. А.А. Лопухин в Минусинской ссылке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6.

Хутарев-Гарнишевский В.В. Материалы предварительного следствия Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по делу Азефа // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 1 (20).

93

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 22. Д. 295. Л. 14.

Там же. Л. 9.

Там же. Л. 47.

Там же. Л. 54, 58, 103.

Там же. Л. 62, 64.

Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905. СПб., 2020. С. 100.

Подробнее об этом: *Перегудова З.И.* Политический сыск России. 1880–1917. М., 2013.

Ульянова Л.В. Указ. соч. С. 101.

101

Дон Кихот политического сыска. А.А. Лопухин: сборник документов. Авт. вступ. ст. и сост. Лурье Ф. М. СПб., 2009. С. 42.

102

Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923. С. 71–72.

103

Там же. С. 74.

Подробнее об этом: *Медведев С.В.* Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. М., 2018. С. 268–271.

105

Дон Кихот политического сыска. А.А. Лопухин: сборник документов. СПб., 2009. С. 43.

106

Логинов А.И. Департамент полиции против религиозно-политического сепаратизма и революционного движения Российской империи в конце XIX-начале XX в. // Лубянские чтения — 2020. Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности. Сборник материалов XXIV научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 27 ноября 2020 г. М., 2021. С. 27.

107

Дон Кихот политического сыска. С. 78.

Лопухин А.А. Указ. соч. С. 96.

109

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 235. Д. 1285. Л. 2.

Там же. Оп. 22. Д. 295. Л. 163.

111

Там же. Оп. 145. 5 д-во. Д. 920. Л. 3.

Там же. Л. 9.

113

Там же. Л. 17.

Там же. Л. 31.

115

Там же. Л. 38.

Медведева Н.Н. Указ. соч. С. 22.

117

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 22. Д. 295. Л. 101.

Троцкий Л.Д. Негодяй // Троцкий Л. Сочинения. Т. 8. М.-Л., 1926.

119

ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 704. Л. 2, 4.

120

«Общество русской государственной карты» было создано с целью «нарисовать» русскому народу и правящей элите будущую карту России и обосновать исторически, географически и этнографически ее возможные границы после окончания Первой мировой войны.

121

Цит. по: *Иванов А.А.* В.М. Пуришкевич и «Общество русской государственной правды» // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1(5). С.158–163.

122

ГАРФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

123

Позже, когда в революционном трибунале слушалось дело В.М. Пуришкевича и других, обвиняемых в организации монархического заговора, Пуришкевич заявил, что «накануне ареста к нему явился прапорщик Зеленский с жалобой на красногвардейцев, которые будто бы отняли у него деньги, оружие и платье. Пуришкевич дал Зеленскому одежду, револьвер и 500 рублей. Он ушел и на другой день предал всех».

124

ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 277. Л. 1–3.

125

Цит. по: Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 170–171.

Петерс Я.Х. Воспоминания. М., 1988. С. 213.

127

ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 703. Л. 15, 22, 30.

128

Там же.

129

Там же. Л. 744.

Там же. Д. 282. Л. 2.

Иванов А.А. Указ. соч. С.158–163.

Материал данной статьи дополняет и расширяет сведения о мерах, предпринимаемых Временным правительством по организации пропуска граждан через государственную границу в Забайкалье и на Дальнем Востоке России в преддверии Гражданской войны, которая ранее были описаны в статье Соколенко А.В. Организация Временным правительством, властями РСФСР и Дальневосточной Республики порядка пересечения государственной границы в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1917–1922 гг. // Лубянские чтения-2020. Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности. Сборник материалов XXIV научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 27 ноября 2020 г. М.: Родина, 2021. С. 38–46.

133

Особый журнал совета министров. 19 октября 1916 г. Об установлении новых временных правил о выдаче заграничных паспортов и свидетельств на въезд в Империю. URL: docs.historyrussia.org/ru/nodes/6141-osobyy-zhurnal-soveta-ministrov-19-oktyabrya-1916-g-ob-ustanovlenii-novyh-vremennyh-pravil-o-vydache-zagranichnyh-pasportov-i-svidetelstv-na-vezd-v-imperiyu (дата обращения: 07.11.2019).

134

17 июня 1871 г. (здесь и далее все даты даны по старому стилю. — *А.С.*) по личному повелению Александра II пропуск лиц на основных путях международного сообщения России должен был быть передан от чинов таможни и портовых управлений к чинам Отдельного корпуса жандармов.

135

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-525. Оп. 2. Д. 1. Л. 2–3, 17–17 об.; Д. 2. Л. 1–20об., 22–29, 36–82.

136

Карчевская Н.И. Февраль 1917: крах полицейской системы имперской России // Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 845–846.

Котихина А.С. Сравнительно-правовой анализ таможенной системы второй половины XIX века с первой половиной XX века. URL: https://www.hse.ru/data/2013/11/04/1281577433/Сравнительно-правовой%20анализ%20таможенной%20..века%20с%20первой%20половиной%20XX%20века. pdf (дата обращения: 01.11.2021).

138

ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 7. Д. 41. Л. 48–51.

139

Там же. Л. 44.

Кондратов Е.Б. Реорганизация контрразведывательных органов на Дальнем Востоке в феврале-октябре 1917 г. структура и кадры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 117–118; *Печерица В.Ф.* Очерки истории дальневосточной таможни. В 2 ч. Ч. 1. 1899–1945 гг. Владивосток: ВФ РТА, 2002. С. 76–78.

141

РГИА ДВ. Ф. Р-525. Оп. 2. Д. 1. Л. 4; Там же. Д. 2. Л. 94–94об.

Кондратов Е.Б., Ципкин Ю.Н. Русская контрразведка на Дальнем Востоке в конце XIX в. — 1917 г. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Гродекова, 2017. С. 202–203.

143

РГИА ДВ. Ф. Р-525. Оп. 2. Д. 1. Л. 12; *Соколенко А.В.* Указ. соч. С. 39–40.

Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. / В.С. Христофоров, С.А. Коренков, А.Ю. Бондаренко и др. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 22, 24.

Кондратов Е.Б., Ципкин Ю.Н. Указ соч. С. 200–201, 203.

146

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Гл. ред. С.С. Хромов; Ред. кол.: Н.Н. Азовцев, Е.Г. Гимпельсон, П.А. Голуб и др. М.: Сов. Энциклопедия, 1987. С. 167.

147

Гантимуров И.П., Касаманов С.Н., Попенко А.В. Экономическая безопасность российского Дальнего Востока 1884–1934: монография. Хабаровск: ХПИ ФСБ России; Изд-во ДВГУПС, 2012. С. 60–64; *Синиченко В.В.* Создание пограничного и таможенного контроля советскими учреждениями Дальнего Востока в 1918 году // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Выпуск XVI. «Гороховая, 2». 2018. СПб: Любавич, 2018. С. 119, 121, 124–125.

148

ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 7. Д. 41. Л. 42–43.

149

Там же. Л. 121.

150

Там же. Л. 121–121об.

151

Там же. Л. 23–23об.

152

ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 7. Д. 41. Л. 24–24об.; Российский государственный исторический архив. Ф. 1276 (Совет Министров (1905–1917)). Оп. 12. Д. 90. Л. 35–35об. Доступ из официального сайта Президентской библиотеки Б.Н. Ельцина. URL: http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=33728 (дата обращения: 08.11.2019).

153

ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 7. Д. 41. Л. 3.

154

Там же.

Там же. Л. 3об.

Там же. Л. 34, 39–41, 45–47, 52–53, 55–60, 73, 78, 120–120об., 125–128 об., 134.

Буровский А.М. Самая страшная русская трагедия. Правда о Гражданской войне. Глава 6. Государство адмирала Колчака. URL: https://history.wikireading.ru/32683 (дата обращения: 05.04.2020).

Некрасова Л.В. Органы власти восточной контрреволюции в период колчаковщины. URL: https://zaimka.ru/nekrasova-authorities/ (дата обращения: 07.04.2020).

Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М.: Вече, 2015. С. 76–78.

160

ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 7. Д. 41. Л. 132.

161

Атаман Семёнов. Вопросы государственного строительства: Сборник документов и материалов. Чита: Поиск, 2002. С. 60–61, 63.

162

ГАРФ. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–10об., 25–26.

163

Там же. Л. 83–87.

Там же. Л. 17–19об., 24–28, 41–42, 44–44об., 56, 67–67об., 72–75, 78–78об., 90–90об., 94–96об., 99.

Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. М.: Воениздат, 1957. С. 247–260.

166

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–4.

167

Там же.

168

Будников Владимир Петрович, родился в 1891 г. в г. Смоленске, из мещан, окончил 6 классов Смоленского реального училища. С июня 1918 г. сотрудник Кинешемской ЧК, в декабре 1918 г. ушел добровольцем на фронт, красноармеец ЧОН при особом отделе Южного фронта. В феврале — июле 1919 г. уполномоченный активной части особого отдела Южного фронта. В июле 1919 г. откомандирован на Восточный фронт в распоряжение М.В. Фрунзе, в ноябре 1919 г. назначен помощником начальника особого отдела Туркестанского фронта. В январе-ноябре 1920 г. начальник регистрационного отделения при РВС 1 армии (г. Полторацк). В ноябре 1920 откомандирован в ОО ВЧК (г. Москва) в распоряжение Г.И. Бокия и направлен на работу в наркомат РКИ. 28 февраля 1921 г. откомандирован в ВЧК и назначен помощником начальника Спецотдела ВЧК, с 1 января 1922 г. секретарь Спецотдела ГПУ, с 1 октября 1922 г. откомандирован в распоряжение ЦК РКП(б).

169

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 18. Л. 31.

170

Там же.

171

Там же.

172

Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 385. Л. 1.

173

Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 18. Л. 33.

Там же. Л. 2.

175

Там же. Л. 3.

176

Там же. Л. 29–30

177

Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 296. Л. 9.

Там же. Л. 24.

179

Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. С. 20–21.

180

В. И. Ленин и охрана государственной границы СССР: сборник документов и статей. М.: Воениздат. 1970. С. 379–380.

181

Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта — 10 июля 1918 г. М.: Госполитиздат, 1959. С. 553–554.

182

Декреты Советской власти. Т. 4. 10 ноября 1918 г — 31 марта 1919 г. М.: Госполитиздат, 1968. С. 92–94.

183

Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля — 9 ноября 1918 г. М.: Госполитиздат, 1968. С. 268.

Там же. С. 372–373.

185

В. И. Ленин и охрана государственной границы СССР… С. 226.

Быстров С.А. Исторический опыт Советского государства по осуществлению кадровой политики в пограничных войсках СССР. 1918 — июнь 1941 гг.: дис. канд. ист. наук. М.: 1993. С. 29.

187

Из истории войск ВЧК и пограничной охраны: документы и материалы. 1917–1921. М.: Воениздат, 1958. С. 356–357.

Быстров С. А. Указ. соч. С. 70–71.

189

Декреты Советской власти. Т. 1. С. 242–243.

Там же. С. 244–245.

191

Там же. С. 242.

Там же. С. 356.

193

Там же. С. 356–357.

Декреты Советской власти. Т. 2. С. 153–155.

195

Летопись пограничных войск КГБ СССР. М.: Воениздат. 1981. С. 15–17.

Декреты Советской власти. Т. 2. С. 342.

197

Там же. С. 333.

198

Пограничные войска СССР. 1918–1928. Сборник документов и материалов. М.: «Наука», 1973. С. 114.

199

Пограничный округ: ретроспективный анализ (1960–1991 гг.) / Боярский В.И., Маслов К.Н., Нэх В.Ф. и др. М.: ПНИЦ ФСБ России, 2015. С 32.

Пограничные войска СССР 1918–1928… С. 9.

201

Декреты Советской власти. Т. 2. С. 515–517.

Летопись пограничных войск КГБ СССР. С. 19.

203

Декреты Советской власти. Т. 2. С. 541–544.

Там же. Т. 3. С. 605.

Там же. С. 192–193.

Там же. С. 193.

Плеханов А. М., Плеханов А. А. Отдельный корпус пограничной стражи на границе России (1893–1919): научно-популярное издание. М.: Граница. 2012. С. 426.

Пограничные войска СССР. 1918–1928… С. 10.

209

Летопись пограничных войск КГБ СССР. С. 24.

Там же. С. 28–29.

Там же. С. 30, 35.

212

Из истории войск ВЧК и пограничной охраны…С. 360.

213

Летопись пограничных войск КГБ СССР. С. 32.

Кобзов В.С., Шведов И.В. Урал в период потрясений 1917–1921 гг. Челябинск.: «Сити Принт», 2017. С. 76.

215

Там же.

216

Из истории ВЧК 1917–1921 гг.: Сборник документов. М.: Госполитиздат, 1958. С. 79.

Кирмель Н.С. Жандармерия и контрразведка России в годы первой мировой войны. М.: Вече, 2021. С. 22.

218

Из истории ВЧК 1917–1921 гг… С. 103.

219

Вепрев О., Лютов В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. Челябинск: Юж. — Урал. кн. изд-во, 2002. С. 151.

Там же. С. 157.

221

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

Там же. Л. 19–20.

223

Там же. Л. 38–39.

Там же. Л. 36.

Там же. Л. 37.

226

IX Всероссийский Съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1921. С. 6.

227

См. об этом подробнее: *Мозохин О.Б., Соколов А.С.* Реорганизация и упразднение Всероссийской чрезвычайной комиссии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 115–121.

Новоселов Д.С. Приступить немедленно к ликвидации ВЧК // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 51.

История отечественных органов внутренних дел. М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. С. 136.

˚См. об этом подробнее: *Лукьянчикова Л.В.* Организация и деятельность чрезвычайных комиссий при правительствах России в 1917 году: историко-правовой аспект // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Кн. 5. М.: Алгоритм, 2021. С. 33–52.

231

Постановления НКВД и НКЮ РСФСР от 5 октября 1918 г. «Положение об организации отделов уголовного розыска», от 13 октября 1918 г. «Об организации рабоче-крестьянской милиции (Инструкция)» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http: // www.libussr.ru (дата обращения: 3. 01. 2017); Постановление ВЦИК от 28 октября 1918 г. «О Всероссийской и местной чрезвычайных комиссиях» // Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 80. Ст. 242.

232

Известия ВЦИК. 1919. 4 ноября.

233

О мерах по усилению Западного и Юго-западного фронтов: Постановление СТО от 9 июня 1920 г. // В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 386; Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т.1. 1918–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 90.

234

Из протокола № 97 заседания Коллегии НКВД о согласовании действий ВЧК и НКВД от 14 ноября 1918 г. // Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. 1918 год. URL: https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1018358 (дата обращения: 03.12. 2021).

235

Статистический ежегодник, 1918–1920. Т. 8. Вып. 2. С. 58.

История отечественных органов внутренних дел. М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. С. 155–156.

Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): организационное строительство. М., 2004. С. 63–91, 93–194, 201.

Постановление ВЦИК от 1920 г. «Положение о рабоче-крестьянской милиции» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http: // www.libussr.ru (дата обращения: 13.01. 2017).

История МВД России 1917–1940 // Официальный сайт министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https: //xn-b1aew.xn-p1ai.ru (дата обращения: 13.01. 2021).

Саран А.Ю., Соколов М.В. Повседневность службы чекиста 1920-х гг. // История: факты и символы. 2020. № 2. С. 16–17.

241

В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 446.

Половецкий С.Д., Ченцов А.С. Деятельность органов и войск ВЧК — ОГПУ — НКВД СССР по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе (1920 — июнь 1941 г.) СПб., 2020. С. 44, 55. URL: https://publishing.intelgr.com/archive/deyatelnost-organov-i-voysk. (дата обращения 01.12.2021).

243

В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 448, 500.

Камалова Г.Т. Организационно-правовые основы деятельности советской милиции // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 4. Серия «Право». С. 15.

Половецкий С.Д., Ченцов А.С. Деятельность органов и войск ВЧК-ОГПУ — НКВД СССР по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе (1920 — июнь 1941 г.) СПб., 2020. С. 66. URL: https://publishing.intelgr.com/archive/deyatelnost-organov-i-voysk. (дата обращения: 01.12.2021).

Камалова Г.Т. Указ. соч. С. 16.

247

Об утверждении численного штатного состава милиции РСФСР и на всей сети железных дорог России и Украины, и об организации проверки ее численного состава на местах: Постановление СТО от 24 августа 1921 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: http:// docs.historyrussia.orq/ru/indexes/values/279 (дата обращения: 01.12.2021).

248

Об охране складов, пакгаузов и кладовых, а равно сооружений на железнодорожных и водных путях сообщения: Декрет ВЦИК и СТО от 9 декабря 1921 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: http:// docs.historyrussia.orq/ru/indexes/values/279 (дата обращения: 01.12.2021).

Капчинский О.И. ВЧК: организационная структура и кадровый состав: автореферат дисс… канд. ист. наук. М., 2005. С. 17.

250

Резолюция по вопросам новой экономической политики и промышленности; Резолюция о ВЧК // IX Всероссийский Съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1921. С. 292, 297.

Поляков А.В. Разработка реформы ВЧК (1921–1922 гг.) // Новый исторический вестник. 2002. № 2. С. 72–85.

Мозохин О.Б., Соколов А.С. Указ. соч. С. 115–121.

Христофоров В.С. Советские спецслужбы открывают Восток. М., 2019. С. 11–46, 61–105,116–158;57–115; *Его же.* История советских органов госбезопасности: 1917–1991 гг.: учебное пособие. М., 2015. *Его же.* Развитие государственного аппарата в 1922–1936 гг.: новые документы // От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности: Материалы Международной научной конференции, г. Москва, 28–29 сентября 2013 г. СПб., 2013. С. 490–499; *Его же.* Спецслужбы в советской системе власти // Российская государственность: опыт 1150 летней истории: Материалы Международной научной конференции. М., 2013. С. 356–380; *Его же.* ГПУ — ОГПУ (1922–1934 гг.) и проблемы исторической памяти // История российской государственности: Доклады Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина, Москва. М., 2021. С. 48–56.

254

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 5. 1927 г. М., 2003. С. 788.

Там же. С. 786.

Освещалось положение в Волынской, Донецкой, Екатеринославской, Запорожской, Киевской, Кременчугской, Николаевской, Одесской, Подольской, Полтавской, Харьковской, Черниговской губерниях.

257

Югосталь — Южный металлургический трест, объединение, созданное в 1921 г. в составе Петровского, Макеевского, Юзовского заводов и др. металлургических предприятий и рудников Украины, Северного Кавказа и Крыма при СНХ Украины; проводило большую работу по восстановлению черной металлургии в СССР, существовало до 1929 г.

258

В мае 1926 г. зафиксировано 89 забастовок с числом участников 19 575 с количеством потерянных человеко-дней — 37 136. Те же показатели за июнь — 113, 15 641, 19 085.

259

Петровский Г.И. возглавлял Всеукраинский ЦИК (1919–1938) и ЦИК СССР (1922–1938).

260

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2. 1924 г. М., 2001. С. 86.

261

Летом 1924 г. засуха и неурожай охватили 24 губернии СССР — центр страны, Юго-Восток, Украину, Поволжье, Киргизский край, Армению, Вятскую область.

262

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 4. 1926 г. М., 2001. С. 370.

Там же. Т. 3. 1925 г. М., 2002. С. 27.

Там же. Т. 4. 1926 г. М., 2001. С. 454.

265

Там же. С. 758.

Там же. С. 72.

Там же. С. 28.

Там же. Т. 3. С. *546*.

Крымский щит России/Л.В. Михайлюк и [др.]. Симферополь: Н. Оріанда, 2019. С.26.

270

Прошу доложить т. Дзержинскому: 95-летию создания органов безопасности в Крыму посвящается… Симферополь: Таврида, 2016. С. 11.

271

Архив МВД России по Республике Крым. Оп. 85. Д. 4. Л. 24.

Крымский щит России. С. 36.

273

Архив МВД России по Республике Крым. Оп. 85. Д. 5. Л.14.

Там же. Д. 6. Л. 27.

275

Там же. Д. 8. Л. 11–12.

Там же. Д. 11. Л. 41.

277

Емтыль З.Я. «Внимание на борьбу с так называемым прогрессивным духовенством…»: советская власть и мусульманское духовенство Северного Кавказа в 1920-е — начале 1930-х гг. (по материалам Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2010. № 1. С. 156.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 353. Л. 36.

Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 537. Л. 4.

280

Жанситов О.А. Воспоминания Г.С. Русакова о революционной деятельности в Кабарде и Балкарии // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-х годах (статьи и документы): бюллетень Кабардино-Балкарского республиканского правозащитного центра. Нальчик, 2011. Вып. 5. С. 22.

281

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 537. Л. 4.

282

Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 25. Оп. 1. Д. 72. Л. 24.

283

Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 40–41.

Кармов А.Х. Н.А. Катханов: роль и место в гражданской войне на Северном Кавказе // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 2 (43). С. 31–32.

285

УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп 1. Д. 54. Л. 9–21, 73–74.

Там же. Д. 115. Л. 46–47.

Правда. 1963. 20 сентября.

288

Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.) / [Ф. Бенвенути и др.]. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 539.

Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М.: Новый хронограф, 2016. С 300–301.

Ахмадов Я.З., Хасмагамадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веке. М.: Пульс, 2005. С. 683.

291

Шнайдер В.Г. Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 — конец 1950 годов): закономерности и противоречия. Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. С. 122.

Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.). С. 540–541.

293

Эльбуздукаева Т.У. Хроника «Первого разоружения Чечни» (20-е гг. XX в.) // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 15. 2015. № 1. С. 15–20.

Галицкий В.П. Организация и проведение операций по разоружению районов Северного Кавказа в 1920–1930 гг. // Тайная стража. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Кн. 3. М.: Родина, 2019. С. 210.

295

ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 431. Л. 100–104 об.

Там же. Д. 416. Л. 3.

Хаустов В.Н. Развитие советской спецслужбы (1917–1941) // Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. М.; Великий Новгород, 1999. С. 41.

298

Архивные материалы Управления ФСБ России по Хабаровскому краю (АМ УФСБ ХК). Ф. 65. Д. 1286. Л. 54.

299

На защите Отечества. Из истории Управления ФСБ РФ. Воспоминания сотрудников органов госбезопасности Хабаровского края в очерках, документах, рассказах, стихах и фотографиях. Хабаровск, 2001 С. 34.

300

Шинин О.В. Организация разведывательной деятельности органами безопасности на Дальнем Востоке в 1920–1941 гг. // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Книга 4. М., 2020. С. 285.

301

Буяков А.М. Органы государственной безопасности Приморья в лицах: 1923–2003 гг. Очерки. Биографический справочник. Владивосток, 2003. С. 61.

Байдаков А.И. Девятый вал. Победа над Японией // История российской внешней разведки. Очерки. В 6 т. Т. IV. 1941–1945 годы. М., 2014. С. 515.

303

Цит. по: *Хаустов В.Н.* Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР (1934–1941 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1998. С. 44.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 47, 90; *Федоров В.М.* Военно-морская разведка: история и современность. М., 2008. С. 236.

305

Кедров Ю.Л. «В то время на Дальнем Востоке» // Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 3: 1933–1941. М., 1997. С. 208.

306

Подробнее см.: *Аурилене Е.Е., Тужилин С.В.* «Осуществить задачу политического раскола эмиграции». Докладная записка начальника Управления НКГБ СССР по Хабаровском краю С.А. Гоглидзе наркому госбезопасности СССР В.Н. Меркулову и Программа первой передачи радиостанции «Отчизна». 1944–1945 гг. // Исторический архив. 2020. № 3. С. 83–96.

Николаев С. Маки-Мираж: Из истории отечественных спецслужб. Хабаровск, 2000. С. 206–210; На защите Отечества … С. 91; *Буяков А.М.* Указ. соч. С. 60 и др.

На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М., 1998. С. 386.

309

АМ УФСБ ХК. Ф. 65. Д. 1212 «а». Л. 126, 155.

310

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1560. Л. 34.

311

Там же. Л. 33.

312

Подробнее см.: Специфика взаимодействия специальных служб Японии и Германии в ущерб безопасности СССР накануне и в годы Второй мировой войны // Религия, стабильность, безопасность: Сборник научных трудов / Под. ред. О.Н. Сенюткиной. Н. Новгород, 2021. С. 43–55.

313

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. М., 1995. Т. 1. Накануне. Кн. 1. С. 39; *Леверкюн П.* Германская военная разведка. Шпионаж, диверсии, контрразведка 1935–1944; пер. с англ. М., 2011. С. 204–207.

314

ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 792«а». Л. 284; *Ведь И.Т.* Служба «Р». Рассказы из жизни радиоконтрразведчика. Хабаровск, 2010. С. 103.

315

Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб. М., 2002. С. 468; *Алексеев М.* «Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае. 1930–1933. М., 2010. С. 34, 712–714; Официальный сайт Службы внешней разведки РФ. URL: http://svr.gov.ru/history/person/stennes.htm (дата обращения: 08.12.2021).

316

Цит. по: *Пещерский В.Л.* «Друг» Гитлера // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 390.

317

Георгиев Ю.В. Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. М., 2007. С. 97; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 85.

Матвеев О.К. «Контрасты этой страны огромны…»: Путевые заметки германского разведчика о России 1937 г. // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. В 4 т. М., 2006. Т. 2. С. 140.

319

Цит. по: Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота / Сост. А.В. Полутов. Владивосток, 2002. С. 135.

Мировая война. 1939–1945 годы: сб. ст.; пер. с нем. М., 1957. С. 151; *Блюментрит Г.* Московская битва // Роковые решения. М., 1958. С. 73–74; Вопросы истории. 1965. № 5. С. 28; *Долгополов Ю.Б.* Указ. соч. С. 111–112; «Смерш». Исторические очерки и архивные документы / Рук. авт. коллектива В.С. Христофоров. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 130; Вторая мировая война на суше. Причины поражения сухопутных войск Германии; пер. с нем. М., 2011. С. 230.

321

Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945. М., 2015. С. 54.

322

Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. 66. Оп. 1. Д. 391. Л. 55.

323

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 116.

Там же. Л. 120.

ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. М. 2001. С. 193, 196–198.

326

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 93, 109.

327

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 684. Л. 54.

328

Государственный архив Камчатского края. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1196. Л. 121; ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1618. Л. 16; Там же. Д. 743. Л. 13.

329

Цит. по: *Ямпольский В.П.* «Наша контрразведка в Маньчжурии… почти равна нулю» // Военно-исторический журнал. 2002. № 3. С. 13.

330

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 13.

331

Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУРК «Смерш». 1939 — март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С. 112.

Ведь И.Т. Указ. соч. С. 108.

333

Там же. С. 25.

Щит и меч Приамурья. Книга об амурских чекистах. Благовещенск, 1988. С. 58.

85 лет. Федеральная служба безопасности России. Региональное управление по Читинской области. Чита, 2004. С. 14, 46.

336

Честь и верность … С. 155.

337

Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 6. С. 159.

Подробнее см.: *Ткачёва Г.А., Тужилин С.В.* «Трудно установить, кто является хозяином — мы или японцы». Японские концессии на советском Северном Сахалине в 1926–1944 гг.: нефть, уголь и… разведка // Военно-исторический журнал. 2021. № 12. С. 30–41.

339

Ямпольский В.П. «Наша контрразведка в Маньчжурии… почти равна нулю». С. 13; Очерки истории Камчатской областной партийной организации (1917–1985). Петропавловск-Камчатский, 1986. С. 112.

340

Цит. по: Дело взято из архива… Сборник очерков истории органов государственной безопасности Камчатки / Авт. — сост. и отв. ред. В.В. Слабука. Владивосток, 2008. С. 29–30.

341

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1618. Л. 33–46.

342

ГАХК. Ф. П-526. Оп. 1. Д. 411. Л. 531.

343

Там же. Л. 390.

Чумаков Н.С. Цена истины. Хабаровск. 2009. С. 200.

Чумаков Н.С. Указ. соч. С. 201; *Ведь И.Т.* Указ. соч. С. 26–27, 106, 124–125.

Яковлев Е. Товарищ Зорге. Документы, воспоминания, интервью о подвиге советского разведчика // Чекисты. Сб. М., 1970. С. 158, 161, 164, 167; *Болтунов М.Е.* Ахиллесова пята разведки. М., 1999. С. 45–65; *Федоров В.М.* Указ. соч. С. 245.

347

Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. чл. — корр. РАН Н.Н. Крадина, отв. ред. Г.А. Ткачёва (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 3). Владивосток, 2020. С. 496–497.

348

АМ УФСБ ХК. Ф. 65. Д. 1212. Л. 175.

349

Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945). Сб. док. / Авт. — сост. Е.Н. Чернолуцкая. Южно-Сахалинск, 1994. С. 96.

Тужилин С.В. Японские военные миссии на советском Дальнем Востоке // Великая Отечественная война. 1945 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2015. С. 200.

351

Битва за Крым 1941–1944 гг. [Исаев А.В. и др.]. М.: Эксмо: Яуза, 2016. С. 40.

Там же. С. 41.

353

Смерш: исторические очерки и архивные документы. [В. С. Христофоров и др.]. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во Главархива Москвы: Моск. учеб. и Картолитография, 2005. С. 257.

Остряков С.З. Военные чекисты. М.: Воениздат, 1979. С. 149.

355

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.: сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М.: Русь, 2000. С. 337–338.

Смерш: исторические очерки и архивные документы. С. 257.

Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля — 31 декабря 1942 года. М.: Вече, 2010. С. 29.

358

Смерш: исторические очерки и архивные документы. С. 258.

Лота В.И. Сорвать «Эдельвейс»: Советская военная разведка в битве за Кавказ (1942–1943). М.: Кучково поле, 2010. С. 228.

Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: ЗАО Издательство «Русь», 2003. С. 20.

Никольский Б.В. Схватка за Кавказ и Крым. Борьба разведок. 1942–1944 гг. М.: Вече, 2018. С. 59.

Зданович А.А. Смерш. Главный козырь Сталина. М.: Вече, 2018. С. 105.

363

Смерш: исторические очерки и архивные документы. С. 280.

Никольский Б.В. Указ. соч. С. 234.

Смерш: исторические очерки и архивные документы. С. 282.

Зданович А.А. Органы военной контрразведки в битве за Кавказ и освобождение Крыма. М.: Кучково поле, 2021. С. 311.

367

Там же. С. 388.

Чернявский В., Мадер Ю., Чуев С. Отто Скорцени — диверсант № 1. Взлет и падение гитлеровского спецназа. М.: Яуза-пресс поле, 2013. С. 266.

369

Там же. С. 293.

°Смерш: исторические очерки и архивные документы. С. 282.

371

Там же.

Там же. С. 280.

Абрамов В.А. Смерш: советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. М.: Яуза. Эксмо. 2005. С. 97.

Смерш: исторические очерки и архивные документы. С. 280.

Зданович А.А. Смерш. Главный козырь Сталина. М.: Концептуал, 2019. С. 77.

Север А.К. «Смерш». М.: Вече, 2020. С. 21.

Смерш: исторические очерки и архивные документы. С. 259.

Деревянко К.И. На трудных дорогах войны. В борьбе за Севастополь и Кавказ. М.: Вече, 2015. С. 371.

Там же. С. 374.

°Смерш: исторические очерки и архивные документы. С. 284.

381

Там же.

Там же.

383

Там же. С. 282.

Север А.К. Указ. соч. С. 155.

385

Смерш: исторические очерки и архивные документы. С. 282.

Указ Президента РФ от 30 июля 2021 г. № 442 «О Межведомственной комиссии по историческому просвещению». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47084 (дата обращения: 10. 10. 2021).

Йокипии М. Финляндия на пути к войне. Петрозаводск: Карелия, 1999. С. 145–146.

388

Архив УФСБ России по Республике Карелия. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 76. Л. 9–14. Опубл.: Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. М., 2011. С. 589.

389

Архив УФСБ России по Республике Карелия. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 76. Л. 126–160. Опубл.: Великая Отечественная война. 1941 год… С. 611.

Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2011. С. 244–247.

391

ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Л. 223–224. Опубл.: Великая Отечественная война. 1941 год… С. 655.

Великая Отечественная война. 1941 год… С. 422–464.

Там же. С. 497–513.

394

ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 201. Л. 131–133. Опубл.: Великая Отечественная война. 1943 год: Исследования, документы, комментарии. М., 2013. С. 466–525.

395

Веригин С. Противостояние. Борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1945). Петрозаводск, 2018. С. 153.

396

ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 89. Д. 131. Л. 2–86. Опубл.: Великая Отечественная война. 1943 год… С. 466–525.

397

Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 653. Л. 1–81. Опубл.: Там же. С. 532–616.

398

Там же. Д. 981. Л. 11–42. Опубл.: Там же. С. 634–635.

399

Там же. Д. 500. Л. 49. Опубл.: Там же. С. 636–642.

400

Там же. Д. 502. Л. 247–251. Опубл.: Там же. С. 650–654.

401

Там же. Оп. 2. Д. 950. Л. 1–77. Опубл.: Великая Отечественная война. 1944 год: Исследования, документы, комментарии. М., 2014. С. 444–504.

402

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 26. Д. 139. Л. 242–256. Опубл.: Великая Отечественная война. 1944 год… С. 630–347.

Великая Отечественная война. 1945 год: Исследования, документы, комментарии. М., 2015. С. 406–440.

404

ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 860. Л. 94–97. Опубл.: Великая Отечественная война. 1945 год…С. 434–440.

405

Там же. Д. 1028. Л. 326–383. Опубл.: Там же. С. 446–477.

Там же. Л. 384–468. Опубл.: Там же. С. 477–525.

407

Там же. Д. 1122. Л. 17–20. Опубл.: Там же. С. 538–545.

408

Архив УФСБ по Саратовской области. Ф. 40. Оп. 2/1а. Д. 303. Л. 1–36. Опубл.: Великая Отечественная война. 1945 год… С. 630–661.

Создававшиеся в Советской республике в те годы военные учебные заведения именовались «курсами», «школами», либо «высшими школами». Такой же статус получило и новое высшее учебное заведение пограничной охраны, формируемое на основе приказа ОГПУ № 510 от 30 ноября 1923 г. Оно получило наименование «Высшая пограничная школа ОГПУ». В исследуемом периоде ее название несколько раз менялось: с 28 июля 1934 г. — Высшая пограничная школа НКВД; с 20 апреля 1937 г. — Школа совершенствования командного состава пограничной и внутренней охраны НКВД; с 22 апреля 1939 г. — Высшая школа войск НКВД; с 28 декабря 1943 г. — Высшая офицерская школа войск НКВД; с 28 мая 1946 г. — Высшая офицерская школа войск МВД. В настоящей статье, помимо официальных наименований, мы, для удобства, будем использовать следующие сокращения — ВПШ, Школа.

Правда. 1941. 24 июня.

411

ГАРФ. Ф. Р-9422. Оп. 2. Д. 9. Л. 40.

412

Исторический формуляр Пограничной академии ФСБ России. Т. 1. Л. 200.

413

Центральный пограничный музей ФСБ России. ДНВ-332.

414

Исторический формуляр Пограничной академии ФСБ России. Т. 1. Л. 200.

415

Там же. Л. 243.

416

Центральный пограничный архив ФСБ России. Ф. 706. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 112.

417

Там же.

418

ГАРФ. Ф. Р-9422. Оп. 2. Д. 9. Л. 36.

419

Там же. Л. 41.

Золотые Звёзды Академии. М.: Издательская группа «Граница», 2008. С. 49.

421

Московский военный институт ФПС России: вехи становления, развития и совершенствования. М.: ООО «Издательский дом «Граница», 2001. С. 5.

422

Кутовой А.А., Морихин В.Е. Традиции и ритуалы Московского пограничного института ФСБ России: история и современность. М.: Издательство МПИ ФСБ России, 2020. С 196–200.

Кутовой А.А., Морихин В.Е. Указ. соч. С. 50–53.

Московский военный институт ФПС России. М.: Издательство «Граница»,1999. С. 16–20.

425

Полвека в боевом строю. Краткий очерк истории ВПККУ КГБ СССР им. Моссовета (1932–1982 гг.). М.: Издательство ВПККУ им. Моссовета, 1982. С. 34–42.

Московский военный институт ФПС России… С.17–18.

427

Полвека в боевом строю. Краткий очерк истории ВПККУ КГБ СССР им. Моссовета (1932–1982 гг.). М.: Издательство ВПККУ им. Моссовета, 1982. С.61–64.

Московский военный институт ФПС России… С. 17–18.

Там же. С. 21–27.

Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. С. 341.

431

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2. Д. 5328. Л. 33.

432

Иванов В.А. Политико-экономическая характеристика некоторых районов Карельского перешейка в конце 1940-х годов (по материалам спецсообщений ГО и РО МВД Ленинградской области) // Карельский перешеек в годы войны и мира: Сб. материалов конференции 12–13 ноября 2009 г. СПб.: Исторический факультет СПБГУ, 2010. С. 194.

433

Бернев С.К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941–1944 гг.: цели, основные направления, крах: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 22.

Ломагин Н.А. Указ. соч. С. 430.

435

ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2б. Д. 1326. Л. 29–35.

Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. М.; Великий Новгород, 1999. С. 97.

437

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 5. Кн. 1. Вперед на запад (1 января — 30 июня 1944 г.). М.: Кучково поле, 2007. С. 370–383.

438

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. Начало (1 сентября — 31 декабря 1941 года). М.: Издательство «Русь», 2000. С. 413–415.

439

Там же. С. 414.

440

ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5328. Л. 57–68 об.; 116–119.

441

Там же. Л. 120–123.

Там же. Л. 116–119.

443

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 5. Кн. 1. С. 49–51.

Христофоров В.С. История советских органов госбезопасности: 1917–1991 гг.: учеб. пособие. М.: РГГУ, 2015. С. 269.

445

Отдел архивной информации Информационного центра Главного Управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л. 1–2.

446

ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5328. Л. 135, 136.

447

ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 272–273.

448

Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны / А.Х. Даудов, Ю.М. Кунцевич, М.В. Ходяков; под общей редакцией Н.М. Кропачева. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. С. 113–115.

449

Ямпольский В.П. «…Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М.: Кучково поле, 2008. С. 183.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 707.

451

ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 28. Оп. 1. Д. 6. Л. 45.

Говоров И.В. Репатриация на Северо-Западе РСФСР 1944–1949 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 16.

453

ЦГАИПД СПб. Ф. 2243. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

Юшкевич В.В. Коллаборационисты: основные категории и мотивы сотрудничества с нацистским оккупационным режимом // Исторические чтения на Лубянке. 2000 год. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., В. Новгород, 2001. С. 89–94.

455

Бернев С.К. Виновным себя признаю… // Следствие продолжается…: Кн. 2 / сост. В.В. Егерев. СПб.: Специальная Литература, 2008. С. 54.

456

ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 116.

Там же. Д. 117. Л. 211–212.

458

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 5. Кн. 2. Границы СССР восстановлены. 1 июля — 31 декабря 1944 года. М.: Кучково поле, 2007. С. 6.

459

Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР “Смерш”. 1939 — март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Под общей ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД: Материк, 2006. С. 366–367.

Великая Победа. М.: МГИМО — Университет. Т. 10: Война в эфире, 2013. С 48.

461

ГАРФ. Ф. р-7523. Оп. 7. Д. 593. Л. 142–153.

462

Purple — американское кодовое название японской шифровальной машины, известной в Японии как «Алфавитная пишущая машина типа 97».

463

ГАРФ. Ф. р-7523. Оп. 7. Д. 593. Л. 64.

Великая Победа. Т.10: Война в эфире. С. 80.

465

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 38650. Оп. 1 Д.17. Л.21.

466

Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Номер шкафа: 149. Номер ящика: 12.

467

РГВА. Ф. 38650. Оп.1. Д. 617. Л.77.

Козленко И. Охотники за позывными // На боевом посту. 2016. № 11. С. 40.

469

РГВА. Ф. 38650. Оп.1. Д.17. Л. 167; Д. 615. Л. 528.

Там же. Д. 9. Л. 479–486.

Там же. Д. 609. Л. 84.

Великая Победа. Т.10: Война в эфире. С. 68.

Макаров В. Страницы истории советской радиоконтрразведки. Великая Отечественная война // Радио. 2017. № 11, 12.

ЦАМО. Ф. 369. Оп. 6725. Д. 37. Л. 526–527.

475

Там же. Номер шкафа: 204. Номер ящика: 23.

476

Там же. Номер шкафа: 17. Номер ящика: 25.

477

Там же. Номер шкафа: 67. Номер ящика: 33.

478

Там же. Номер шкафа: 161. Номер ящика: 17.

479

Там же. Номер шкафа: 665. Номер ящика: 1041.

Там же. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2269. Л. 54.

481

Ларин Д. Дешифровка по слогам // ФСБ: за и против. 2015. № 4(38). С.33.

482

Вольхин А.И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 344.

483

Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области (АУФСБСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 304–309.

Там же. Д. 265. Л. 96.

Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 17.

Кожевников М.В. История советского суда. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 347; Советское уголовное право. Общая часть / под ред. В.Д. Меньшагина, Н.Д. Дурманова, Г.А. Кригера. М.: Издательство Московского университета, 1969. С. 268–269.

487

Герцензон А.А., Ошерович Б.С. Советское уголовное право: краткий учебник для юридических школ и курсов. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937. С. 78.

Ведомости Верховного Совета СССР. 1950. № 3.

489

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9474. Оп. 1. Д. 166. Л. 35–36.

490

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2000. С. 434.

491

Там же.

492

ГАРФ. Ф. Р–9474. Оп. 1. Д. 149. Л. 12–13.

493

Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. С. 268, 270.

Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1955. 18 сентября.

Население России в XX веке: исторические очерки: в 3-х т. Т. 2. 1940–1959. М.: РОССПЭН, 2001. С. 164.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. 1. Курск: ГУИПП «Курск», 1999. С. 481.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. С. 459.

498

Советское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.Д. Меньшагина, Н.Д. Дурманова, Г.А. Кригера. М.: Издательство Московского университета, 1971. С. 31.

Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 10.

500

°Советское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.Д. Меньшагина, Н.Д. Дурманова, Г.А. Кригера. М.: Издательство Московского университета, 1971. С. 31–32.

501

Вестник границы России. 1995. № 12.

502

Ситуация в Таджикистане глазами лидера оппозиции // Вестник границы России. 1995. № 10.

503

Пяндж — река фронтовая. Очерки и путевые заметки. М., 1998.

Калай-Хумб: три взгляда на трагедию, которая унесла жизни 22 пограничников // Вестник границы России. 1995. № 8.

505

Уйти, чтобы остаться // Независимое военное обозрение. 1998. № 45 (119).

506

Проблемы должны решаться только мирными средствами // Вестник границы России. 1995. № 1. С. 50–54.

Пограничник Содружества. 1995. № 2.

508

Главная задача — противодействие наркобизнесу // Независимое военное обозрение. 1997.

«Мы благодарны России» // Независимое военное обозрение. 1998. № 30 (104).

Душанбе ориентируется на тесное сотрудничество с Москвой // Независимое военное обозрение. 1997. № 33.

511

Пограничники Таджикистана: этап консервации застав // Красная звезда. 1998. № 248–249.

512

Там же.

513

Уйти, чтобы остаться // Независимое военное обозрение. 1998. № 45 (119).

Пограничники Таджикистана: этап консервации застав // Красная звезда. 1998. № 248–249.

515

«Мы должны выполнять приказ» // Независимое военное обозрение. 1998. № 25.

Гриднева Г., Жуков В. Российские пограничники «уходить из Таджикистана не собираются» // ИТАР-ТАСС. 2004. 27 января.

Сидоров О. Вывод российских погранвойск с таджикско-афганской границы: чья выгода? // Gazeta.kz. 2004. 30 декабря.

518

Там же.

Куликов В. Сегодня в Пянджском отряде официально спустят российский флаг // Российская газета. 2005. 13 июля.

Емельянова Н.М. Дарваз: религиозная и культурная жизнь таджикско-афганского приграничья. М., 2007.

521

ИА «Ховар». 2007. 29 января.

522

Талибы приветствуют российских пограничников. Линия фронта стремительно продвигается вдоль границ СНГ // Независимое военное обозрение. 1998. № 34 (108).

523

О мерах по стабилизации обстановки на участке государственной границы Республики Таджикистан с Афганистаном. Решение Совета глав государств от 22 января 1993 г. URL.: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=13507 (дата обращения: 10.11.2021).

О ходе выполнения Решений Совета глав государств «О мерах по стабилизации обстановки на участке государственной границы Республики Таджикистан с Афганистаном» и «О дополнительных мерах по стабилизации обстановки в Республике Таджикистан» от 22 января 1993 г. Решение СГП СНГ от 12 марта 1993 г. URL.: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=13588 (дата обращения: 10.11.2021).

Соглашение от 24 сентября 1993 г. «О Коллективных миротворческих силах и совместных мерах по их материально-техническому обеспечению». URL.: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=13990 (дата обращения: 10.11.2021).

526

О сроке пребывания, составе и задачах Коллективных миротворческих сил в Республике Таджикистан. Решение СГГ СНГ от 15 апреля 1994 г. URL.: https://base.garant.ru/1119500/ (дата обращения: 10.11.2021).

527

О дополнительных мерах по стабилизации обстановки на таджикско-афганской границе. Решение СГГ СНГ от 15 апреля 1994 г. URL.: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=14412 (дата обращения: 10.11.2021).

528

О продлении срока действия Решения Совета глав государств Содружества Независимых Государств «О мерах по стабилизации обстановки на участке государственной границы Республики Таджикистан с Афганистаном». Решение СГГ СНГ от 21 октября 1994 г. URL.: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=14728 (дата обращения: 10.11.2021).

О продлении срока пребывания Коллективных миротворческих сил в Республике Таджикистан. Решение СГГ СНГ от 28 марта 1997 г. URL.: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=16308 (дата обращения: 10.11.2021).

О Коллективных миротворческих силах в Республике Таджикистан. Решение СГГ СНГ от 21 июня 2000 г. URL.: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=18183 (дата обращения: 10.11.2021).

531

Официальный сайт Федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего профессионального образования Московский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации. URL: http://mpi.fsb.ru/r4/index.html (дата обращения: 10.11.2021).

532

Московское Краснознамённое — Краткий исторический очерк по истории Московского высшего пограничного командного училища. М.: Политотдел МВПККУ, 1973. С. 47.

533

Московский военный институт ФПС России: вехи становления, развития и совершенствования. М.: Издательский дом «Граница», 2001. С. 44.

Там же. С. 49.

535

В статье использованы воспоминания ветерана пограничных войск и ветерана Московского высшего пограничного командного училища КГБ СССР при Совете Министров СССР имени Моссовета и Московского пограничного института ФСБ России, участника и организатора обучения иностранных граждан, доцента полковника в отставке И.М. Падий.

536

Львовский М. Школа террористов с марксистским уклоном: 40 лет назад в Крыму появился Центр подготовки бойцов и командиров для повстанческих армий стран Азии и Африки // Сегодня: Ежедневная общественно-политическая газета. К.: ЗАО «Издательская группа „Сегодня“». 2005. 22 апреля. № 90 (2032).

Экс-сотрудник ЦРУ: разведка США уступает российской и терпит провалы. URL: https://ria.ru/20160131/1367988556.html (дата обращения: 29.07.2021).

На страже безопасности Отечества: воспоминания, статьи, документальные материалы. Управление ФСБ России по Владимирской обл. Владимир, 2007. С. 158–168; Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии. Петрозаводск, 2008. С. 320–322; *Осипов А.В., Харламов В.А.* История нижегородских органов безопасности: 1917–2006 гг. В 2 т. Т. 2. Н. Новгород, 2007. С. 259–263; *Руденко В.Г.* Особая миссия. Сотрудники КГБ СССР вспоминают об Афганской войне 1979–1989 гг. Воронеж, 2011. С. 66–86, 93–126, 155–204; *Христофоров В.С.* Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. М., 2016. С. 307; Служение Отечеству. Воспоминания, статьи, документы. 1917–2005 гг. в 2 кн. Кемерово, 2005. Кн. 2. 1945–2005 гг. С. 261–286; Щит и меч Поморского Севера. Архангельск, 2006. С. 195–211 и др.

Академия Федеральной службы безопасности Российской Федерации. URL: http://academy.fsb.ru/i_hist_8.htmlhttps://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/986608 (дата обращения: 28.10.2021).

Альма-матер СВР снова носит имя Юрия Андропова, рассказал Нарышкин // Рамблер/новости. URL: https://news.rambler.ru/education/45158046-alma-mater-svr-snova-nosit-imya-yuriya-andropova-rasskazal-naryshkin/ (дата обращения: 31.10.2021).

541

Высшие курсы контрразведки КГБ СССР в г. Ташкенте образованы в 1971 г., упразднены в 1991 г. в соответствии с постановлением Кабинета министров при президенте Республики Узбекистан. См.: О филиале учебного центра спецфакультетов краснознаменного института КГБ СССР им. Ю.В. Андропова и Высших курсах КГБ СССР в г. Ташкенте. URL: https://lex.uz/ru/docs/1031511 (дата обращения: 28.10.2021).

Кадровая служба органов безопасности: история и современность. 2-е изд., перераб., доп. М., 2018. С. 201.

543

Афган: война без линии фронта. Сборник воспоминаний воронежцев, участников Афганской войны. Воронеж, 2016. С. 106–139; *Христофоров В.С.* Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. М., 2016. С. 36; Чекисты Ленинграда в Афганистане. К 30-летию ввода и 20-летию вывода советских войск из Афганистана. СПб., 2011. С. 53–88, 97–112, 142–206, 237–246, 272–280.

Христофоров В.С. КГБ СССР в Афганистане. К 25-летию вывода советских войск из Афганистана. М., 2014. С. 5; *Его же.* Советские спецслужбы открывают Восток. М., 2019. С. 189.

Бойцы отрядов «Зенит» находились в Афганистане несколько недель, «Каскад-1» и «Каскад-2» — по 6 месяцев, «Каскад-3» — 9 месяцев, «Каскад-4» — 1 год, «Омега» — 1 год.

546

Курсы усовершенствования офицерского состава созданы в 1969 г. в составе Высшей школы КГБ СССР, находились в оперативном подчинении Первого главного управления (разведка) КГБ при СМ СССР.

547

Юрин Ф.И. Челябинские чекисты в Афганистане. Сборник очерков и воспоминаний. Челябинск, 2019. С. 14–15, 20, 92–93, 99, 185

Руденко В.Г. Особая миссия. Сотрудники КГБ СССР вспоминают об Афганской войне 1979–1989 гг. Воронеж, 2011. С. 7–42, 143–154.

549

Более подробно об оперативно-боевой деятельности отрядов специального назначения КГБ СССР «Зенит», «Каскад-1,2,3,4» и «Омега», а также об оказании ими помощи афганским органам государственной безопасности см.: *Лобачев Г.С.* Команда «Карпаты-1» отряда спецназначения «Каскад. Одесса, 2006; *Христофоров В.С.* КГБ СССР в Афганистане. К 25-летию вывода советских войск из Афганистана. М., 2014. С. 43–48; Чекисты Ленинграда в Афганистане. К 30-летию ввода и 20-летию вывода советских войск из Афганистана. СПб., 2009. С. 89–96, 216–222, 230–236.

550

Военная контрразведка КГБ СССР в Афганистане: Воспоминания сотрудников Особого отдела КГБ СССР по Ленинградскому военному округу. 1979–1991 гг. К 30-летию ввода и 20-летию вывода советских войск из Афганистана. СПб., 2010; *Руденко В.Г.* Особая миссия. Сотрудники КГБ СССР вспоминают об Афганской войне 1979–1989 гг. Воронеж, 2011. С. 127–142, 205–219.

551

Становление и развитие в Сибири системы подготовки кадров отечественных органов безопасности // Органы государственной безопасности Сибири и Забайкалья. Новосибирск, 2017. С. 128–129.

Новосибирская школа контрразведки. М., 2005. С. 103.

553

Соколов Борис Иннокентьевич — военный контрразведчик, Герой Советского Союза // Региональное объединение ветеранов военной контрразведки Западного военного округа. URL: https://uvkr.ru/cokolov-boris-innokentevich-voennyj-kontrrazvedchik-geroj-sovetskogo-soyuza.html (дата обращения: 28.10.2021).

Петров Н.В. Кто руководил органами безопасности. 1941–1954: Справочник. М.: Мемориал, Звенья, 2010. С. 777.

555

Север А. «Смерть шпионам!» Военная контрразведка СМЕРШ в годы Великой Отечественной войны. М.: Яуза-Эксмо, 2009. С. 346.

556

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. М.: Русь, 2000. Т. 2. Кн. 2. С. 383–384.

557

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. М.: Русь, 2008. Т. 3. Кн. 1. С. 322–323.

Там же. Кн. 2. С. 468–473.

559

Бондаренко А. «Могу честно смотреть людям в глаза…» // Красная Звезда. 2019. 8 октября.

Там же.

561

Там же.

562

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. М.: Русь, 2008. Т. 4. Кн. 1. С. 397–398.

Север А. Указ. соч. С. 347.

564

Из Варшавы, Москва, товарищу Берия… Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945. М.: Ин-т славяноведения РАН; Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. С. 269–270.

Петров Н.В. Указ. соч. С. 778.

Входило в структуру 5-го отдела ГУГБ под руководством П.М. Фитина.

Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка — Кремль. 1930–1950 годы. М.: Олма-пресс, 1998. С. 257.

Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 3. 1933–1941 годы. М.: Международные отношения, 1997. С. 425.

Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 280–282.

Берия (Гегичкори) С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994. С. 289.

Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 280–282.

Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 108.

Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. С. 13-15.

Холловэй Д. Указ. соч. С. 118.

Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 4. 1941–1945 годы. М.: Международные отношения, 1999. С. 692.

Создание первой советской ядерной бомбы. М.: Энергоатомиздат, 1995. С.40–45.

Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 278–279.

Очерки истории российской внешней разведки… С. 425.

Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М.: РОССПЭН, 1996. С. 211.

Очерки истории российской внешней разведки… С. 675.

Симонов Н.С. Указ. соч. С. 212; *Холловэй Д.* Указ. соч. С. 122.

Феклисов А.С. Подвиг Клауса Фукса // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 48.

Александров А.П. Воспоминания о Курчатове профессора Александрова А.П. М.: Наука, 1988. С. 135.

Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 292.

Там же. С. 300.

Rhodes R. The making of the Atomic Bomb. N.Y.: Simon and Schuster, 1986. P. 221.

Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 300.

Симонов Н.С. Указ. соч. С. 217.

589

Левшин Б.В. Указ. соч. С. 98.

Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 315.

591

Создание первой советской ядерной бомбы. С. 208.

Симонов Н.С. Указ. соч. С. 214.

593

Курчатов И.В. Избранные труды: в 3 т. Т.3. Ядерная энергетика. М.: Наука, 1984. С. 85–87.

Холловэй Д. Указ. соч. С. 257.

Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 326–327.

Берия (Гегичкори) С.Л. Указ. соч. С. 286.

Михайлов В.Н. Ядерные испытания СССР. Том 1. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1997. С. 197.

598

Думкин А.А. Курс американской внешней политики в Восточной Азии и Тихом океане, направленный на нанесение ущерба государственной безопасности СССР в Дальневосточном регионе в 1950 — начале 1960 гг. // Альманах КАЗАЧЕСТВО. 2019. № 39. С. 59.

599

Американский легион — в США общественно-политическая и военно-патриотическая организация ветеранов войн, последовательно придерживающаяся правоконсервативной ориентации. Основана в 1919 г.

Mamatey B. The World in the Twentieth Century. New York, 1962. P. 573.

Trachtenberg M. A «Wasting Asset»: American Strategy and the Shifting Nuclear Balance, 1949–1954. // International Security. — Winter 1988/89 (Vol. 13, N. 3). P. 7–9.

Киссинджер Г. Ядерное оружие и внешняя политика. М.: Издательство Иностранной литературы, 1959. С. 55–56.

603

Зуев А.И. Спасти и сохранить. Таганрог: ООО «Издательство «Лукоморье»», 2011. С. 251–252.

604

Сизенко А.Г. Всё о спецслужбах России и СССР. Ростов-на-Дону: Владис, 2010. С. 284–286, 288, 290–291; *Его же.* Спецслужбы России и СССР. От Приказа тайных дел до наших дней. Ростов-на-Дону: Владис, 2010. С. 290–291, 293.

605

Лушин А.И. Советское государство и оппозиция в середине 1950–1980-х годов: Монография. СПб: Изд-во Северо-Западной академии государственной службы, 2011. С. 385, 388–389.

606

Королёва Л.А., Королёв А.А. Власть и диссидентство в СССР. 1950-1980-е гг.: итоги и уроки. Пенза: ПГУАС, 2011. С. 5–6, 29, 174–175, 177–178, 182–183, 243, 246; *Их же.* Оппозиционное движение в СССР. 1940–1980 гг.: обзор историографии и источников: монография. Пенза: ПГУАС — ПИРО, 2012.

Солдатов А., Бороган И. Указ. соч. С. 104–105, 107.

Смыкалин А.С. Идеологический контроль и Пятое управление КГБ СССР в 1967–1989 гг. // Вопросы истории. 2011. № 8. С. 34–36, 40.

609

Медведев Р.А. Андропов. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 130, 134–135, 146.

610

Серебрякова Е.Г. От «шестидесятничества» к «диссидентству»: несколько слов об эволюции явления // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. Вып. 4. С. 79–80, 82.

611

Семанов С.Н. Секретная миссия Андропова. М.: Яуза-каталог, 2014. С. 82, 104, 168, 211, 242–243; *Его же.* Андропов. Семь тайн генсека. М.: Вече, 2001.

612

Большаков В.В. Диссиденты против пятой колонны. Беседы о роли интеллигенции в судьбе современной России. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. С. 13, 16-17, 310.

613

Млечин Л.М. Андропов. СПб: ООО «Издательство «Пальмира»; М.: ООО «Книга по Требованию», 2017. С. 189–190, 200, 202, 205, 209–211; *Его же.* КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. 3-е изд., доп. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2001; *Его же.* Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. С. 152–182.

614

Христофоров В.С. Советские спецслужбы в истории международных отношений XX века. Тезисы выступления на международной научно-практической конференции РГГУ «Университетский потенциал исторического образования в контексте современной модернизации», г. Москва, 10–11 февраля 2011 г. // История страны в документах архивов ФСБ России: Сборник статей и материалов. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2013. С. 732, 734.

615

Хлобустов О.М. История службы государственной безопасности. От Хрущёва до Путина. СПб: ООО «Издательство «Пальмира»»; М.: ООО «Книга по Требованию», 2018. С. 190.

616

Хлобустов О.М., Левшин Ю.Л. История столичного управления КГБ СССР. «Мы отвечали за всё…». М.: Вече, 2021. С. 158.